

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Издание Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

6

1991

6/1991

**Издание
Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)**

*Почетный президент,
основатель МАДПР*
Юлиан СЕМЕНОВ

Главный редактор
Артем БОРОВИК

Зам. главного редактора
Евгения СТОЯНОВСКАЯ

Редакционный совет:

Алесь АДАМОВИЧ, писатель
(Беларусь)

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, писатель
(Грузия)

Карл Арне БЛОМ, писатель (Швеция)

Лаура ГРИМАЛЬДИ, писатель
(Италия)

Павел ГУСЕВ, журналист (Россия)

Хуан МАДРИД, писатель (Испания)

Ян МАРТЕНСОН, писатель, зам.
генерального секретаря ООН (Швеция)

Андреу МАТИН, писатель (Испания)

Раймонд ПАУЛС, композитор (Латвия)

Иржи ПРОХАЗКА, писатель
(Чехо-Словакия)

Роджер САЙМОН, писатель (США)

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, поэт
(Казахстан)

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ, композитор
(Россия)

Александр ЭЙДИНОВ, издатель
(Россия)

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Выпуск 6(16) 1991

Издается с 1989 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ладислав Фукс Дело советника криминальной полиции	3
Сергей Таск Ни ты, ни я	169
Геннадий Гацура Курортная мафия	220

ЭКСПЕРТИЗА

ПУТЧ: ДО, ВО ВРЕМЯ, ПОСЛЕ...	
Даниил Гранин Чем жив писатель?	287
В.Кардин "Загадка" Горбачева	301
Станислав Говорухин Сумеем ли распорядиться победой?	312
Лев Аннинский Зубная боль	318
Валентин Королев Я в момент истины	328
Владимир Корнилов Ветхие мехи	334
Леонид Жуховицкий Письмо к шведскому другу	340
Валерий Полищук "Мы, оглядываясь, видим лишь руины..."	348

**ББК 94.3
Д 38**

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 6

Ответственный за выпуск Н.Б. Мордвинцева
Редактор С.А. Морозов
Художники А.Д. Бегак, В.Г. Прохоров
Художественный редактор А.И. Хисиминдинов
Младший редактор Е.Б. Тарасова
Корректор Л.П. Агафонова
Технический редактор Л.А. Крюкова
Технолог С.Г. Володина
Наборщики Т.В. Благова, Р.Е. Орешенкова

Сдано в набор 14.10.91. Подписано в печать 02.01.92.
Формат издания 84х108/32. Бумага газетная 50 г/м².
Гарнитура универс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 24,56.
Тираж 400 000 экз. (4-й завод 300 001—400 000 экз.)
Заказ № 568. Изд. № 8972. Цена договорная.

Издательство "Новости"
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7

Московская штаб-квартира МАДПР
103786, Москва, Зубовский б-р, 4

Типография Издательства "Новости"
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46

В случае обнаружения полиграфического брака просьба
обращаться в типографию Издательства "Новости"

**Детектив и политика. — Вып. 6. — М.:
Изд-во "Новости", 1991. — 352 с.**

ISSN 0235—6686

**4700000000
067 (02)—91** Без объявл.

© Составление, перевод, оформление.
Московская штаб-квартира Международной ассоциации
"Детектив и Политика" (МАДПР)
Издательство "Новости", 1991

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ладислав Фукс

ДЕЛО СОВЕТНИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ

В первый и единственный раз Ладислав Фукс издавался у нас двадцать лет назад (роман "Вариации для темной струны", "Прогресс", 1970). Издан был "по инерции", ибо окончательный разгром "пражской весны", отставка Дубчека в 1970 году закрыли и ему, и десяткам других чешских и словацких писателей — не обязательно эмигрантов — путь к советскому читателю.

Роман "Дело советника криминальной полиции" написан в 1969—1970 годах и вышел в 1971 году.

---

*Жизнь была бы намного радостнее,
если бы она у всех вызывала
одинаковые чувства.*

*Справедливое наказание равноценно
заслуженной награде.*

I

Мелкий сверкающий снег запорошил город. Побелели широкие шоссе, тротуары, побелели скопища автомобилей, парковые скульптуры и каменные перила мостов. И хотя время приближалось лишь к полудню, одна за другой зажигались тысячи световых реклам, и все это разноцветье огней раскрасило заиндевевые хвойные ветви, а из больших магазинов на посеребренные улицы полилось нежное детское пение, звон колокольчиков и органная музыка.

В седьмом классе государственной гимназии, носящей имя величайшего педагога всех времен, к последнему уроку оставались тридцать пять учеников, хотя и они скорей

всего давно улизили бы, не удержала бы ни стеклянная стена — в сущности, единственное в классе, зато гигантское окно, — ни белоснежная доска, на которой писали черным мелом, а точнее углем, так как кто-то решил, что это полезнее для глаз. Не удержал бы и страх наказания после каникул — удивительно, но факт: гимназисты остались ради преподавателя, на долю которого выпал этот последний урок. Итак, профессор, как принято называть учителей в гимназии, стоял у вполне современного столика, заменяющего кафедру, и говорил:

— Вы почти все достигли совершеннолетия или приближаетесь к нему. Многие уже посещают кафе, бары и водят машины. А некоторые даже назначают свидания. Тем не менее я призываю вас к благоразумию... Через полчаса вы разойдетесь по домам, впереди целых десять дней полной свободы...

— Тринадцать... — послышались голоса с последних парт.

Профессор кивнул и продолжал:

— Даже тринадцать, благодарение Богу, а вам трудно потерпеть самую малость. Знаю-знаю, все вы собирались убежать еще на перемене. А ведь ваше счастье, что вы имеете возможность здесь учиться, что у вас для этого есть голова на плечах. Хотя, — профессор оглядел класс, — насчет голов сомневаюсь, скорей всего, вы попали сюда в результате какого-то недоразумения.

Гимназисты с нарочито шумным возмущением запротестовали. Тридцать пять ухмыляющихся физиономий утавилились на профессора, вещавшего с кафедры.

— За четыре месяца первого полугодия многое произошло. Вам пришлось пережить и весьма печальное событие: умер ваш товарищ Амброз Хеннингер...

Гул прекратился. Дальше профессора слушали в молчании.

— Не обошлось без огорчений, кого-то обижали вы, кто-то вас обижал, случались ссоры... Но наступающие праздники дают возможность все исправить, примириться, подать друг другу руки, и пусть Рождество будет для вас радостным и мирным...

Профессор посмотрел на Вики Хоймана.

На красивом тонком лице Вики лежала тень, светло-серые глаза смотрели куда-то в одну точку.

— Многие поедут в горы, кое-кто останется в городе, всем я желаю отдохнуть и набраться новых сил. — Профессор перевел взгляд на соседа Вики, а потом — на стеклянную стену, которая была гигантским окном. — После Нового года мы будем изучать скорость и силу звука, измеряемые в децибелах. Вы узнаете наряду с прочим, что губы обладают чувствительностью втрое большей, чем, например, кожа на колене...

В классе снова возник шум, но ненадолго. Профессор снова заговорил о Рождестве:

— Прежде чем выбрать рождественские подарки и раздать их друзьям и близким, вспомните и о тех, кто находится в стесненных обстоятельствах, кто еще не залечил раны прошедшей войны, кому требуется помощь. Вспомните о Хеннингере, которого, несмотря на все старания, не удалось спасти. Вспомните...

Профессор снова покосился на Вики.

А Вики...

Вики почти не слышал его. Не слышал и не слушал. Мысли его блуждали вокруг дома и всего, связанного с ним. Мысли эти были грустными, лицо юноши хмурилось. Профессор заговорил о зимнем спорте, «Айгах», театре, и Вики немного оживился. Вспомнил Барри Пирэ, путешествие, которое они вместе планировали на будущее лето, — в Измир и Стамбул, а сегодня — сегодня его ожидает...

Он очнулся окончательно оттого, что его стали тормозить товарищи. Сосед по парте и тот, что сидел сзади, обычно тихий и неприметный. Хлопнув Вики по затылку, он сказал:

— Слышал? Каникулы нужно провести в утехах и радости. Ходить по кабакам...

А другой, сосед по парте, розовощекий здоровый парень с челкой до самых глаз, толкнул Вики в бок:

— Будем и дальше драться?

Вики нехотя усмехнулся: сосед шутил, они не то что никогда не дрались, но даже и не ссорились, скорее дружили.

Обернувшись, Вики спросил:

— Значит, советуешь ходить по кабакам?

Прозвенел звонок. Профессор пожелал счастливых праздников. Уроки кончились.

Из гимназии, названной именем величайшего педагога, вырвались и разлетелись во все стороны, как птицы из клетки, около ста учеников. Вики, в дубленке с белым воротником, в красной спортивной шапочке, дошел с толпой одноклассников до угла, за которым начинался широкий бульвар. Он старался думать о Барри Пирэ, о путешествии в Измир и Стамбул и о том, что ждет его сегодня, и лицо его прояснилось. Ребята галдели, договаривались насчет поездки в горы, лепили снежки — на тротуарах снег еще не успели убрать, кое-кто закурил. На бульваре многие свернули в сторону, а в начале проспекта разошлись и остальные... Вики остался с Рихтером — соседом по парте, краснощеким, с челкой, — и с тем, кто сидел позади, уравновешенным и неприметным Гофманом, отец которого издавал влиятельный еженедельник. Гофман с Рихтером пошли медленней, и Вики тоже пришлось попридержать шаг. Они слушали детский хор, сопровождаемый звоном колокольчиков и органом, — музыка долетала из магазинов, витрины — глаз не отвести: украшены хвоей, разноцветными неоновыми лампочками, хоть едва минул полдень...

Вики понял, что далеко с ними не уйти, хотел было уже сказать, что спешит, но Гофман опередил его:

— Знаешь, Вики, если уж пойдешь по кабакам, выбирай поплотнее, самого дурного пошиба, на окраине, в развалах и бывших сараях, держись всяких заброшенных дворов, улочек на снос...

А Рихтер спросил:

— Пирэ тоже остается?

— Завтра он с родителями и Гретой едет в горы, на лыжный курорт, но вечером вернутся. Хотят сначала осмотреться, а после Рождества снова поедут туда, уже до второго января. — Вики переложил портфель из одной руки в другую.

Рихтер оживился:

— Вот здорово! Хочешь, пойдем со мной на Новый год в варьете. Выступает известный танцор. А вдруг именно там найдется какой-нибудь след?

Рихтер прямо посреди тротуара, с портфелем под мышкой, пустился в дикий пляс и кружился так, что волосы разлетались, как грива... Он плясал под сладкие рождественские песнопения, доносившиеся из магазинов, под звуки органа и звон колокольчиков. Прохожие оглядывались, а один засмеялся и сказал: "Смотри не упади!"

Гофман потянул Вики за рукав:

— Нет, серьезно. Надо обсудить. В варьете можно встретить медвежатника или продавца наркотиков, но убийцу найдешь только в захудалой забегаловке. В такие места лучше ходить вместе, раз уж Пирэ уезжает. Вдвоем легче и безопаснее вести слежку. А если ты его найдешь — что тогда?

Вики улыбнулся — он и сам об этом думал и еще кое о чем, однако решил не открываться.

— Поглядим... Созвонимся в праздники. А насчет варьете...

Вики умолк, прикидывая, как бы половчее ускользнуть от обоих, Гофмана и Рихтера.

Они поравнялись с большим магазином, где торговали экзотическими фруктами, — в залитых желтым и зеленым светом витринах возвышались в обрамлении хвойных веток горы ананасов, апельсинов, кокосов, гроздь бананов, насыпи фиг и миндаля на блюдах...

Рихтер остановился как вкопанный, за ним и Гофман. Вики воспользовался случаем:

— Мне пора. — Он бросил взгляд на часы, которые носил еще с начальной школы. — Мы скоро встречаемся с Барри и Гретой Пирэ у моста Зайбта, нужно еще пробежаться по магазинам, сориентироваться, что где есть. Завтра надо уже подарки выбрать.

Они прошли мимо фруктового магазина и снова задержались у стены высокого дома рядом с какой-то старушкой, она торговала чесноком и петрушкой из корзины, стоявшей у ее ног.

— Дойдем вместе до метро, — предложил Рихтер, но Вики покачал головой:

— Мне правда пора. — Он еще раз взглянул на часы и стал прощаться.

Приятели пожелали друг другу счастливого Рождества, договорились созвониться насчет варьете и рейда по пивным — тут на тонкое, миловидное лицо Вики снова набежала тень, и серые глаза застыли... возможно, потому, что он загляделся на старуху у стены, на которую никто из прохожих не обращал внимания.

Рихтер с Гогманом побрели бульваром к метро, а Вики перешел на другую сторону и свернул за угол. В переулке, где тротуары чистят значительно реже, чем на магистральных, Вики наконец заметил, что все еще падает снег, мелкий и сверкающий, и прибавил шагу.

II

Дома все было так, как бывало каждый день, если иметь в виду повседневную обстановку. Дело в том, что дома Вики всегда был озабочен одним — как бы избежать встречи с отцом. Сейчас, судя по всему, отец отсутствовал. Вики проглотил оставленный для него на кухне обед, выпил соку и в два прыжка добежал до своей комнаты. Там он торопливо умылся — у него имелся свой лимонно-желтого цвета умывальник за занавеской, — причесался, надел дубленку и красную спортивную шапочку; раскрыл низкий шкафчик у двери, достал две коробочки в праздничной обертке и рассовал по карманам — в каждый карман по коробочке. На ходу поздоровался с экономкой, которая как раз шла в кухню, и узнал от нее, что отца и вправду еще нет, кивнул и камердинеру, как раз заглянувшему в прихожую, сбежал вниз и только на улице, за воротами виллы криминального советника Виктора Хоймана, отдышался. Он чувствовал себя в эту минуту так, будто бежал из тюрьмы. Пелена мелкого сверкающего снега, валившего все сильнее, создавала впечатление, что дом остался за семью горами, и Вики успокоился, даже повеселел. За пятнадцать минут он уже доехал до универсама фирмы "М-С".

В своей дубленке с белым воротником и красной шапочке Вики прохаживался по седьмому этажу универсама, где продавались сувениры и игрушки. Из скрытых репродукторов лились песни — сперва "Будь счастлив", потом "Люблю тебя". Стало жарко, и Вики расстегнул верхние пуговицы дубленки. Ходить в праздничной толпе было приятно, но вдруг Вики вспомнил...

Он вспомнил, что как раз в этом отделе взломали в мае сейф. Для комиссара Альфреда Вани не составило никакого труда в течение нескольких дней выследить и задержать взломщиков да еще вдобавок двух-трех карманников. Вики невольно засунул руки в карманы, где хранились коробочки с подарками.

Если бы какой-нибудь наблюдательный человек, скажем рекламный фотограф, обратил в этот момент внимание на Вики — как он в своей новенькой дубленке и яркой шапочке стоит вот так, засунув руки в карманы, — то невольно улыбнулся бы: вот готовая рождественская обложка для иллюстрированного журнала. Но странной внешности старуха в мохнатой шляпе с бантом, как раз подошедшая к Вики, была, очевидно, равнодушна к таким вещам, как очарование юности. Казалось, если она в чем-то и знает толк, то скорее в выпивке. Такой, во всяком случае, был у нее вид. Старуха заговорила с Вики, они обменялись несколькими фразами. Юноша сообщил, что выбирает подарки в сувенирном отделе, но скорей всего покупать будет завтра. Старуха невразумительно пробормотала: очень, мол, рада, придет... Вики тем не менее понял, чему рада и куда придет. Она велела передать привет отцу, камердинеру, экономке и Зайбту, то есть всем обитателям виллы Хоймана, и добавила, что уже уходит, вот купила внуку клоуна, а больше у нее здесь дел нет. Вики поклонился, насколько это было возможно в такой давке, и проводил взглядом шляпу с бантом, пока она не скрылась... Старуха была вдовой генерала Мейербаха.

Вики наконец отыскал нужный прилавок. На нем возвышалась целая пирамида, напоминающая пирамиду в витрине фруктового магазина на главной улице, но та состояла из ананасов, апельсинов и кокосовых орехов, эта же — из самых разнообразных карманных игр. Множество коробочек, ярких и застекленных, а в них всякие шарики, жучки, автомобильчики и ракеты, которые нужно, употребив немалую ловкость, загнать в лунки, загородки или отправить на Луну, Марс и другие планеты. И тут Вики снова погрузился в свои тревожные, ставшие уже привычными мысли о предмете, который так настойчиво обсуждал с ними Гофман. О загадочном убийце.

В сентябре была убита девочка, в ноябре — мальчик, причем среди всякой мелочи, найденной при детях, комиссар Ваня у каждого обнаружил карманную игру, подобную выставленным здесь. Похоже, преступник перед убийством весело играл с детьми, рассказывал им что-то забавное — на мертвых лицах застыли улыбки... Странная мысль мелькнула у Вики: не покупал ли преступник игры, оставленные, точно визитные карточки, на месте убийства, именно здесь, в этом самом отделе, у этого прилавка... Вики невольно потянулся к одной из коробочек — с нарисованным на дне котом в сапогах: в его открытую пасть надо было загнать пятерых мышат. На обратной стороне была изображена кошка в шляпе с бантом, ну точно как у вдовы генерала; кошке полагалось выплюнуть мышат.

Продащица в бело-голубой форме положила игру в пакет, взяла у Вики пятерку и невольно залюбовалась им. Вики Хойман, воспитанный мальчик, улыбнулся продавщице, сунул пакет в карман и отошел от прилавка.

Тут он заметил Бернарда Растера.

Встреча с вдовой Мейербах в магазине — чистая случайность. Но сразу же увидеть еще одного знакомого — это уже слишком. Бернард Растер — сосед, живет напротив виллы Хоймана. Дом Растера расположен немного наискосок, но из некоторых комнат виллы, например из комнат Вики или из мансарды полковника Зайбта, просматриваются окна Растера. Приходящая прислуга Хойманов, Камилла, называла Растера реставратором, однако Растер занимался не статуями и картинами, а кое-чем другим: в анатомичке Биологического института на улице Келлиха он освобождал с помощью ассистентов от всего лишнего скелеты и уже чистыми и гладкими продавал в музеи и на медицинские факультеты. Так что на самом деле он был препаратором.

Растер также препарировал и исследовал кости из древних захоронений в подземельях старинных монастырей и замков; как раз теперь он работал в склепах бенедиктинского монастыря в небольшом городе Оттинген, километрах в десяти от столицы. Вики никак не мог понять, для чего все это нужно. Растер ежедневно ездил в Оттинген — утром туда, вечером обратно. В старинном Оттингенском замке располагался знаменитый винный завод с погребками, и Растер не оставлял запасы погребов без внимания. Работу он выполнял тонкую, а напоминал гориллу, часто гориллу во хмелю. Сейчас он возвышался над толпами покупателей на седьмом этаже универмага "М-С", у прилавка с искусственными цветами и ветками, рассматривая подсолнухи и синие керамические вазы. Продавщица в белоголубом наряде стояла рядом и казалась подле него — гориллы — маленькой обезьянкой. По-видимому, реставратор-препаратор Растер желал приобрести вазу вместе с искусственными подсолнухами. Вики хотел было подойти к нему и заговорить, тем более что отцу это не понравилось бы, но, бросив взгляд на старые детские часики, решил, что пора уходить. Лучше явиться к мосту Зайбта пораньше... И он направился не к Растеру, а на эскалатор.

Вики спулся на первый этаж, а чувство у него было такое, точно он поднимается вверх.

"Растер — пьяная горилла, — думал он, — но человек он интересный и добрый, от него можно кое-что узнать..."

Например, он узнал от соседа о спиртах и их очистке — впрочем, спиртное вообще-то не интересовало Вики, он почти не пил; рассказывал Растер и об окраске бабочек, а это уже интересовало его больше. Но самое главное — он узнал от Растера о разных пивнушках, которые в последнее время сильно занимали его. Вики вспомнил советы Гофмана и сказал себе: "Да, нужно было расспросить у Растера о всяких злых местах — где-нибудь на окраинах, в развалах, на задворках, глухих улицах... Ну да ладно, на днях зайду к нему обязательно..." Отчего все-таки советник Виктор Хойман так плохо относится к Растеру?

“Он многих презирает, — сам себе ответил Вики, и на его миловидное лицо набежала тень. — Но почему именно Растер так его раздражает? Они ведь давно знакомы, еще с университетских времен, когда состояли в Патриотическом союзе, кстати, вместе с полковником Зайбтом, но полковника отец терпит, а Растера — нет. Почему? Ведь Растер занимается и криминологией, его приглашают как эксперта, когда исследуют какой-нибудь подозрительный скелет. Или Виктор Хойман не любит Растера именно потому, что знает его еще с юности?”

Переходя на каждом этаже с эскалатора на эскалатор, Вики спустился наконец вниз и тут снова вспомнил не-известного убийцу, а в связи с ним и комиссара Ваню.

“Ваня, конечно, замечательный человек, но что толку? Взломщика быстро нашел, а детоубийцу — нет. И для отца это проблема...”

На нижнем этаже универмага те же потоки людей устремлялись к бесчисленным прилавкам — в приятном тепле, под звуки тихой музыки.

“Найти детоубийцу... — сказал себе Вики. — Газеты, телевидение, даже благодарность министра — ерунда! Главное не это!...”

Засунув руки в карманы, Вики ощупал лежавшие в них подарки и игру и пошел к выходу. Застегнулся уже на улице.

Сыпал мелкий искрящийся снег, горела россыпь неоновых огней, хотя был еще полдень. В воздухе разливалось сладкое детское пение, органная музыка и звон колокольчиков.

III

Недалеко от моста Эгидия Зайбта, где была назначена встреча, Вики обратил внимание на странную пару. Мужчина — с седыми бакенбардами, в черном зимнем пальто, с тростью — напоминал какого-то государственного советника. Рядом с ним заморенного вида женщина, очевидно супруга, тащила желтую корзину. А вокруг них резвились щенята бульдога, целая шестерка. Щенки бежали вольно, без поводков — благо, тротуары возле моста широкие. Снег падал на собачьи спинки, веселая шестерка то и дело оглядывалась на хозяев, жалась к их ногам. У самого моста странная чета с собаками завернула за угол, и в ту же минуту послышался скрежет тормозов и надрывный визг. Вики вздрогнул и на мгновение остановился, потом пошел дальше, более не оглядываясь по сторонам. На краю моста возвышались статуя Эгидия Зайбта с палитрой и кистью в руках и ласточкой на плече. И ласточка, и палитра, и вся статуя утонули в снегу. Этот прославленный Зайбт был тезкой полковника, который живет у них, или, вернее, пол-

ковник Зайбт, их квартирант, — тезка художника, так как полковник жив-здоров и всегда бодр и весел, а Эгидий Зайбт умер в конце минувшего столетия, и мост назван его именем.

Вики подошел к месту встречи.

Рядом с памятником была автостоянка десятка на полтора машин. Среди них выделялся ярко-красный "ягуар" со снежной шапкой на крыше. Вики сперва увидел сквозь ветровое стекло лишь Грету Пирэ, вернее, ее меховую шапку, но потом разглядел и Барри, тот сидел рядом с сестрой за рулем. Вики помахал им, и остаток пути пробежал бегом. Едва он уселся на заднее сиденье и захлопнул дверцу, Барри с ходу завел мотор и они поехали.

— Как бы в больницу не угодить, — проворчала Грета, — смотри, до чего скользко, а этот псих гонит как бешеный. Куда мы, собственно, спешим?

Статуя Зайбта с ласточкой на плече осталась позади.

— А, одному Богу известно. Махнем за город, отъедем километров на пятнадцать—двадцать; поглядим на какие-нибудь там поля, леса, холмы и долины, срежем по елочке, если, конечно, найдется нож и если это не грех, потом вернемся и где-нибудь посидим. Идет?

— А может, посидеть за городом, — предложил с заднего сиденья Вики, — найдем какую-нибудь деревенскую корчму... Или знаете что? — вдруг осенило его. — Доедем до Оттингена и заглянем в винный погребок тамошнего замка — я еще в нем не был, зато сам Оттинген знаю как свои пять пальцев.

Они въехали на середину моста: внизу текла полузамерзшая река.

— Не стоит тащиться в Оттинген, — отозвался Барри, — у меня другой план. Связанный с нашим будущим путешествием.

Миновав мост и выехав на перекресток, Барри снова заговорил:

— Прокатимся немного куда глаза глядят, раз уж наша барышня не может без природы, и сразу же вернемся. По-едем в бар.

— В бар или пивную?

Барри усмехнулся. Они ждали зеленого света.

— Это замечательный бар, Вики, ты наверняка в нем не был, Грета тоже, я и то был лишь дважды. Там цветомузыка, еще кое-что, позже расскажу. Но главное, ради чего тебе стоит заглянуть туда перед поездкой в Стамбул и Измир, так это ради турецких коммерсантов, друзей нашего папаши, они постоянно навещают этот бар...

Вики просиял.

Барри, или Бартоломей Пирэ, и его сестра Грета, по мнению их чрезвычайно уравновешенной матушки, были беспокойными детьми — не слишком усердно учились и своевольничали, зато отец был ими доволен. Их семейство считалось богатым. Отец владел большим магазином вос-

точных ковров, товары покупал в Стамбуле и Измире, там у него имелись склады и масса приятелей. Барри, красотой почти не уступавший Вики, одевался моднее его и ярче. Длинноволосый брюнет, всегда с непокрытой головой, он вдобавок ко всему раскатывал на ярко-красном "ягуаре". Грета Пирз, естественно, увлекалась косметикой и одним молодым человеком.

Вики с радостью откликнулся на предложение друга:

— Отлично, поедem в бар, куда ходят турки. Ты прав, мне не помешает побывать там перед поездкой.

Они мчались широкими улицами, останавливаясь на перекрестках, засыпанных мелким сверкающим снегом, освещенных россыпью разноцветных неоновых огней, хотя совсем еще немного времени прошло после полудня. Вики с заднего сиденья смотрел то на шапку Греты, то на Барри, любовался, как свободно тот ведет машину... Он думал об Измире и Стамбуле, где у господина Пирз имелись склады и куда в скором времени они с Барри поедут на все летние каникулы. Он машинально сунул руки в карманы полушубка, где, кроме купленной в универмаге игры, лежали еще две коробочки, и довольно улыбнулся.

"Ягуар" выехал на автостраду.

— Сегодня в школе у меня возник конфликт, — пожаловалась Грета. — Из-за платья. На последнем уроке химичка выяснила, что я не знаю формул, и разразилась упреками.

— При чем же здесь платье? — спросил Вики.

— Она сказала, что раз я ношу такие платья, то обязана знать все формулы. Не понимаю, какая связь, — рассмеялась Грета.

— Просто завидует тебе. Попробовала бы она сказать такое кому-нибудь из наших ребят!

— У меня тоже был конфликт, — подхватил Барри и прибавил газу, — вот с ней. Я сушил волосы, а она чуть не высадила дверь ванной, ей, видите ли, некогда, на свиданку опаздывает. Как будто в доме нет еще двух ванн комнат.

— Пустомеля, — улыбнулась Грета. — Ты сидел в моей ванной, именно в моей, каждый день часами наводишь на себя лоск, хотя по твоему виду не скажешь...

— У меня конфликтов навалом, — откликнулся и Вики, — но мне все надоело, все безразлично. Иногда, правда, когда вспомню об этом, становится противно, как сегодня в школе, но вообще-то я уже отупел, ничему не придаю значения, давно надо было на все наплевать, как это сделал брат, и убраться подальше. Впрочем, осталось немного, вот кончу гимназию — и только меня и видели! Ну, а сегодня... — Вики рассмеялся, и его серые глаза заблестели. — Сегодня опять меня ждет конфликт с отцом, я ведь поздно вернусь.

— Один-то раз в году можно и припоздниться, — покачал головой Барри. — Да еще в такие дни. — Он отлично знал, с кем у Вики конфликты. — Раз в году — подумашь!

— Он, во всяком случае, считает, что и одного раза многовато, — со смехом отвечал Вики.

Мелькали огромные щиты с указанием ближайших стоянок, бензозаправочных станций, закусовых; мимо пролетали освещенные разноцветными огнями центры автосервиса; гладкий асфальт автостреды, слегка засыпанный мелким снежком, который все падал и падал, но теперь уже не так густо, белел в сгущающихся сумерках, и Вики, все еще улыбаясь, ощутил какую-то горечь на сердце. Ему стало тоскливо. Правда, выпадали минуты, когда он надо всем смеялся, по крайней мере в душе, когда в самом деле воспринимал все дома с безразличием, но такие минуты бывали редко. Чаще от горечи на лицо напознала тень, глаза устремлялись в никуда. Вот и сейчас на него навалилась тоска; если он сию же минуту не отвлечется, она захватит его целиком. Грета невольно помогла Вики. Они отъехали довольно далеко от города, километров на пятнадцать. Выглянув в окно, Грета предложила свернуть с автостреды:

— Глядите, как тут красиво — лес, горы, поля...

Барри доехал до развилки и, нырнув под автостраду, свернул на боковое шоссе, которое петляло куда-то к заснеженным скалам, возвышавшимся на горизонте. Они остановились на небольшом припорошенном снегом мосту. Кругом никого, ни одной живой души, ни одной машины. Речка медленно текла глубоко вниз.

Вики вдруг вспомнил:

— По дороге к мосту Зайбта мне повстречалась довольно странная пожилая пара с шестеркой маленьких бульдогов. Когда компания свернула за угол, один из щенков попал под машину... Ну что, двинули дальше?

Они проехали еще немного. За мостом, речкой и скалами начинался поросший лесом холм, и Грета решила, что отсюда должен открываться прекрасный вид. Барри оставил машину на обочине, и они стали медленно подниматься по склону. От их дыхания в воздухе клубился пар, транзистор в кармане Барри играл какую-то незнакомую песню.

— Да что собаки... — заговорил Вики. — Перед тем я зашел в магазин "М-С", в мае там взломали сейф. Ваня задержал грабителей буквально на следующий день. Представьте, в магазине я встретил двух знакомых: одну особу — ну, вы ее знаете только понаслышке — и Бернарда Растера.

— Станный этот Растер... — Барри убавил звук. — Лапищи не приведи Господь, выпить не дурак да еще в костях копаются.

— Ничего себе занятие — препарировать скелеты, лучше не придумаешь... — фыркнула Грета.

— Занятие как занятие, не могут же все сеять пшеницу и учить детей, не работа красит человека, а человек рабо-

ту, — изрек Барри. — Вики, ты ведь иногда заходишь к Растеру — отец не против?

— Конечно, захожу. Скоро снова к нему собираюсь. Отцу я ничего говорить не стану. Не понимаю, за что он так ненавидит Растера, может быть, между ними еще в молодости что-то такое произошло, я сегодня как раз об этом думал. Они в незапамятные времена вместе состояли в Союзе самообороны. Полковник Зайбт тоже, но сейчас он в хороших отношениях с отцом и даже живет у нас, а вот Растер... не знаю... Он покупал на седьмом этаже вазу и искусственные цветы.

Они поднялись на вершину холма немного запыхавшись — вид действительно открылся прекрасный.

Лес расступался в сторону почти под прямым углом, справа росли высокие сосны, а слева — густая еловая поросль. Посредине — широкое заснеженное поле, спускающееся в долину, вдалеке тонула в снегу деревушка — виднелись остроконечные крыши и башня собора.

— Смотрите, река течет к деревне. Грета угадала — настоящая рождественская открытка, — сказал Вики.

На опушке они уселись на ствол поваленной сосны, сметя с него снег, еще больше приглушили музыку и некоторое время молча глядели на открывающуюся перед ними картину. Да, пейзаж был точно с открытки. Снег после недолгой передышки повалил снова, чистый, мелкий и сверкающий. Стояла торжественная тишина. Грета задумалась, задумался и Барри, снег падал на его темные волосы и таял, а на шапке Греты держался дольше. Барри с ухмылкой обернулся к Вики:

— Твои жуки и бабочки сейчас спят, в этом снегу их не отыщешь, да и летом не половишь — летом нас ждут Стамбул и Измир.

— А я больше не собираю насекомых, у меня это прошло, — отозвался Вики.

Барри кивнул на транзистор:

— Слышишь, что играют?

Играли колядку "Вот и первая звезда — ангелы запели". Вики подвинулся к Барри, продолжая глядеть на снежное поле, деревенские крыши — снег сыпался на землю, точно миллион маленьких звездочек...

— Да, — мечтательно протянул он, — летом будем на Босфоре...

Он еще поближе придвинулся к Барри и стал думать о путешествии, о красном "ягуаре", который повезет их по бесконечным дорогам — до самого Босфора и дальше, в Анатолию...

Барри подарили машину в прошлом году, когда, после восемнадцатилетия, он получил водительские права — коммерсант Пирэ не стал ждать, пока сын окончит школу. Пожалуй, господина Пирэ вообще мало заботило образование сына, его аттестат и диплом. У Вики все было по-иному. Виктор Хойман-старший не был ни коммерсан-

том, ни предпринимателем — он был главным шефом криминальной полиции страны, верховным криминальным советником, то есть государственным деятелем, а государственные деятели всегда интересуются академическими успехами своих сыновей. Вики точно знал, что его отец не купит ему машины даже в случае, если он получит самый блестящий аттестат, какой только возможно. Конечно, у самого советника была машина, третья после смерти госпожи Хойман, она стояла в гараже — роскошный "рено" со шторками. Но криминальный советник — глава полиции всей страны — пользовался служебными машинами, разными там "шэвроле" с шоферами. Личная машина почти всегда простаивала. И советнику никакой пользы, и Вики никакой радости — с отцом он не ездил, а одному ему не разрешалось, так что и на права он не сдавал.

"Отцу и в голову не придет купить мне не то что машину, но даже самые необходимые вещи", — подумал Вики и взглянул на старые часы, которые ему подарили в младших классах, когда жива была мать и брат не ушел еще из дому.

"Он, конечно, кормит меня, одевает, иногда дает карманные деньги — и все. Если бы я кое-как не сэкономил, не смог бы купить даже самых скромных подарков друзьям".

Светло-серые глаза Вики глядели в одну точку, на тонком красивом лице появилась тень, уже который раз за этот день... Он засунул руки в карманы дубленки, где лежали подарки...

На противоположном конце леса, из-за молодой еловой поросли, внезапно появился на сверкающем снегу заяц. Может быть, его привлек звон колокольчиков из транзистора Барри, который играл все громче и громче, хотя вряд ли — зайцы пугливы. Но этот зайчик бежал прямо к ним по заснеженному полю. На полпути он резко остановился, привстал на задние лапки и забарабанил передними. Так он какой-то миг сидел, как маленькое изваяние, шевеля ушами, разглядывая молодых людей, пристроившихся на поваленной сосне. К звону колокольчиков, льющихся из транзистора, прибавился хор мальчиков, и косой, точно почувствовав наконец опасность, быстро опустился на передние лапки и исчез в ельнике. Друзья засмеялись, им было хорошо.

И вдруг Грета спросила:

— Да, Вики, как дела с убийцей? Я хотела спросить: не поймали еще этого монстра?

В тихой и торжественной красоте зимнего пейзажа слова девушки прозвучали как удар грома.

— Ну, ты даешь, — возмутился Барри. — Нашла время говорить об убийце! И место выбрала самое подходящее — сама же в лес хотела, вот мы и в лесу, по радио колядки передают, заяц бежит, а тебе убийца припомнился. О нем в баре поговорим. — И примирительно добавил: — Девушкам вообще не следует интересоваться такими темами, а

если тебе так уж хочется, трепись об этом со своим долгоязым.

— Дурак, — ответила Грета, — одно слово — дурак...

Барри и Вики засмеялись, Барри уточнил:

— А какой уж болван ее парень, даже представить трудно...

Взгляд Вики остановился на отдаленной колокольне, скользнув поверх поля, сквозь пелену миллионов снежных хлопьев, которые летели на землю, застывая все пространство до колокольни и дальше, до самого горизонта. Сумерки быстро спускались в долину, трое друзей поднялись с бревна, отряхнулись, Грета сняла шапку, чтоб смахнуть с нее снег, а Барри тем временем достал нож и срезал две маленькие елочки неподалеку от места, где они сидели. Лучшую елочку он дал Вики, похуже — сестре. Потом они, порядком замерзшие, но веселые, распрощались с прекрасным зимним пейзажем и не спеша спустились с лесистого холма к дороге между скал, где у реки ждал их "ягуар". Мир царил в этих местах и, сколько видел глаз, полное безлюдье.

— Теперь в бар, — напомнил Пирэ, когда они съехали с моста. — Тут еще вот какое дело: там, как водится, играет музыкальный автомат, но еще выступает и настоящая певица. Тезка моей упрямой сестрицы. — Теперь Вики сидел рядом с водителем, а Грета сзади, где отогревались лесные трофеи — елки. — Грета Гароне, итальянка. Исполняет — обратите внимание — песню "Выйду я в поля".

Грета засмеялась:

— Подумаешь, примечательность! Это что, какие-нибудь сельские припевки?

— А кто нас тащил сегодня в поля и леса? Грета Гароне записала эту песню на студии грамзаписи, скоро выйдет диск, а пока все ходят в бар. Ради этой певицы. А может, и ради кое-чего другого.

— Ради наркотиков, что ли? — осведомилась Грета Пирэ.

Барри лишь пожал плечами и включил фары, началась автострада. Они понеслись на полной скорости. Снег перестал, даже успел на дороге растаять; сотни машин мчались навстречу друг другу, щиты и указатели стоянок, вывески кафе и автосервисов сливались в череду неоновых огней... Через двадцать минут показалась столица.

"Ягуар" быстро миновал развилки предместья и в потоке машин спустился к реке. Переехали мост Героев, оттуда сразу же свернули на Королевский проспект. В магазинах, ярко освещенных и нарядных, шла бойкая торговля. Все так же сновали толпы прохожих, отовсюду лилась музыка. У Дома мебели Барри свернул направо на узкую, менее шумную, но тоже ярко освещенную улицу, и только за собором св. Луки, проехав старые кварталы с проходными дворами, они погрузились в темные переулки и оказались наконец на площадке, где парковалось несколько роскош-

ных автомобилей. "Ягуар" остановился. Елки остались в машине, Грета сняла и бросила на сиденье шапку, достала лежавшие у заднего стекла сумку и сверток, Барри вынул что-то из бардачка, и они вышли.

Барри указал на угловой дом. Там и находился бар.

— Может, и на всю ночь... — с усмешкой предложил Вики. — Тогда дома меня ждет такой скандал, каких еще не случалось...

Бар слабо освещался красными и синими лампами, лишь неоновая надпись над входом горела желто-оранжевыми, цвета апельсинов и слоновой кости, буквами. Бар назывался "Иран".

IV

Они разделись в тесном гардеробе, похожем на чулан, унося с собой в руках и карманах лишь то, к чему сегодня то и дело возвращались их мысли. Немолодая размалеванная гардеробщица с большими серьгами позвала швейцара, который распахнул перед ними тяжелый красный занавес в конце коридора.

За занавесом — два зала без окон, скорее один зал, разделенный колоннами. С темного потолка едва лился свет зеленых, красных и синих ламп, все тонуло в полутьме, лампы горели слабо, не рассеивая сумрака. Несколько человек у стойки походили в желтом свете на призраки, столики окутывал полумрак. На границе залов, между колоннами, возвышалась сцена, примерно три квадратных метра, рядом — пианино, оклеенное цветным станиолем. Из автомата звучала музыка, какой-то тихий блюз. Их посадили во втором зале.

Грета бросила сверток и сумку на свободный стул и огляделась. Прежде чем она успела оценить царящую здесь обстановку, появился официант, напоминающий боксера во фраке. Официант заговорил так тихо, что его и за соседним столиком не услышали бы, хотя там еще никто не сидел.

— Бутылку белого сладкого, остальное позже, — заказал Барри.

Официант с улыбкой повторил заказ и исчез.

— Вряд ли нам удастся уйти отсюда в целости и сохранности, — предположила Грета, — очень подозрительное место. А где же тут танцевать?

— Тут не танцуют, да и негде — разве что у стола потоптаться.

— А певица?

— Она появится позднее, еще много свободных мест, — ответил Барри и повернулся к Вики.

Вики сиял, глаза его светились в разноцветной полутьме. Конечно, это не кабак на окраине и не пивная в

каком-нибудь бывшем сарае или на задворках, но не важно. В такой именно бар он всегда мечтал попасть. Ему нравилось все: колонны, разделяющие зал, их изогнутые капители, украшенные цветными фонариками в затейливой решетчатой оправе. Фосфоресцирующая картина на противоположной стене, изображающая базарную площадь, в восточном городе с мечетью, торговцами в чалмах, осликами. Сцена, ковер, покрывающий ее, пианино... Нет, это не пивная, это бар, но, может, и к лучшему... Вики имел в виду убийцу. Он перевел взгляд с ковра на официанта-боксера — тот возвращался, держа в одной руке за горлышко бутылку, в другой — тарелку с миндалем, зажав между пальцами перевернутые бокалы. Поставив на стоя тарелку, официант неуловимым движением перевернул и расставил бокалы, мгновенно в руке появился штопор, которым он ловко открыл бутылку, плеснул первому Барри и, только когда тот кивнул, налил и остальным, поставил бутылку, улыбнулся и испарился.

— Растера напоминает, — шепнул Вики, — этакая веселая горилла. Ну и заведеньице! — И Вики радостно поднял бокал.

— С Рождеством! — провозгласила, улыбаясь, Грета.

— За путешествие с Вики! — добавил Барри.

Выпили.

В бар вошли новые посетители, трое. Когда они поравнялись с колоннами, к ним поспешил метрдотель с усами. Вики заметил, что вновь пришедшие смуглы и черноволосы. Один дородный, осанистый. Их посадили за ближайший стол. Барри встал, поклонился и обменялся со всеми рукопожатиями. Пришедшие улыбнулись ему, Вики и Грете, осанистый даже подмигнул, заметив на их столе бутылку.

Барри вполголоса объяснил:

— Это и есть папины знакомые, турецкие коммерсанты. Погоди, Вики, это еще не все. Уверен, они пригласят нас на ужин.

Музыкальный автомат играл, наверное, уже пятую песню. Турки ели анчоусы, миндаль, пили виски и время от времени обменивались с Барри через стол какими-нибудь замечаниями. Барри и Вики выкурили несколько сигарет — Вики вообще-то почти не курил, но как не закурить в баре? Оба зала постепенно наполнялись, ждали Грету Гароне.

— Куда же она запропастилась, почему не выходит? — ворчала Грета Пирэ. — Простудилась, что ли? Кстати, как называются ее деревенские припевки?

Барри — сплошное миролюбие — и не думал раздражаться.

— "Выйду я в поля". Если она и опаздывает немного, ничего страшного. — Барри взглянул на часы.

Вики последовал его примеру. Тоже посмотрел на ча-

сы, старые, детские, которые получил от отца во втором или третьем классе.

В таинственном полуосвещенном зале они казались еще более убогими, чем днем, совсем неважно выглядели часы Вики...

В наступившей на минуту тишине Барри объявил:

— Знаете, что мы сейчас сделаем? — Он сделал паузу, отпил из рюмки. — Вручим друг другу рождественские подарки.

Вики улыбался, не губами и взглядом, а всей душой, чувствуя себя отлично в этом баре, — он мечтал попасть в такое место. Пусть оно совсем не напоминает пивную на окраине, в заброшенном сарае, на задворках, однако все это время, что они сидели здесь, пили вино и слушали пластинки, Вики думал о детоубийце. Разглядывая в полумраке соседей за столиком, он прикидывал: "Вот здесь может сидеть преступник... Или здесь..."

И еще причина для приподнятого настроения: с первых дней декабря мечтал он об этом вечере — о свидании с лучшими друзьями...

— Внимание! Вручение подарков! — объявил Барри.

Вики кивнул. Дрогнувшей рукой достал он из кармана две свои коробочки — одну подал Грете, другую — Барри. И был счастлив в эту минуту, как пастух на горной полонине.

В коробочке, которая досталась Грете, была маленькая сумочка, вышитая разноцветными гранеными бусинками, совсем крошечная сумочка — для зеркала, пудры и помады, ну, еще для чего? Для ключа, скажем. Сейчас в сумочке был флакон отменного розового масла. Грета наклонилась к Вики и чмокнула его куда-то в ухо.

— Я буду брать ее в театр и на вечера.

А Барри добавил:

— И на свидание со своим болваном.

Барри отпил вина и только потом раскрыл доставшуюся ему коробку.

На красном бархате футляра сверкнуло золото. Запонки и булавка для галстука, украшенная жемчужиной. Барри снова отпил, потянулся через стол и поцеловал Вики в другое ухо.

Грета взяла со стула пакет и, смеясь, сказала Вики:

— Ну что я могла выбрать тебе к Рождеству? Этот вот отказался даже посоветовать — и что в результате? Пустяки, ты уж извини меня.

В пакете был шарф и три галстука.

Галстуки — из лучшего парижского дома моды. Вики тут же подумал, что отец никогда бы не купил ему таких вещей. Яркий шерстяной шарф отлично подойдет к дубленке и белому плащу, подойдет и к старому дождевику. Он поблагодарил Грету и поднял бокал за ее здоровье.

Вальяжный турок за соседним столом улыбнулся Вики с какой-то странной умильностью... от этой улыбки он впал

в еще большее возбуждение и беспокойство. Потом Вики поймал на себе взгляд Барри — настал черед его подарка.

Но тут в баре почувствовалась какая-то перемена. Автомат больше не играл, на сцену упал луч прожектора, осветив ковер и пианино, обклеенное станиолом. Светловолосая загорелая женщина с коралловой ниткой на шее появилась на сцене.

— Она... — выдохнул Барри.

Грета прыснула:

— Какая же она итальянка — блондинка, а уж покрашена!..

На что Барри возразил:

— Ты тоже краски на себя не жалеешь, зато брюнетка, но тем не менее не итальянка.

У пианино появился аккомпаниатор в красном фраке, похожий на кузнечика, уселся на табурет и заиграл вступление.

— "Выйду я в поля"... — объявила певица при первых тактах и поклонилась. Вместо микрофона в ее руке появилась красная роза.

Грета тихонько захихикала, нехотя засмеялся и Барри, снова покосившись на Вики.

Певица опустила ресницы и запела:

Вечером однажды всех я вас покину,
сяду на закате в быструю машину.

Голос бархатный и гибкий, роза в руке, тихий, нежный аккомпанемент...

Вот он, луг широкий, вот и темный лес,
и густые травы, и простор небес.
Травы и деревья унесут усталость,
и не ноет сердце, боли не осталось.

Вики был счастлив. Певица с розой в луче света... Взгляд Барри, который он ловил на себе...

"Подарок, — думал Вики, — интересно, что это будет?"

Он слушал музыку, не пропуская ни одного слова текста...

Вас покину скоро, больше не могу...
Я взойду на мост — на радугу-дугу...

Глубокий бархатный голос льется в зал, аккомпанемент звучит громче...

Вертятся колеса, тянется дорога,
я хочу уехать, отдохнуть немного.
Горы, перелески унесут усталость —
ни тоски, ни боли в сердце не осталось...

Пианист нажимал на педали, сгибался и колотил по клавиатуре, точно боролся с кем-то, а Вики перевел взгляд на картину с базаром и мечетью в восточном городе — иранском, что ли. Он думал об Измире и Стамбуле, куда летом

поедет вместе с Барри, о подарке, который сейчас получит от Барри...

Певица, освещенная прожектором, стала кружиться в танце и извиваться, взмахивая розой, и голос ее уже звучал яростно и громко, хотя микрофона не было, появился даже какой-то металлический призыв...

Вечером однажды планы все нарушу
и в полях пустынных я очищу душу.
За зеленым полем темный-темный лес,
а над всем над этим синий свод небес.
Тут свой путь окончу, позабуду всё.
И мои печали ветер унесет.

Песня кончилась, отзвучали заключительные аккорды, в зале вспыхнули аплодисменты. Хлопали турки, Барри, даже Грета... Грета Гароне в последний раз поклонилась, бросила розу на стойку бара и ушла. Исчез пианист, погас прожектор. Барри спросил, засунув руку в карман:

— Сестренке понравилось? — Вынул из кармана и подал Вики футляр. — Тебе.

Рука Вики дрогнула.

Грета смотрела с любопытством, с нескрываемым интересом наблюдали и турки — точно заглядывали в глубину озера и ждали, что покажется из-под воды... Музыкальный автомат снова заиграл какой-то блюз...

Вики снял обертку. Футляр из ювелирного магазина.

Когда он раскрыл...

В слабом свете разноцветных фонариков на темном, кроваво-красном бархате покоились золотые часы с бра-слетом — они выглядели... точно драгоценность из венца Мадонны.

V

Музыкальный автомат снова играл блюз в разноцветной полутьме, когда Грета Гароне снова появилась на сцене с розой в конусе света, а к столу подошел официант-боксер, неуловимым движением откупорил следующую бутылку и водрузил на стол рядом с блюдом миндаля. Турки за соседним столом что-то пили из бутылки, лежавшей в корзинке на сервировочном столике, но это было не шампанское. После мясного блюда они перешли к сладям, запивая все водой.

Грета, Барри и Вики чокнулись, турки с улыбкой наблюдали за ними.

А Вики... левая его рука все время лежала на столе. Старые детские часы покоились в кармане, с ними Вики похоронил память о далеком детстве... Он смотрел на новые, золотые, и сердце его радостно и счастливо билось. Такого подарка он никак не ожидал. Отец бы никогда... На золо-

том циферблате сверкал красный календарик, на массивном желтом золоте браслета выгравирована монограмма ВХ и дата — нынешнее Рождество. Браслет состоял из золотых пластинок, украшенных рельефом, — судя по всему, очень дорогие часы. Бартоломей Пирз, сын знаменитого коммерсанта, мог, конечно, позволить себе сделать такой подарок.

А Вики...

Вики просто-напросто был счастлив. Он глаз не отводил от часов, даже когда рассказывал Грете и Барри о брате Марте, который давно ушел из дому, потому что больше не мог выдержать, и живет теперь один. Не отрываясь, смотрел на часы и рассказывал о камердинере, молчаливом и важном, как и положено камердинеру главного криминального советника и шефа криминальной полиции всего государства. Он продолжал глядеть на прекрасный подарок Барри, когда, наконец ополовинив вторую бутылку, заговорили о загадочных убийствах.

У Вики чуть кружилась голова...

— Как раз сегодня Гофман предложил пройтись со мной по разным питейным заведениям, по таким, где есть надежда отыскать какой-нибудь след, где-нибудь в предместье, на заброшенных улицах, предназначенных под бульдозер, в бывших сараях, на задворках. Но мне надо сперва все продумать. — Вики закурил. — Перечитать все газетные сообщения, приведенные там протоколы допросов, все, что хранится у отца в домашнем сейфе, — карты местности, фотографии, записи... Отец собирается написать что-то вроде учебника на материалах этого дела, камердинер сказал по секрету. Поэтому и хранит бумаги дома в сейфе, и даже если там всего лишь копии, мне без разницы. Все это нужно перечитать, разобраться, а потом уже искать по всяким сомнительным забегаловкам, как советует Гофман, но перед тем не мешает проконсультироваться у Растера. Он много знает и, думаю, охотно даст совет. — Вики отпил вина, взглянул на часы и продолжал: — Уверен, что в обоих случаях действовал один и тот же убийца. Дети убиты тем же способом, в затылок, тем же оружием, каким-то особенным пистолетом. Ни оружия, ни гильз, ни патронов не обнаружено. Вскрытие показало, что раны тоже одинаковы.

Вики выпил вина, поглядел на часы и стряхнул пепел.

Да, это показало вскрытие, и не только это, однако миновало два месяца, а о преступнике известно почти так же мало, как и тогда, когда он совершил свои страшные дела.

Первое убийство произошло в воскресенье 5 сентября. Антония Зайбт, тринадцати лет, — по странному совпадению она носила такую же фамилию, как прославленный художник прошлого столетия и полковник, квартировавший в вилле Хоймана... так вот, эта Антония Зайбт, дочка работника таможни с улицы Гумберта, в воскресенье утром от-

правилась на автобусе из города в деревню Кнеппбург, расположенную в двадцати километрах от города. Ехала она к дяде, брату отца. В газетах напечатали рассказ несчастного отца: его дочь Антония везла дядиной жене лимонный сок — шел сентябрь, тетка заболела, и Зайбты решили, что ей полезен витамин С. То, что у Зайбтов в Кнеппбурге имелся фруктовый сад, то есть витаминов хватало вдоволь, никакой роли в деле не сыграло. Хотя в Кнеппбурге продавалось все, что угодно, лимонного сока там не было. К родне она добралась часам к двенадцати дня, пообедала курицей в овсяными хлопьями, потом играла с соседскими детьми в саду, прыгала через веревку, привязанную к двум яблоням. Ее видели у пруда, с маленьким Вагнером она заходила в деревенскую корчму поглядеть на хомячка, видели ее и на краю поля, а около пяти часов, по рассказу дядюшки Зайбта, тоже напечатанному в газетах, с корзинкой яиц — это были очень свежие яйца, деревенские Зайбты частенько посылали родне кое-что из продуктов, — итак, около пяти часов Антония с корзинкой яиц отправилась домой. Ей пришлось идти пешком до соседней деревни Коларов — там останавливался местный автобус. День стоял теплый и солнечный. Между двумя деревнями не более двух километров, дорога тянется сперва полем, потом рощей, опять полем и сливовой аллеей — очень красивая дорога. В Коларов Антония не пришла. И в город не вернулась. Родители решили, что она осталась ночевать у дяди с тетей, хоть очень удивились — утром ей надо было в школу. В восемь вечера работник таможни Зайбт позвонил в Кнеппбург, в гостиницу Йозефа Вагнера. Дядю Зайбта звали к телефону, и он сказал брату, что Тони в такое-то время ушла на автобус. Родители почему-то успокоились. Отец Антонии рассказал потом, что они включили телевизор и стали ждать. Когда закончилась кинокомедия, то есть в полдесятого, таможенник принялся обзванивать знакомых и спрашивать, что ему делать. И только в десять часов некий Рут посоветовал позвонить в полицию.

Девочку нашли через десять минут после прибытия на дорогу Кнеппбург — Коларов, через сорок пять минут после звонка таможенника Зайбта. Антония лежала в роще под кустом, совсем рядом с дорогой, на правом боку, прижавшись щекой к траве, с простреленным затылком — когда ее убивали, она сидела; корзинка с яйцами стояла поодаль, а у ног девочки лежала карманная игра — застекленная коробочка с бабой-ягой и шестью лунками, куда полагалось загнать шесть золотых шариков. Полицейские вызвали по рации врача, фотографа, дактилоскописта, электрика с рефлекторами, троих криминалистов с собакой — все прибыли через полчаса во главе с главным полицейским комиссаром Альфредом Ваней.

Трава была не слишком затоптана, хотя в этом месте

ходили и сидели. На платье и теле девочки не нашлось ни малейших следов насилия, на лице застыла улыбка. Ни оружия, ни гильз. Тут же объявили розыск убийцы. Тщательно осмотрели рошу, дорогу, обе деревни, отыскивали шофера автобуса и кое-кого из пассажиров, которые ехали утром вместе с Антонией из города до Коларова. Разослали депеши во все полицейские участки в округе, запросили центральную полицейскую картотеку. В ту же ночь подробно, по минутам, расписали последний день Антонии Зайбт. Допросили двадцать жителей Кнеппбурга, включая детей, которые встречались с жертвой в роковой день или по крайней мере видели ее. В понедельник в кнеппбургской школе отменили занятия. Родственникам убитой девочки предъявили карманную игру — они показали, что ничего подобного у Тони с собой не было. Кнеппбургские дети подтвердили показания родственников — все видели игру впервые, а родители девочки, опрошенные в полицейском управлении города, заявили со всей решительностью, что у Антонии никогда в жизни не было такой игры. В полиции решили, что она могла принадлежать убийце. Так злополучная игра стала главным и единственным вещественным доказательством. На другое утро коробочка была тщательным образом исследована — результат нулевой. Никаких отпечатков — ни убийцы, ни жертвы. Точно ни тот, ни другая коробочку и в руки не брали. Однако комиссар Ваня считал, что игра все же имеет какое-то значение в деле, надеялся он и на вскрытие, но никаких следов насилия обнаружено не было, ничего, кроме смертельной раны. Правда, удалось определить пистолет, из которого произвели выстрел, и это тоже можно было считать важной уликой. Но дни убегали, следы не находились. Так прошло три месяца.

Второе убийство произошло 20 ноября в двенадцати километрах от столицы и километре от деревни Цорн, в противоположной стороне от Кнеппбурга, на берегу речки Любовь. Жертвой стал четырнадцатилетний Фридрих Дельмар.

Он был сыном торговца, державшего на площади магазин колониальных товаров, игрушек, радиоприемников и велосипедов. Торговец был вдовый, дом вела его незамужняя сестра, крайне неприятное создание, худющая, злая, необычайно хитрая и даже душевнобольная, не настолько, правда, чтобы содержать ее в соответствующем заведении, короче, представляла собой тот пограничный клинический случай, который для окружающих бывает самым безвыходным, а звали ее нежным именем Ангела.

Фридрих Дельмар учился средне. По рассказам отца, тетки Ангелы и учителей, он проявлял себя иногда взбалмошным, нервным, но особых хлопот не доставлял. В роковой день — ноябрь выдался удивительно сухим и теп-

лым — в два часа дня Фридрих Дельмар ловил раков в речной заводи, заросшей ивами и невысоким кустарником. Велосипеда он не взял — только ведро и нож.

В излучине его никто не видел. Когда мальчик вечером не вернулся домой, Ангела, выяснив, что его нет ни у соседей, ни в спортивном зале, отправилась на поиски. Она отыскала его на берегу в кустах, тут же стояло ведро, на дне его плескалась речная вода. Ангела Дельмар, особа болезненная, неуравновешенная, как ни странно, не испугалась, более того, учитывая эти ее особенности, поступила крайне странно: следственные органы лишь на следующее утро, когда уже писался протокол происшествия, выяснили, что она видела племянника убитым... Найдя его в заводи речки Любовь, Ангела Дельмар вернулась домой и ничего не сказала брату. А когда Дельмар решил вызвать полицию, даже пыталась его отговорить: "Мало ли где мальчик мог заблудиться, скоро вернется". Самое удивительное, что брат послушался ее. И только когда пробило полдвенадцатого, а сын все не возвращался, Дельмар позвонил в полицию.

Полицейские машины приехали в Цорн через двадцать минут. Еще через пятнадцать минут в зарослях нашли мертвое тело. В следующую четверть часа на место преступления прибыли полицейский врач, фотограф, эксперт, два криминалиста с собакой и комиссар Ваня... После беглого осмотра установили, что мальчик убит выстрелом в затылок в сидячем положении — убитый лежал, свернувшись, на боку, прижавшись щекой к траве, с улыбкой на мертвом лице, в кармане ножик и разные мелочи, неподалеку ведро с речной водой на дне, а у ног карманная игра. На дне застекленной коробочки — луна с пятью отверстиями, куда полагалось загнать пять маленьких ракет.

Около часа ночи в доме деревенского старосты был по минутам восстановлен с помощью несчастного отца и тетки последний день жизни Фридриха. Потом приступили к допросу местных жителей — все равно почти никто не спал, а те, что легли, узнав о случившемся, в ужасе вскочили с постелей и выбежали на улицу. Карманную игру никто не признал — Дельмар такими не торговал; хотя в его магазине имелись игрушки и всякие игры, таких, как эта, даже на складе не было. Отпечатков пальцев на игре не обнаружили, они нашлись лишь на ведре и принадлежали убитому. Вскрытие показало, что на теле мальчика нет никаких следов насильственных действий и что марка оружия — та же, что и в случае с Антонией Зайбт. Оружия и гильз не нашли.

Утром допросы местных жителей продолжались в присутствии комиссара Вани, тогда-то и выяснилось, что Ангела Дельмар видела убитого мальчика накануне вечером. Ваня — весьма опытный полицейский — не увидел в этом ничего такого, что помогло бы найти преступника, тем не

менее осведомился, по какой причине госпожа Дельмар никому ничего не сказала вечером.

— Я подумала, — отвечала та, — пусть немного отдохнет, у него и вода в ведре была...

Больше Ваня ни о чем ее не спрашивал.

После трех дней поисков убийцы, в которых принимала участие полиция всей страны, результат равнялся нулю. И 24 ноября, в результате вмешательства самого министра внутренних дел, дело принял на расследование главный криминальный советник доктор Виктор Хойман.

— Отец взял дело в свои руки, — рассказывал Вики друзьям. Он стряхнул пепел и потянулся к блюду с миндалем. — Взял на себя всю ответственность. Ваня вместе со своим штабом продолжает вести следствие, но уже под руководством Хоймана.

Барри улыбнулся вальяжному турку, который, казалось, прислушивался к разговору, и спросил:

— А что, собственно, предпринял твой отец? Пошел новым путем?

Вики пожал плечами:

— Новым? Да вроде бы нет. Знаю только, что он сперва сравнил все данные по обоим убийствам и установил — впрочем, Ваня установил то же самое, — что все, кроме жертв и мест преступления, совпадает и все говорит о том, что убийца и орудие преступления те же. Оружие всегда было коньком моего папаши. В нем он всегда разбирался лучше, чем в жизни своей семьи — жены и детей. У него дома есть коллекция оружия. Я знаю в ней каждый пистолет. Некоторые даже заряжены. Спрашиваешь, что он сделал, чтобы продвинуть следствие? Провел новые допросы свидетелей, осмотр местности, всяких подозрительных притонов по всей стране, а особенно в столице. В кабаках стоило бы поискать, мне давно так кажется, и Гофман считает...

Вики, обернувшись, оглядел полутемный зал.

— А что ты думаешь о карманной игре? — возбужденно спросила Грета; то и дело отпивая из бокала, она уже слегка опьянела.

Вики погасил сигарету и махнул рукой.

— А, ерунда. Убийца точно визитку свою у трупа оставляет. Наш камердинер считает, что он этим или полицию хочет заинтриговать — говорит, такие случаи бывают, — или же игра имеет для него какое-то значение. Во всяком случае, до сих пор игра ничем его не выдала. — Вики наклонился к друзьям и тихо заключил: — Полиция не знает, что делать, и мой драгоценный отец тоже, даже игра не помогла.

Благообразный турок за соседним столом улыбнулся своим приятелям, отодвинул блюдо с пирожными и конфетами и поднял руку. Тут же возник официант-боксер, и

турок о чем-то распорядился. Боксер, засмеявшись, исчез. Барри прошептал:

— Видишь, за соседним столом что-то намечается, так что растолкуй мне напоследок еще вот какую вещь. Если я правильно понял, раз в обоих случаях действовал один убийца, значит, это не местный человек. Кнеппбург и Цорн в совершенно противоположных сторонах от столицы. Неужели же никто не встречал там чужих во время убийств?

— Существует составленный по всей форме акт, — отвечал Вики. — Акт о посторонних лицах, замеченных в районе преступления в тот период. «Вроде бы кое-кто каких-то посторонних видел, но ни один не смог точно описать. Одна женщина в Кнеппбурге встретила в то воскресенье мужчину с лошадыю, по ее словам, незнакомого. Ваня это сообщение не принял всерьез. Не станет же убийца у всех на глазах ходить вокруг деревни с лошадыю. После проверки и впрямь оказалось, что это был местный крестьянин. Женщина в Цорне заметила 20 ноября на дороге голубой автомобиль, которым управляла женщина. Через несколько дней выяснили, что проезжала учительница из соседней деревни. Мало того, — Вики засмеялся, — Ваня даже разыскал где-то на юге художника, с сентября по ноябрь рисовавшего пейзажи в окрестностях столицы. Обо всех появлявшихся тогда посторонних есть сведения в этом документе — и никаких результатов.

Тем временем официант-боксер вернулся к соседнему столу и подал старшему турку меню. Турок отпустил боксера, компания склонилась над меню, хотя стол был еще заставлен едой и выпивкой.

Барри прошептал:

— Они собираются ужинать, уверен, и нас пригласят, надо поговорить о поездке в Турцию. Скорей всего они предложат сдвинуть столы.

— Послушай, Вики, — засмеялась Грета, — ты когда-нибудь унаследуешь эту вашу коллекцию оружия и станешь очень богатым человеком.

— Ну что ты, ничего я не унаследую, он обещал завещать ее Музею полиции. Ну и пусть, — Вики махнул рукой, — меня это не интересует. Что я стану делать с оружием? А его беспомощность в этом деле меня даже радует. Когда он служил в оперативной группе, ему во всем везло. — Вики чувствовал легкое опьянение; склонившись над столом, он откровенничал: — У него и потом все шло удачно. Он сотрудничает и в Интерполе. Этот случай — первый прокол, но какой! — Вики, с таинственным видом оглядевшись по сторонам, еще ближе наклонился к друзьям. — Представляете, какая поднялась бы шумиха, если бы я нашел детоубийцу? Это и имел в виду Гофман, когда подбивал меня обойти забегадки, он думает, что главное — попасть в газеты. Но главное не это. Знаешь, Барри, что будет

тогда с отцом? Он с ума сойдет! Хотя вряд ли, уж он-то не свихнется. Промолчит, даже виду не подаст, только легче ему от того не станет. Найди я убийцу, ни за что ему не сказал бы, не такой я дурак. Он никогда в жизни мне бы этого не забыл. Для него это было бы куда большим ударом, чем вовсе не найти убийцу...

Вики помолчал, оглядел столики, покосился на турок и тихо продолжал:

— Все возмущены, чем дальше, тем больше, убийца оставил полицию с носом... Думаю, если произойдет еще такое же убийство и преступник не будет схвачен, он подаст в отставку и откажется от своего учебника. Уйдет на пенсию.

— Ничего подобного, — возразил Барри, — прошли времена, когда преступления расследовал детектив-одиночка, сегодня работает целый штаб и задействована полиция всей страны. Твоему отцу незачем уходить в отставку, не на нем одном лежит ответственность за следствие.

— Нет, это дело престижа. Все знают, что ответственность на нем, и в газетах писали, даже Интерпол в курсе. Как на войне — воюют солдаты и офицеры, а генерал один. И если война проиграна, на его долю достается позор. Я слышал: многие генералы, проиграв сражение, стрелялись.

Турок из-за соседнего стола улыбнулся друзьям и проговорил:

— Вы собираетесь в Турцию, господин Пирэ? Так вот, раз уж мы тут встретились с вами, да еще в обществе сестры, — он любезно поклонился Грете, — и вашего друга, с которым вы собираетесь в путешествие, — он поклонился Вики, — позвольте пригласить вас на ужин. Прошу вас выбрать, что вам будет угодно, обратите особое внимание на закуски. — Он передал Барри меню и предложил: — Нам, пожалуй, лучше сдвинуть столы, так удобнее.

Когда они все вместе справились с превосходным ужином и допили кофе, пробило одиннадцать. В полдвенадцатого друзья с турками простились, оделись и без четверти двенадцать покинули бар. К вилле Хоймана подъехали ровно в полночь.

Вики вышел из машины, не забывая, что на запястье у него новые часы, а на шее красивый шарф. В руках он держал пакет с галстуками и маленькую елочку. Снова порошил снег. Мелкий ночной снег...

VI

Кабинет главного криминального советника доктора Виктора Хоймана размещался на верхнем этаже виллы. Одну стену закрывала библиотека — около 3000 томов, на корешках стояли имена Стендаля, Бальзака, Манна, а так-

же Гёте, Пушкина, Казандзакиса. Вытянув шею, можно было увидеть книги Золя, Толстого и знаменитых скандинавов. Все они принадлежали покойной госпоже Хойман, включая сказки Андерсена и "Сердце Эдмона де Амициса". В книжную стенку был встроен сейф, замаскированный инкрустированными досками. Кроме того, в шкафах имелись различные ящики и дверцы, которые назывались сейфами, хотя таковыми не являлись. Это, по существу, была картотека, и там хранились документы. У прочих стен стояла прекрасная старинная мебель: секретер в стиле барокко, шкаф в стиле ампир — тоже собственность госпожи Хойман. В углу — стол и пять кресел, обтянутых темной кожей. Гости, а точнее, сотрудники советника Хоймана, посещавшие его не иначе чем по делу, принимались, как правило, здесь. Громадный ковер в темных тонах на полу, темная разлапистая люстра. У окна — письменный стол с телефоном и большие черные часы. В кабинете советника Хоймана все было внушительных размеров и в темных тонах.

Двери из кабинета вели в зал, где, кроме других предметов, стояла декоративная белая консоль в античном стиле, на ней второй телефонный аппарат. Эти двери были затворены, а противоположные открыты в небольшую смежную комнату, там сейчас находились четверо мужчин. Они стояли у открытой витрины стеклянного двухметрового шкафа — в футлярах и просто так, на бархате и на полочках, лежало огнестрельное оружие различных марок. С первого взгляда могло показаться, что это посетители музея.

— Оружие требует тщательного ухода, — говорил советник Хойман, стоя у шкафа и показывая ствол пистолета, который держал в руке. — Хоть из него и не стреляют, но чистить необходимо. Перепишите, пожалуйста, картотеку на новые карточки, — бросил он камердинеру, — купите в любом писчебумажном магазине, их там полно и стоят всего ничего.

Камердинер, рослый, молчаливый и важный, один из четверых присутствующих, нагнул в знак согласия голову и отошел к низкому серванту, над которым, на стене, обшитой деревянными панелями, висела картина, тоже в темных тонах, изображающая охоту. Он следил за Хойманом и ждал, пока тот вынет из витрины самый драгоценный пистолет. Но советник Хойман вынул другой, и даже не пистолет, а револьвер.

— Где те времена, когда ходили с таким вот оружием за поясом, — тихо проговорил советник, и камердинеру показалось, что советник пытается шутить. — Тогда у полиции было вполосину меньше работы. Точно, Эрвин, — обратился он к полковнику Зайбту, третьему из присутствующих, — совершенствуется техника, совершенствуются и преступления. Когда стреляли из подобной штуки, — он показал на револьвер, — все было проще. Убийца убил,

что-то при этом потерял, кто-то заметил его, полиция допросила нескольких свидетелей, установила, кому выгодно преступление, — и преступник схвачен. Если не признавался, не стесняясь применяли пытки — и дело с концом. Конечно, и тогда случались сложности, средства у полиции были примитивные...

А камердинер подумал: "Господин советник воздаст должное предшественникам, однако сам себе противоречит".

Виктор Хойман положил револьвер на место, и камердинер увидел, что он берет памятное оружие — пистолет. Наконец-то! Хойман взял его чуть ли не с брезгливостью. Камердинер знал, что хозяин не любит этот пистолет, но столь явного отвращения раньше не замечал.

"Так берут что-то зловещее, проклятое, — подумал камердинер, — например, веревку, на которой тебя хотели повесить. Тут другое. Господину советнику это оружие неприятно, потому что из такого же убили двоих детей".

Хойман прикрыл глаза, лицо потемнело и нахмурилось, а камердинер испытал странное ощущение оттого, что угадал нарастающую в душе советника злобу.

Хойман обернулся к нему:

— Пыль собралась, надо время от времени протирать. Если бы мы знали то, чего не знаем, — продолжал он, обращаясь к комиссару Ване, который и был четвертым в этой компании, — то до завтрашнего вечера арестовали бы преступника, готов присягнуть...

Камердинер подумал: "Ну, естественно!"

А советник пригласил гостей сесть.

Когда комиссар Ваня, полковник Зайбт и сам советник устроились в креслах у стола, Хойман, не выпуская пистолета из рук, велел камердинеру, заставшему у витрины с оружием, позвонить дежурному по управлению и узнать, что нового произошло за вечер.

— Не забудьте все записать.

Камердинер поклонился и вышел, немного сгорбившись по привычке.

Когда слуга затворил за собой дверь, Хойман вытащил носовой платок, протер пистолет и внимательно осмотрел его, как осматривает хирург внутренние органы оперируемого.

Полковник Зайбт, высокий здоровяк, похожий на эдакого элегантного землевладельца, тоже взглянул на оружие:

— Значит, из такого же убиты дети. Нам-то с вами известно, что это особое оружие. Вы, конечно, при расследовании не обошли вниманием ни одного из членов нашего Союза?

Слова Зайбта были сдобрены юмором и добродушной иронией. Будь камердинер сейчас в кабинете, он подумал бы: "Отлично, господин полковник — веселый человек, он

не любит говорить серьезно, но, пожалуй, господин советник ничего не заметил...”

— Проверили всех из наших, кто еще жив, — ответил советник с полной серьезностью, он не отрывал глаз от пистолета, все еще, хоть и с отвращением, держа его в руках. — Ни одного не пропустили и, сами знаете, старались действовать при этом тактично. Ты, например, не детоубийца, — объявил он полковнику, — я, насколько мне известно, тоже нет. Остается пятнадцать человек. С Растером — шестнадцать. Трех уже нет в живых. Значит, тринадцать. У Рингвальда, Крупца и Дессеффи оружия больше нет. Дессеффи потерял пистолет восемь лет назад в Египте, это мне точно известно. Один сержант предположил... — Хойман с раздражением отвел глаза от оружия, — что убийца, возможно, нашел именно этот пистолет в Египте, и предложил комиссару, — Хойман кивнул на Ваню, — проследить за всеми приехавшими оттуда. Крупец три года назад отдал пистолет в Музей народного ополчения в своем родном городе, он лежит там под стеклом, как вот этот здесь у меня, разве что на том меньше пыли, чем на моем, потому что в музее не камердинер следит за оружием, а государственный служащий. Рингвальд подарил пистолет племяннику на свадьбу — это было давно... — Хойман усмехнулся, помолчал и продолжал: — Племянник этот теперь доцент, читает зоологию и живет за границей, в Копенгагене, и, судя по тому, что я о нем знаю, не мог в сентябре и ноябре специально приезжать сюда, чтобы убивать детей. Значит, из тринадцати остается десять, включая меня и Зайбта — двенадцать. Но это все пустые рассуждения. Потому что вряд ли только двенадцать человек владеют подобным оружием. Таких пистолетов может быть гораздо больше и у нас, и за границей. Если идти лишь по этому следу... — Хойман мельком взглянул на Ваню и Зайбта, — мы должны допросить тысячи людей во всем мире. В том числе императора Эфиопии Хайле Селассие и английскую королеву Елизавету II. Какой-нибудь ловкий писака мог бы слепить из этого роман, скажем, “Четыре туза” или “Двенадцать таинственных негритят”.

Хойман положил пистолет на стол и отряхнул руки — если бы присутствовал камердинер, он бы сказал себе: “Господин советник выразил свое отношение к детективной литературе”.

Хозяин поднялся с кресла и, выйдя на площадку, крикнул экономке, чтобы принесла кофе, потом вернулся к своему креслу, но прежде чем сесть, задержался у окна... А пока он смотрел в окно и в глубине его души, как верно

---

* Роман Агаты Кристи “Четыре туза” и перефразированное название его же романа “Десять негритят”.

угадал камердинер, клокотала ярость, полковник Зайбт, взяв в руки пистолет, рассматривал его всегдашним своим живым и смешливым взглядом...

Пистолет был короткоствольный, рукоять выложена перламутром, в середине — металлический герб с монограммой Виктора Хоймана, памятной датой и инициалами Союза студентов-патриотов. У полковника Зайбта имелся точно такой же, с монограммой и той же датой. Подобным же пистолетом владел Бернард Растер, дом которого стоял под углом к вилле Хоймана. Такое же оружие имелось еще у пятнадцати ветеранов Союза, из которых трое умерли, а трое других лишились его. По разным причинам... Но подобных пистолетов скорее всего было больше, и подозрение, выдвинутое против ветеранов Студенческого союза в связи с убийствами в Кнеппбурге и Цорне, могло оказаться ударом, направленным в пустоту. Однако их все же проверили, как только после второго убийства дело принял Хойман. Следствие, по его словам, велось достаточно тактично, и тактичность эта состояла в том, что Хойман не обвинял напрямую своих бывших приятелей в детоубийстве, а лишь держал такую возможность в голове, собирая сведения окольными путями.

Глава криминальной полиции страны выглядел человеком благожелательным, лишь находясь в избранном обществе или, скажем, в театре, что случалось чрезвычайно редко. Советник посещал премьеры только по необходимости, по приглашениям, которые не мог отместить даже ссылкой на неотложную работу, либо когда его приглашал сам министр или председатель палаты депутатов. В таких случаях приходилось сохранять вежливость на лице и держаться со всей посильной для него обходительностью. Однако, если бы после спектакля кто-нибудь вздумал спросить советника, о чем была пьеса, тот вряд ли рассказал бы о ней вразумительно. Впрочем, его никто и не рисковал спрашивать. Он был знаменитым специалистом совсем в другой области. Фантазерство, как он называл театр, живопись, скульптуру и музыку, мало его интересовало. Книги тоже. Он и в обществе говорил о криминалистике, преступности и уголовных статьях, а это не всегда наилучшая тема для разговора. Случалось, ко всеобщему удивлению, он заводил речь и об обыденных мелочах, и в таких исключительных случаях тон его терял всегдашнюю серьезность. В подобные минуты он даже выглядел обаятельным. Но когда он был на службе, например, в своей рабочей резиденции на пятом этаже полицейского управления — шеф криминальной полиции страны заседал в Главном полицейском управлении, ибо там располагалось и ведомство по уголовным делам, — или в домашнем кабинете, он выглядел далеко не миролюбиво, а так как работа дома и в управлении занимала почти все его время и пребывание дома — то есть в рабочем кабинете — и составляло его

частную жизнь, нетрудно вычислить, что дружелюбием и общительностью советника Хоймана природа не наградила. Совсем наоборот — Хойман был человеком жестким, холодным, прямолинейным, со строгим выражением лица, отчего он, как ни странно, казался моложе. Он отличался военной выправкой, твердым шагом, говорил мало и кратко, действовал решительно. Общаясь с нарушителями закона, держался сурово, а если бы был судьей, ни один преступник не получил бы коротких сроков, да и длительных тоже — Хойман всех бы приговаривал к смертной казни. И хотя он не был ни министром, ни депутатом, много лет назад он участвовал в дискуссии об отмене смертной казни и выступал так рьяно, что многие утверждали: только из-за его вмешательства смертную казнь так и не отменили. Он также постарался, на сей раз успешно, чтобы приняли закон о тунеядстве, который, по мнению большинства специалистов, был бессмыслицей, а по мнению других, окончательная формулировка этого закона являлась насмешкой над свободой, так как впервые в истории законодательства страны обязала каждого гражданина жить исключительно плодами своего труда. Тунеядцем, подлежащим суду и наказанию, стал считаться любой гражданин, даже семнадцатилетний юнец, если он хотя бы временно оказался на иждивении родителей.

На службе никто не смел противоречить советнику Хойману — естественно, из-за его поста и должности, да и, надо сказать, никто и не пытался. Правда, Хойман готов был выслушать мнение подчиненных по особо важным проблемам, если они преподносились в форме напоминаний и предположений, — но лишь в случае крайней важности дела. Дома после смерти жены тоже кое-кто осмеливался возражать советнику, например, камердинер, не словами, конечно, а косвенно — жестами, походкой, покачиванием головы, но Хойман нашел способ отражать эти немые протесты. Также без слов, демонстрируя, скажем, камердинеру свое нескрываемое к нему презрение. Он редко в чем-либо упрекал его, так как тот был предельно добросовестным слугой. Пыль в оружейной витрине даже сам Хойман не считал таким уже серьезным недосмотром, а о картотеке тоже напомнил без всякого умысла, просто для порядка. Осмеливалась иногда противоречить советнику и экономка Бетти, пожилая прямодушная женщина. Уж она-то за словом в карман не лезла. Когда случались у них столкновения, ни в чем не уступал ей и Хойман, он даже повышал голос, но ни в коем случае не кричал, всего лишь переходил на тон, которым обычно говорят с прислугой, ничем ее, конечно, не оскорбляя. Бетти давно к этому привыкла, еще при жизни хозяйки, и нисколько не обижалась. Даже тайком насмехалась над хозяином. Она прожила достаточно долгую жизнь и накопила столько мудрости, что умела

дать оценку любому, даже советнику криминальной полиции, — уж она-то знала, чего он стоит.

А вот старший сын Хоймана, Март, никак не мог поладить с отцом, был упрям и несговорчив, да что толку: Хойман боролся с сыновним упорством тем, что не замечал его. Не признавал конфликта с сыном, будто ничего такого не было вовсе. Закончив юридический факультет, Март уехал из столицы в другой город и устроился там на киностудию, тем самым дав понять, что порвал с отцом всерьез и навсегда. Домой он приезжал дважды в год, один раз на День поминовения, и отправлялся на могилу матери, однако никогда не навещал отца ни на день рождения, ни на Рождество. И все же никто не мог утверждать, что советник Хойман злой человек, никто: ни камердинер, ни Бетти, даже, пожалуй, сам Март не думал так. Подчиненные часто сжимали кулаки в карманах, но и они, и его правая рука, старший комиссар Ваня, отдавали должное Хойману, как, впрочем, и министр внутренних дел, который не особенно любил советника, а тот его еще меньше.

У Хоймана была просто-напросто жесткая, холодная, прямолинейная натура, и его строгость и несгибаемость в сочетании с полномочиями, которыми он был облечен, делали его предельно властным. Единственным человеком из малых сих, который говорил с советником, как со всяким другим, без пиетета и иногда критично, а он, кстати, терпел, была вдова генерала Мейербаха...

Итак, Хойман сидел в прилегающей к кабинету комнате — с застекленным шкафом, заполненным коллекцией оружия, с сервантом и картиной, изображающей охоту; справа от него расположился комиссар Ваня, слева — полковник Зайбт, который жил тут же, выше этажом, в трех очень комфортабельных комнатах мезонина. Хойман сидел между ними, и его понемногу охватывала ярость.

Он глядел в окно, в бесснежную вечернюю — вернее, уже ночную — темень... Хойман глядел в бесснежную тьму, но краем глаза видел и полковника Зайбта, погруженного в созерцание пистолета, и где-то на самом дне его души вскипала злость, в очередной раз перед его глазами ожил тот памятный день, когда он получил пистолет. Он, Зайбт, Растер и другие члены Студенческого патриотического союза.

Союз этот был основан в столице в середине минувшего века одним известным патриотом. В него входила студенческая молодежь из прогрессивных семейств, устав Союза был достаточно демократичным — происхождение особой роли не играло. В Союзе состояли сыновья промышленников, торговцев, офицеров, но также дети ремесленников и рабочих, даже из самых бедных слоев, и так как основатели были людьми мудрыми — а таких в те нетеропливые десятилетия хватало, — они строго следили, что-

бы богатые не имели преимущества и чтобы соблюдалось определенное равенство. Союз был не только общественным клубом, но и курсами начальной военной подготовки, а происхождение не имело решающего значения, потому что изначально считалось: родину защищать должны все. Принимались все без исключения студенты, так как это был студенческий союз, — принимались с восемнадцати лет, так как в этом возрасте поступают в высшие учебные заведения.

Молодые люди развлекались, занимались спортом, катили, однако много времени отдавали и военной подготовке, особенно стрельбе, ибо искусство стрельбы всегда считалось самым необходимым при обороне страны. После семи лет каждый получал диплом и серебряную плакетку. Был период, когда выпускники курсов военной подготовки получали и пистолет с перламутровой рукояткой, монограммой, датой и аббревиатурой Союза. Позже награждение оружием запретили, и остались лишь дипломы и плакетки. Пистолеты, которые получили счастливые избранники, изготовлены были фирмой Мейербах и отличались одной особенностью...

Памятным октябрьским воскресеньем, тридцать пять лет назад, вручали Хойману и прочим эти пистолеты. Церемония происходила в замке Бук, где последние двадцать лет размещались самые разные общественные организации — офицерский клуб воинского управления, клуб охраны памятников архитектуры, местное общество народного просвещения, общественная библиотека, мастерская старого скульптора, вдобавок еще и ботанический архив, представляющий собой богатейший гербарий. Часть замка арендовалась в течение всего этого двадцатилетия Студенческим патриотическим союзом. Там проходили собрания и торжественные застолья — играли в карты и шахматы, в бильярд, имелось даже казино. Во дворе и в погребах замка были тир и стрельбища, устраивались стрелковые соревнования. Итак, тридцать пять лет назад, в прекрасное октябрьское воскресенье, студентам-выпускникам выдавали дипломы, серебряные плакетки и пистолеты — вручал награды тогдашний председатель Союза полковник Мейербах, по странному стечению обстоятельств однофамилец оружейника Мейербаха. Все происходило в торжественной обстановке, вечером, в малом зале замка. Стены украшены были штандартом и выпелами Союза. Полковник Мейербах стоял под штандартом, перед ним на столе лежали дипломы и пистолеты в кобурах. Адьютант, старший лейтенант, помогал ему. Студенты стояли перед ними, выстроившись в шеренгу, по стойке "смирно" и напряженно следили за каждым жестом полковника. Мейербах отличался энергичными движениями, бравой выправкой, однако правая его рука двигалась как-то странно, точно у деревянной куклы. И когда полковник, произнося торжественную речь,

задевал правой рукой стол, слышался стук. Вместо руки у него был протез. Все исполнили патристическую песню, и полковник скомандовал "вольнo!".

Мейербах называл имена по списку, старший лейтенант протягивал ему все, что полагалось, будто ассистировал при хирургической операции и подавал инструменты, а полковник вручал весь набор каждому награжденному. Когда на столе ничего не осталось, он таинственно произнес:

— А теперь внимательно осмотрите оружие. Такого вы ни у кого не увидите. Это особенное оружие. Кто первый разберется, в чем тут дело, будет пить сегодня из золотого кубка.

Все стали разглядывать пистолеты, вертели их, переговариваясь. Полковник Мейербах молча наблюдал за ними, постукивая своим протезом. Никто не мог понять, что же в них особенного. Не перламутровая же инкрустация, не герб с эмблемой Союза, не контур пистолета, не калибр — 6,35, вполне обычный, не вид спускового крючка — ничего такого уж необычного в нем не было... Пауза затягивалась, полковник Мейербах готов был раскрыть секрет. И вдруг Хойман все понял. Он еще тогда отлично разбирался в оружии. Вот тут-то и произошло почти невероятное. Хотя случается и такое: время идет, течет, уходит, а последствия того, что когда-то произошло за какие-нибудь час-два, да что там — за минуты, долю секунды, сохраняются на долгие-долгие годы. Когда загадку разгадал Хойман, ее же разгадал и Растер. Возможно, один опередил другого всего на несколько секунд — этого не знает никто и узнать уже не сможет. Факт тот, что Растер ответил первым.

— Понял! — воскликнул он. — Голову даю на отсечение, еще и перстень в придачу, если ошибся. У стволов обратная нарезка, то есть нарезка против часовой стрелки.

Вот о чем вспомнил Хойман сегодня вечером в этой комнате. Столь ясно, будто это было вчера. Прошло тридцать пять лет, но Хойман нахмурился и с силой сжал подлокотники кресла. Он глядел в окно, за которым чернела ночь, в глубине его души закипала злоба. Но он молчал...

После Растеровых слов в малом замковом зале взорвались крики, свист и аплодисменты. Полковник Мейербах постукал протезом по столу.

— Правильно. Хвалю! Левосторонняя нарезка — исключение. Все пистолеты в мире имеют правостороннюю. Как винтовые лестницы старинных готических замков, где движение по часовой стрелке было удобно для обороняющихся и неудобно для нападающих при рукопашном бое. Дорожите этими пистолетами. Итак, Растер сегодня пьет из золотого кубка.

— Полковник Мейербах вскоре после того торжества был произведен в генералы, а двадцать лет назад умер, —

неожиданно прервал молчание Зайбт, все еще разглядывая пистолеты, и слегка выпрямился в своем кресле. — Не слышал, как живет его вдове?

Советник отвел взгляд от окна.

— Да, теперь генералу было бы 90 лет. Вдове живет неплохо, воспитывает внука, впрочем, ты ее на днях здесь увидишь.

И Хойман снова ушел в себя.

...Удостоверившись, что пистолеты у каждого из них с особой левосторонней нарезкой, студенты из малого зала перешли в смежное помещение — огромный зал, украшенный скульптурой и фресками. На необъятном столе — роскошное угощение. Хойман вспомнил, что ужин обслуживали трое кадетов — дружественный акт с их стороны. Подавали рыбу, дичь, говядину, птицу, блюда буженины с хреном, копченое сало. И, естественно, великое множество вин. Кроме вина пили ледяную родниковую воду, пиво, джин, коньяк, виски — до самого рассвета.

Когда пейзаж за высокими стрельчатыми окнами стал заметно сереть и небо прояснилось, произошел один инцидент.

— Помнишь давешний конфликт между Центгером и Растером? — спросил Хойман полковника, продолжавшего вертеть в руках пистолет, и снова загляделся в окно, за которым густела бесснежная ночная тьма... Тот случай выявил характеры обоих...

Полковник усмехнулся, а Хойман наконец оторвался от окна и прикрыл глаза.

...Тем временем пейзаж за стрельчатыми окнами начал сереть, наступал рассвет. В огромном замковом зале тогда, тридцать пять лет назад, Растер, порядком набравшись, взгромоздился на резное кресло под статуей какого-то античного бога или героя — скульптурное искусство юного Хоймана занимало столь же мало, как и теперь... Так вот, Растер, взобравшись на кресло, стал что-то орать, размахивая золотым кубком, из которого пил. В нескольких шагах от него стоял Гётц, красивый двадцатипятилетний юноша, без году неделя фармацевт... Гётца многие любили и потому снисходительно относились к одному его недостатку — он почти не пил, не то чтобы не хотел — желудок его не переносил алкоголя... Он стоял перед Растером, рядом с Хойманом, который презрительно следил, как Растер выставляется со своим золотым кубком. Тут же был и Дессеффи, глазевший мутным ословелым взглядом, и силач Центгер, который после окончания юридического факультета стал, как и Зайбт, офицером. Центгер тоже наблюдал за выкрутасами Растера, поигрывая пистолетом.

А Растер разорвался:

— Хватит, больше я терпеть не намерен!

Все собрались вокруг Растера, сомнений не было — его

слова относились к Ценгеру. Некоторые старались укротить Растера, другие поддержали его, а Гётц попытался утихомирить разгоравшиеся страсти:

— Брось! Нечего скандалить! Ну что такое случилось?.

Кто-то подлил масла в огонь:

— Что ты вообще разорался? Чем недоволен? И при чем тут Гётц? Он что, твой денщик?

Вот этого не надо было говорить.

В Растера точно бес вселился, тем более что к утру он успел напиться почти до бесчувствия. Сильный, как горилла, он мог позволить себе распоясаться — ругался почему зря, размахивал кубком и в конце концов запустил им в Хоймана. Непонятно, почему в него — может, оттого, что Хойман стоял ближе всего к Ценгеру или очень уж ненавистно шурился на него, а возможно, кубок просто вырвался и полетел, в кого Бог пошлет... в общем, так получилось... В Хоймана Растер не попал, тот отклонился, а попал в Дессеффи.

Все разразились хохотом, хвалили Хоймана, смеялись над Дессеффи, но в центре внимания все же оставался Растер. Он угрожал сломать шею каждому, кто станет натравливать на него Гётца, при этом глядел на Ценгера, а тот отвечал вполне мирным взглядом, все еще поигрывая наградным пистолетом. Мгновение — и пистолет блеснул и в руке Растера. Ценгер взглянул на кубок, откатившийся в угол, на свой пистолет, на Растера и сказал:

— Конечно, безопаснее стрелять в затылок, со спины...

Повернулся к Гётцу и другим, точно приглашал в свидетели, сделал неопределенный жест пистолетом и пообещал:

— Этого жалкого типа когда-нибудь я все же убью!..

Кого имел в виду Ценгер, Хойман не знал ни тогда, ни теперь.

Всем было известно, что Растер очень дорожил записями Гётца по фармакологии и ревновал любого, кто пытался сблизиться с Гётцем, стараясь не упускать его из-под своего влияния... Впрочем, Хойман интересовался этим не больше, чем античной скульптурой, и Гётц его мало занимал. Равно как и Ценгер с Растером. Конфликт в большом зале замка Бук кончился поздним утром совсем не так, как ожидалось. Всеобщее внимание вдруг переключилось на Дессеффи и Хоймана.

Незадолго до того, летом, у Дессеффи началось что-то вроде романа с дочкой землевладельца, имение которого соседствовало с замком, это был самый богатый помещик здешних мест, но роман закончился уже к осени. Дессеффи подозревал, что тут приложил руку Хойман — тот вместе с другими членами Союза навещал барышню и, в отличие от Дессеффи, простодушного, недалекого малого, часто болтал с ней, например, о деде майоре, описывал стольную жизнь, заграничные путешествия, занятия юрис-

пруденцией, коллекцию оружия... Тогда Хойман еще мало напоминал нынешнего советника криминальной полиции. Сельская барышня внимала Хойману с интересом и восхищением, как и каждая девушка, видевшая в жизни лишь поля, луга и коровники. Дессеффи постепенно терял все позиции, возможно, еще и потому, что помещик был сказочно богат, Дессеффи же, несмотря на аристократическую фамилию, принадлежал к безнадежно захудалой и обедневшей ветви рода. Когда девица окончательно дала Дессеффи отставку — Хойман, правда, при этом так и не занял его места, — Дессеффи выкинул совершенно неожиданную штуку. Однажды вечером он поджег сенной сарай в имении. Выгорел сеник до основания, но все бы обошлось, если бы Хойман спустя месяц не упомянул в деревне о поджоге и поджигателе. Однако дело все равно замяли, помещик уже получил приличную страховку. Дессеффи же после этого возненавидел Хоймана смертельно.

...Путру, когда занялся рассвет и темный пейзаж в стрельчатых окнах замка Бук начал сереть, когда конфликт между Ценгером и Растером уже угас, Хойман вдруг увидел под ногами Дессеффи золотой кубок Растера — тот валялся там с тех пор, как Растер швырнул его... Хойман внезапно поддал кубок ногой, да так сильно, что едва не выбил окно. Растер что-то закричал, но никто не обратил на него внимания, все повернулись к Дессеффи. Так же как помещику — за дочь, он бросился мстить Хойману за все. Драка длилась недолго. Кадеты притащили кувшин ледяной родниковой воды, вылили на голову Дессеффи, и тот, отряхиваясь, уполз куда-то в угол...

Советник криминальной полиции Хойман помнил все так ясно, будто и не прошло столько лет. И воспоминание это, в отличие от воспоминаний о победе Растера, его не огорчило. Глупая история, случившаяся тридцать пять лет тому назад, однажды на рассвете...

Постучав, вошла Бетти с кофе и чашками на подносе.

— Глупая история.... — проворчал Хойман.

Ваня обратил внимание на чашки.

— Прекрасный фарфор, господин советник, я у вас еще не видел этого сервиза... Старый "мейсен"? Где это вы купили?

— Ничего я не покупал, в доме завалился. — Хойман жестом отпустил Бетти и снова посмотрел в окно, за которым царила ночь... А полковник Зайбт отложил наконец пистолет и задумчиво проговорил:

— Может быть, и глупая... Помнится, произошла она на рассвете, в старинном замке Бук, у меня до сих пор все это перед глазами — пирушка длилась всю ночь, мы напились: Дессеффи, Растер, Ценгер, да и ты, Виктор. Вполне естественно, молоды были...

Наступила тишина.

— Однако, — после паузы заговорил Хойман, — если это связать с нашим делом, то есть тот спор между Рас-тером и Ценгером в замке Бук, тридцать пять лет назад, связать с двумя детоубийствами нынешней осенью... Если слова Ценгера о выстреле в затылок соотнести с убийствами в сентябре и ноябре... Пистолет той же системы... — пробормотал Хойман.

Случись здесь камердинер, он бы подумал, что хозяин как исправный детектив хотел бы связать в один узел весь свой опыт долгой жизни — и обернуть на пользу дела...

— Автор детективных книжек, — снова заговорил Хойман, — конечно, все связал бы да еще расцветил бы как следует. Абсурд... Оставим это...

Комиссар Ваня заметил:

— Сегодня я видел в магазине цветные керамические вазы, с ними продавались салфетки и скатерти в тех же тонах. Если поставить такую вазу на стол с цветами...

— Нет, — возразил Хойман, — все одного цвета — примитивно.

Камердинер подумал бы: "Господин советник спорит о вкусах".

Камердинер как раз постучал и остановился на пороге. Потом вошел, по своему обыкновению сутулясь. У него была странная походка, непонятно, как он перемещался, почти не переступая. Камердинер принес блокнот.

— Покажите! — Советник жестом подозвал его, беглым взглядом пробежал записи. Одно сообщение показалось ему важным.

— Вот он, беглец! — И передал блокнот Ване.

— Ага, арестант, бежавший из брюссельской тюрьмы, — кивнул Ваня. — В Польше и в Бельгии он назывался Стопек, у нас — Анатоль Брикциус... — Ваня вернул блокнот Хойману.

Забирая блокнот, Хойман взглянул в окно и — в первый раз за вечер — на часы. Камердинер заметил и жест, и выражение его лица.

"Я не ошибся, — отметил он про себя. — Он раздражен и раздражается все больше".

Хойман приказал:

— Пока далеко не уходите.

Камердинер поплыл к двери. Он был уверен: нынче ночью в этом доме что-то случится.

Близилась полночь. Атмосфера в оружейной комнате сгущалась. Ваня и Зайбт, казалось, ничего не замечали. Полковники и даже комиссары полиции не всегда улавливают настроение других, особенно когда находятся в гостях, ведут дружеские разговоры и не видят никаких причин для волнений. Однако камердинер, на глазах которого прошел под этой крышей нынешний день и все предыдущие, и даже месяцы и годы, предчувствовал и допод-

линно знал: достаточно чиркнуть в комнате спичкой — и быть взрыву.

В зале камердинер остановился у консоли с телефоном, раздумывая, куда пойти, — и направил неслышные шаги в кухню, где бодрствовала еще экономка Бетти. Правда, она собиралась на покой.

— Завтра объявляем общегосударственный розыск Анатоля Брикциуса, — обратился советник к комиссару Ване. — Утром отдайте распоряжение и принимайте дело. Если преступник так глуп, как его идиотское имя, он в течение двух дней окажется в наших руках. Однако, раз ему удавалось скрываться от нас столько времени после убийств, маловероятно, что он так уж глуп. Как считаете, словесный портрет достаточно точен?

— Достаточно, — ответил Ваня. — Мы получили его из Брюсселя, он соответствует описаниям Брикциуса, которые у нас имеются. Все свидетельствует о том, что это — разыскиваемый Стопек. Я затребую его фотографии из Брюсселя и Кракова. В нашей картотеке он ни под одним из этих имен не значится, на месте преступления никто его не видел. Но имя, которое он себе выбрал... — Не договорив, Ваня подумал, что эта фальшивая фамилия звучит не так уж глупо: "Брикциусов у нас хватает. Был даже известный поэт Брикциус".

Ваня перевел разговор на рождественские праздники.

— Да, Рождество, — вспомнил и Хойман. — Надеюсь, вы придете с супругой. Будет и госпожа Мейербах. Да, Рождество, — повторил он, — а тут одни заботы, как назло.

— Зато большинству эти дни в радость, — улыбнулся Ваня и подумал: "Заботы заботами, а сам приглашает нас каждый год и доволен, что мы приходим". А вслух добавил: — Волшебный все же праздник, из всех праздников праздник. И так спокон веков.

— С детства привыкли, — рассеянно отозвался Хойман, — это начинается с самого детства и остается с нами на всю жизнь.

— По крайней мере, хоть что-то хорошее остается с нами навсегда, — улыбнулся полковник Зайбт и допил кофе. — Хоть раз в году человек чувствует себя ребенком.

И только теперь и Зайбт, и Ваня заметили, что Хойман не в духе, только теперь перехватили холодные взгляды, бросаемые им в окно, за которым темнела ночь и только-только начинало снова порошить... Заметили они также, что Хойман что-то перемогает в себе, что-то его мучит и даже о Рождестве он говорит через силу.

Ваня приписал настроение шефа неудачам в расследовании, а Зайбт — неприятным воспоминаниям о замке Бук и усталости.

Полковник и Ваня встали, за ними — Хойман. Он взял со стола наградной пистолет и отнес на место.

— До Рождества есть еще время, но тем не менее жду

вас в семь, ужинать сядем в полвосьмого. У камердинера будет выходной. Помогать Бетти придут Камилла и госпожа Мейербах. А вы знаете, что я слышал о ней? — небрежно бросил он. — Что она умеет предсказывать будущее. Я, понятно, никогда ее не спрашивал, правда ли это. Но если и правда, — улыбнулся он, — для нас это значения не имеет. Какое у полиции будущее? Преступления, которые мы расследуем, произошли в прошлом, а прошлое не предскажешь...

Будь здесь камердинер, он бы подумал: "Последняя попытка пошутить, достойная всяческого уважения в минуту крайнего гнева..."

Хойман обвел глазами обшитые деревянными панелями стены, картину с охотниками. Затем встал, чтобы проводить гостей до лестницы. Полковник Зайбт поднялся к себе наверх, комиссара Ваню у подъезда ждала машина.

VII

С новыми часами и ярким шарфом, пакетом галстуков и елочкой Вики тихо поднимался по лестнице — голова, легкая, как перышко, немного кружилась. Он старался не думать о том, что его ждет дома. Только что он провожал глазами красный "ягуар", пока машина скрылась за углом. У Растера было еще светло. Удивительно, но свет горел и в их доме, в двух окнах. Взглянув на часы, он увидел, что как раз наступила полночь. Он уже по дороге знал, что придет в полночь. Но старался не думать об этом — лучше думать о часах и о том, кто их подарил. Наконец он поднялся на второй этаж и осторожно открыл дверь.

Холл тонул в темноте, кое-где поблескивал отраженный свет, белела декоративная консоль с телефоном. Свет зажигать как-то не хотелось.

Он взялся за ручку своей двери и услышал шорох. В глубине коридора, рядом с ванной, скрипнула дверь и показалась высокая тень.

— Ложитесь скорее спать, — посоветовал камердинер, — свет не зажигайте. Утро вечера мудренее.

Вики улыбнулся, кивнул и проскользнул в комнату.

"Камердинер, конечно, очень добрый, — подумал Вики, — но мне теперь, что бы ни случилось, все равно".

Он засветил ночник у тахты, очень слабый, положил на тумбочку у двери елку, пакет с подарком Греты и карманную игру, разулся, стал раздеваться. Шарф повесил на спинку стула, старые часы, последний обломок погребенного детства, бросил на стол, а новые, золотые, бережно положил на ночной столик рядом с тахтой. Раздевшись, решил, что неплохо бы ополоснуться — умывальник, лимонно-желтого цвета, у него был свой, за занавеской,

но, вспомнив о холодной воде, он передумал... Он уселся на тахту рядом со сложенной пижамой, зажав руки между колен и опустив голову — в позе человека, который старается не вспугнуть в себе ощущение счастья, ему казалось, что он вот-вот взлетит.

Вики еще раз поглядел на часы, в ушах звучала песня Греты Гароне:

...Вечером однажды всех я вас покину,
сяду на закате в быструю машину...

Песня зазвучала яснее, будто из-за стены...

...Вот он, луг широкий, вот и темный лес,
и густые травы, и простор небес.
Травы и деревья унесут усталость,
и не ноет сердце, боли не осталось...

"Господи, как мне повезло, мне, выросшему в этом доме, что есть у меня такие друзья..."

Тут его настигла мысль, что он опять дома, в своей комнате, да еще вернулся в полночь.

"А, плевать! Через полгода ни в полночь, ни утром меня не будет здесь, мы с Барри поедем в Турцию".

Он вспоминал названия городов, о которых за ужином рассказывал усатый турок:

"Эти города прекрасны, вы должны посетить их обязательно. Вы молоды, а молодым полезно познавать мир, хотя это и в старости только на пользу, ведь багажа, полученного в юности, на всю жизнь не хватает. Вы увидите Анкару, Адану, Бурсу, но главное — Измир и Стамбул..."

Измир раньше звался Смирной, он расположен среди морских заливов. Часть города на горе, там царит высокая белая мечеть с куполом и минаретами, мечеть возвышается над городом и морем. С площадки, где она стоит, террасами спускаются рестораны, отсюда открывается чудесный вид на нижнюю часть города и морской залив.

"Там нужно побывать непременно, — рассказывал за ужином господин Маглайлия (так звали их собеседника, турецкого богача), — подниматься в гору пешком трудно, дорога крутая, разве что идти не торопясь по главной улице, которая вьется серпантином. Но можно доехать и автобусом, и такси, у нас их полно, большие прекрасные американские машины, а поднявшись на террасы, зайдите в ресторан — ешьте, пейте, любуйтесь городом и морем, и вы поймете, как прекрасен этот мир.

Чудесен вид белой мечети и белых домов Измира под лазурным небом, в сумерки небо становится темно-синим, а на мечети и на десятках зданий зажигаются голубые неоновые огни.

По вечерам и в других наших городах сверкают голубые неоновые лампы — в Европе они смотрятся не так. Для них нужно вечернее небо, какое бывает только на Востоке. В

белом Измире освещение — точно драгоценные камни, разбросанные на несуществующей кулисе, — впрочем, можно ли описать словами эту сказку?

Прежде чем на Измир опустится тьма и на небе зажгутся светильники ночи, во всех мечетях одновременно муэдзины запевают вечерние молитвы, пение заполняет город, широкие улицы и улочки, площади, порт и пристань...

Голоса муэдзинов слышны в открытом море и даже на Кипре, в Варне и в Афинах..."

Вики лежал на тахте, голова слегка кружилась, как будто он парил в высоте, и перед глазами его в свете ночника проплывал Стамбул.

"...Что касается Стамбула — мы говорим: Истанбул — это красивейший город мира. По крайней мере, многие так считают. Правда, то же самое говорят и о Праге, и о Лиссабоне. Без Стамбула нет Турции. Город раскинулся на двух берегах, море и залив окружают его, сверкая и искрясь. В порту — лодки, корабли, заходят и океанские лайнеры. Десятки мечетей, огромных, как кафедральные соборы, сотни малых, точно часовни, мечетей, высокие стройные минареты... как пальцы обращенной к небу прекрасной руки, украшенные драгоценными перстнями — галереями — среди скопления домов множества эпох. Можно сравнить минареты и с копьями, устремленными ввышину, они пытаются достичь неба и соединить с ним землю. И все это — Истанбул.

Музеи в древних мечетях и султанских дворцах с прекрасными залами, внутренними дворами и бассейнами, кофейни, чайные, кондитерские, где подают кока-колу, овечье молоко, коньяк, водку, рахат-лукум, халву, миндаль и мед, курительные залы с кальянами, рестораны мясные, рыбные, специальные турецкие, где готовят денер-кебаб, замечательное национальное блюдо на вертикальном вертеле, его едят с топленным сливочным маслом и зеленью, рестораны французской и английской кухни. Отели из бетона и стекла, сотни светящихся рекламных щитов на широких улицах. На северном и южном берегах — базары. А на базарах мясо, птица, зелень, масло, яйца, пряности и фрукты: дыни, бананы, фиги, финики, ананасы, кокосы, апельсины, яблоки, груши, сливы, персики — но это еще не все.

Самый большой базар — в Аксараяе. Его нужно посетить прежде всех других. Там можно неделями блуждать лабиринтами вдоль лавок, рядов и балаганов. Ряды за рядами, лавки за лавками: посуда, самая разная, духи, ковры, трубки, чеканка и украшения, керамические тарелки и блюда, мангалы. Радиоприемники, телевизоры, холодильники, резьба по дереву, фигурки из збена, слоновой кости, металлические лампы, светильники с цветными стеклами, резные табуреты. Расшитые туфли, бархатные и парчовые,

картины, вышивки, гобелены, мыло, кораллы и зеркала. Ювелирные ряды ласкают глаз — золото, серебро, драгоценные камни. Целые горы золотых колец, браслетов, серег и жемчужных ожерелий — таких вы не встретите нигде, ни в Иране, ни в Индии. По базару в Аксараяе вы можете бродить часами, днями, неделями, блуждать по лабиринтам между лавками, магазинами... бесконечно блуждать под стеклянной крышей... Когда солнце заходит над Измиром, небо там бирюзовое. Стамбульские же закаты — в багровых тонах. Город плавится в огне, но там царит мир, словно вы не на грешной земле, а в раю у Аллаха”.

Господин Маглайлия был, возможно, немного поэт, но Вики понимал, что он не преувеличивает. Это подтверждали глаза турка, улыбки и взгляды его спутников и Барри Пирэ.

“В июне, когда кончатся занятия... — Вики парил в мечтах, лежа на тахте, — мы поедem с Барри в Турцию на “ягуаре” вдвоем. Сами сядем спереди, чемоданы уложим на заднее сиденье. Его отец сделает все через своих знакомых, чтобы путешествие удалось... Полетим, как на перистых облаках...”

Вики представил себе ковер-самолет с атласными подушками, пальмовые листья, розы... Он даже аромат ощутил, одуряющий запах жасмина...

И вдруг резкий стук в дверь.

Пропал ковер-самолет, вместе с ним растаяли атлас, пальмы, розы, чарующий аромат жасмина... парение на облаках счастья. Голова еще кружилась. Он привстал на тахте и увидел призрак.

На пороге стоял отец. Неподвижно и немо, точно вошел в камеру к преступнику. И смотрел на Вики, как на экспонат из коллекции насекомых. Мерил его холодным взглядом, как какого-нибудь выродка. На темное лицо и прищуренные глаза не падал даже отблеск света. Шагнув вперед, он бросил взгляд на часы, как палач перед исполнением приговора. На ощупь затворил за собой дверь.

Вики слегка очнулся от своих грез. Ощущение полета исчезло, но голова все еще приятно кружилась, еще не совсем угас в ней напев. Он сделал над собой усилие и сел.

— Мы обменивались подарками... Рождество скоро... — выдавил он наконец, слыша свой голос будто со стороны.

Советник сделал еще один шаг от двери, осмотрелся в полуметной комнате, включил свет. Слабенькая ночная лампочка потонула в сиянии желтой люстры, комната осветилась до последнего уголка. Советник поглядел на тумбочку и увидел елку и пакеты, поглядел на стол и увидел старые часы, поглядел на стул и увидел на его спинке новый шарф. И снова застыл неподвижно и прямо, прямо и холодно, ни один мускул не дрогнул на лице.

— Мы еще в прошлом месяце договорились съездить за елкой.

Советник бросил взгляд на ночник, свет которого тонул в сиянии люстры, потом — на блеснувшее рядом золото, потом — на сложенную в углу тахты пижаму.

Потом он снова сделал шаг... Подошел к тахте. Вики не то чтобы полностью очнулся, но весь безотчетно напрягся.

— А после мы были в баре, — с трудом выговорил Вики каким-то сдавленным голосом. — Там встретили поставщиков господина Пирэ, они пригласили нас на ужин. Меня, Барри и Грету. А Барри подарил мне золотые часы, вот эти. — Он показал. Ему казалось, что он говорит очень решительно и твердо.

— Во-первых, встань, когда я с тобой разговариваю! — Советник цедил слова медленно, будто взвешивал каждую гласную, лицо оставалось вполне бесстрастным.

Вики спустил босые ноги на пол и встал. Если ты обязан стоять перед другим и ожидать, что скажут, непонятно, куда девать руки и глаза — ощущение не из приятных. Уподобляешься собаке, готовой служить хозяину.

Вики стоял, опустив руки, глядел куда-то в сторону двери, прекрасные мечты унеслись, голова тихо кружилась, и он только наполовину воспринимал происходящее.

— Во-вторых, — чуть громче продолжал советник, — что это за ботинки тут валяются?

Вики подобрал ботинки, которые сбросил на ковер, и заметил лужицу. Он вынес ботинки из комнаты и вернулся, не закрывая двери.

— И в-третьих: что это за метелка? Где ты срубил дерево? Чтобы я его больше здесь не видел!

Вики вынес елку из комнаты, постоял, прикидывая, куда ее деть, и вдруг усмехнулся — первая улыбка с момента прихода тюремщика в камеру. Он вынес елку на балкон, которым кончался коридор, ведущий к ванной, где находилась и комната камердинера.

— А теперь изволь одеться, — приказал советник, когда Вики вернулся, и в лице его не дрогнул ни один мускул, а в глазах не отразился ни один блик света.

Вики молча надел пижаму.

Только теперь, а может, минуту назад, когда выносил елку, он стал ясно воспринимать происходящее. Полностью. Он стоял возле тахты, как и вначале — уронив руки, и ждал, но теперь он понимал свое положение, положение собаки при хозяине...

Советник Виктор Хойман приступил к делу:

— Совсем немного времени прошло с тех пор, как я кое о чем тебя попросил, вряд ли ты забыл. Нужно быть начисто лишенным всякого интеллекта, чтобы забывать так скоро.

Вики понял, что имеет в виду отец. Знал с первой мину-

ты, еще когда к нему подошел камердинер, знал еще в баре. Что неминуем конфликт из-за позднего возвращения. Он понимал это и в недавнем полусне, когда голова его тихо кружилась. Если честно, он знал это и днем, во время их поездки за город.

— Но у нас была назначена встреча — каникулы начались, мы обменивались подарками, — повторил он, и голос его прозвучал ровно и твердо, — а потом поставщики господина Пирэ из Турции пригласили нас на ужин. Я вернулся в двенадцать.

— Я ведь просил, — советник повысил голос, но лицо оставалось холодным и безучастным, — возвращаться не позже десяти. Ты вернулся в двенадцать, рубил в лесу деревья, шатался черт знает где. Господин Пирэ может позволять своим детям торчать по ночам в барах и ужинать с иностранными торговцами. Он может разрешать своим детям все, что заблагорассудится. Он, но не я. И вот ты возвращаешься в полночь вдрызг пьяный.

Вики хотел возмутиться, впервые в этих стенах, закричать, что он вовсе не пьян, а бросать друзей в такой торжественный вечер неудобно, да еще когда он получил от них прекрасные подарки... Они, конечно, ели и пили, но только легкое вино, так уж водится в такие дни, в праздники, они давно договорились...

Но он и рта раскрыть не успел. Советник подошел к столу, уперся взглядом куда-то в переносицу Вики и протянул, тяжело роняя слова:

— Мне неприятно, что ты принимаешь от Бартоломея Пирэ подарки. Золото. Золотые вещи не дарят просто так. Мне это не нравится. Категорически не нравится. Запомни: теперь ты обязан возвращаться домой не позже девяти. Не советую тебе опаздывать даже на минуту, не то пожалеешь.

Он направился к двери. По пути обернулся, посмотрел на пакеты, на карманную игру и отворил дверь. Еще раз обернулся на пороге, постоял неподвижно и немо, оглядывая сына, как арестанта, как насекомое на булавке. Лицо его было непроницаемо, как у палача, который пришел за осужденным на казнь. Потом он вскинул голову и сказал тоном, каким обращаются к прислуге:

— Что касается Турции, выбрось из головы. Обойдешься без Дарданелл. Как-нибудь.

Советник Хойман вышел, шаги затихли, как затихают шаги судьи, вынесшего приговор.

VIII

Утром — в первый день рождественских каникул — Вики встал в восемь.

Глаза у него были мутные, лицо осунулось. Болела го-

лова, и по всему телу разливалась странная усталость. Как во сне подошел он к умывальнику. Из коридора слышались шаги, скорей всего камердинера. Выглянув в окно, он увидел перед виллой отцовский служебный "шевроле".

Подождав, пока советник выйдет из подъезда и сядет в машину, Вики надел новые золотые часы и вышел в холл. Набрал номер Пирэ.

— И из-за этого ты не спал? — засмеялся Барри на другом конце провода. — Из-за этого болит голова и ты весь разбит? Ну, Вики, ты даешь! Все ты преувеличиваешь! Нет никакой трагедии, и до конца июня еще полгода.

— Он никогда не отказывается от своих слов, ни за что... А впрочем, ты прав. — Вики немного оживился. — Мы все равно поедem, пусть он потом хоть застрелит меня! Давай встретимся завтра, когда ты вернешься с гор!

Барри на другом конце провода тотчас согласился. Они договорились встретиться завтра утром, и Вики, повесив трубку, сразу успокоился. Странно: усталость еще, правда, чувствовалась, но голова не болела.

В кухне он намазал кусок хлеба маслом, налил чаю и все время, пока ел, посматривал на часы. Бетти мыла чашки, вытирала, заглядывала в холодильник. Вики показалось, она тоже сама не своя. Наконец Бетти объявила, что господин советник вернется сегодня поздно, в Управлении какое-то предпраздничное совещание.

А Вики подумал: "Слава Богу, он вернется поздно. Благословен каждый день, каждый час, каждая минута, когда его здесь нет..."

На улице шел снег. Вики вышел в холл и у отцовского кабинета повстречал камердинера.

— Я прочитаю в кабинете, — объяснил Вики, — хоть и устал. Все же перелистаю еще раз документы насчет этого дела, все, какие хранятся под этой несчастной крышей. Да, я забыл закрыть дверь на цепочку.

Камердинер пообещал закрыть дверь и подтвердил, что сегодня господин советник задержится — может быть, даже до ночи. Там у них инструктаж какой-то. А предпраздничные инструктажи в полиции затягиваются глубоко за полночь, это уж будьте уверены.

Камердинер направился к входным дверям — неслышным, почти неуловимым шагом — нагнуть цепочку, чтобы господину советнику пришлось звонить, если он ненароком явится раньше. Вики вошел в кабинет.

Он раскрывал резные дверцы шкафов в библиотеке — их называли сейфами, хоть они таковыми не являлись. Доставал оттуда папки, которые уже изучил, а вот и новые! Помеченные буквой "У". Тут самые последние донесения. Все это Вики отнес на угловой стол, уселся в кресло и погружился в свежие материалы.

Сверху лежал лист, исписанный почерком камердинера.

Донесения, записанные вчера вечером по телефону из дежурной части.

"20 декабря, 22 часа.

Сегодня, 20 декабря в 16.00, инспектор Мелк с ассистентом Амброзом по договоренности и с согласия владельца провели осмотр комнаты и прилежащих помещений на вилле Раймунда Себетани на Поточной, 6, район 8. Как сообщил владелец виллы Себетани, с 14 по 16 декабря у него снимал комнату некий Анатолий Брикциус, автомеханик, 30 лет, место рождения... холостой... проживавший до этого, по его словам, в... роста примерно 170 см, коренастый, с каштановыми, зачесанными назад волосами, небритый, глаза темно-карие или черные (Себетани колеблется в определении цвета). Домовладелец подтвердил, что квартирант Брикциус оставил комнату в таком же состоянии, в каком два дня назад снял ее, ничего не взял и ничего не забыл. Деньги за два дня проживания и ключи от входа лежали на столе в зеленом конверте. Себетани не может сказать точно, в котором часу 16 декабря Брикциус покинул дом, входная дверь захлопывается сама. Однако он полагает, что Брикциус ушел около 17 часов. Сам хозяин вернулся после 17 и Брикциуса не видел. Только вечером он постучался к нему, комната была пуста, на столе лежал упомянутый конверт.

Инспектор Мелк не нашел ничего, принадлежавшего Брикциусу или связанного с его двухдневным пребыванием в доме. Себетани показал, что Брикциус пришел с небольшим черным чемоданом из искусственной кожи с замками из белого металла. Ключи и зеленый конверт инспектор Мелк, с разрешения Себетани, передал для дактилоскопической экспертизы. Установлено, что отпечатки в Центральной картотеке не значатся. Конец".

Вики дочитал и решил сам зайти к Себетани на Поточную и спросить про Брикциуса. Вот он, настоящий след преступника. Но как он представится, как объяснит Себетани свое любопытство?

К вчерашнему донесению скрепкой был приколот небольшой листок. Рукой отца написано: "Общегосударственный розыск А.Брикциуса объявлен 20 декабря вечером".

Вики перешел к другим материалам из папок, помеченных буквой "У".

Это были фотокопии документов. Содержали они заметки, выписки из запротоколированных допросов разных лиц, встречавших человека по имени Анатолий Брикциус. Над каждой выпиской стояло имя опрашиваемого, дата рождения, должность, общественное положение и адрес. Некая Камилла Вебер, незамужняя, официантка отеля "Меркурий", показала, что в конце ноября текущего года несколько вечеров подряд обслуживала в ресторане гостя,

который в последнее свое посещение (25 ноября) представился Анатодем Брикциусом, автомехаником, — она провела с ним ночь... всего одну. Он сказал ей, что завтра уезжает, а в столицу вернется перед самым Рождеством и остановится в этом же отеле. Под сообщением приписка без даты: "Не пришел". Брикциус будто соби́рался куда-то на север, к родственникам — куда именно, не уточнил. И заметка: "Описание внешности Брикциуса соответствует описанию, записанному со слов Р.Себетани".

Далее — показания Марты Мора, незамужней, мороженщицы в кафе "У желтого полумесяца"... дата рождения, адрес... Она познакомилась с человеком, назвавшимся Анатодем Брикциусом, 8 декабря, после первого вечернего представления на эстраде кафе, где служит, а на другое утро встрети́лась с ним у входа в Галерею изящных искусств. Брикциус повел ее в кино, затем в ресторан "У императора Иоанна", оттуда к ней домой... Кратковременный знакомый Марты показал удостоверение на имя Анатоля Брикциуса, краснодеревщика(!). Больше они не встречались. Описание совпадает с предыдущими...

Вики просмотрел еще три такие выписки из протоколов, касающиеся Брикциуса во время его пребывания в столице, все относились к началу декабря, все давались женщинами. Официантки, продавщицы, работницы. Только одно донесение отличалось от прочих. Фотокопия протокола от 15 декабря, составленного в одном из полицейских комиссариатов столицы. Показания были получены от инженера по фамилии Замора и касались мужчины ростом около 170 см, крепкого телосложения, с каштановыми, зачесанными назад волосами, лет 30, который 21 декабря, то есть на следующий день после убийства у деревни Цорн, сошел с поезда на станции Коларов местной ветки, имея при себе кожаный портфель. В зале ожидания, почти безлюдном, он купил сигареты. Сошедшие с поезда сразу же разошлись, и господин Замора отметил, что незнакомец долго еще оставался в зале, будто ожидал кого-то или же наблюдал за теми, кто ждет. Замора видел этого человека в течение примерно десяти минут, так как сам ждал жену из Плесница. Замора был не один — вместе с двенадцатилетней дочкой. Сперва он не обратил особого внимания на человека с портфелем — только на другой день, когда прочел в газете об убийстве у Цорна, ему показалось, что незнакомец как-то странно поглядывал на его дочь. "Сперва я не придавал значения, неизвестный не вызывал никаких подозрений. Но 15 декабря я все же решил, что поступил неправильно, вот и явился..." Описанный инженером пассажир вскоре ушел с вокзала. В какую сторону — инженер не заметил. Описание неизвестного господину Заморе пассажира совпадает с предыдущими показаниями.

Вики захлопнул папку с буквой "У" и постарался

представить себе не только внешность Брикциуса, но и его одежду — во всех показаниях она была описана.

В отель "Меркурий" Брикциус приходил в ношеном, темном, хорошо сшитом костюме с белой рубашкой и синим галстуком, обутий в черные туфли, с зеленым плащом на руке, шляпы не было. В том же он явился и на свидание у Галереи изящных искусств. Только на деревенской железнодорожной станции предполагаемый убийца одет был по-другому: в куртку из темно-зеленой кожи и серые брюки. Вики пытался представить себе, как выглядит Анатолий Брикциус, и его вдруг озадачила одна вещь. Почему именно Анатоля Брикциуса подозревают в детоубийстве? Где доказательства? По какой причине разыскивают этого человека? Вики снова перелистал материалы в папках, просмотрел все, что в них имелось, и пришел к выводу, что в папках "У" содержится далеко не все по этому делу. Такое впечатление у него создалось давно.

Он перешел к другим бумагам. Прочел показания обитателей Кнеппбурга и соседнего с ним Коларова, жителей Цорна, впрочем, он знал их наизусть. Самыми интересными были ответы Ангелы Дельмар, тетки убитого Фридриха Дельмара, которая нашла племянника в излучине реки Любость 20 ноября вечером, но ничего не сказала брату и призналась лишь на следующее утро, когда на место преступления прибыл комиссар Ваня. Эта женщина считалась, как говорится, с приветом, и в полиции сочли, что ее свидетельство никакого значения не имеет. Сумеречное состояние Ангелы Дельмар подтверждала фотография в деле — болезненная, изможденная женщина средних лет со странной линией губ и выпученными глазами...

Вики, наверное, в сотый раз смотрел на эту фотографию. Ничего не почерпнула полиция и из рассказа женщины, которая встретила в Цорне в роковой день неизвестный автомобиль — он принадлежал учительнице из соседней деревни, ее знали в округе и называли "прекрасная принцесса". Ничего не дали ответы детей из Цорна и Кнеппбурга, последними видевших жертву: чужих в критические дни и минуты никто не встречал, за одним исключением, которое все описывали по-своему. Вики погрузился в следующие папки.

Снова он всматривался в фотографию девочки — она лежала на траве, свернувшись клубочком, прижавшись щекой к земле. Кругом деревья, кусты, корзинка с яйцами. На других снимках — детали, фрагменты. Голова, глаза, на губах беззаботная улыбка, слегка примятая трава. Фотографии мальчика: щекой к земле, в сухих листьях и былинках, на берегу реки под ивой, кусты заслоняли его, а вот и ведро стоит. Снимки местности, подробные и многочисленные, в цвете. Снова лицо мальчика, застывшее в улыбке. Прилагался и список всего, что нашли на жертвах и рядом, — вещей было мало. Какой вывод об убийце можно

сделать из всего этого? Никакого. Фотография таможенника Зайбта, отца Антонии, лицо широкое, смуглое, с усами и маленькими глазками... Снимки двух карманных игр — каждый разделен на две части: наверху одна сторона игры, внизу оборотная. Данные о фирмах, изготавливающих игры. И записи о том, где их можно купить, — кругом оказалось столько таких магазинов, что в полиции сочли бесполезным систематический опрос продавцов. Помочь мог лишь случай. В следующих папках — результаты вскрытий. Они совпадали.

И мальчик, и девочка погибли от огнестрельной раны в затылке. В нижней части затылочной кости. Пулевой канал углубляется в переднюю часть черепной коробки. Судя по направлению входного и выходного отверстий, выстрел производился сверху под значительным углом. Наличие пороховой копоти вокруг раны свидетельствует о том, что стреляли с близкого расстояния. Причина смерти — повреждение мозговой ткани.

К материалам вскрытия прилагались подробные описания детских лиц с застывшей улыбкой. Специалисты заключали, что дети даже не подозревали об опасности, что убийца, вынул пистолет из кармана и приставил к затылку в обоих случаях внезапно и незаметно, во время игры или веселой беседы. На одежде и теле убитых отсутствовали какие-либо следы насилия, совершенного перед убийством.

В последних папках, которые открыл Вики, содержались извлечения из различных специальных исследований — например, анализ микрочастиц, найденных на месте преступления. Экспертизы — это было известно Вики — не помогли обнаружить преступника, значение их состояло лишь в том, что они помогли бы идентифицировать подозреваемого, если, конечно, его отыщут... В этих последних папках содержались сведения об оружии — что оказалось самым интересным.

В Кнеппбурге и Цорне убийца применил одно и то же оружие. Пистолет калибра 6,35 мм с левосторонней нарезкой ствола, чрезвычайно редко встречающийся, совершенно особенный. Тщательный анализ результатов вскрытия доказал это неопровержимо. Пистолет, однако, не найден... Не найдены и пули, и стреляные гильзы. Поэтому отсутствовали фотографии орудия убийства. Все же один снимок существовал. Подобного пистолета. Представлен пистолет калибра 6,35 мм с левосторонней нарезкой ствола, с рукояткой в перламутровой насечке. Металлический герб устранил, виднелись отверстия от винтов. В одной части снимка весь пистолет располагался на черной доске, в другой — только ствол, а в третьей заснято отверстие ствола, значительно увеличенное. Это был образец орудия

убийства. Всего в папках содержалось 15 актов, касающихся пистолета.

Вики заключил, что имеющиеся данные, пусть и весьма важные для полиции, ему мало чем помогут. Для него каким-то следом могло служить лишь последнее сообщение о пребывании Анатоля Бриксиуса у Раймунда Себетани на Поточной улице — правда, Вики не понимал, почему подозрение пало на этого человека.

Вики собирался еще раз заглянуть в папку и списать точный адрес владельца виллы, когда в кабинет вошел камердинер.

С подчеркнутой пугливостью он огляделся по сторонам — этот человек редко прибегал к словам. И несмотря на странную усталость, которая все не проходила, Вики улыбнулся.

— Вы особенно не огорчайтесь из-за Турции. — Камердинер присел рядом с Вики. — У кого в жизни не бывает неприятностей — они и в детстве случаются, и в юности — что поделаешь? Полковник Зайбт объяснил бы вам это научно, он увлекается социологией. А знаете, что написал один швейцарский психолог — книга есть в нашей библиотеке: "Человек с юного возраста должен учиться преодолевать трудности, чтобы подготовиться к жизни, которая неизбежно принесет множество разочарований..." Вот так-то, господин Вики, жизнь часто приносит разочарования. — Камердинер бросил беглый взгляд на папки, лежащие на столе — Во всей истории человечества не найдется никого, кто бы прожил без трудностей, неудач, всяких препятствий. Горести и тревоги — верные спутники нашей жизни, таков наш удел на этой земле.

— Да я не беру в голову, — ответил Вики. — Я успел привыкнуть за все эти годы, может, даже больше, чем Март. Учусь не обращать внимания и не думать о его запретах. Хотя и трудно, меня же касается... Но этот запрет — конец света!

Лицо Вики потемнело, взгляд затуманился. Он покоился на камердинера, тот сидел неподвижно, с каменным лицом. Вики снова ощутил вдруг головную боль, не такую, правда, сильную, как утром.

Камердинер между тем продолжал:

— Я, откровенно говоря, не ожидал, что из-за одного единственного вашего позднего прихода он пойдет даже на то, чтобы запретить вам поездку. Надо мне поразмыслить, может, что и подскажу. Впрочем... — Камердинер наконец пошевелился — рука его легла на папки. — Я давно ожидал какого-нибудь между вами конфликта — из-за господина Пирэ.

— Из-за Барри? Вы думаете, он запретил мне поездку из-за него?

— Скорей всего. Это назревало с тех пор, как он понял,

что Пирэ — ваш лучший друг. Как только узнал, что дружба с Барри Пирэ означает для вас нечто большее, чем весь его дом. Как только господин советник почувствовал, что дружба уводит вас из дома в совсем другой мир. Думаю, каждая ваша встреча вызывала у него досаду. Ему казалось, что после посещений дома Пирэ вы стали несерьезно относиться к нему, насмехаться над его образом жизни, что вы ускользаете от его влияния. Вы никогда не задавали себе вопрос, почему отца не беспокоят ваши приятельские отношения с господами Рихтером и Гофманом? Почему он не имеет ничего против них? Вы, похоже, дружите с ними тоже, но мало встречаетесь вне школы... Они редко приходят сюда и почти не звонят... Такие отношения ничем не угрожают ему. Но господин Пирэ — совсем другое дело. Он пригласил вас в Турцию на все каникулы — это для советника уже слишком. Понимаете, господин Вики, — камердинер чуть усмехнулся, — я думаю, он искал случая, подстергал повод запретить поездку. Мне кажется, он вчера был рад, что вы вернулись поздно. Мне кажется... — камердинер умолк, потому что в холле послышались шаги, но так как там могла проходить только Бетти, снова заговорил: — ...что ваш отец против путешествия и дружбы с господином Пирэ еще по какой-то личной причине. Может быть, это у него связано с чем-то личным, воспоминаниями юности. Так бывает, господин Вики. Если кого-то в молодости укусит змея, — продолжал с усмешкой камердинер, — он всю жизнь следит, чтобы дети его не гуляли на солнце по каменистым вересковым урочищам. Если кто-то в молодости проигрывал в шахматы, ему не хочется, чтобы этой игрой увлекались его дети. Ваш отец никогда не любил уступать, но когда-то он вынужден был уступить, спастись — кто знает, может быть, в дружбе, путешествии или в чем другом... Не знаю, в чем, но ему пришлось потерпеть поражение — не сердитесь, но голову даю на отсечение, что по своей вине... Но у него всегда виноваты другие или же обстоятельства. И если что-нибудь подобное произошло — а я уверен, так оно и было, — не смирился и не забыл. И, по всей вероятности, что-то с ним стряслось в вашем примерно возрасте. Он хочет, удержав вас в своих руках, взять реванш за проигрыш, который постиг его. Не имею ни малейшего представления, что случилось с ним, возможно, это связано еще со Студенческим союзом, в таком случае все известно господину Зайбту или господину Растеру, но все равно: тут важна сама схема события. И если я прав, то уже давным-давно господин советник почувствовал отвращение к близкой дружбе и научился холодности и суровости. Или наоборот: он отроду был человеком жестким и холодным и поэтому не мог ни с кем подружиться по-настоящему. И не желает, чтобы и вас связывала с кем-то тесная, сердечная дружба. Так же точно он обращался с вашим братом. — Помолчав, камердинер до-

бавил: — Кое в чем он выиграл благодаря своему характеру: в полицейской карьере.

— Но почему должен расплачиваться я, как мне все это выносить? Из-за него у меня все время какая-то усталость и голова болит. И не только голова — все болит. Но вчерашнее его выступление — это уже чересчур! Я звонил утром Барри, он успокоил меня немного. Посмотрите, что он мне подарил — золотые часы. Он никогда не купил бы мне ничего подобного.

Камердинер наклонился и стал рассматривать часы на руке Вики.

— Прекрасные часы и, заметьте, очень дорогие. Особенно хорош браслет. Он знает?

— Я сам ему показал, он бы все равно увидел. Заявил мне черт знает что — я, мол, не имею права принимать такие подарки.

— Ему неприятно, — заметил камердинер, — что часы подарил не он, а ваш лучший друг. Ему друзья не дарили подарков, и девушки, наверно, не дарили. Вот он и рассердился еще больше. Что касается запрета...

— Я считаю, — Вики резко вскочил с кресла и распрямился, будто пытался сбросить с себя какой-то груз, — что он посягнул на мою свободу. Он ни во что не ставит мою жизнь, вмешивается в нее так грубо...

Вики побледнел, приложил руку ко лбу — голова раскалывалась. Камердинер спокойно смотрел в окно, за которым тихо падал снег, но лицо его еще больше окаменело. Он успокаивающе махнул рукой, предлагая Вики снова сесть.

— Наберитесь терпения, иначе нервы не выдержат. Знайте: придет и ваш час, как пришел час вашего брата.

— Когда еще, — протянул Вики, — я ведь так просто не могу уехать — а как же Барри? И в Турции хочется побывать. Если он не уступит, перееду к Пирэ. У них вилла огромная, найдется для меня комната. Вот что бы он, интересно, сделал, если бы я ушел из дома к Пирэ?

— Не самый лучший выход, — камердинер неодобрительно покачал головой, — он явился бы за вами и устроил грандиозный скандал.

— А если он сам выгонит меня? — предположил Вики с торжествующим смешком, как человек, которого внезапно осенила замечательная идея. — Что тогда?

Тут и камердинер не удержался от улыбки.

— Здравая мысль. К тому же вы сами пришли к ней, без подсказки. — И он с плутовским испугом огляделся по сторонам, хотя их могли подслушать разве что привидения. — В таком случае, если бы вы ушли к господам Пирэ, он смог бы явиться за вами только с повинной головой. Ваше преимущество в том, что ваш отец невластен применить к вам никаких санкций. Он вправе приказывать вам, запрещать,

но за непослушание может покарать только угрозами. Вот он запретил поездку в Турцию, но если вы поедете, не подаст же он на вас в суд. — Камердинер наклонился к Вики и перешел на шепот: — Он и из дому вас никогда не выгонит. Представляете, что начнется, если людям станет известно, что главный советник криминальной полиции выгнал из дому сына? Уход вашего брата еще как-то удалось замаять, господин Март закончил университет и нашел себе работу в другом городе. Но вы-то — другое дело, вы еще учитесь. — Вики слушал, не пропуская ни слова, головная боль сразу прошла. — Знаете, господин Вики, есть запреты, которые надо уважать, на них держатся хорошие законы. Нельзя предавать, лгать, воровать, совершать клятвопреступления, нельзя посягать на чужую жизнь... хотя о посягательстве на чужую душу — об этом в законах не пишется... Вот поджоги делать нельзя, а в душу наплевать — пожалуйста... Бывают и неправильные запреты, вы и сами знаете. И если, следуя им, вы нанесете ущерб здоровью или душе человека, такие запреты уважать нельзя. Дурными бывают и иные приказы, дурными могут быть и запреты. Что, просмотрели папки или еще почитаете?

...Ближе к полудню Вики охватила тоска. А тут еще эта постоянная усталость... Он лег. Некоторое время лежал на тахте, закинув руки за голову, глядя в потолок и время от времени на свои замечательные золотые часы. В голове всплывали всякие сведения, вычитанные из документов об убийствах. Вспомнилось предложение Гофмана походить по захудалым пивным. Чего он никак не мог понять, так это почему именно Анатолий Брикциус попал под подозрение. Вспомнил и Себетани, у которого в течение двух дней квартировал Брикциус...

Мысли то и дело возвращались к запрету отца и беседе с камердинером. А где теперь Барри? В полдень семья Пирэ должна была прибыть в курортный городок — посмотреть отель, где они собирались провести Рождество. Вечером они вернутся.

Ему сразу становилось легче на душе, как только он представлял себе, что завтра обязательно встретится с Барри и в Турцию поедет наперекор всему. К полудню, когда он пошел на кухню обедать, голова была уже ясной, хотя усталость не прошла. Есть не хотелось. От первого он отказался, и Бетти не настаивала. Она неслышно сновала по кухне, собирала на стол, толковала о всяких своих заботах — что нужно купить кофе и джем, что в холодильнике уже неделю стоит полдюжины пива, может, хоть на праздник выпьют, а то только место занимают бутылки. Рыбу, салат и шампиньоны лучше купить послезавтра. На столе перед Вики появились салат, хрен, жареный картофель с вырезкой. Вики положил себе всего понемногу, достал из холодильника лимонад, из буфета — стакан.

— Не берите в голову. Господин советник одумается и отменит запрет.

Вики понимал, что она сама не верит в свои слова, но это его не трогало. Он твердо решил ехать с Барри наперекор всему и всем. Выпил ледяного лимонада и вернулся к себе.

Снег уже не шел, выглянуло солнце. Вики снова охватила тоска, он улегся на тахту, закинув руки за голову. Тоска терзала его, голова раскалывалась от тяжелых мыслей. Боль пульсировала. Возникала и исчезала, точно грозовые тучи, наплывающие на солнце и рассеивающиеся порывами ветра. В три он все же поднялся, умылся, чтобы хоть немного встряхнуться, и вышел из комнаты. На входных дверях все еще висела цепочка. Бетти, по-видимому, была в кухне, там играло радио, а камердинер сидел у себя. Вики пошел в оружейную комнату. Открыл витрину и стал рассматривать пистолеты.

Он знал коллекцию так же хорошо, как и содержимое папок с делом. Коллекцию он привык рассматривать с детства — советник никогда не запирает ее.

Однажды, много лет назад, когда была жива мать и Март еще не ушел из дому, вдова Мейербах, будучи у них в гостях, посоветовала шкаф запирасть. Кто-нибудь может похитить оружие. Советник сперва согласился, полицейские очень скрупулезно относятся к таким вещам, но потом признался, что у него и ключа нет, и вообще — какой смысл? И в самом деле, запирасть шкаф не было надобности, госпожа Хойман никогда не входила в комнату, она не любила оружия, а дети — Март и Вики, — в отличие от прочих мальчишек их возраста, тоже, казалось, совсем этим не интересовались. Главное — из оружия все равно не постреляешь, к экспонатам не было патронов. Немного патронов прилагалось лишь к наградному пистолету, так, на память. Но никто не знал об их существовании.

Хранились они у советника в длинной деревянной коробке, обклеенной желто-зеленым станиолом, совсем как пианино в баре "Иран", но в витрине этой коробки не было. Советник прятал ее в нижней незастекленной части шкафа среди разных других предметов. Так что если бы кто и посягнул на витрину, то без особых последствий. Итак, витрина никогда не запиралась, даже после совета генеральши Мейербах.

В полчетвертого снова налетела снежная туча и закрыла солнце. Вики достал отцовский подарочный пистолет из кобуры. Оружие чистое, заботливо протертое, будто его только что вручили в торжественной обстановке.

Ствол, перламутровая инкрустация с монограммой и датой ярко сверкали. Вики внимательно рассматривал пистолет. Подошел к окну, сосредоточенно сдвинул брови, вгляделся в эту то ли игрушку, то ли — что?.. Его охватили отвращение и злость — не к предмету, который он держал

в руках, а к его владельцу. И только сейчас ему пришло на ум, что ведь отец его тогда, тридцать пять лет назад, в замке Бук, должен был получить от полковника кроме пистолета — как и прочие члены Студенческого союза — еще и диплом, и памятную плакетку. Скорей всего он держит их где-нибудь в глубине ящика, среди всяких ненужных предметов. Диплом он никогда не вешал на стенку и не ставил на полку шкафа под стеклом, как обычно поступают с такими наградами.

— Значит, не слишком дорожит этими знаками отличия, — подумал Вики. — Камердинер прав — быть может, именно тогда у него случилась какая-то неприятность".

Вики играл пистолетом, взвешивая его в руке, прицеливаясь в окно, в люстру, в шкаф, в картину. На минуту представил себе отца, и снова навалилась тоска, с которой он едва справился. Ему показалось, что он слышит звук приближающегося автомобиля, не приехал ли отец, но нет, перед домом было пусто, ни следа на чистом снегу. Он вышел на площадку, цепочка на двери была на месте.

Вики вернулся, отворил нижние дверцы шкафа. Страшно закружилась голова, он блуждающим взором обвел комнату... Через две-три минуты грянул выстрел.

Камердинер и Бетти вбежали почти одновременно. Экономка была смертельно бледной, камердинер, как всегда, сохранял спокойствие. Бетти, вскрикнув, застыла на пороге. Камердинер подошел к открытому шкафу и заглянул внутрь.

Вики стоял посреди комнаты в облаке дыма, с пистолетом в руке, повернувшись к серванту, над которым висела картина. Лицо его было спокойно, как гладь утреннего озера.

— Ничего не случилось, — произнес он медленно, — я только один раз выстрелил.

На серванте стояла длинная деревянная коробка, обклеенная станиолем, а над ней, на деревянной панели под картиной, зияла дыра.

Экономка наконец пришла в себя и, запинаясь, прошептала:

— Боже правый! А если бы вернулся господин советник?!

Камердинер распахнул окно — в комнату ворвался холодный снежный воздух.

Как гром, прогремел звонок.

— Спокойно, — не отходя от окна, отозвался камердинер, — это не хозяин. В управлении совещание. Это полковник услышал выстрел.

Бетти пошла открывать, камердинер убрал коробку с патронами на место, в нижнее отделение шкафа, а Вики хотел было засунуть пистолет в кобуру, которая валялась в кресле, но камердинер покачал головой, вытащил его, про-

тер ствол носовым платком и только потом уложил оружие на свое место в витрине.

Вошел полковник Зайбт, и камердинер улыбнулся ему.

— Я слышал выстрел, — тоже улыбнулся полковник. — Это ты, Вики, чудишь?

— А вы разве не стреляли в моем возрасте? — спокойно, вопросом на вопрос, ответил Вики.

Полковник возразил:

— Мы стреляли во дворе и подвалах замка, а это, согласись, совсем другое дело.

— Еще немного, — камердинер поглядел на деревянную панель под картиной, — и вы бы прострелили раму. Надо что-то с этим делать.

— Предлагаю на выбор две возможности, — засмеялся вновь обретший хорошее настроение полковник. — Зашпаклевать и закрасить коричневой краской отверстие — или перевесить картину немного пониже. Третья возможность — сделать то и другое. Советник и не заметит.

Камердинер молча прикидывал варианты.

Советник ничего не заметит, ему безразлично, как висят картины.

Бетти принесла молоток и клещи. Ни цемента, ни гипса в доме, конечно, не было. У Зайбта тоже. Бетти принесла миску с водой, кисть и какую-то коричневую краску. Наверное, из комнаты Вики — у него краски остались еще с тех времен, когда в школе проходили рисование. Камердинер снял картину, вытащил из стены костыль. Отверстие оказалось почти незаметным. Камердинер вбил костыль на несколько сантиметров ниже, дырку от выстрела зачистил ножом, затолкал туда кусок газеты и закрасил краской. Зайбт отыскал на ковре пулю, на удивление она отскочила, не застряв в панели, нашел и стреляную гильзу.

Камердинер затворил окно, они с полковником повесили картину, и полковник сказал:

— Конечно, Вики, мы стреляли в твоем возрасте, но только в Студенческом союзе, организованно. Учились стрельбе в специально отведенных для этого местах. Но в комнате, да еще без глушителя... Хорошо еще, что здесь, перед виллой, не ходят патрули — что, если они бы услышали?

Камердинер, рассматривавший в этот момент пулю и гильзу, подумал: "Бедный мальчик, после вчерашнего ему требовалась разрядка — не удивляюсь, что он стал стрелять..."

Вики попытался объяснить:

— Сам не знаю, как получилось, у меня болела голова, усталость какая-то...

Все вышли из оружейной комнаты; Бетти вынесла молоток, клещи и миску с водой, кисть и краску — она тоже успокоилась. Камердинер унес пулю и гильзу. Он, как всег-

да, шел и не шел, передвигался, вроде бы даже не шевелясь. А полковник Зайбт, жизнерадостный, как всегда, пожелал все же утешить Вики.

— Старайся не думать, до летних каникул еще далеко, — сказал он, задержавшись у фальшивой античной колонны, — многое может измениться. Отец перегружен работой, полагаю, его беспокоит ход последнего дела, неудивительно, что он так придирчив и дома. — Полковник рассмеялся: — Потерпи, Вики, каша заварена круто, но расхлебать ее можно. Эта житейская мудрость относится и к твоему отцу, и, ко многому прочему в жизни...

Усталость у Вики как рукой сняло, голова тоже не болела, тоска бесследно улетучилась. Словно какая-то тяжесть свалилась.

Вики вернулся к себе, сел на тахту и посмотрел на свои золотые часы.

“Скоро Пирэ вернутся, уже четыре часа, вечером они будут тут. Интересно, что скажет Барри, когда я ему завтра утром расскажу, что я тут натворил?..”

Вики опрокинулся на спину и с блуждающей на губах улыбкой стал смотреть в потолок.

IX

Кафе “Бристоль” находилось недалеко от моста Эгидия Зайбта и отличалось некоторыми достоинствами. Кафе было небольшим, и посетители не чувствовали себя потерянными, как на вокзале, но и не чересчур маленьким — столы не теснились один к одному, так что не надо было разговаривать вполголоса. Обслуживали две пожилые официантки и один молодой человек, старший официант, по-видимому, хозяйский сын, он и получал деньги. Подавали быстро и четко. Уют, занавешенные окна, выходящие на главную улицу, деревянные панели, много зеркал.

Вики пришел в девять утра. В белом плаще, светлых вельветовых брюках, голубом свитере, на шее шарф — Гретин подарок. Вики повесил плащ и шапку на круглую деревянную вешалку и огляделся. Людей мало. Во-первых, ранний час, во-вторых, через два дня Рождество, все в хлопотах. Вики сел у окна и заказал чай. Чувствовал он себя хорошо. Ни усталости, ни головной боли, ни мрачных мыслей. Но какое-то напряжение все же оставалось. Никогда он не ждал Барри с таким нетерпением. Принесли чай, и сразу же пришел Барри — в черных вельветовых брюках с широким желтым ремнем и в белом свитере. На длинных волосах таяли снежинки, на губах — очень его красящая легкая улыбка. Барри уселся напротив и с подчеркнуто-шутовской озабоченностью впился взглядом в его

ясные серые глаза, словно старался проникнуть в его мысли, даже самые мимолетные.

— Рад видеть тебя. Что еще случилось? Стоит исчезнуть на полдня, как у тебя новый сюрприз. Я кофе закажу.

— Он ворвался, как тюремщик, — начал Вики и залпом выложил все события знаменательной ночи. — А вчера я весь день провел дома, он с утра был на службе. Полдня читал в его кабинете все материалы об убийствах, а потом состоялся интересный разговор с камердинером... — Вики рассказал все, что услышал от камердинера. — А после обеда... — Вики рассмеялся, и Барри отметил про себя, что в таком замечательном настроении он еще не видел своего друга. — После обеда я взял пистолет, зарядил и разок пальнул из него... — Немного помолчав, он подробно описал, что было дальше. — Знаешь... — Он взял у Барри сигарету и прикурил. — Оказывается, стрелять не так уж трудно... И выстрел не очень громкий, хоть и без глушителя. Только, когда стреляешь, отдает в руку, так что надо держать ее крепче и вытянуть вперед.

Официантка принесла кофе. В это время вошли две дамы.

Когда в полупустое кафе, да еще утром, входят женщины, все взоры устремляются на них. Посмотрели и Вики с Барри, дамы в ответ посмотрели на них. Красивые, элегантно одетые юноши бросались в глаза. Дамы были искусно подкрашены и походили на оперных певиц. Они тоже сели у окна. Одна распахнула каракулевую шубку, на шее тускло блеснул жемчуг, другая бросила свою шубу на спинку стула. Они заказали кофе и стали живо что-то обсуждать.

— А я стрелял только из духового ружья и из лука, — отозвался Барри, — мы и на охоту не ходим, отец не любит. О чем ты думал, когда стрелял? О ковбоях?

— Ну что ты! Совсем нет: я думал, что настиг убийцу. И стреляю ему в ногу, чтобы не убежал. А что скажешь о камердинере и Зайбте?..

— Мудрые люди, — с улыбкой бросил Барри. — Любую кашу можно расхлебать... Не так все страшно, и не всем запретам нужно подчиняться... Самое интересное, что отец ревнует тебя ко мне. И запретил поездку из-за меня.

— Это, конечно, теория камердинера, — заметил Вики, — но, может, он и прав.

— Скорей всего. Но ты не бери в голову. И что за ерунда — неужели я не могу просто так подарить, а ты просто так принять подарок? — Барри засмеялся.

За ним засмеялся и Вики. Он всегда в обществе Барри чувствовал себя удивительно хорошо, так чувствует себя человек рядом с любимым другом — верной защитой и опорой. Они одновременно и как-то согласно поглядели на

соседок — те, склонившись друг к другу, обсуждали какую-то знакомую.

— Значит, ты все-таки надеешься найти убийцу? — с какой-то неуверенностью и озабоченностью спросил Барри.

— Надеюсь, — ответил Вики и потушил сигарету. — Если бы удалось... да это был бы самый большой успех, на который можно рассчитывать в мои годы... Этим я отплачу ему за все, что пришлось вытерпеть в его доме Марту и мне. Я даже представить себе не могу, что бы с ним тогда творилось... Знаешь... — Вики наклонился к Барри и понизил голос: — Вчера мне пришло в голову... Он говорил, что уйдет в отставку, если случится третье убийство и преступник скроется. Но если преступника найду я, он все равно захочет уйти. Тут-то и наступит самый подходящий момент, чтобы объявить ему: "Мы с Барри уезжаем в Турцию, а когда вернемся, я перееду". — Вики говорил с энтузиазмом, лицо его сияло.

Барри отпил кофе и спросил:

— Как тебе помочь? Я в этом заинтересован не меньше тебя. Что я могу сделать?

— Надо пройтись по пивным и винным погребкам, а еще навестить одного человека, у которого два дня снимал комнату некий Анатолий Бриксиус. — И Вики выложил все, что узнал из протоколов о Себетани и Анатоле Бриксиусе. — Это единственный след, и я решил заняться им уже сейчас, до начала Рождества. Да, не забыть бы — наш класс. В баре я не успел сказать тебе, что весь наш класс заинтересовался моими поисками преступника. Кроме Рихтера — тот больше спрашивает, будешь ли ты на праздники дома или в горах, зато уж Гофман, который сидит за мной! Он и предложил походить по пивным. Но я лучше подожду, пока вы вернетесь, и мы пойдем с тобой в какое-нибудь такое место. А как ваша поездка?

— В горах много снега, стоит выехать за город — все в сугробах, снега больше, чем позавчера, когда мы ездили за елкой. Автостреды чистят. У нас три комнаты на одной курортной вилле с 25 декабря по 2 января. Я вел машину в оба конца, отец отдыхал. А почему бы тебе не поехать с нами? — Оба засмеялись, а Барри сказал: — Да, смешно и подумать об этом после всего того, что он тебе вчера устроил из-за бара, но найдешь ты преступника или нет, после школы все равно уйдешь, как брат. Тебе некуда ехать, не на киностудию же — просто переедешь к нам. А пока... представляю, что за праздник ждет тебя дома!

— Ужас! Весь вечер торчать за столом с ним, слушать бесконечные разговоры о криминалистике, преступности, уголовном кодексе. Я наперед знаю, что кто скажет, говорить все горады, это тебе не поймать преступника! Еще хорошо, что приглашены Ваня и Зайбт, генеральша тоже при-

дет, а вот Растера не будет, и очень жаль. Как же он ненавидит Растера, страшно подумать...

— Кстати, о Растере!

Барри встал, и пошел к стенду, где были выставлены свежие газеты, и взял утренний "Экспресс". Вики сопровождал его взглядом — вот Барри отразился в одном из зеркал...

— Смотри! — Барри вернулся к столу, в одной руке держа газету, другую небрежно засунув за желтый пояс своих вельветовых брюк. — Здесь пишут о Растере. Мне она совершенно случайно попала на глаза еще дома. Оказывается, Растер — прославленный ученый.

Статья в газете называлась "Удивительные свидетельства о смерти Климента II" и имела подзаголовок: "900 лет спустя ученые раскрыли убийство", а внизу несколько строк шли курсивом. Приводились имена судебно-медицинских экспертов, химиков и историков, которые обнаружили в кафедральном соборе баварского города Бамберга саркофаг папы Климента II; среди ученых упоминался прозектор Растер, который в качестве эксперта принимал участие в исследовании останков...

В статье далее говорилось о царствовании императора Генриха III, пытавшегося завладеть Римом, Италией и вообще всем христианским миром. Генрих сместил трех пап и призвал на папский престол Суиджеро, епископа города Бамберга. Тот был избран папой и принял имя Климента II. Владел он престолом всего девять месяцев и шестнадцать дней и умер 9 октября 1047 года в монастыре св. Фомы по пути из Рима. Перед смертью он написал письмо: "В стенах вашего монастыря постиг меня тяжкий недуг телесный, от которого вряд ли исцелюсь..."

В статье говорилось, что уже современники подозревали отравление. И вот 900 лет спустя ученые открыли в соборе города Бамберга гробницу и попытались установить причину смерти.

"Исследованию подверглись остатки истлевших тканей, ребро, волосы и несколько костей — все, что осталось от папы; отравление можно было установить лишь при условии, если папа не был отравлен органическим ядом, так как последний в теле разлагается".

Результат анализа оказался примечателен: в ребре обнаружилось повышенное содержание свинца.

"Оно в десять раз превышало норму, — подчеркивалось в статье, — а это означает, что папа был отравлен. Подобное содержание свинца в костях людей, отравленных этим металлом, было ранее зафиксировано исследователями Мино и Обом".

В означенную эпоху шла беспощадная борьба между римской курией и императорами Священной Римской империи, то есть германскими королями, поэтому вполне мо-

жно допустить, что данное отравление — не что иное, как намеренное убийство.

Статья кончалась множеством похвал химику, криминалисту, препаратору и археологу Бернарду Растеру.

Вики отложил газету и задумался. Допил кофе, бросил взгляд на соседний столик и проронил:

— Удивительное дело. Убийство девятисотлетней давности — пожалуйста, раскрыли. А убийство прошлого месяца никак. Я ужасно рад за Растера.

— Думаешь, советник прочел статью?

— Если и' не прочел, кто-нибудь в управлении с радостью подсунет ему. Референты не упустят случая. — Вики со смешком потянулся к пепельнице — погасить сигарету. — Знаешь, я сам упомяну при нем об этой статье за рождественским ужином. Расскажу Ване и Зайбту, посмотрим, как онотреагирует. И к самому Растеру обязательно зайду перед Рождеством, и к матери схожу на могилу...

К соседнему столику подошла еще одна дама. Тоже походя на оперную певицу. Две первые шумно ее приветствовали. Она сняла шубу, повесила на спинку стула, и подруги наперебой стали расспрашивать ее о каком-то Зеппе.

Барри заметил, смеясь:

— Вот тоже предпраздничное совещание. Сейчас перейдут к обсуждению пирожных и карпов. А ты молодчина, Вики, не падаешь духом. Мой тебе совет — не принимай все это близко к сердцу. Камердинер и полковник правы. И Бетти тоже. Или советник отменит запрет, или ты сделаешь по-своему. Интересно, сколько уже времени?

Вики, радостно улыбнувшись, показал часы.

— Спешись?

— А как же, как всегда, когда я с тобой, сам знаешь... — Барри поудобней откинулся на спинку стула, засунув обе руки за пояс своих вельветовых брюк. — Хочешь, расскажу тебе одну историю? Вчера на курорте я услышал ее от Якуба Гольбаха, он тоже был с нами на этой вилле. Очень она мне понравилась.

— Гольбах? Киноактер? — поднял брови Вики.

Барри кивнул.

— Конечно, хочу, рассказывай. Готов слушать хоть целый час. Только давай вина закажем!

Барри поздравил официантку и заказал два бокала белого сладкого.

— Очень странная история — я сразу решил, что тебе будет интересно. Конец, правда, плохой...

— А разве обязательно, чтобы все хорошо кончалось? Я читал, что и романам не обязательно иметь счастливый конец, в жизни ведь не так... А что за история? Всамделишная или Гольбах вычитал ее где-нибудь?

Официантка принесла вина, Барри поднял бокал и заявил:

— Вот увидишь, у нас с тобой все кончится очень хорошо, не сомневайся. Твое здоровье!

Они выпили и закурили.

— Гольбах не говорил, откуда взял свою историю, может быть, и выдумал, Грета, во всяком случае, именно так и считает. Ну, слушай. Жили два неразлучных друга, один, наверное, чуть постарше — Гольбах, чтобы различить, называл их Старший и Младший.

— Мог бы придумать имена, — улыбнулся Вики и отпил из бокала.

Барри кивнул и продолжал:

— Так вот. Младший стал вдруг грустить, чахнуть, вроде заболел. Старший заметил, но никак не мог понять, в чем дело. Он спрашивал друга, что случилось, но тот только плечами пожимал, может, и сам не знал. Было это весной. А в начале лета Младший пригласил друга на прогулку — мол, такой хороший день, давай двинем куда-нибудь в лес, в поля... — Оба засмеялись. — Точно как в той песне, что пела Грета Гароне. Но тут другое, вот доскажу, сам убедись. У Гольбаха все иначе... Старший, понятно, согласился, и они отправились. Шли куда глаза глядят, по лугам, полям, прошли рошу, остановились у озера, поговорили об утках, пошли дальше и оказались в очень красивом месте. Вдали, на востоке, виднелась деревушка, на юге тянулся лес, на западе поля и луга, а перед ними расстилалась поляна цветущих маков. Постарайтесь представить себе, сказал Гольбах, целое море прекрасных цветов, белых и красных. Захватывающее зрелище. Они не могли глаз оторвать, и Младший предложил посидеть. Они сели на межу. Слышишь? — Барри вдруг прервал свой рассказ и кивнул на соседний столик.

Дамы как раз обсуждали рецепт приготовления рождественского карпа.

— Давай дальше, — поторопил с ухмылкой Вики.

— Ну, значит, отдыхали они там, любовались маковым полем, и Старший заметил, что его друг, еще недавно такой вялый и слабый, на глазах оживает. Солнце шло к закату, начинался вечер, и цветы стали менять свою окраску. С поля повеяло ароматом. Удивительным, чарующим, словами не передать — так говорил Гольбах. В Младшего точно по волшебству вливались силы. Он раздумялся, тоску как рукой сняло — будто вдруг исцелился. Гольбах всю эту перемену подробно описывал, актеры — всегда хорошие физиономисты. Солнце закатилось, и они поднялись. Деревня на восточном склоне потемнела, верхушки деревьев вспыхивали одна за другой, а поля и луга на западе тонули в багрянце — так бывает на закате. На западе светло, а на востоке сгущаются сумерки — такой оптический обман. Друзья взглянули напоследок на цветущие маки, вдохнули их запах и вернулись в город.

— Барри, — прошептал Вики, — мы давно знаем друг

друга, но я и не подозревал, что ты так здорово умеешь рассказывать, ну прямо как поэт...

— Нечего издеваться, — отмахнулся Барри, — Гольбах рассказывал гораздо лучше... Ну вот... на обратном пути Старший уже ясно видел, что его друг каким-то чудом преобразился, точно на курорте побывал. Он решил, что это действие прогулки, и задумал сходить туда еще раз — посидеть на маковом поле. Через неделю друзья снова отправились в те места. Они сидели на меже и любовались цветами. На закате окраска цветов приняла другие оттенки, и целое море запахов хлынуло на них с поляны. Младший еще больше воспрянул духом, возвращался домой спокойным и веселым. После того они не раз ходили по привычной дороге. Однажды поле совершенно переменялось. Цветы уже опадали, обнажились зеленые маковые головки. Друзья сидели на меже. На закате зелень превратилась в синеву, сильный запах заполнял вечерний воздух. Младший чувствовал себя все лучше. На следующий раз — снова перемена. Мак созрел, головки стали коричневыми, а к очередной их прогулке — фиолетовыми. По полю разливался такой густой сладкий аромат, какого они еще тут не ощущали. Но это еще не конец.

Барри опять покосился на соседний столик. Дамы рассуждали о тортах и пирожных.

— Ты у нас ясновидящий, Барри. Та, что пришла последней, делится каким-то рецептом. Рассказывай.

— Скоро закончу. Друзья еще раз пришли на маковый клин, и он еще раз переменялся. Вместо фиолетовых маковых головок они увидели голую стерню. Маковые головки собрали, стебли скосили, ничего не осталось. Они посидели на меже, но красота вся исчезла. Исчезли и ароматы. Солнце зашло, воздух такой же, как и везде. Грустные и поникшие, побрели они домой. Ничего странного — это Гольбах так сказал, — человеку всегда трудно терять то, к чему привык. Друзья возвращались как с похорон. Младшему скоро снова стало плохо, снова тоска, подавленность, полный упадок сил — просто страшно было глядеть на него. Друг его впал в отчаяние, не знал, как ему помочь. Ну, и отвел к врачу, а тот через неделю отправил больного в лечебницу — большое мрачное здание с зарешеченными окнами, высокой трубой и тяжелыми дубовыми воротами. Младший недолго там пробыл — совсем погрузился, задохнулся и однажды ночью, через месяц, тихо, почти без страданий умер. — Барри помолчал, бросил взгляд на соседок и стал рассказывать дальше: — На следующий год, в начале лета, друг покойного по знакомой дороге отправился за город, теперь уже один. Он долго шел и пришел как будто на то же место. Вдали на востоке он увидел знакомую деревеньку, на юге лес, на западе поля и луга. Вот и высокая межа, поросшая травой, но маковой поляны как не бывало. Перед

ним лежало картофельное поле, кое-где торчали сухие стебли. Может быть, он ошибся и это совсем другая деревня? А может, ни деревни на востоке, ни леса на юге никогда в помине не было и всю эту картину он сейчас себе внушил? Долго он искал, исходил вдоль и поперек все окрестности, но макового поля так и не нашел, нигде и никогда не нашел, до самой смерти. Вот и все.

Время приближалось к одиннадцати. Барри подозвал официантку и сказал, что хочет расплатиться. Дамы уже рассчитались, надели свои шубки, а когда выходили из кафе, отражаясь во всех зеркалах, оглянулись на них. В окно Вики видел, как они прощаются и расходятся. Одна вправо, другая налево, третья перешла дорогу — точно живописный трилистник, разлетелись они по сторонам.

Старший официант, сын хозяина, подошел и без блокнота и карандаша назвал сумму.

— Эти дамы актрисы? — небрежно спросил Барри. — Где-то я их видел.

Официант вежливо улыбнулся:

— Певицы. Из Государственной оперы...

Барри удовлетворенно кивнул.

День стоял прекрасный, выглянуло солнце. Прохожих прибавилось, хотя толчеи еще не было. Барри повел Вики к мосту Зайбта.

— Как видишь, рассказ Гольбаха не имеет ничего общего с песней Греты Гароне.

Они остановились перед писчебумажным магазином с витриной, заполненной рождественскими подарками. Все было обернуто яркой бумагой, станиолен с золотыми бантами. На заднем плане картонные ясли, ангелы со свечками и ящики с белоснежными каталожными карточками.

— Значит, в гимназии интересуются твоими поисками? Рихтер, кажется, отличный парень, чего не скажешь о Гофмане, сыне издателя.

Вики, засунув руки в карманы, разглядывал карточки. Ящик обвязан был розовой лентой и украшен великолепным мухомором из папье-маше и серебряной подковой на счастье. Несколько прохожих тоже задержались вслед за ними у витрины. Друзья пошли дальше.

У моста Эгидия Зайбта, не доходя до стоянки, они повернули направо, на улицу Келиха. Вики вспомнил, что как раз здесь позавчера проходили супруги со щенками и одна из собачек, наверно, попала под машину. Теперь они остановились у оружейного магазина. В витрине красовались духовые ружья, винтовки, пистолеты и револьверы, пугачи, патроны и мишени, висели цветные фотографии зверей, среди них и оленя с надписью "Счастливой охоты", обрамленная всякими рождественскими украшениями.

— Отец не узнает, что я вчера стрелял. — Вики разглядывал в витрине отражение Барри в белом свитере и

черных брюках с широким желтым ремнем. — Камердинер заложил дыру и покрасил краской да еще и картину перевесил. А если узнает, мне все равно. Пусть он хоть застрелит меня, я все-таки пальнул из его револьвера...

— Есть о чем говорить! Некоторые ходят на охоту, стреляют, еще и гордятся этим.

Пошли дальше. Улица Келиха длинная, тянется на два квартала. Посреди Биологический институт, тут Барнард Растер препарирует скелеты. Они свернули на улицу, носящую имя великого астронома, и остановились перед магазином игрушек. В витрине — клоуны, куклы, зверушки, конструкторы, автомобили, железные дороги, самолеты. Кукольные театры, шары, роликовые коньки. И снова Барри в белом своем свитере отражается в стекле. Вики улыбнулся его отражению и стал что-то искать глазами в витрине. Не успел он раскрыть рот, Барри засмеялся, опередил его:

— Карманных игр здесь нет. В этом магазине твоему детубийце нечего делать.

Оба рассмеялись, и Вики предложил:

— Встретимся еще до праздников?

— Конечно, — ответил Барри. — Рождество только послезавтра. Жаль, что ты с нами не едешь. Что мне там одному делать? Грета с отцом на лыжах будут ходить, а у меня этот спорт уже из ушей лезет. Потные морды... Защитники, хавбеки... Пыжатася, суеются. Смотреть противно. Ты обращал внимание, с каким самодовольством несут они свои здоровые организмы, упакованные в спортивные формы, со всяких соревнований? Нет, бить по мячу, гасить, плавать... это не по мне. На пасхальные каникулы ты обязательно с нами поедешь, если, конечно, мы куда-нибудь соберемся. Не может же он не отпустить тебя на неделю! Не в тюрьме же ты!

Попрощались. У дома, окруженного высоким забором, под которым стояла сгорбленная старуха. На земле, у нее под ногами, был расстелен платок, а на нем пучки петрушки и хрена.

Попрощались весело. Вики был в отличном настроении.

Х

От ближайшего собора разливался полуденный колокольный звон. Вики завернул на свою улицу. Солнце, ярко светившее, когда Вики с Барри вышли из кафе, затянулось тучами, снова порошил снег. Проходя мимо дома Барнарда Растера, Вики заметил, что все шторы опущены, и сделал вывод, что соседа нет дома.

"Он, наверное, в Оттингене, работает в склепах монастыря", — сообразил Вики. Это только для школьников праздники уже наступили. Нужно все-таки поскорей пови-

даться с ним. Подходя к вилле, он увидел на мокром снегу следы шин и понял, что отец дома... Вдохнул. Поднявшись на второй этаж, убедился, что так оно и есть. Камердинер, стоя в дверях кухни, еле слышно объявил Вики, что господин советник в кабинете.

— Невероятно, — прошептал камердинер, — у него удивительное настроение: интересовался, как у госпожи Бетти идут приготовления к рождественскому вечеру, когда придет на помощь Камилла. Спросил даже, хватит ли икры. Мало того, собирается днем куда-то ехать на своей машине. Видели? Двери гаража распахнуты настежь.

“Ну и ну, он, понимаете ли, в настроении, он даже хочет куда-то съездить”.

Вики, входя в кухню, пытался осмыслить полученную информацию. В отличие от вчерашнего, он чувствовал себя хорошо, ничего не болело, никакой усталости, тоски, да и аппетит появился.

Бетти налила крепкого бульона, поставила мясо, жареную капусту и блинчики, рассказывая между делом о домашних новостях:

— Я купила три большие банки икры — две банки красной и одну черной. Господин советник приказал. Камилла придет завтра. Господин советник велел, чтобы она помогла с украшением столовой, он даже елку велел поставить. За весь год у него не случилось такого прекрасного настроения.

После смерти госпожи Хойман Март и Вики перестали украшать елку. Они радовались, конечно, когда в гостиной ставили елку с лампочками и игрушками, но сами только смотрели. Все делали экономка и камердинер. Когда уехал Март, Вики потерял к дому всякий интерес, в том числе и к рождественской елке.

“Значит, так, — размышлял Вики, приступая к блинчикам, — Бетти и Камилла будут украшать елку, а у него отличное настроение. Чудеса...”

Запив обед лимонадом, Вики отправился к себе. Проходя мимо кабинета, двери которого были приоткрыты, он все пытался разгадать, с чего это у советника хорошее настроение, и, только зайдя в свою комнату, ужаснулся возможной отгадке: “А что, если они поймали преступника?”

Бывает, иная мысль так привяжется, что человек не может думать ни о чем другом. Вики пытался отвлечься, переключиться на будущее — пусть даже против воли отца — путешествие, на Рождество, но в голове стучало: “У него хорошее настроение — неужели задержали убийцу?”

Волнение все больше охватывало его. Он привык думать, что полиции никогда не удастся схватить убийцу, что отец со своими помощниками бессилен, вся их отлаженная система не срабатывает, прикидывал, каковы будут последствия провала для отца. И вот впервые он представил

себе, что убийца в их руках, и где-то в глубине души его это расстроило.

— Если он поймал преступника, мне не на что надеяться. Он будет торжествовать. А потом хорошее настроение пройдет, он станет еще невыносимей, чем раньше”.

Вики подошел к окну. Прямо напротив — раскрытый гараж, виден отцовский “рено”. Вики вымыл руки над своим лимонно-желтым умывальником и пошел искать камердинера.

— Ошибаетесь, — покачал тот головой. — Преступника у них еще нет. Брикциуса тоже. Никаких продвижений. Если бы что-нибудь в этом роде произошло, я бы вам сразу сказал, когда вы только пришли. А по какой причине господин советник в таком отличном настроении, я и сам не знаю. — Камердинер усмехнулся. — А может, он радуется праздникам, только и всего?

— Мне пора уже что-то предпринять, — с облегчением проговорил Вики. — Надо прочесть еще раз последние рапорты, навестить хозяина виллы, этого Себетани, и пройтись по сомнительным злачным местам на окраинах, в глухих переулках. Барри на праздники уедет, придется позвонить Гофману. Надеюсь, господин Ваня, когда будет у нас в гостях, расскажет что-нибудь новенькое.

Камердинер неожиданно, будто на что-то решившись, уселся в кресло и жестом пригласил Вики сесть рядом.

— Господин Вики, — голос у него был серьезным и мрачным, — я должен вам сказать одну вещь. Еще вчера собирался, когда вы читали документы, но мы тогда заговорили насчет вашей поездки.

Камердинер, устремив хмурый взгляд куда-то в пространство, помолчал.

У Вики даже сердце заколотилось, уж очень непривычный был у камердинера тон. Он напряженно ждал.

— Значит, господин Вики, вы собираетесь разыскивать убийцу двоих детей, который оказался не по зубам всей нашей полиции. А вам не приходило в голову, ну, например, когда вы сидели в баре с господином Пирэ и его сестрой, что старания ваши напрасны?

— Почему же, — удивился Вики, — а вдруг мои, именно мои поиски окажутся успешными?

— Понятно. Вы тешите себя надеждой, — усмехнулся его собеседник, — хотя временами и сомневаетесь. В вас еще много романтизма и мечтательности, и это нормально для вашего возраста, но не поможет вам найти преступника. Тут нужны каждодневные, объединенные усилия всей полиции.

— Ну а я о чем говорю? О каждодневных и объединенных усилиях. Вот я и примусь за дело еще до конца праздников, вместе с Гофманом, — расплылся в улыбке Вики. — А после праздников у меня будут еще помощники.

— Господин Пирэ...

— Да. Он главный. А вообще я могу рассчитывать по крайней мере на половину нашего класса, Рихтер тоже не против. Они за милую душу прочешут со мной все забега-ловки.

— Вы сможете заниматься этим только до полдевятого. Чтобы в девять быть дома, — уточнил камердинер. — Так вот, господин Вики, для вас это скорее игра. У полиции задействован огромный аппарат, лаборатории, радиосвязь, центральная картотека, архивы — что вы противопоставите всему этому? Счастливый случай? Удачу? Согласен, и это нельзя исключить. Случай может помочь даже при самых современных методах, но рассчитывать только на везение не годится. Мой вам совет — бросьте эту затею.

— Понимаю, дело трудное, но кто, кроме меня, ближе всего оказался к нему? У меня ведь под рукой все рапорты и материалы...

— Они, — камердинер имел в виду, конечно, полицию, — еще ближе, чем вы, прямо-таки рядом.

— Посоветуюсь с Растером, он знает много всяких кабаков...

— Полицейским тоже известны кабаки. Они их регулярно обходят. Но почему у вас на уме одни пивные? А если убийцу найдут совсем в другом месте?

— Надо бы мне лично с Ваней посоветоваться, — сказал Вики с таким упорством и настойчивостью, словно дело шло о самом для него важном в жизни. — По-моему, он хорошо ко мне относится и поймет меня.

— Как же... — Камердинер разговаривал с Вики, сохраняя свою вальяжную медлительность. — Ему понятен энтузиазм молодости, возможно, он и сам в вашем возрасте был таким, пока не узнал подлинной жизни и не приобрел опыт. Но что он может вам посоветовать? Он сам нуждается в совете. Прошу вас, выбросьте из головы эту затею. Напрасная трата времени и сил. Преступника вам не найти...

Человек долго думает о чем-то, строит планы и вдруг понимает, что они неосуществимы. Естественно, он испытывает потрясение, по крайней мере жестокое разочарование. Вики смотрел на камердинера, не веря ушам своим, не в силах возразить ему. Горло перехватило. Вся выстроенная им система, собранная по кирпичику пирамида рушилась. Его план неосуществим? Значит, неосуществимо все, что следует из этого плана? Есть от чего впасть в отчаяние... На лицо его, до сих пор ясное, набежала тень.

Камердинер почувствовал, что в нем творится.

— Конечно, всякое бывает: мальчик открывает клад, спасает корабль от пиратов, убивает медведя — все это бывает... в романах. Молодые читают такие книги, у них разыгрывается воображение. Жизнь, однако, не совсем такая,

как в детективных и приключенческих сочинениях. Понятно, я отнимаю у вас надежду. Но нужно посмотреть правде в глаза, и чем раньше, тем лучше. Иначе вас постигнет горчайшее разочарование. Убийцу вы не найдете, но, кто знает, может быть, его никто не найдет, даже полиция.

Наступила тишина. Вики с потемневшим лицом неподвижно глядел в пустоту. И вдруг, спохватившись, спросил:

— А часто преступления остаются нераскрытыми?

Камердинер пожал плечами:

— Бывает. К примеру, дело Джека Потрошителя. Преступник принадлежал к какому-то знатному английскому роду. Сколько еще таких случаев! — Камердинер возвел очи горé, оставаясь, по своему обыкновению, совершенно неподвижным. — Трудно сказать, каков процент нераскрытых дел. Среди них есть такие, в которых отсутствует логический мотив. Если кто-нибудь убит из ненависти, ревности, зависти... или с целью грабежа, или чтобы устранить опасного свидетеля, или же по каким-либо эмоциональным причинам, расследование не представляет трудностей. Часто мотивы раскрываются прямо на месте преступления, иной раз помогают результаты вскрытия или розыск лиц из окружения жертвы. Но убийства в Кнеппбурге и Цорне не поддаются никаким приемлемым мотивировкам, кроме единственной, пригодной для таких случаев: этот человек совершает преступления скуки ради, то есть он просто-напросто сумасшедший. Словом, случай из тех, что остаются нераскрытыми, а вы хотите посвятить себя безнадежному делу.

Вики поднял глаза на камердинера, тот уже не сидел, а стоял, опираясь на спинку за креслом, как за церковной кафедрой, и неподвижно смотрел куда-то в стену.

— Посудите сами, — перевел он наконец взгляд на Вики. — Мне известно немного: донесения, которые я передаю из Полицейского управления господину советнику. Но все-таки, исходя из этого, сегодня можно заключить, что разыскиваемый Брикциус и есть детоубийца из Кнеппбурга и Цорна. Его настоящее имя, насколько я в курсе, — Стопек. Он был приговорен в Брюсселе к большому сроку. Подробности мне пока неизвестны. Он бежал из тюрьмы. Как и при каких обстоятельствах, мне тоже неизвестно. К нам пробрался тайно. Не ясно, кто снабдил его деньгами, одеждой и документами на имя Анатолия Брикциуса. Он три месяца свободно перемещается по нашей стране. Как полиция установила, что бежавший из тюрьмы Стопек и Брикциус — одно и то же лицо, и почему решила, что именно он совершил эти жуткие преступления в Кнеппбурге и Цорне, мне неизвестно. Ясно одно — выяснила она это лишь позавчера или дня два назад. Логично...

Камердинер умолк. Глаза у Вики помутнели, на лицо легла тень. Он молчал, ни о чем не спрашивая, но камердинер уловил напряженное его ожидание.

— ...потому что только позавчера, или дня два назад, был объявлен общегосударственный розыск. В собранных здесь документах вы не найдете этого приказа, но мне известно: розыск объявлен на Стопека — Брикциуса, совершившего побег из брюссельской тюрьмы, подозреваемого в двух убийствах. Если бы данные о беглеце имелись раньше, раньше объявили бы розыск. Или если бы раньше узнали, что Брикциус и есть бежавший Стопек... Логично? Сомневаться не приходится... — Камердинер стоял все так же неподвижно, держась за спинку кресла, и вещал, как проповедник: — Этот Стопек — сумасшедший. Пришли документы из Брюсселя. Кое-кто из полицейских чинов даже удивляется, что его поместили в тюрьму, а не в психиатрическую лечебницу. Но самое главное, господин Вики, вы должны отказаться от мысли включиться в поиски. Вы небось и сами понимаете: найди вы хоть сотню преступников, господин советник ничуть не переменится. И никакой пользы не будет. Самое большее — все скажут: "Яблоко падает недалеко от яблони, у него отцовский талант". В лучшем случае перед вами откроется возможность сделать полицейскую карьеру, если, конечно, после школы захотите служить в полиции. Но эта возможность у вас и так есть. И награда никакая не объявлена. Объявить награду — все равно что признать поражение, а на это господин советник вряд ли пойдет. Ну, отыщете вы преступника — советник только вздохнет с облегчением. Значит, убийства больше не повторятся, все неприятности позади, не надо уходить в отставку. Вот разве что учебник не напишет, — камердинер едва заметно усмехнулся, — если он еще намерен его писать. И вы не выиграете ничего, ровным счетом ничего. Так что не думайте больше об этом.

Вики возвращался к себе совершенно убитый. Проходя по залу, заметил, что двери кабинета все еще приотворены.

"У него хорошее настроение, но убийца у него еще не в руках..."

Несмотря на тяжкое разочарование, Вики понимал, что камердинер прав. "И вы не выиграете ничего, ровным счетом ничего... — звучало в голове. — Самое большее — все скажут: "Яблоко падает недалеко от яблони, он весь в отца..." Выбросьте из головы, это просто романтика... убийцу вы не найдете... А этот Стопек — всего лишь сумасшедший..." Вики закрыл глаза и тяжело вздохнул: "Значит, все напрасно. Пустые выдумки... мои и Гофмана. Нигде его нет, ни в каких кабаках, сараях, заброшенных проулках — нигде. Если убийца — Брикциус, может, он его еще найдет. Если кто другой — скорее всего не найдет вовсе. Короче, полный крах..."

Вики стал рассматривать свои новые часы, браслет из чеканных рельефных пластинок.

"А что я скажу Барри?"

Барри... Турция... Чуть-чуть полегчало. "Делать нечего", — вздохнул он и снова отдался мечтам о путешествии. Головная боль сразу утихла.

Постучали. На пороге возник камердинер, неподвижный, как статуя.

— Господин советник зовет вас в кабинет.

— Чего ему? — вскинулся Вики, вставая с тахты.

Камердинер пожал плечами и ответил:

— Не имею понятия. Главное, настроение у него все то же. Сидит за письменным столом и ест апельсин. Спрашивал, дома ли я вечером, сообщил, что уезжает, поинтересовался прогнозом погоды, не ожидается ли гололедица на шоссе. Кажется, в самом деле собирается ехать на своем "рено". А вечером у него снова совещание на службе.

— Говорите, хорошее настроение? — засмеялся Вики.

Камердинер кивнул.

— Может быть, он решил сделать вам подарок к Рождеству: отменить запрет. Потому и зовет.

Вики вошел в кабинет, почти ничего, кроме безразличия, не испытывая. Почти — потому что легкое любопытство все же ощущал.

"Отменит запрет? Хорошо бы. Нет, так скоро — вряд ли..."

Советник сидел за столом. Кроме телефона и часов на нем стояла тарелка с очищенным апельсином. Советник Хойман улыбался.

И вдруг Вики пришла в голову неожиданная мысль — советник узнал о выстреле в оружейной комнате. Сам он об этом совершенно забыл. Навероятно, но вдруг отец заметил, что картина перевешена?

Нет, ничего подобного, иначе бы не улыбался. Ничего он не знает.

Встав и опершись о спинку стула, советник заговорил вполне миролюбиво:

— Я хотел напомнить: убери елку с балкона, а то осыпается, намусорено, как в хлеву. И еще: вчера я запретил тебе ехать с Пирэ в Турцию...

Советник сделал паузу, а Вики про себя усмехнулся: "Вот оно, нет, это невозможно..."

— Итак, — спокойно, но уже без улыбки продолжал советник и взглянул в окно, где снова шел снег, — решено: вместо Турции поедешь в Альпы, если захочешь, можешь вдобавок съездить со мной на неделю в Данию, там ты тоже не бывал. Еще кое-что, Вики. Есть вещи, требующие от нас последовательности. Половинчатость может только навредить. Тут нужен твердый характер, но я надеюсь, он у тебя есть.

Советник говорил размеренно и спокойно, хотя уже не улыбался; вид у него был на редкость миролюбивый и доброжелательный, а Вики охватили растерянность и от-

чаяние. Растерянность оттого, что отец назвал его по имени, такого давно не бывало, а отчаяние... Значит, запрет остается в силе... Вики напряженно ждал, что будет дальше.

— Короче, — пояснил советник, — я не желаю, чтобы ты продолжал знакомство с Пирэ.

Он умолк, а у Вики потемнело в глазах.

— Прекратишь ходить к ним и приглашать сюда. — Голос советника звучал все так же ровно и миролюбиво. — Никаких встреч в барах, никаких писем и телефонных звонков. Ты порвешь с Пирэ всякие отношения — и немедленно. Скажешь, как есть. Отец, мол, потребовал. Тебе пора сосредоточиться на учебе. У вас совершенно разные интересы, склонности и убеждения. И жизненные пути будут разные — вам нет смысла встречаться и дружить. Вокруг хватает людей, которые больше подходят тебе, то же относится и к нему. Между вами нет и не должно быть ничего общего. Я, во всяком случае, этого не хочу. Тебе придется вежливо извиниться и попросить Пирэ не сердиться на тебя. Послезавтра Рождество. — Голос советника стал даже ласковым. — До Рождества все должно быть кончено. Понимаю, трудно, особенно перед таким праздником. Но кончать нужно со всей решительностью. И ты обязан вернуть подарки, часы. Это само собой разумеется.

— Невозможно! — закричал Вики, словно пробуждаясь от кошмарного сна. — Да никогда я не сделаю этого! И никто меня не заставит! Ни за что!

— Не стоит так кричать, — с той же мягкостью, без всегдашней своей холодной мины отреагировал советник. — Надеюсь, *мне* вмешиваться не придется. Ты сам поймешь, что я прав, и последуешь моему совету. Если же придется вмешаться мне, будет, учти, хуже. Право же, не хотелось бы... — Он слегка хлопнул рукой по столу и повторил со снисходительной улыбкой: — Будет гораздо хуже.

Вики покинул кабинет в состоянии, близком к беспомощности.

В первые минуты он ничего не соображал.

Заперся у себя, повалился на тахту чуть ли не в обмороке, и только на короткие мгновения голова прояснялась, и Вики охватывало страстное желание взбунтоваться, отомстить.

XI

Мелкий, колючий снег, порошивший с перерывами все эти дни, улегся. Бульвары и широкие улицы столицы, украшенные разноцветными рождественскими фонариками, успели подсохнуть, но за городом снег еще держался. Во-

круг окрестных городов и сел еще хватало убежденных холмов и склонов, где местная молодежь могла кататься на санках и лыжах. Например, вокруг Оттингена, расположенного в десяти километрах от столицы.

Оттинген казался картинкой, вырезанной из книжки. В центре — обширная старинная рыночная площадь, окруженная невысокими, с арками в первых этажах, домами, так что вся площадь получалась окольцованной аркадой, в ней теснились лавки и магазины, один подле другого. Колониальные и пшечбумажные товары, мясо, обувь, кожаные изделия, птицы, аквариумные рыбки, кондитерские, молочные, лавки с книгами и игрушками, фарфор, стекло, ножи. Тут же сияла зеркалами парикмахерская... Короче, было тут все необходимое для жизни добропорядочных семейств, включая кафе и винные погребки. На площади размещались также костел, ратуша, архив и полицейский комиссариат. Город пересекала река, через нее вел каменный мост с башнями и цепями.

На юге над местностью царил бенедиктинский монастырь с храмом, храм привлекал посетителей ценными фресками, а подземелья монастыря славились готическими склепами. За монастырем тянулось поле, или, скорее, косогор, окаймленный с одной стороны лесом и изрезанный неглубоким оврагом, за ним бежало внизу шоссе, по которому можно было добраться до автостреды, ведущей к столице. А на севере, за рекой, то есть на противоположной стороне, виднелась еще достопримечательность — на одном из множества холмов высился средневековый Оттингенский замок.

Замок состоял из двух частей. Первая — крепость, древнее строение с воротами, навесными бойницами, готическими окнами, башнями и оградами — там располагался музей. Немного ниже по склону с древней крепостью соединялось более новое строение — замок. А в том замке, на подворье, располагался обширный винный погребок, далеко окрест прославивший Оттинген — вернее, прославило его разливавшееся там вино из местной лозы, которой исключительно хорошо рослось на здешних склонах.

И вот в этом Оттингене, в одном из таких арочных домов на площади, проживало семейство Книппсен.

В семье росли два мальчика и девочка. Старший мальчик и девочка были детьми живыми и озорными, но все же послушными, с ними проблем не возникало. Зато средний, четырнадцатилетний Юрг, — тоже очень живой, веселый, беззаботный и предприимчивый — кое-какие заботы доставлял.

Учителя говорили, что Юрг мальчик неплохой и сообразительный, учился он хорошо, хотя уроков дома почти не делал, но в его возрасте, в четвертом классе гимназии, это еще не беда. Способным ученикам вообще необязательно заниматься дома, если у них хорошие задатки и умелые

учителя. Отец пытался воздействовать на Юрга различными способами, от проповедей до придирок, он ведь был педагог по призванию и служил директором городской винодельческой школы, а потому полагал, что систематическим мелким тиранством укротит в сыне озорство и непоседливость. По правде говоря, это ему не удавалось, и Юрг рос себе и далее здоровым по натуре и замашкам ребенком.

Однако с нынешней осени ко всем привычкам Юрга прибавилась еще одна, без которой вполне можно было обойтись. Потихоньку-полегоньку он втерся в компанейских старших ребят, чувствовал себя среди них на равных и приучился курить.

Дома приходилось это тщательно скрывать. Иначе отношения с отцом зашли бы в тупик. Не дай Бог, отец догадается! Он не должен найти у него не то что сигарету, но даже крошку табаку. И вот, памятуя, что под фонарем темнее всего, Юрг нашел способ курить дома сколько захочется. Сам отец курил, и у него на столе всегда стояла большая коробка сигарет. Если бы Юрг брал их из коробки, отец заметил бы. Но Юрг подкладывал в нее сигареты только потом, когда хотелось покурить, брал с таким расчетом, чтобы сигаретница была заполнена ровно настолько, как если бы отец курил один.

За два дня до Рождества, на второй день каникул, когда в доме директора винодельческой школы стояла уже елка, а в шкафах и различных тайных местах были спрятаны рождественские подарки, Юрг с одноклассниками катался на санках за городом недалеко от замка.

Мальчики катались с утра, потом решили отправиться в старую крепость. Но, конечно, не в музей, а в погребок — выпить вина.

В Оттингене не считалось предосудительным, если гимназисты заходили в погребок. Частенько выпивали и ученики общеобразовательной школы. В этом виноградарском раю, как и в других подобных местах, во всех домах вино подавалось к обеду и ужину чаще, чем пиво, и нельзя сказать, чтобы из-за этого здешняя молодежь отличалась умственной отсталостью. Местным жителям даже казалось, что наоборот. Для примера всегда назывались имена нескольких знаменитых земляков, преуспевших в жизни во славу родного края. В городке на их жилищах красовались мемориальные доски, в музее под стеклом хранились их сочинения, а в галерее стояли их бюсты. Впрочем, молодежь здесь пила немного, как правило, разбавляя вино водой. И ни один хозяин погребка или официант в кафе не отказывал ребятам в стаканчике вина. Мудрые люди живут в тех краях, где вино чтут так же, как хлеб, сообразуясь с этим в своих обычаях.

Итак, Юрг с ребятами отправились в замковый погре-

бок. Санки оставили во дворе, уселись в одном из многочисленных кабинетов зала за большой дубовый стол. Двое старших и самый маленький заказали грог, остальные — вино и несколько бутылок содовой. Некоторые, в том числе Юрг, закурили. Что касается вина, то хозяин принес его всем беспрекословно, но вот если бы он увидел, что маленькие курят, ему бы это не понравилось, при случае он мог предупредить родителей. Поэтому при его приближении самые младшие прятали сигареты под стол.

Когда вино было налито и сигареты зажжены, один из старших мальчиков, сын акушерки, спросил:

— Кто из вас летал на метле?

Все засмеялись, и сын аптекаря ответил:

— Избави Бог, мы ведь не какие-нибудь ведьмы.

— А я бы с удовольствием полетал, — проговорил сын архивариуса и, привстав со стула, раскинул руки. — Вот так расправить бы крылья и полететь к самому морю...

— К морю можно и самолетом, — возразил сын аптекаря. — Поезжай в столицу и покупай себе в авиакассе билет куда угодно, хоть в Иран.

— Неинтересно, — не согласился сын акушерки, — в самолете, как в клетке, можно только из окошка смотреть, а на метле, как на мотоцикле, рули метлой и лети куда хочешь. В самолете будешь лететь туда, куда пилот повезет.

— На метле не летают, что уж тут говорить, — резюмировал Юрг.

Сидели, курили, Юрг выпил три бокала вина. Часов в шесть он сказал:

— Голова у меня идет кругом, как будто я на метле лечу.

И он стал дурачась бегать вокруг стола, делая вид, что оседлал метлу.

— И я лечу, — присоединился к нему сын акушерки.

— А я на реактивной метле! — заявил сын аптекаря и стал набирать скорость.

Так они кружились, а Юрг стал махать руками, хлопая по головам сидящих ребят. Кое-кто пригибался, другие пустились за Юргом, погнался за ним и сын акушерки, за сыном аптекаря тоже стали гоняться. А потом пришел хозяин.

— Ребята-зверята, кончайте беситься!

— Господин Крахнер, вы даже не догадываетесь, что они делают — они на метле летают! — пояснил сын аптекаря.

— А он, господин Крахнер, — крикнул Юрг, — он на реактивной метле!

— Я вижу, Юрг, ты курил? — возмущился хозяин.

Ему ответили дружным смехом, а Юрг сказал:

— Вы нас насквозь видите, и даже то, что творится под столом!

Ребята, постепенно утихомирившись, расплатились, Юрг

упросил хозяина ничего не говорить отцу, и все вывалились из винного зала. Во дворе еще немного порезвились, потом разобрали санки и потихоньку побрели к дороге, которая вела вниз, к шоссе. Дорога была вся в снегу и освещена фонарями. Ребята оседлали санки и покатали вниз. У Юрга все кружилась голова, он размахивал руками, кричал, что летит на метле, ему и правда казалось, что он взмывает ввышину. Когда съехали вниз, Юрг так разгорячился, что весь покраснел, сердце колотилось толчками. Он предложил съехать еще раз. Но никто его не поддержал. "Неохота опять карабкаться наверх", — сказал сын аптекаря, и Юрг вместе со всеми потащился к городу.

По старому, с арками и цепями мосту перешли на другой берег, к площади, собору и бенедиктинскому монастырю.

Ребята шли по набережной, потому что тротуар вдоль берега был занесен снегом, а на другой стороне тротуары возле домов почистили. Некоторые магазины еще торговали, но все без исключения, и закрытые, светились празднично убранными витринами. С набережной мальчики постепенно сворачивали каждый в свою сторону. А на углу улицы Данте, напоминавшей своим арочным мостиком, перекинутым между двумя старинными домами, венецианский мост Вздохов, попрощался и сын аптекаря — он жил, как и Юрг, на площади, к которой вел этот мостик, — но Юрг к нему не присоединился.

— Поброжу еще, — сказал он, — домой рано.

Голова слегка кружилась, румянец горел на щеках, по телу разливалась приятная легкость — все это от капли вина, сдобренного свежим воздухом и катанием на санках... Юрг и думать не хотел о возвращении домой. Вместе с сыном акушерки они шли по набережной в сторону южной окраины. Юрг волок за собой санки, точно вел упирающуюся лошадь, а сын акушерки меж тем рассуждал:

— Шутки шутками, а ведьмы и вправду летали на метле. Это записано и в тамошних хрониках. — Он махнул рукой куда-то к реке, видимо, имея в виду музей. — Еще в средние века летали, за это их сжигали на кострах.

— Как же они летали? Для этого нужен мотор, а на метле его нет, — засмеялся Юрг.

— А птицы? Нет, ведьмы по правде летали, но только во сне. Такие уж у них сны наяву были, один сон длился всю ночь. Собиралось их где-нибудь видимо-невидимо, и к ним приходил сам Люцифер с целой свитой чертей. И дьяволы Уриэль и Сатанаэль. Они ели, пили, плясали — одним словом, устраивали оргии. Ведьмы вместе с чертями.

— А что такое оргии? Они там что — это самое?..

— А как же, как же без этого?.. В середине поляны горел костер, кругом трава, камни, лес, все упивались, снимали одежды, лапали друг дружку — разве ты не видел в музее старинные картинки, там все это изображено.

— У них и дети были? Чертенята?

— Детей не могло быть, это рассказни. Так же, как и человек не может иметь детей ни с обезьяной, ни с лошастью. Если ляжешь на гориллу, — раздумчиво сказал сын акушерки, — от этого не родится ни обезьяна, ни человек. Но это еще не все. Ведьмы летали и на север...

— Ну и что из того?

— А вот что: на севере все по-другому. — Сын акушерки покосился на скованную льдом реку. — Туда летали не к чертям, а к Снежной королеве. Она прикасалась к ним волшебным ледяным скипетром, замораживала, потом давала напиться. После этого в голове у них начинало твориться такое... ну вроде как цветок разлетается фейерверком по небу, тысячами огней...

— Ерунда! — Юрг рассмеялся так громко, что прохожий на другой стороне улицы обернулся. — Что у них такое творилось с головой? Как ты сказал? Цветок разлетается...

— Будто цветок разлетается на тысячу огней, цветных, — уверенно повторил акушеркин сын. — И тогда они становились рабами Снежного короля.

— Сказки, — отмахнулся Юрг, — а ты откуда все это знаешь?

— Да ты что, никогда в музей не был? Вот осел! Там в старых книгах черным по белому записано, что после этого все для них превращалось в один сплошной снег.

— Ну ладно, допустим, так и было — становились рабами короля, все для них превращалось в снег, она их льдом заколдовала, что-то они там выпивали, после этого с ними творилось... Как ты сказал? Что-то как с цветком. И тоже раздевались?

— Тоже, — кивнул акушеркин сын. — В музее на картинках так и нарисовано.

— Схожу в музей, — сказал Юрг и решил про себя: завтра же утром. — И все же ведьмы не летали по правде, ты сам говорил, что все было во сне, они, наверное, какие-то настойки пили, чтобы видеть такие сны наяву, может, наркотики.

— Вроде того. Пили настойки из трав и мазались мазями. Из мака, сала летучих мышей, обмазывали, конечно, не одни только руки.

Акушеркин сын рассказал Юргу еще множество интересных вещей, пока они болтались по набережной. Шатались они долго, Юрг даже немного устал. Так они очутились на южной окраине города, возле монастыря, рядом с которым, за углом, и находился дом акушерки.

— Ты еще глупый, Юрг, и многого не знаешь, — сказал на прощание акушеркин сын.

У Юрга все еще кружилась голова, все еще перехватывало дыхание и ощущалась прежняя легкость в теле, но ему вдруг снова захотелось покурить и выпить вина.

— А ты бы рассказал, да и закурить не мешает, если выпить нечего.

— Погоди, — акушеркин сын бросил санки и скрылся за углом. Вернувшись вскоре, он с сожалением констатировал, что мать дома. — Знаешь что? Сигарету я тебе дам. А завтра приходи к четверем, матери точно до семи не будет, выпьем рому и потолкуем.

Он дал Юргу прикурить.

Юрг пообещал:

— Обязательно приду, завтра в четыре — к нам нельзя, всегда кто-нибудь дома торчит. Если не отец с матерью, то брат с сестрой.

Они пожали друг другу руки, Юрг взял санки и ушел. Головокружение не проходило, очень хотелось подняться до облаков и лететь все дальше и дальше, кувыркаться в воздухе, переворачиваться, опускаться и снова подниматься... Домой не тянуло... Мороз был слабый. Куда угодно, только не домой. А если съехать еще раз с горы, хотя бы тут, у монастыря? Рядом расстилалось прекрасное нагорье, окруженное лесом, спускающееся к шоссе.

Юрг подумал: "Оттуда можно слететь, как на воздушном змее".

Больше он не колебался.

Пришлось пройти мимо монастыря. Почти все окна светились. У ворот, увенчанных ангелочками и статуей св. Бенедикта с золотой надписью "Hoc signum magni regis est..." ("Се — знамение величия Небесного царя..."), Юрг невольно спрятал сигарету в рукав. Как раз в это время из монастырских ворот вышли какие-то люди. Женщина в платочке — Юрг сразу определил в ней уборщицу, небольшого роста мужчина с чемоданчиком и другой, очень высокий, с большой сумкой...

Удивительное дело — только что, на набережной, мимо магазинов шатались люди, но Юрг не обращал на них внимания, болтал с приятелем. Теперь он был один, и люди виделись ему какими-то странными. Великан с сумкой казался карликом, а низенький — высоким. Разве что монастырская уборщица оставалась такой, какой была на самом деле. "Выходит, я здорово опьянел, — сказал себе Юрг. — Будто и не вино пил, а какое-то зелье". Он затаился. Вышедшие из ворот на несколько шагов опередили Юрга и двинулись вдоль стены, под фонарями, освещавшими следы на снегу. Один из них обернулся посмотреть, кто это тащится за ними, потом прохожие завернули за угол, шаги их заглохли, Юрг остался в поле один.

Было темно, не то что в городе, освещенном фонарями, витринами и окнами, но и тут темнота не была полной. Небо слабо светилось отраженным сиянием городской иллюминации, звезд виднелось мало, может быть, из-за отсвета городских огней. Белел холм, спускающийся к оврагу и до-

роге, по краям ее возвышались высокие столбы с лампами. Слева темнел лес, полный черной мглы.

Юрг докурил и уселся на санки, оттолкнулся и полетел вниз.

Склон был невелик, но крут, и во время спуска Юрг наслаждался каждой секундой полета. Слева навстречу ему летел лес, казавшийся таинственными джунглями. Овраг и шоссе приближались. По шоссе проходили машины с включенным дальним светом, они неслись быстро, точно на гонках. Он представлял себе, что летит на метле, голова кружилась сильнее, легкость во всем теле вздымала его над санями, колючий морозный воздух вихрем овеивал щеки... А вдруг вот сейчас он, спустившись в овраг, окажется на шабаше у костра? Ветер сделался холоднее, руки озябли. А вдруг внизу сама Снежная королева с королем? Он затормозил ногой в последнюю минуту, его отнесло немного в сторону, и санки остановились. С наслаждением потянувшись, он встал. Прошла еще машина в сторону Оттингена. Вверху возвышались стены монастыря и башня собора. По утоптанной дороге мальчик стал не спеша подниматься к лесу, таща за собой санки.

Не доходя до леса, Юрг заметил какого-то человека.

Человек стоял на опушке под деревом, у тропы, немного выше того места, куда собирался взобраться Юрг. Как он попал сюда, непонятно. То ли пришел со стороны шоссе, то ли из монастыря, то ли из леса. Впрочем, какая разница, странно только, что Юрг не заметил его, когда съезжал с горы. "Наверное, он стоял тут и смотрел, как я летел вниз". Что он забыл здесь в такую пору?

Юрг нисколько не испугался. Голова еще кружилась, приятная легкость разливалась по телу, щеки пылали. Он беззаботно поднимался по тропе, кажется, чужой еще не заметил его. Вот заметил, помахал и, нерешительно потоптавшись, пошел навстречу. Они встретились на тропе недалеко от опушки.

— Скажи, пожалуйста, мальчик, ты здешний? — спросил человек и поглядел вниз на шоссе. Там как раз ехали из города две машины. — Не подскажешь, как выбраться отсюда?

Юрг дернул за веревку, подтянул к себе санки и, засмеявшись, внимательно посмотрел на неизвестного — не местный ли он и не дурачит ли его.

— Смеешься, а мне совсем не до смеха. Заблудился, понимаешь, а тут еще ботинок жмет. Даже не представляю, куда вышел. Ты знаешь эти места?

— Как не знать, я тут живу, каждый камень знаю.

— Куда мне идти? — снова спросил незнакомец и поглядел вверх, на склон.

"А куда ему надо? — усмехнулся про себя Юрг. — Видно, что не в Оттинген, ведь отсюда монастырь видать. На автостраду, наверное, ему надо, может быть, он сюда за-

брался с местного шоссе, у него, может, и машина там стоит. Почему же он не спросил кого-нибудь из проезжающих? И указатели есть на шоссе...”

Юрг пренебрежительно покосился на неизвестного. Последнее время он часто испытывал к другим чувство превосходства, скажем, к отцу, которому даже невдомек, что он курит. А если указать этому человеку неверную дорогу? Заморочить голову? Подурачиться над ним? А, не стоит... Минутное желание, вызванное приятным головокружением и легкостью во всем теле, прошло у Юрга так же внезапно, как и возникло.

— А куда вам? К Снежной королеве? Или в погребок?

Незнакомец вздохнул и вытащил сигареты. Юрг отметил, что незнакомец не снял перчатки. Очки в черной оправе и черный шнурок усов резко выделялись на бледном лице.

“Хорошо же я напился, не могу понять, как тут можно заблудиться”.

Усатый достал спички, закурил, вдохнул дым.

— Ты ведь не куришь еще? А нужно мне в столицу. — Незнакомец потоптался на месте. — Поскорей бы снять ботинок. Камешек попал или гвоздь вылез.

— Да нет, я курю, отчего бы мне не курить, — вызывающе засмеялся Юрг. — Кто мне запретит? Если гвоздь попал, его надо забить, только чем? Все под снегом.

Незнакомец протянул сигарету и зажег спичку.

— Можно сесть на санки? Посмотрю, что там у меня. А ты пока расскажи, как попасть в столицу.

Юрг подтащил санки под дерево, незнакомец сел, и Юргу показалось, что он нервничает. Лицо чужого выделялось неясно, какое-то бледное пятно, очки и усы. Какого роста и возраста он, тоже непонятно. А вот голос немного дрожит, это Юрг уяснил. Они сели рядом на санки — незнакомец с сигаретой в перчатке, Юрг с сигаретой в озябшей руке. Незнакомец немного успокоился. Сидел, курил и осматривался. Поглядывал на склон, белеющий впереди, на шоссе внизу, на холм. Из-под деревьев, где они сидели, монастыря не было видно.

“Что же он молчит и не переобувается?” — подумал Юрг. Он затаился и опять почувствовал, как дыхание его учащается.

Незнакомец колебался и никак не мог на что-то решиться, так, во всяком случае, показалось Юргу. Может, раздумывает, стоит ли снимать ботинок, может, хочет опять расспросить о дороге. Юргу снова захотелось чего-нибудь выпить.

— До столицы десять километров, а там в зависимости от того, куда вам надо, в центр или дальше. По этой тропе можно сойти на шоссе и попробовать остановить попугайную машину.

— А в какую сторону к столице, вверх или вниз? — спросил незнакомец как-то глухо, нерешительно.

— Вниз. — Юрг засмеялся и стряхнул пепел на снег. "Ну и бестолковый", — подумал он. — Вверх — это к Оттингену. А если проехать три километра вниз, там начинается автострада и можно пересестъ на другую машину.

"Вот и сказал ему правильную дорогу, а мог бы и обмануть", — подумал Юрг.

— А автобуса у вас нет? — как бы колеблясь, слегка дрожащим голосом попытался чужак.

— Есть, конечно. — Юрг, часто дыша, сделал одну за другой сильные затяжки. — Но надо идти в город на площадь, остановка у аптеки, а сейчас, наверное, уже семь часов, когда еще он пойдет, вечером интервалы большие, не меньше часа. Лучше на шоссе легковушку остановить.

— Что ж, так и сделаю... — кивнул незнакомец, слегка повернулся к Юргу и посмотрел на него.

Юрг сделал вид, что не заметил его взгляда, и подумал: "Вот бы у него вино оказалось или ром..."

Он выдохнул дым, погасил сигарету и вдруг уяснил, что кругом тишина, что их только двое, рядом, за их спиной, лес, темный лес, недвижимый, ни одна ветка не шелохнется, а вокруг ни единой живой души, только со стороны шоссе иногда слышен шум проезжающей машины.

— Повезло мне, что я встретил тебя, — медленно, словно тянул время, проговорил неизвестный, и голос его все так же чуть дрожал, — в такой час и в таком месте редко кого встретишь. А почему ты не дома? Родители не спохватятся?

Юрг засмеялся, но как-то неуверенно, часто дыша.

— Я сегодня немного выпил...

— Выпил? — удивился человек и стряхнул пепел в снег. — А что пил? Вино, ром?

— Ерунда, немного вина с ребятами, — небрежно бросил Юрг незнакомцу, увидел его бледное лицо, черную оправу очков и черный узкий шнурок усов. — Но завтра зайду к одному товарищу, выпьем рому. — Он отвел глаза и снова уставился на поле перед собой. — Надо же узнать что-нибудь новое... Может, пригодится.

— Узнавать что-нибудь новое — это хорошо, — рассеянно протянул незнакомец. — А что именно? Вкус рома — это для тебя новое?

— Ну, и это тоже, я мало еще знаю о жизни. — Голова у Юрга все так же кружилась, ощущение легкости не исчезало.

— Ты еще молодой. — Незнакомец тихо и медленно цедил слова, тянул время, голос звучал глуше, как будто его что-то душило — то ли страх, то ли тоска. Он стряхнул пепел, и Юрг заметил, что рука его в черной перчатке дрожит, как и голос.

“Что же он не разуается и не ищет гвоздь в ботинке?” — подумал Юрг, а вслух сказал:

— Конечно, молодой, но мне немало лет.

— И вся жизнь впереди, — добавил незнакомец.

— И отец так же говорит. — Юрг вдруг разразился хохотом и заелозил на санках. — Он очень строгий, ругает за все, все запрещает, правда, ему это не очень-то удается.

Незнакомец резким движением отбросил сигарету в снег, засунул руку в карман — замерзла, видать, в перчатке — и поглядел вниз на шоссе, где ехала машина, потом поглядел вверх, на холм.

— И как же ты завтра будешь познавать жизнь? — Говорил он сдавленно, проглатывая гласные.

Юрг смотрел не на него, а вперед, на темное поле, но прямо-таки чувствовал, как лицо незнакомца становится все бледнее, все напряженной, и в душе его порхала легкая, как перышко, насмешка.

— Хочу узнать о колдовских шабашах и оргиях, как ведьмы летают и... гм... веселятся во сне с дьяволами, как на севере встречаются со Снежной королевой и Снежным королем... — Он тихо засмеялся, выдыхая дым уже не так учащенно, и в этот момент ощутил, как рука незнакомца, выскользнув из кармана, мягко легла ему на плечо.

“Ну вот, — мелькнуло у Юрга в голове, — он докурил, теперь будет переобуваться”.

— Как они пируют, пляшут, — продолжал мечтательно Юрг и вдруг ощутил на затылке какой-то холодный кружок, точно Снежная королева приложила свой волшебный ледяной скипетр, — и еще много чего делают, — бормотал он, глядя на темнеющий склон... Румянец еще пылал на его щеках, и улыбка блуждала на губах, когда он совсем близко услышал выстрел. Услышал где-то сзади, из леса, а может, совсем рядом с санками. В затылке что-то кольнуло, будто комар укусил, зато в голове, которая все кружилась и кружилась, раздался грохот... Как будто даже не раздался, а сверкнул... ужасный грохот, и ярчайший свет, удивительный цветок из света, расцвел у него в голове и разлетелся фейерверком из тысячи огней... В ослепительном сверкании Юрг увидел как на ладони весь Оттинген, лица ребят, родителей, брата и сестры, господина Крахнера, акушеркина сына... Но это было последнее, что он увидел, не считая, конечно, снега и дороги... Последнее, что он увидел в бедной своей земной жизни. Сигарета выпала изо рта, он соскользнул с санок, точно кланялся Снежному королю, и упал весь целиком — губами, глазами, лбом — в холодный темный снег.

Незнакомец вскочил с саней на миг раньше, чем лицо мальчика коснулось снега. Сунул пистолет в карман пальто, вынул из него и бросил к ногам мальчика маленькую застекленную коробочку и исчез в лесу. Он бежал в темноте к шоссе, и снег скрипел у него под ногами, ветви и кусты

били по лицу, хватали за полы, но он ни разу не споткнулся. Когда добежал до шоссе, по лицу его струился пот. На мгновение он остановился и низко склонился над оврагом. Потом перебежал через шоссе к рошце, редкой, но уже окутанной в этот вечерний час темнотой. Поправил очки, провел рукой по лицу и припустил к автострате перелесками, полями, лугами, перепрыгивая через канавы. Быстрой ходьбой одолев километров пять по автострате, он остановился у одной из бетонных скамеек и перевел дух, только сейчас заметив, что идет снег.

XII

После снежной ночи, в десять часов утра накануне Рождества Вики с бутылкой виски "Royal Castle" позвонил в дверь Бернарда Растера. Он счел, что сегодня Растер не поехал в Оттинген, потому что свет горел поутру во всех окнах. Так и было. Открыл сам хозяин.

Повесив на вешалку дубленку Вики, он провел его в гостиную. Приглядевшись к гостю, Растер заметил, что Вики сам на себя не похож. Его красивое, всегда безмятежное лицо покрывала мертвенная бледность. Странно потускневшие глаза, усталость в походке и во всех движениях. Но и это не все. Растер был, можно сказать, профессиональным физиономистом, и у него создалось впечатление, будто Вики чем-то нагружился.

"С ума сойти! Наркотик? Невозможно! Да он никогда и не имел склонности к таким делам. Дома что-то случилось, конфликт с отцом, и он принял какой-нибудь порошок? По-моему, однако, сам скажет: может быть, затем и пришел?"

Растер пригласил Вики садиться, сам тоже сел в кресло у окна и прикрыл глаза.

Вики поставил бутылку на стол, перевел взгляд на Растера и остолбенел. Возле его кресла на черном постаменте стоял маленький скелет с плоским черепом, мощными конечностями и грудной клеткой. Рядом с Растером — огромной гориллой — скелет выглядел обезьяньим детенышем. Но это еще не все. Вид у Растера был какой-то необычный. Широкий низкий лоб изборожден морщинами, под глазами черные круги, точно он не спал всю ночь, проведя ее в страшных заботах. "Что это с ним? Или мне самому настолько скверно, что уже собственное зрение подводит? Э, да он, кажется, заснул!"

Вики потер лоб и снова посмотрел на скелет. В глазах все плыло, и скелет тоже как будто колебался. Но тут Растер поднял на Вики взгляд.

— Господин Растер, — Вики кивнул на стол, — конечно,

глупо, но вот я принес вам к Рождеству. Вы ведь к нам на праздник не ходите.

Растер встал, подошел, снял обертку. Взглянул на этикетку и усмехнулся сквозь налет усталости всем своим широким обезьяньим лицом.

— Спасибо, Вики, не забыл о насущных моих потребностях. Насущными потребностями только и жив человек. Если бы советник Хойман узнал, небось по головке бы не погладил, а?

Вики, пожав плечами, улыбнулся, и бледность немного сошла с красивого его лица. Странно, но в доме Бернарда Растера, рядом с этим звероподобным, с репутацией пьяницы существом он чувствовал себя в полной безопасности. Впрочем, и Март, когда еще жил дома, испытывал доверие к Растеру. Так же Вики относился и к полковнику Зайбту, камердинеру и экономке, но уютнее всего ему было с Бернардом Растером. Он относился к тем, кого не любил советник, с кем не разрешал встречаться своим детям. Но для Вики Растер все равно продолжал оставаться человеком, на которого всегда можно положиться, еще бы — такой большой, сильный, да еще так много знает. Вики улыбнулся своим мыслям, ему стало значительно легче, бледность и усталость понемногу проходили.

Растер проговорил медленно и сонно:

— Что с тобой, Вики? Ты как-то странно выглядишь. Не случилось ли чего у вас?

— Если я странно выгляжу, есть причина... откровенно признаться, до меня все доходит как в тумане... У нас действительно кое-что случилось три дня назад, а вчера было продолжение. Три дня назад я вернулся в двенадцать ночи после встречи с Барри и Гретой, и он запретил мне ехать в Турцию на каникулы и велел возвращаться домой не позже девяти. На другой день я говорил с камердинером и...

Растер подошел к стенному бару у двери, достал и принес бокалы и бутылку красного французского вина.

— Вики, камердинер, конечно, прав. Запреты не всегда бывают правильными. Они не должны быть злонамеренными. Мне кажется, запретить поездку на каникулы за один поздний приход — это уж слишком.

— Я поеду с Барри, даже если он меня потом убьет. Я совершеннолетний, и никто мне не помешает поехать. Но вы еще не знаете, что случилось вчера. Это непостижимо. Он запретил поддерживать какие бы то ни было отношения с Барри и до завтра приказал вернуть его подарок.

Вики показал часы на руке. Растер, открывавший бутылку, на мгновение скользнул по ним взглядом. А Вики, вновь побледнев, продолжал:

— И я решил не только поехать с Барри в Турцию, но и остаться там навсегда.

Растер молча разлил вино по бокалам. Вид у него был

озабоченный. И хотя на лице его не дрогнул ни один мускул, морщины на лбу стали как будто еще глубже, круги под глазами еще больше потемнели.

Вики приложил руку к виску, пытаясь унять боль.

— Я даже думаю, господин Растер, не следует ли мне уехать прямо сейчас, после Нового года?

— погоди, Вики. — Растер, вдруг точно проснувшись, успокаивающе улыбнулся. — погоди, не будем пороть горячку. Давай выпьем. — И поднял бокал.

Выпили.

— Ты всегда можешь прийти ко мне, можешь рассчитывать на меня, я готов помочь, однако...

Вики уже знал, что скажет Растер, хотя слушал и воспринимал все сквозь туман, он знал это, еще когда переходил улицу и даже вчера вечером, когда лишь собирался пойти к Растеру и все ему рассказать.

Растер с удивлением отметил про себя, что мальчик, только что выглядевший так, будто его подменили, до того бледный и усталый, до того странный, что напрашивалась мысль о наркотиках либо каких-то таблетках, слушает его сейчас абсолютно спокойно. Или вовсе не слушает, ушел в себя, потому и вид у него такой невозмутимый? Он все же попытался убедить Вики:

— Для чего тебе уезжать сразу после Нового года? Зачем спешить? Так с бухты-барахты из дому не уходят. А гимназия? Подожди, пока не получишь аттестат зрелости или диплом, как это сделал Март. Поедешь с Пирэ на каникулы и без разрешения, но бросить все разом и навсегда? Это бегство...

— Ну хорошо, — прервал его Вики, — не сейчас, но уж в каникулы точно. Поедем с Барри как договорились, и я там останусь. Насовсем.

Растер отпил из бокала и, покачав головой, возразил на этот раз не столь решительно:

— Но почему в Турцию? Можно уехать просто в соседний город, как Март. Что ты будешь делать в Турции, как жить? Ты и языка-то не знаешь.

Вики снова прервал:

— В Турции я как раз проживу. У господина Пирэ склады в Стамбуле и Измире, у него там много друзей и знакомых, и я бы согласился не то что работать в конторе — мешки готов таскать в порту, только бы отсюда подальше. Это главное.

— А как ты думаешь, что бы в таком случае сделал твой отец? Ему ничего не стоит установить, где ты и что делаешь, — стоит осведомиться в турецком посольстве или спросить у Пирэ.

Вики в третий раз прервал Растера:

— Пусть выясняет! Я совершеннолетний, у меня есть паспорт, визу мне выдадут, не вышлют же обратно! Он не

имеет права вернуть меня, пусть хоть весь Интерпол на уши поставит!..

И тут Растер вскочил, в мгновение ока очутился рядом с Вики и вскрикнул:

— Вики, что с тобой?

Вики, хватая ртом воздух, слабо выдохнул:

— Ничего, все прошло. Минутная слабость. Видите ли, — он распрямил в кресле свое на секунду обмякшее тело, — мне надо уехать, я долго не выдержу, надо уйти от него, если не сейчас, то в июне обязательно, и навсегда. Я говорю это вам, потому что знаю: вы меня не предадите.

После долгой паузы Вики устало и как-то дремотно продолжал:

— Ничего нельзя поделать, господин Растер, это последнее Рождество в его доме. Я давно сошел бы с ума, если бы не полковник Зайбт, госпожа Мейербах и комиссар Ваня. Мне очень хочется рассказать им всем в его присутствии о вашем открытии в Бамбергском соборе. Пусть он послушает!

Растер откинулся в кресле, положив огромные свои лапищи на подлокотник. Не зная, что и посоветовать сыну бывшего своего товарища, как отнестись к странным его планам, он ухватился за последнюю его реплику:

— Вики, милый, ничего я не открывал, ей-богу, участвовал в работе наравне с другими. Мы нашли в костях свинца, отсюда вывод, что Климент II был отравлен, то есть произошло убийство.

— Которое раскрыто через тысячу лет, и если бы не вы, так и осталось бы тайной. Нет, я все расскажу завтра за ужином, обязательно.

— Я ни при чем, — покачал головой Растер. — Дело в прогрессе и развитии биологии, химии, физики. Без этого прогресса у нас не было бы знаний, и убийство оставалось бы и дальше нераскрытым. Ну, а ты, — Растер улыбнулся, морщины его немного разгладились, а круги под глазами стали не так заметны, — продвинулся в своем расследовании? Давно ничего мне не рассказывал — есть что-нибудь новенькое? Или уже оставил это дело?

— Господин Растер, — Вики потянулся к бокалу с красным вином, — это особый вопрос. Вчера камердинер чуть не полдня все отговаривал меня. Я собирался на зимние каникулы вместе с Гофманом, мы учимся в одном классе, пройтись по пивным. Гофман считает, что в таких местах, где-нибудь в закоулках и забегаловках, можно напасть на след убийцы. А после каникул к нам присоединились бы другие. И Барри хотел помочь. Но камердинер думает, что это все романтические бредни. Что преступника не найду ни я, ни полиция. Что преступление так и останется нераскрытым. Возможно, и через тысячу лет его не раскроют. Этот случай потруднее, чем случай с Климентом, потому

что тогда нужно было просто установить убийство, а здесь найти того, кто убивает, тут и за тысячу лет не справиться. А если бы и нашли, что это даст?

Растер внимательно слушал Вики, казалось, он усмеяется, но Вики ни в чем не был уверен. Туман вокруг него сгустился, он понимал, что это из-за странного его состояния.

А Растер, пристально, пылливо приглядываясь к гостю, не мог избавиться от впечатления, что Вики то ли под наркотиками, то ли наглотался каких-то порошков. "Неудивительно, если у него дома такой конфликт, надо спросить у него прямо". А вслух сказал:

— Да, я тоже считаю, что твои розыски ни к чему не приведут. Камердинер прав — ищи ветра в поле. Кстати, я заметил, что ты заинтересовался новым скелетом. — Растер устало улыбнулся. — Вот этим, у кресла.

— Станный какой-то. Все странное — ноги, голова, ребра... Это скелет ребенка? — Голос у Вики дрогнул.

— В некотором смысле да. Это медвежонок.

На улице послышался шум. Вики подошел к окну. Перед домом Бернарда Растера остановилась машина, из нее вышли двое.

— Полиция, — констатировал Растер. — И в праздники покоя нет. Кости, что ли, какие-то нашли?

Звонок.

Вики побледнел.

— Пойду, не надо, чтоб меня здесь видели.

— Не бойся, отец ничего не узнает, впрочем, уходить поздно. Садись. Может быть, это и не полиция, а из страхового общества.

Растер вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Вики услышал шаги в передней.

— Криминальная полиция, — донесся до него голос одного из вошедших. — Господин Бернард Растер?..

— Он самый. Мы, кажется, знакомы. Прошу.

Вики слышал, как Растер открыл дверь соседней комнаты.

— Мы вас долго не задержим, — вступил в разговор второй полицейский.

Вики приник ухом к двери подле бара. Он дрожал, никогда в жизни ему еще не приходилось подслушивать: даже когда отец дома устраивал совещания в узком кругу, касающиеся последнего дела, он считал это неприличным, но сейчас ничего не смог с собой поделать. Стоял, затаив дыхание, слегка дрожа, хотя в душе был спокоен, и слышал, как полицейские приносят извинения Бернарду Растеру, известному криминалисту, а Растер предлагает им садиться.

— Господин Растер, — проговорил один из гостей, — вот судебное распоряжение об изъятии у вас на время пис-

толета Мейербаха, полученного в награду в Студенческом союзе, и имеющих к нему патронов. Речь идет об идентификации оружия. Вам ведь хорошо известно, сколь важны сравнительные методы...

— Я ждал, что вы когда-нибудь придете ко мне. Разыскивается преступник, совершивший два детоубийства из пистолета известного калибра с левосторонней резьбой.

— Разыскивается преступник, совершивший три детоубийства, — сухо уточнил полицейский. — Третье убийство имело место вчера вечером в Оттингене.

У Вики замерло сердце.

Новые золотые часы отсчитывали время, вот отъехала полицейская машина, вот наконец в гостиную вернулся Растер. На его обезьяньем лице блуждала улыбка, Вики сквозь туман она казалась какой-то брезгливой, глаза же оставались при этом невозмутимыми. Видел он Растера в таком тумане всего секунду, потом ноги у него подкосились, и он опустился на ближайший к столу стул.

— Возьми себя в руки, нельзя быть таким впечатлительным. Ты собираешься ехать в другую страну, начать там самостоятельную жизнь, а сам чуть не теряешь сознание, когда полиция приходит за пистолетом для экспертизы. Да, — продолжал он, когда Вики немного пришел в себя. — Вот и третий случай для господина советника Хоймана. Убийство произошло вчера вечером, утром найден труп. Рядом с монастырем, на опушке. Мальчика застрелили, когда он сидел на санках. Они изъяли у меня пистолет и патроны. Значит, я заподозрен в убийстве.

Они снова сели к столу. Вики был бледен, его била дрожь.

— Они, конечно, не сказали это прямо, но вскользь упомянули, что я регулярно работаю в склепах монастыря, а мальчик в Оттингене убит из пистолета той же системы...

Растер оглушительно расхохотался и пошел к бару. Открыл еще бутылку и наполнил стоявшую рядом рюмку.

— Мне кажется, Вики, твой отец в третий раз останется ни с чем.

Растер пил ром. Вики молчал. Сделав над собой усилие, так как молчать стало неудобно, спросил:

— У вас будут неприятности?

— Переживу, — с усмешкой вскинул голову Растер. — Подозрение не смертельно. Я предвидел, что они придут за пистолетом, еще до убийства в Оттингене. Твой отец начинает вести дознание с тех, которые у него под рукой, вполне нормально для полицейского. Отталкиваться от общеизвестных фактов и подозревать всех. Подозрение и недоверие как метод и принцип, вытекающий из убеждения, что все мы потенциальные преступники. Интересно, он и к полковнику Зайбту их отправил? Меня твой отец всегда терпеть не мог, но Зайбт живет с ним под одной крышей, они, если так можно сказать, друзья. Разве можно по-

сылать полицейских в собственный дом? "Эрвин, — скорей всего скажет он Зайбту, — не сердись, я вынужден изъять твой пистолет. Это формальность, ты должен понять, завтра оружие будет возвращено..." — Растер хохотнул и подлил себе еще рому. — Видишь, Вики, как он сдержан. Не дает волю своей ненависти, не выдал ордер на мой арест, хотя, голову даю на отсечение, с превеликим удовольствием сделал бы это.

— Он не имеет права, — слабым голосом, с усилием выговаривая слова, возразил Вики, — ордер на арест выдается на основании веских доказательств, а не подозрений.

— Разумеется, — согласился Растер, — одного подозрения недостаточно. И для обыска необходимо постановление суда. Но я уверен, что он посадит мне кого-нибудь на хвост и что меня вызовут на допрос, хотя бы как свидетеля. Поинтересуются, в какое время я вчера покинул монастырь, в какое время — Оттинген, не заметил ли чего подозрительного, не встретил ли кого на шоссе, не знал ли несчастного парнишку, когда приехал домой... Значит, дам я показания, свидетельские, конечно, и они станут докапываться, не посещал ли я Кнеппбург и Цорн, не видел ли меня кто-нибудь там, и не покупал ли я когда-нибудь карманных игр... — Растер снова хохотнул и отхлебнул из рюмки.

Вики тем временем уже окончательно пришел в себя.

— Господин Растер, — проговорил он спокойнее и без напряжения. — Я должен сказать вам кое-что, чего вы еще не знаете. Ничего из того, что вы сейчас предположили, не будет. Из материалов дела, которые находятся в доме, и от камердинера мне известно, что они подозревают в убийствах некоего Стопека, который бежал из брюссельской тюрьмы и проживает в нашем городе под фамилией Брицциус. Он, кажется, еще и сумасшедший, власти вообще удивляются, что его посадили в тюрьму, а не в дом умалишенных, три дня назад на него объявили общегосударственный розыск. Так что вас никто подозревать не станет.

Растер встал.

— Вики, я тоже хочу сделать тебе рождественский подарок. Подожди минуту, а пока выпей. — Показав на бокал, он вышел.

Вики выпил — до этого он только пригубил принесенное им красное французское вино, — достал платок и вытер лоб. Его миловидное лицо покрывала бледность, серые, обычно ясные глаза были мутными, все плыло перед ним в тумане, но все же на душе стало спокойней.

"Это из-за странного моего состояния, — констатировал он, — и отлично, прекрасное состояние. — Скользнув взглядом по скелету медвежонка, он продолжал размышлять: — Вот сейчас я сижу у Растера, в его доме, а что

будет дальше? Через час, через день, через неделю?... Его ждет крах. Недовольство общественности, статьи в газетах — кто знает, что еще? Увольнение, отставка, пенсия... А мы с Барри будем уже в Стамбуле..."

Взглянув на часы, Вики стал думать о Барри.

Вошел Растер. Он улыбался, морщины разгладились, тени под глазами исчезли, ни следа усталости, какая бывает после бессонной ночи. Растер был свеж и весел. Он протянул Вики картину.

— Повесишь у себя. Ничего особенного, но живо и забавно. Романтично. Как твоя душа.

Картина была яркая, сюжет замечательный.

Могучие стволы, густые ветви, гигантские зеленые листья, кустарники, лианы, высокие травы — джунгли. Две коричневые мохнатые гориллы под деревьями, две наверху в ветвях, а на переднем плане — смуглый, полунагой мальчик со слегка поднятой, как на проповеди, рукой.

— Тарзан, — весело объявил Растер, — сын джунглей.

Он в очередной раз налил рому и спросил:

— Скажи, Вики, учитывая шоковые ситуации последних дней, не принимал ли ты чего-нибудь успокоительного, транквилизаторов каких-нибудь?..

Вики кивнул.

— Принял порошок. Очень сильный, без названия, на коробочке буква "Р" — означает, наверное, "только по рецепту". Мать принимала во время болезни. А после ее смерти я взял лекарство — на всякий случай.

— Смотри, Вики, — заметил Растер, глядя в окно, — снова снег пошел...

Спрятав картину под дубленку, Вики перебежал улицу и поднялся к себе на второй этаж. Голова кружилась, а по лицу струился холодный пот.

XIII

Пока Вики был у Бернарда Растера, главный криминальный советник Хойман уже во второй раз выезжал в Оттинген. В первый раз он отбыл туда с комиссаром Ваней и всем его штабом в полтретьего ночи, через час после того, как начальник оттингенской полиции доложил в Центральное управление о своей ужасной находке.

В это время Вики метался на своей постели в тревожном полусне — он и понятия не имел, что через три комнаты от него отец разбужен телефонным звонком.

Советник поспешно оделся, через две минуты у виллы остановился служебный автомобиль.

За городом к нему присоединились еще три машины, а через некоторое время, на автострате, еще машины — целью их был не сам Оттинген, а все заправки на этой до-

роге, работающие по ночам. Полицейские допрашивали служащих.

Хойман, Ваня и сопровождающие их лица прибыли на Оттингенское шоссе в полтретьего. Машины остановились у обочины, а пассажиры стали подниматься к лесу. Склон и лес были уже оцеплены местной полицией, чтобы никто посторонний не проник на место преступления ни снизу, ни сверху.

По правде говоря, никто из жителей Оттингена и не пытался пробраться через кордон. Город пока не подозревал о страшном убийстве. В эту пору все его жители спали крепким предпраздничным сном под крышами своих домов, устилаемых свежим снегом, мелким и сверкающим, а где-то над замком мерцали звезды, странное явление во время снегопада. Как раз над крепостными зубцами небо было чистым.

Кроме полиции, в городе не спали, хоть и не знали об убийстве, аптекарь и его сын, который все же к утру заснул, побежденный усталостью, да еще сын акушерки, который несколько раз за ночь выбегал в тревоге на площадь к полицейскому комиссариату, и, конечно, Книппсены. Они не спали, измученные тоской и страхом, им по временам звонил аптекарь, пытаясь утешить, звонил и сын акушерки.

Когда в роковой вечер Юрг не вернулся домой, мать отправилась на поиски. Это было часов в девять. Она прошла по площади, остановилась купить йогурт, молочная еще торговала, хозяйка, правда, уже убирала магазин. Госпожа Книппсен прошла по набережной, по мосту, поднялась и к замку, заглянула в погребок, поговорила с хозяином, узнала от него, что ребята ушли около шести. Когда госпожа Книппсен вернулась домой, директор винодельческого училища стал звонить аптекарю. Спросил, вернулся ли их сын.

— Скоро десять, а нашего нет. — Директор очень сердился. — Пусть только заявится — не знаю, что я сделаю с ним. Где можно так долго шататься? Распустил я его — сам виноват!

Аптекарь отвечал, что их сын дома, нарочно не уточнив, с какого времени, чтобы не добавлять причин для волнения. Он сообщил, что Юрг бродил по набережной с сыном акушерки; может быть, к нему зашел?

Книппсен, еле сдерживая гнев, позвонил акушерке. Но, услышав в ответ, что Юрг к ним не заходил, а ее сын давно дома и она сейчас спросит его, отец Юрга растерял свою ярость.

От сына акушерки он узнал, что в полвосьмого Юрг проводил его и они простились. Юрг будто собирался домой. Мальчик говорил не вполне уверенно — не потому, что лгал, он вдруг подумал, что Юрг после всех разговоров о таинственном, которые велись на набережной, может быть, еще куда-нибудь пошел... Куда только?

Сын акушерки, сам не зная почему, испугался.

Испугался, наконец, и директор училища, его прошиб холодный пот. Куда еще звонить? Несчастному отцу ничего не оставалось, как позвонить в местный комиссариат, что он и сделал в десятом часу. Начальник был еще на месте. Он попытался успокоить господина Книппсена, а у самого меж тем мысль лихорадочно заработала, вспомнились случаи в Кнеппбурге и Цорне, и сразу же пришло на ум, не приключилось ли и здесь что-то такое. Едва закончив разговор, он направил сразу двенадцать человек в трех патрульных машинах и всех, кто находился в его распоряжении, осмотреть город и окрестности, снабдив группу рацией. Двоих полицейских вытащили из постели, шестерых — из пивной. Короче, в десять часов начальником полиции была объявлена всеобщая тревога, дело в Оттингене доселе неслыханное, во всяком случае, такой переполох ради одного заблудившегося мальчика никогда бы не подняли, кабы не осенние детоубийства.

Но город пока ничего не знал о тревоге — начальник полиции попросил не только испуганных родителей, но и аптекаря с акушеркой никому не говорить об исчезновении Юрга Книппсена. Происшествие должно было оставаться пока тайной, еще не наступила ночь, город бодрствовал, и могла начаться паника, люди метались бы из дома в дом, созванивались — словом, Оттинген превратился бы в расстроенный улей.

Три патрульные машины выехали в 10.30. Две из них проехали по городу, проверяя значные места. Посетители кафе и ресторанов сразу же насторожились — с чего бы это именно сегодня, перед праздником, такое нашествие местных стражей порядка? Одна машина поднялась к замку, полицейские зашли в погребок и тайно допросили хозяина Крахнера, который от неожиданности чуть сознание не потерял. Остальные полицейские уже прочесывали окраины города. Поиски продолжались полтора часа, до двенадцати, и ничего не дали. Незадача, конечно, — пропал мальчик, найти не смогли, но ничего страшного пока в этом не видели, откуда полиции было знать, что речь идет о третьем по счету убийстве? И можно ли осуждать местного начальника за то, что он упустил одну важную вещь — не приказал сразу же после звонка Книппсена искать незнакомых людей в окрестностях и по дороге к столице?

Правда, в 10.30 поиски в пределах города все равно ни к чему бы не привели, время было упущено, и преступник получил дополнительные часы, чтобы скрыться, а другие районы, в частности примыкающие к столице, не были взяты под наблюдение. В этом, конечно, оттингенскую полицию винить нельзя.

После краткого совещания патрули выехали в окрестности города во второй раз. В 00.30 местный начальник по-

лиции на всякий случай сообщил о пропавшем мальчике в Центральное управление. После часа ночи полицейские приступили к осмотру местности за монастырем, осмотрели заснеженное поле, ближний лес и через полчаса нашли мальчика. Через три минуты местный начальник полиции из своего кабинета сообщил о результатах поисков в управление, и часом позже, в половине третьего, Хойман и Ваня с помощниками прибыли на место преступления.

Местный начальник полиции с двумя заместителями ждали их рядом с телом несчастного Юрга Книппсена. Хойман даже не взглянул на своего оттингенского коллегу. Включили прожекторы, работавшие от автомобильного аккумулятора, и осветили опушку леса, точно сцену. Деревья в снегу, под ними санки и убитый мальчик, лежащий лицом в снег.

Полицейские фотографии сделали за минуту сотни снимков. Сняли снег вокруг трупa, дорогу вдоль леса, на которой виднелись лишь их собственные следы, поскольку следы преступника давно уже завалило снегом, шедшим весь вечер. Подобрали карманную игру вблизи трупa, долго рылись в снегу, надеясь найти пулю и гильзу, и таки нашли рядом с санками, вдобавок еще два размокших окурка. Собрали все это и, не очищая от снега, положили в стеклянные коробки, а потом наконец к работе приступил под резким светом прожекторов полицейский врач. Он приподнял тело, и все увидели ярко освещенное лицо мальчика.

Хойман, который до сих пор молча стоял и наблюдал, взглянул на Ваню. Да, на лице мальчика застыла улыбка. Такая же, как на лицах двух предыдущих жертв. Врач прислонил тело к санкам, Хойман наклонился, осмотрел одежду и приказал фотографу сделать детальные снимки. Кивнул врачу, и тот продолжил свой осмотр — ощупал щеки, глаза и губы мальчика, попробовал, гнутся ли руки и пальцы, и констатировал:

— Точно определить время смерти будет труднее, чем прежде, из-за мороза... Окончательный ответ получите после вскрытия. Но я бы рискнул назвать интервал от пяти до восьми часов вечера.

Тело убитого снесли на носилках к шоссе и погрузили в машину, которая отвезла его в столицу, вскрытие решили провести без промедлений. Санки завернули в пленку и тоже отнесли к машинам. Несколько полицейских углубились в лес, и только после этого Хойман изволил заметить начальника местной полиции.

В это время еще несколько патрульных машин выехало из столицы в Оттинген и его окрестности, а в кабинете Хоймана в управлении, где размещался и Криминальный центр, накапливались первые донесения от полицейских,

которые допрашивали работников дорожных служб на автостраде.

К этому моменту уже патрулировались все столичные улицы и ночные кафе. Продолжалось патрулирование на всех вокзалах и в метро. Осматривались также дома и дворы в окрестностях и в самом Оттингене.

Хойман больше не опасался нарушить покой жителей; впрочем, было уже полчетвертого. Через час стали пробуждаться многие из местных жителей, постепенно страшная весть подняла и остальных. В четыре Хойман и Ваня вернулись в свое управление.

В кабинете Хоймана на пятом этаже непрерывно звонили все телефоны. Шли рапорты о досмотрах в ночных ресторанах, на улицах и вокзалах. Несколько подозрительных лиц задержали, но мало кто надеялся, что в их числе окажется оттингенский убийца... Сам Хойман все эти сообщения не принимал, их получал инспектор Мелк, заместитель комиссара Вани, материалы направлялись в отдел информации, где перепечатывались.

Хойман тем временем ознакомился с донесениями с автострады, после чего Ваня приказал задержать по описанию несколько машин. В пять утра стали поступать первые результаты экспертиз. Как и ожидалось, отпечатков пальцев на карманной игре не нашли, кое-что, однако, обнаружилось: отпечатки указательного и среднего пальцев в перчатках. Такой же перчаточный отпечаток выявили и на одном из размокших окурков. На другом окурке просматривались отпечатки двух пальцев жертвы. Пуля и гильза свидетельствовали, что выстрел произведен из пистолета калибра 6,35 с левосторонней нарезкой ствола — эта левосторонность ждала еще подтверждения вскрытием.

Шел шестой час утра, за окнами все еще царил тьма. До получения предварительных результатов вскрытия советник криминальной полиции Хойман принял еще одно решение.

— Не хотелось бы терять время, — сказал он Ване и Мелку. — Еще сегодня утром я намерен осмотреть... пистолет Бернарда Растера. Конечно, понятно, — махнул он рукой с непроницаемо холодным выражением лица, — будь он убийцей, в Оттингене убивать бы не стал ни в каком случае, раз уж ездит туда ежедневно на работу. И все-таки мне нужен его пистолет и подробная экспертиза. Равно как и экспертиза всех пистолетов этого вида, принадлежащих членам бывшего Студенческого союза самообороны. Вот список. И из музея необходимо изъять имеющийся там пистолет. Требуется провести микроскопический анализ. Надо обставить это так, чтобы владельцы добровольно одалживали нам свое оружие на один день. На случай, если кто-нибудь откажется, придется заручиться судебным разрешением. Поручается вам, Мелк. Свяжитесь с кем надо. И продолжать розыск Бриксиуса. То, что мы еще не за-

держали его, — признак нашей слабости. Подождем два-три часа, перекусим, и я снова поеду в Оттинген. А вы, Ваня, позвоните в местную полицию, пусть до моего приезда ни в коем случае не допрашивают сына акушерки. Допросить только сына аптекаря; и до моего приезда пусть мальчик не выходит из дому и ни с кем не разговаривает по телефону. Сообщите начальнику оттингенской полиции: патрули должны оставаться у леса и охранять территорию, да он и сам знает. Репортерам ничего не сообщать. Пусть обращаются только к нам. Если я усну, через час разбудите, домой я не поеду.

Хойман встал и направился к небольшой неприметной двери. Уже взявшись за ручку, обернулся к Ване и Мелку и сухо распорядился:

— Запротоколируйте ответ господина Рингвальда на вопрос, при каких обстоятельствах он подарил пистолет племяннику, зоологу из Копенгагена. Обратитесь к датской полиции с просьбой взять объяснения у доцента, племянника господина Рингвальда, узнайте, у него ли еще пистолет... И наконец... запротоколируйте объяснения господина Дессеффи, при каких обстоятельствах он утерял пистолет восемь лет назад в Египте... Адреса в Центральном адресном бюро. А вы, инспектор, поезжайте в Оттинген сейчас же.

Хойман вошел в комнату, примыкающую к кабинету, в которой не было ни телефона, ни других средств связи. Только стол, стул и диван, точно в камере для узников на особом режиме.

В полседьмого — еще не рассвело, был ведь конец декабря — Хойман сидел в своем кабинете за столом, пил горячий кофе и проглядывал донесения, поступившие за последний час. Из четырех подозрительных автомашин, которые приказано было задержать, до шести часов пятнадцати минут задержаны две. Владельцы — управляющий городскими садами и парками и архитектор — вне подозрения. О Брикциусе до сих пор никаких известий. Во время рейдов по ночным ресторанам, кафе и вокзалам задержано 126 человек, среди них пять карманников и одна пьяная проститутка, которая утверждала, что лучшее вино в мире производят в Оттингене... Хойман с отвращением посмотрел на свою чашку с кофе.

Ваня появился в семь. Пришел с двумя донесениями.

Первое касалось санок. При микроскопическом анализе на сиденье отыскивали несколько волокон. Из них два или три совпадали с материей, из которой сшиты брюки мальчика, но другие, по всей вероятности, из одежды преступника. И это подтверждало мнение, что преступник какое-то время сидел на санках рядом с бедным Юргом Книппсеном. Волокна могли только подтвердить это предположение, при поисках преступника они вряд ли помогут. —

Хойман пожал плечами, отложил бумагу с результатами экспертизы и взял в руки второй рапорт.

— Тут только предварительные данные вскрытия, оно еще не закончено, им нужен час на химический анализ. Пока ничего нового не установлено.

Хойман пробежал глазами и отложил и эту бумагу. Все повторяется. Результаты вскрытия тела Юрга Книппсена соответствуют во всем результатам по делам Антонии Зайбт из Кнеппбурга и Фридриха Дельмара из Цорна. Рана от выстрела в затылок с близкого расстояния из пистолета калибра 6,35 с левосторонней нарезкой. Пулевые каналы во всех трех случаях идентичны, смерть мгновенная, причина — разрушение мозговой ткани.

На теле никаких следов насилия, сексуальные мотивы исключены. В крови Юрга Книппсена нашли алкоголь и никотин — единственное различие между этим вскрытием и двумя прежними.

В полвосьмого подали машину, и Хойман с Ваней уехали. В восемь — уже рассвело — Хойман и Ваня прибыли в Оттинген. В местном комиссариате их ожидал начальник полиции с заместителем, инспектор Мелк и несколько специалистов из штаба Вани, которые все время оставались в Оттингене. Здание, в котором находился комиссариат, стояло на площади. В этот трехэтажный дом сразу же стекались все местные новости: о торжествах, посвященных национальным праздникам, выборам нового главы государства, о церковных процессиях, похоронах и демонстрациях бастующих виноделов.

Хойман, подойдя к окну, увидел на площади в хмуром утреннем свете множество людей. На тротуарах и под арками роились стайки горожан, больше всего народу толпилось перед входом в комиссариат. Все, конечно, видели, как столичные машины проследовали по городу и остановились перед комиссариатом. Хойман перевел тяжелый взгляд на золотые петлицы местного начальника.

— Жители города знают об убийстве, — констатировал тот. — Еще до рассвета узнали и ужаснулись. Родители мальчика дома, с ними соседи и фельдшерица. Сестру и брата Книппсенов местный архивариус только что увез на загородную виллу. Звонили представители прессы, я поступил по вашему приказу. Место преступления они фотографировали с очень большого расстояния еще затемно, и если у них что-нибудь получится, то лишь очертания поля и леса.

— Они еще явятся сюда, — проворчал Хойман, — скоро начнется паломничество, им нужно получить фотографии и информацию в сегодняшние газеты. Завтра первый день Рождества, и писать об убийстве неудобно. Если будут вышибать вам двери — выставьте их вон. — Хойман уселся за стол.

— Книппсен — нетипичная фамилия в этих местах. Запишите все, что знаете об этой семье, я возьму с собой. До полудня необходимо допросить всех товарищей мальчика, с которыми он вчера встречался, поодиночке, да проследите, чтобы они не виделись друг с другом до допроса. Распорядитесь взять показания у хозяина винного погребка из замка, у родителей убитого. До двенадцати часов дня составьте для меня подробное описание трех последних часов жизни Юрга Книппсена. Постояльцев гостиниц переписывает Мелк.

Начальник оттингенской полиции отдал распоряжения заместителю, а когда тот вышел, взял со стола бумагу и сказал:

— Господин главный криминальный советник, вот протокол допроса Рихарда Нуфсбигла, сына местного фармаколога. Этот тринадцатилетний мальчик — единственный, которого мы, по вашему приказанию, допросили. Что касается Габриэля Дадельбека, сына акушерки...

— Покажите, — Хойман взял бумагу.

В протоколе значилось, что девять мальчиков 22 декабря катались на санках с горы у старой крепости, затем зашли в замковый винный погребок, пили вино с содовой, немного поиграли во дворе замка, катались у крепостной стены с насыпи. Юрг хотел кататься еще, но мальчики ушли все вместе через мост и набережную к центру города, причем Юрг Книппсен не прошел к своему дому по улице Данте, а продолжал путь по набережной с сыном акушерки, никого из чужих они не встретили, никто не останавливался, не следовал за ними. Юрг весело болтал с товарищем...

Хойман вернул протокол и обменялся взглядом с Ваней. Оба предвидели, что ответы всех мальчиков окажутся одинаковыми, все же Ваня надеялся, что хоть кто-то скажет что-нибудь ценное. Сын акушерки, например.

— Нуфсбигла мы сюда не приводили, фармаколог предупрежден, что мальчика не следует подзывать на телефонные звонки, но магистр заверил нас, что сын еще не просыпался и ни с кем из своей компании на эту тему не говорил, — доложил начальник полиции. — Габриэля Дадельбека мы еще не вызывали, ждали вас, господин главный советник. Позвольте, однако, поставить вас в известность о состоянии, в котором находится этот мальчик. У нас создалось впечатление, что он в тяжелом расстройстве. Несколько раз за ночь приходил к комиссариату, подолгу стоя под дверью, — мы тогда еще не знали, что Юрг Книппсен убит, считали, что заблудился. Дадельбек все выпрашивал у сержанта Курца, нашли ли Юрга... В шесть часов позвонила его мать и сказала, что Габриэль, узнав об убийстве, потерял сознание. Мы послали к ним врача, он еще там. Если позволите, доктор доставит его сюда.

— А как он в шесть утра узнал об убийстве? — спросил Ваня.

— От соседки.

— Найдите нам с комиссаром свободную комнату. — Хойман встал и посмотрел на часы. — Пошлите машину за мальчиком и, врачом. Инспектор Мелк пока встретится с остальными.

Габриэля Дадельбека привезли через двадцать минут. Мальчик дрожал, на нем лица не было. Его оставили ненадолго в коридоре, врач вошел к Хойману и Ване.

— У мальчика нервный срыв, — сообщил доктор. — Когда я пришел, он лежал, на полу, и плакал. Но никаких симптомов истерии нет. Я сделал ему укол со слабой дозировкой. Как только вы отпустите его, я о нем позабочусь. Но лучше мне присутствовать при допросе.

Хойман кивнул, и Ваня позвал мальчика.

Его посадили рядом с врачом перед Хойманом, а Ваня уселся подальше в угол.

Хойман спокойно, глядя в сторону — видимо, чтобы не волновать мальчика, — спросил:

— О чем вы говорили, когда шли вдвоем по набережной в сторону монастыря?

— О ведьмах. Как они летают на метле. Юрга это интересовало.

— Вы начали разговор об этом в замке?

— Да. Я говорил, что ведьмам все такое только снится, что они намазываются всякими зельями... Я ничего плохого не имел в виду...

— Разумеется, — кивнул Хойман. — Никто ни в чем тебя не упрекает. Мы просим тебя о помощи, вы ведь с Юргом были товарищи. Значит, ведьмы мазались мазью, чтобы видеть волшебные сны? Что же это за мазь?

— Из трав, нетопырьего сала... В музее есть книги и рукописи, где это написано, и Юрг захотел...

— Что захотел Юрг? Пожалуйста, быстрее, у нас мало времени. — Хойман впервые посмотрел на мальчика в упор своим холодным взглядом.

— Юрг хотел закурить... — Мальчик страшно побледнел, и врач положил ему руку на плечо. — Он еще и выпить хотел...

— А что это был за человек, который поглядел вам вслед на набережной?

— Я ничего такого не заметил, — пробормотал мальчик.

— А перед вашим домом? — Хойман снова отвел взгляд в сторону. — Кое-кто видел, как вы там стояли...

Мальчик в ужасе уставился на Хоймана и вскрикнул:

— Кто нас видел? Я не знаю! Я никого не видел!..

— Значит, Юрг на набережной захотел пить и курить. Вы зашли в кафе?

— Нет, мы никуда больше не ходили, мы подошли к нашему дому. Пить я ему ничего не дал...

— Ты дал ему сигарету, — сухо сказал Хойман.

Мальчик заплакал.

Врач немного успокоил его, и Хойман спросил:

— Где ты дал ему сигарету? На набережной?

— У нашего дома.

— Он закурил?

— Да, я дал ему огня, — прошептал мальчик.

— Долго вы стояли у дома?

— Нет, он сразу же ушел.

— Он успел докурить прежде, чем вы разошлись?

— Нет.

— Сколько ты дал ему сигарет? — Хойман снова уставился на мальчика.

— Одну...

— Куда пошел Юрг?

— Я думал, домой... — Габриэль Дадельбек снова заплакался.

Хойман допрашивал его не более пятнадцати минут. Показания соответствовали показаниям сына аптекаря. Ответы были интересны сами по себе, но мало что могли дать следствию.

Хойман отпустил мальчика, перекинулся несколькими словами с врачом и вернулся вместе с Ваней в канцелярию начальника полиции. Попросил позвать машинистку и продиктовал ей запись беседы. А в это время люди из отдела Вани в разных комнатах комиссариата допрашивали остальных ребят, а заместитель начальника составлял документ о семье с редкой для этих мест фамилией — Книппсен.

Хойман между тем снова подошел к окну: толпа на площади прибывала. Точно к демонстрации готовились. Он молча наблюдал за ними, затем закурил и обернулся к начальнику полиции:

— Этих людей надо успокоить. Передайте по местному радио, что следствие ведется и о результатах им сообщат. Только не говорите, что мы напали на след и вот-вот схватим убийцу. Газетчиков отсылайте к нам в управление. Установите, кто из приезжих был вчера в монастыре, кто задержался, до какого времени.

Зазвонил междугородный телефон. Чиновник из Полицейского управления зачитал Хойману текст готовящегося специального выпуска журнала "Экспресс":

— Аршинным шрифтом: "Третье детоубийство прошлой ночью в Оттингене", ниже подзаголовок: "Когда же наша полиция положит конец этой череде кошмаров?".

— Устройте так, чтобы сняли подзаголовок, — приказал Хойман. — Пусть печатают лишь факты и никаких комментариев. — И, бросив трубку, приказал начальнику полиции: — Установите, в котором часу покинул вчера монастырь Бернард Растер.

Снова звонок, снова Хойману.

Ваня и начальник оттингенской полиции сразу поняли, что звонок очень важный. Хойман не назвал собеседника, один раз выдавил "К вашим услугам", неохотно, буквально двумя словами обрисовал положение и, наконец, уклончиво ответил на поставленный ему, по всей видимости, прямой вопрос:

— Об этом стоило бы подумать, если бы следы вели за границу. Но так как следов нет здесь, они не могут вести ни в какое другое место.

Еще звонок. Начальнику местной полиции.

— Врач отправил Дадельбека в столичную клинику нервных болезней, к профессору Гранцу, — сообщил начальник, закончив разговор. — Ему требуется длительное лечение. Пятерым из девяти мальчиков необходима медицинская помощь.

Инспектор Мелк с сотрудниками остался в Оттингене, а Хойман и Ваня в половине одиннадцатого сели в машину. Шофер вынужден был сигналить, чтобы проехать сквозь толпу, заполнявшую площадь. Жители Оттингена стояли под снегом и отнюдь не собирались расходиться по домам. У стены храма продавали елки. Уже при выезде из города Хойман сообщил Ване:

— Министр звонил. Спрашивал, не обратиться ли за помощью в Интерпол. Я сам сотрудник Интерпола. — И, нахмуясь, умолк. На автострате, закуривая, бросил: — А завтра Рождество...

XIV

Приближался рождественский вечер.

Приближался медленно, но неуклонно. В декабре вечер наступает уже в пять часов, но праздник начинается позднее, когда по радио и телевидению передают рождественские программы и семьи садятся за столы.

Итак, пробило пять, приближался рождественский вечер, снег уже не шел, подморозило. В это время Вики...

...Вики валялся на тахте при свете небольшой настольной лампы и чувствовал себя примерно так, как вчера в гостях у Растера. Лицо его тонуло в сумраке, глаза блуждали по потолку. Страшная усталость навалилась на него, все плавало в тумане, но тем не менее он был совершенно спокоен, хоть и понимал, что в его состоянии наступающий вечер чреват для него любыми переменами, может вернуться головная боль, невыносимая тоска, а что об этом думать! Порошки, которые он начал глотать со вчерашнего дня, лежали на полке умывальника. Усталость, туман и странное спокойствие — таково их действие.

Вики посматривал на часы, которые отец велел вернуть Барри, и думал о том, что ему приказано до наступления праздника расстаться с лучшим другом и что позавчера снова произошло убийство.

Убийство в Оттингене!

Убийство мальчика на санках...

Позавчера вечером.

Отец ездил с Ваней в Оттинген дважды, возможно, он и сейчас там. Ищет Брикциуса, а подозревает Растера. Как бы то ни было — советник проиграл свою игру, в третий и последний раз. Вики крепко сжал губы.

А между тем все ближе и ближе Рождество.

Кто-то внизу звонил в дверь.

Наверняка генеральша Мейербах. Ее ждали к полшестого. В холле слышались торопливые шаги приходящей прислуги Камиллы, она работала с двух часов дня и собиралась скоро уходить.

Вики встал — к окну льнула бесснежная тьма, разбавленная светом двух фонарей, один освещал гараж, где покоился "рено". В доме Растера горел свет, на улице ни души. Вики подошел к своему лимонного цвета умывальнику, проглотил порошок. До сих пор никто, кроме Растера, ничего не заметил. Впрочем, кому замечать? У камердинера выходной, советник отсутствовал со вчерашнего дня, даже с позавчерашнего, а Бетти так захлопоталась с ужином, что у нее голова кругом идет. "Наверняка и за ужином никто ничего не узнает", — решил Вики. Запил порошок, причесался, выбрал один из подаренных Гретой галстуков, надел темный пиджак и вышел в холл.

В зале горели люстры, белая декоративная консоль с телефоном расплывалась в мглистом свете. Туманное марево сопровождало Вики. Внизу, в холле, в туманном облаке стояла генеральша в черном пальто и медленно снимала свою ужасную мохнатую шляпу с бантом. Камилла готовилась взять пальто, тут же была Бетти.

— Слава Богу, добралась, совсем замерзла, а у вас тут так хорошо, тепло.

Бетти отвечала:

— Господин советник еще не вернулся из управления, из-за этого оттингенского кошмара... да вы знаете...

Вдова передернула плечами и вздохнула.

— Ужас, какой ужас, ведь у меня внук! Как подумаешь... — И с грустной улыбкой подала руку подошедшему Вики.

Вики поздоровался как во сне. Госпожа Мейербах в своем черном платье, украшенном брюссельскими кружевами, напоминала какого-то допотопного жука или кошку из карманной игры. На воротнике сверкающая брошь, в ушах серьги, на руках перстни, пышная прическа, а скорей всего парик.

"Как хорошо, что она пришла, — подумал Вики и, пере-

водя взгляд на ее сумку, решил: — А здесь у нее, наверное, подарки”.

Генеральша пожелала сперва поглядеть елку, для чего прошла в гостиную, а потом вызвалась помогать на кухне. Фартук она принесла с собой в той же сумке.

В полседьмого ушла Камилла с полной сумкой подарков, около семи явились остальные гости и хозяин дома, весь продрогший, точно провел день не в кабинетах, а где-то в полях.

В полвосьмого, под звуки рождественской музыки, все уселось за стол в хорошо протопленной столовой. Усталому, но абсолютно спокойному Вики их фигуры, плавающие в колеблющейся дымке, напоминали скелеты медвежат.

Вики сидел рядом с полковником Зайбтом, напротив — советник и комиссар Ваня, а на торцовых сторонах прямоугольного стола восседали генеральша в драгоценностях и брюссельских кружевах и госпожа Ваня, супруга комиссара.

На белоснежной крахмальной скатерти лежал сплетенный из хвойных веток, украшенный свечами венок, сверкали хрусталь, серебро приборов, прекрасный фарфор. Бетти принесла аперитив — чинзано, лимон и лед. Вики удивился, почему аперитив не поставили, когда накрывали стол. Хойман налил дамам и комиссару, Зайбт — Вики и себе, наполнил свой бокал и хозяин.

Будь здесь камердинер, он бы отметил про себя: “Да, аперитив следовало подать раньше, в остальном же господин советник неукоснительно чтит традицию”.

Хойман, как и полагается хозяину, когда хозяйки уже нет в живых, произнес тост:

— Желаю всем доброго здоровья!

“Всего-то? Как убого”, — подумал Вики.

Положение спасла госпожа Мейербах:

— Веселого всем Рождества! Да благословит нас Господь, чтобы в добром здравии дождались следующего Рождества Христова! Счастья и удачи!

Выпили все, в том числе и Бетти.

Подали уху. Разлили по тарелкам. Наступила тишина.

Генеральша и полковник молитвенно склонили головы. Потом стали есть, все, кроме госпожи Вани. Ее тарелка пустовала, как церковная казна.

Супруга комиссара была тихая, робкая женщина с приметным лицом, зато с прекрасными черными волосами и браслетом на руке. Все знали, что она не умеет ни варить, ни хозяйничать; впрочем, за нее это делала служанка. Госпожа Ваня не переносила вида крови, даже в кино. За годы брака с комиссаром она, правда, кое-как привыкла слушать разговоры о преступлениях. Уху не ела, из всех рыбных блюд признавала лишь вареную форель — у Хойманов с этим считались.

Бетти поставила на стол жареного и заливного карпа и форель для госпожи Вани. После рыбных настал черед других блюд. Госпожа Ваня ела понемногу, как птичка. Она положила чуточку салата, спаржи с маслом, жареной картошки, но не дотронулась до майонеза и хрена со сметаной. Сладкого она тоже не признавала. Станным был и способ, которым изъяснялась госпожа Ваня, — робким и тихим голосом, в основном назывными предложениями, глаголы почти не употребляла. А когда госпожа Ваня выражала легкое удивление, казалось, подавленный крик рвется и не может вырваться из самых глубин ее души.

Пили вино, из радиоприемника лилась нежная рождественская музыка, госпожа Ваня тихо восклицала:

— Какие прекрасные мелодии! Какая прекрасная программа!

Советник Хойман встал, выключил радио и включил телевизор. Ящик стоял на низкой подставке, так что от обеденного стола хорошо был виден экран.

Пробило восемь. Пришла пора рождественской речи главы государства. Его выступление объявила красивая улыбающаяся девушка в парчовом платье с розой, приколотой на плече. Глава государства говорил о мире, любви, взаимопонимании, о том, что нужно помогать бедствующим, безработным, ютящимся в трущобах, лишенным врачебной помощи... Говорил о справедливости, праве каждого человека на счастье и вечное спасение... Закончил здравницей благой вести, принесенной вифлеемской звездой, и праздничными пожеланиями всем согражданам и людям разных стран. Прежде чем прозвучали торжественные звуки рождественского песнопения, советник Хойман выключил телевизор и снова включил радио. Позвал Бетти и приказал зажечь свечи на елке, установленной в гостиной.

Все встали и перешли в гостиную. Вики смотрел на гостей, и ему казалось, что скелеты медвежат перемещаются из одного сгустка тумана в другой.

Первой в гостиную вошла генеральша, сияя брильянтами и кружевами, за ней — госпожа Ваня, столь тихая и невзрачная, что ее будто и не было вовсе. За ними — комиссар Ваня и полковник Зайбт, как всегда сияющий, точно наряженная елка. Заклучали шествие советник, со всегдашним своим холодным выражением лица, и Вики. Елка мерцала свечами, ветви ее прогибались от шоколадных фигурок, стеклянных шаров и серебристых гирлянд, на ковре под елкой лежали свертки и пакеты, а на верхушке, почти под потолком, горела большая золотая звезда.

Гости и хозяйева при звуках музыки из приемника обменялись подарками, раскрыли коробки, пакеты и свертки и поблагодарили друг друга. Вики точно со стороны слышал свой голос. Он вежливо поблагодарил комиссара с женой, генеральшу и экономку (она тоже купила галстуки),

только камердинер, который не присутствовал, не услышал благодарности за книгу о путешествиях. Вики был доволен, что никто не обращает внимания на его странное состояние. У елки на столиках стояли подносы с бутербродами — красная и черная икра, вазы с печеньем и пирожными, которых не ела госпожа Ваня, торт из мороженого, вино, кофе, коньяк, сок...

Вики взял стакан ледяной воды и мороженое — самое подходящее при этой его усталости и затуманенной голове — и с каменным спокойствием ждал, что советник вот-вот заговорит о часах, которые сияют на его руке, и о Барри. Ничуть не бывало, советник стал рассуждать... о рождественском печенье...

— ...но тут случилась незадача. Когда печенье стояло в духовке, на две минуты выключили электричество, произошло что-то в сети — по-видимому, перегрузка. Бетти не заметила, и печенье пеклось на две минуты меньше... Вообще-то особой разницы нет, но мы так и не свыклись с электрическими лампочками, зажигаем на елке свечи — жена-покойница говаривала, что технический прогресс и поэзия несовместимы.

Советник плеснул себе коньяку и продолжал развлекать гостей:

— Однажды Камилла вымыла рюмки щелоком, по ошибке, разумеется, хрусталь немислимо сверкал, но отдавал мылом, только коньяк можно было из них пить. Потом еле отмыла рюмки под струей.

Таковыми вот мелкими домашними происшествиями он, по своему обыкновению, забавлял гостей. Камердинер, будь он здесь, сказал бы, что у господина советника своеобразная манера балагурить. Вики же она казалась просто глупой. Госпожа Мейербах решила вставить свое слово:

— Я, конечно, всегда чем могу помогу. Почистить овощи... горох вылущить. Бетти трудно управиться, хотя у нее на подхвате Камилла.

Генеральша давала понять, что и хотела бы помочь на кухне, да вот не успела.

— Столько труда и хлопот стоит вся эта варка, готовка, такой роскошный стол — это вам не шутка!.. — воскликнула госпожа Ваня, выражая таким образом свое восхищение приемом. — А подарки какие прекрасные — хоть в витринуставляй... — Госпожа Ваня имела в виду чашки, которые получила от советника.

Полковник Зайбт выпил вина и стал вспоминать Студенческий союз.

— Помню Рождество в замке Бук, — весело обратился он к Хойману и госпоже Мейербах, — местный помещик прислал нам с лакеем молочного поросенка. И помещицья дочка пришла. Из наших были Ценгер, Гётц и Дессеффи.

— Ну да, тот самый Дессеффи, который поджег сенной

сарай, считая, что я отбиваю у него девицу, — подхватил советник.

Зайбт засмеялся, выпил еще вина и стал вспоминать о Мейербахе, о том, как он получил генеральский чин, о его работе председателем Союза, о его прекрасном характере.

— Вообще он возглавлял его еще в бытность свою майором, — любезно уточнила вдова генерала, — он вас очень любил, возлагал на всех большие надежды. А протез ему настолько не мешал, что с ним ему было даже сподручнее, чем с рукой...

Тут прозвучало имя Бернарда Растера.

— Муж частенько вспоминал Растера. — При этих словах Вики вскинул голову и стал прислушиваться к рассказу генеральши. — Весь его незаурядный облик. Господин Растер прислал мне в подарок барельеф — пираты берут корабль на бордаж — и обещал зайти после Нового года.

"Если его не посадят", — усмехнулся Вики и впервые за вечер вступил в разговор.

— Бернард Растер, — собственный голос Вики тоже слышал как сквозь туманную пелену, — сумел спустя тысячу лет доказать, что папа Климент II был убит, отравлен в городе Бамберге, об этом все газеты писали...

— В "Экспрессе" что-то было, — сухо, с каменным лицом отозвался советник, — но никто не доказал, что папа был убит. Комиссия установила, что он умер от отравления свинцом.

— Это одно и то же, — засмеялся полковник Зайбт, — не совершил же он самоубийство!

— Если уж придерживаться фактов, — уточнил комиссар Ваня, — содержание свинца в останках, установленное через тысячу лет, не является неопровержимым доказательством убийства. Однако предположение весьма правдоподобное.

— Я читала об этом в "Свете", "Мониторе" и "Народной газете", — вставила госпожа Мейербах, — там все изложено подробнее, чем в "Экспрессе". Рим в то время воевал с императором Генрихом III, который вел себя весьма вероломно. Преемник Климента II Даманас тоже был отравлен, в следующем году.

Заговорили о библиотеках, и Вики показалось, что тему Растера замяли, но все же он был удовлетворен: сказал что хотел, безрезультатно — отца не очень-то поддержали. Сквозь туман он видел, что советник недовольно насутился. И все ждал, когда же он заговорит о золотых часах, не заметить их у него на руке невозможно, и приготовился дать отпор. Но ничего подобного не потребовалось. К нему с улыбкой склонился комиссар Ваня.

— Вики, тебе осталось учиться всего полтора года. Ты уже решил, чем будешь заниматься?

Вики неожиданный вопрос застал врасплох, но не вы-

вел его из состояния спокойствия, не рассеял туман. Он сразу представил себе летнюю поездку с Барри в Турцию, представил Измир и Стамбул и беспечно улыбнулся.

— Не знаю, закончу ли я вообще гимназию.

— Отчего же не закончить? — хмыкнул Зайбт. — Ясно, закончишь. Выучишься на юриста, как Март, или займешься криминалистикой, чтобы продолжить семейную традицию.

Хойман не мог не вмешаться.

— Для изучения права и криминалистики требуются особые способности, быстрая реакция и крепкие нервы, — медленно цедил он слова, глядя куда-то в сторону. — Служба в полиции мало отличается от военной.

— Можно и медициной заняться, тут уж нужна отзывчивость, — заметил полковник.

— Да, но и твердость, — уточнил Хойман, наливая вина.

— У Вики скорее всего... — задумчиво протянул Ваня, вглядываясь в его красивое бледное лицо, серые затуманенные глаза, — скорее всего склонность к искусству.

— Он никогда не любил рисовать, — возразил Хойман, — не играл ни на рояле, ни на гитаре, не пел — значит, нет способностей. Нужна ведь еще и подготовка.

Вики глядел на елку, на догорающие и уже догоревшие свечи и чувствовал в себе абсолютное спокойствие, будто и не о нем шла речь.

— Вики мог бы, скажем, стать актером, — высказала свое мнение и генеральша Мейербах.

После паузы, заполненной детскими голосами, хором поющими по радио колядки всех стран, заговорил Хойман. Слова его так резали слух, что Вики впору было встать и уйти, но он сидел все с тем же спокойствием, уставясь на гаснущие свечи. Хойман обрушился на молодежь:

— Они так распушены, совершенно не желают думать о будущем. — Взгляд его тоже проследовал к елке. — Заканчивают школу и понятия не имеют, что делать дальше. Самолеты, океанские лайнеры, компьютеры интересуют только рабочую молодежь, детей же имущих классов не интересует ничего. Разве что вечеринки, вино, джаз, фильмы, путешествия... Зачем им стараться — квартирами, машинами они обеспечены в семье уже с первого дня своего существования. Вот и растет преступность, употребление наркотиков. От пресыщенности одних и бедности других. От недостатка жизненных целей. От погони за новизной, а по существу — из-за отвращения к жизни. И куда же придет наше общество? К вырождению и распаду. Когда я учился... Да. Так вот: от пресыщенности и отсутствия жизненных целей молодежь превратилась в деструктивную стихию. Не знают, чем заняться, не умеют строить и создавать, потому только разрушают и уничтожают. Бросаются

в оппозиционерство, экстремизм, увлекаются разными химерами. На демонстрации ездят, вырядившись в сверхмодные одежды, в "бьюиках" и "мерседесах", а после очередной демонстрации протеста — неизвестно против чего — за углом их ждет личный шофер, чтобы отвезти на престижный пляж. Если вырождается молодежь, вырождается общество. — Советник говорил, обращаясь к погасшей елке. — Воспрепятствовать вырождению молодежи — значит спасти общество. Общественности стоит разобраться, где первичные и, где вторичные причины деградации. Устранить первичные причины — дело политиков. Остальные обязаны устранить родители, школа и... мы.

Под звуки рождественских песен, распеваемых по радио детскими голосами, советник стал объяснять, что должно подлежать уголовному наказанию:

— Продажа алкогольных напитков и табака юношам и девушкам до восемнадцати лет, распространение всяких сомнительных фильмов, газет и журналов. А за продажу подросткам наркотиков — тюрьма со строгим режимом. — Хойман издал странный какой-то хохоток. — Кстати, знаете, какие в Турции предусмотрены за это сроки? От одного года до пожизненного заключения. В регистратуре каждого отеля висят соответствующие выписки из законов. Они применяются не только к туркам, но и к иностранцам.

И советник перечислил еще кой-какие меры, которые предупредили бы деградацию молодежи, а тем самым и общества. Договорил он, когда детские голоса по радио отзвучали. В комнате воцарилась удивительная тишина, гробовая, как подумал Вики, и в его затуманенной голове снова всплыли мысли о золотых часах, о Барри. Но их вскоре вытеснила зазвучавшая из приемника старинная музыка, а тут и полковник Зайбт заговорил:

— Свечи догорели, пора менять. Есть у вас еще? — Он подошел к елке, нагнулся и поднял с ковра коробку со свечами. — Да, — согласился он, — что-то предпринимать, конечно, нужно, а не то мы скатимся в пропасть. Наша золотая молодежь действительно не знает, куда себя деть. Но надо и меру знать. Мы, Виктор, если помнишь, тоже были молодыми. Запретить школьникам пить разбавленное вино? А что скажут в наших винодельческих краях? — Полковник стал менять свечи и неожиданно спросил: — Кстати, что в Оттингене?

У Вики бурно заколотилось сердце.

Он давно ждал разговора на эту тему. И считал, что уж кто-кто, а госпожа Мейербах не обойдет ее, ведь у нее внук. А то и сам советник заговорит — у него голова постоянно этим забита. И хотя Вики отказался от самостоятельного расследования и не ждал с нетерпением новых данных по делу, они стали не нужны, тем не менее сразу напрягся. Итак, тема была затронута, и затронул ее Зайбт.

Вики сидел и слушал спокойно, как в тумане, вот толь-

ко сердце вдруг заколотилось. Госпожа Мейербах вздохнула, за нею вздохнула и госпожа Ваня, жена комиссара.

Затем заговорил Хойман:

— Ужасный случай, но это еще не все. Со вчерашнего утра среди жителей города нарастает уму непостижимая паника.

— Что же тут удивительного! — Госпожа Мейербах пожала плечами в брюссельских своих кружевах. — Родители в страхе. Я тоже, у меня ведь внук.

— Можно, конечно, понять, — с каменным лицом согласился Хойман, — но это уже перешло в истерию. И началась она после очень сухого сообщения, которое мы пропустили в печать. Я уже не говорю о том, что за вчерашний день нами получены сотни телеграмм от родительских комитетов со всех концов страны. Сверх того, нам присылают письма с угрозами, прямо-таки пышущие ненавистью. Один мельник с севера попрекает нас — мы-де, налогоплательщики, вас содержим. Вот как далеко зашло, — саркастически хмыкнул советник. — За два дня вы не нашли убийцу — за что жалованье получаете? Сухая информация в газете — и вот результат. Если бы не Рождество, представляю себе, что бы сегодня печатали газеты. Шабаш бы начался. А сегодня пришлось отдать полосы Рождеству Христову. Люди падки на сенсации, и журналисты соревнуются, кто больше им в этом потрафит. Фантазия их безгранична, и неизвестно, что они внушат читателям, если еще через два дня преступник не окажется за решеткой. Разразится катастрофа...

— Люди взбудоражены, — отозвался полковник, зажигая елочные свечи. — А как вообще-то обстоят дела? Напали на след?

— Следствие идет день и ночь, — отвечал Хойман, — у нас достаточно материалов — сообщений, протоколов допросов и бесед, много, конечно, несущественного, люди рассказывают и то, чего не знают, выдумывают, фантазия работает у них не хуже, чем у газетчиков. Особенно отличаются этим оттингенцы. Наперебой засыпают сведениями, кто кого видел 22 декабря. Какой-то неизвестный продавал на площади ветки омелы. В писчебумажный магазин пришел странный покупатель за фольгой. Почему он показался странным? Из-за пенсне, которое теперь никто не носит. Одна женщина видела возле собора цыганку, ровно в полдень. И мы обязаны все это записывать, ведь наперед неизвестно, что может сгодиться. Полиция на ногах уже двое суток, но это никого не волнует, судят по результатам. Вот мельник и написал: "За что вам только платят?.." — С брюзгливым видом советник обернулся к радиоприемнику — начиналась трансляция песнопений из Сикстинской капеллы.

Госпожа Мейербах резюмировала:

— Итак, с одной стороны, вас ругают, с другой — засыпают всякими небылицами. Но давайте вспомним о Книппсенах, их положение ужасно. Как представляю себе нынешнее их состояние... за два дня до Рождества убивают сына...

Госпожа Мейербах прижала руку к груди, к сверкающей броши на кружевах, и скорбно склонила голову, а госпожа Ваня вздохнула и подняла глаза на мужа.

— Жена Книппсена, — сказал комиссар, — со вчерашнего вечера находится в лечебнице нервных болезней в нашем городе. Сам Книппсен сегодня с детьми в Оттингене, в семье архивариуса. Думаю, соседи не оставят их в беде. В ту же клинику профессора Гранца направлен и сын акушерки Дадельбек — он последним, не считая преступника, разговаривал с убитым. Мальчик, вероятно, был очень привязан к бедному Юргу, несчастье совершенно его подкосило.

— Остальных детей тоже, — вставил Хойман, — но не до такой степени. Дадельбек самый из них впечатлительный, да еще последним с ним расстался. Эрвин, — окликнул он Зайбта, — когда зажжешь все свечи, посмотри, там еще должна быть коробка с бенгальскими огнями.

Пел хор Сикстинской капеллы. Генеральша озабоченно сказала:

— Вот господин полковник спросил вас, нашли ли вы какие следы. Если бы что-нибудь обнадеживающее попало в газеты, люди хоть немного бы успокоились... Хотя какой-нибудь результат...

— Ну что вы, разве их успокоишь... — махнул рукой Хойман, наблюдая, как полковник Зайбт прикрепляет к ветвям бенгальские огни. — Да мы и не имеем права давать журналистам преждевременную информацию. Газеты не раз оказывали нам медвежью услугу, публикуя предварительные данные по следствию. — Лицо советника стало холодным и жестким. — У нас на подозрении Стопек. Его мать из Кракова. Очень красивый, между прочим, город, мне дважды приходилось там бывать. Подозреваемый лишь родился в Кракове. Жил в других местах. Три года назад был осужден в Бельгии за соучастие в убийстве девушки шестнадцати лет. Его приговорили к десяти годам. И ему удалось то, что в настоящее время удается, может быть, одному из тысячи, — совершить побег...

— Неужели это вообще возможно? — удивилась госпожа Мейербах.

— Мало того, — развел руками Хойман, — он ухитрился замести следы и добраться сюда к нам. То ли с фальшивым паспортом, то ли без него, во всяком случае, ему удалось достать подложные документы, деньги и одежду, и он проживал в нашей стране под фамилией Брикциус. Подозрение, что Брикциус и Стопек одно лицо,

к сожалению, появилось лишь в начале декабря. О нем проговорился кто-то из преступного мира. И только тогда стало ясно, что это тот человек, которого мы разыскиваем — кроме прочего, и в связи с детоубийством.

— Он уже сознался? — спросила генеральша.

Хойман переглянулся с Ваней и усмехнулся:

— Нет. Его ведь еще не поймали.

Полковник Зайбт уже развесил все бенгальские огни и теперь зажег один из них, прыснувший искрами.

Госпожа Ваня погядела на торшер в углу и люстру, точно хотела погасить их, но не тронулась с места, ограничившись назывным предложением.

— Очень умный убийца, — сказала она, глядя на огонь.

Ваня, тоже засмотревшись на снопы искр, ответил:

— Ошибочно считать, что убийца разумнее нас, если мы его не задержали. Обычно такие преступники — весьма ограниченные люди. Их^м выручает не интеллект, а инстинкт, хитрость и коварство.

— Кроме того, им помогают другие, — добавил Хойман. — Не сам же он доставал бумаги, одежду, деньги — кто-то его всем этим снабдил. Брикциус — слабоумный психопат. Сведения из Бельгии и Польши доказывают, что он почти что сумасшедший.

— Кто же ему помогает и с какой стати? Кому он нужен такой? — удивилась госпожа Мейербах.

— Преступный мир — и скорее всего именно потому, что он таков, какой есть, — ответил советник.

Вошла экономка Бетти, и на столе появились высокие бокалы и шампанское в ведерке со льдом. Хойман поблагодарил кивком и составил бокалы в ряд.

— Значит, других подозреваемых нет, — улыбнулся Зайбт. — А что скажешь, Виктор, о наших пистолетах?

Хойман достал бутылку из ведерка и стал медленно вытаскивать пробку.

— За исключением нескольких, в том числе и того пистолета, который потерял в Египте, копенгагенского и твоего, все остальные в наших руках. Завтра, в первый день Рождества, мы вернем оружие владельцам. Не за что ухватиться.

Пробка выстрелила в потолок. Хойман твердой рукой, с каменным лицом разлил шампанское.

— Пройдут праздники, и во всех газетах начнется свистопляска. Через шесть часов после оттингенской находки мне звонил министр и спрашивал, не подключить ли Интерпол.

— Ничего удивительного, — отозвался Зайбт, — три убийства за четыре месяца, убийства детей. Но ты ведь сам сотрудник Интерпола...

— Он этого в расчет не принимает, — нахмурился советник. — Его-то ни при каких обстоятельствах не уволят, все на наших плечах. Министр понятия не имеет ни о кри-

миналистике, ни о работе полиции, хоть и был прежде председателем суда.

Все подняли бокалы.

— Будем здоровы, — не очень весело провозгласила госпожа Мейербах.

— Будем здоровы, — повторил Ваня.

— И желаем вам поскорее задержать убийцу, — заключил полковник.

Догорели бенгальские огни, отзвучали хоры.

Вики улыбался, сердцебиение утихло, хотя усталость не проходила. Лицо его заливала бледность, туман вокруг сгушался, но спокойствие не покидало его.

Разговор об Оттингене показал, что отец встревожен. "Его не уволят", — сказал он о министре.

На елке горели новые свечи. По радио звучали старые американские "вечнозеленые" песни, а Вики косился на часы и думал: "Он уже сто раз мог заметить, что часы у меня. Отчего же он молчит? И о Барри не упомянул. Из-за гостей? Ждет, пока уйдут?.." Он оглядел сидящих за столом, задержал взгляд на Хоймане, на холодном, жестком его лице, на ледяных глазах, прикованных к пустым бокалам.

Вики видел всех в неверном свете свечей, туман сгушался. Ваня, его жена, генеральша, полковник, экономка — все напоминали скелеты медвежат, тонущие во мгле. Разговор оживился, но Вики почти не слушал, смотрел на часы и думал о Барри, о Грете и ее подарке. О том, что утром они уезжают на неделю в горы. О том, что в летние каникулы он вместе с ними поедет в Турцию.

Свечи еще не догорели, "вечнозеленые" песни еще не отзвучали, когда госпожа Ваня вдруг встала и своим тихим, бесцветным голосом проронила: "Ну что ж, пора потихоньку собираться". Хойман возразил, что еще рано, нет еще и двенадцати, будь здесь камердинер, непременно подумал бы: "Господин советник соблюдает приличия", тем не менее гости один за другим стали подниматься. Полковник погасил свечи, и все вышли в зал со свертками и пакетами. Вики прощался со всеми первым, ему хотелось поскорее уединиться в своей комнате. Прощаясь с генеральшей, стоявшей уже в черном своем пальто и ужасной мохнатой шляпе с бантом, он вспомнил кошку из карманной игры. А госпожа Ваня выглядела нездоровой и бледной, хоть и не ела уху...

Поймав на себе взгляд комиссара Вани, Вики улыбнулся ему, а полковник Зайбт, хлопнув Вики на прощание по плечу, проговорил:

— Хорошо тебе, каникулы, можешь спать хоть до двенадцати, а нам через три дня на службу.

У Вики в комнате было жарко, и он приоткрыл окно. Снова шел снег, крупные хлопья падали на гараж и дорожку, подмораживало.

Напротив, у Растера, освещены были все окна, там праздник продолжался, "а у нас кончился раньше времени", — сказал себе Вики.

Он закрыл окно, разделся и лег. Лежал бледный и усталый, в глазах стоял туман, но на душе было покойно.

"Обошлось, — думал он в темноте, — никто ничего не заметил".

Он прислушался. Вот сейчас, когда гости уже разошлись, раздадутся шаги, и он войдет. Вики снял часы, положил на столик. Снова вслушался. Нет, шагов не слышать. В ближайшем соборе зазвонили колокола. Из столовой или из гостиной, где стояла елка, слышалась музыка.

Вики улыбнулся, вздохнул с облегчением и заснул.

XV

Чудеса да и только — на вилле Хоймана время словно остановилось. После напряжения, конфликтов и потрясений наступил мир и покой. Не только в сочельник, но и в первый день Рождества советник не упомянул ни о часах, ни об отношениях с Барри, ничего не сказал он и на следующий день... Что же это, как не остановка времени? И Вики, и камердинеру, и экономке казалось, что произошло чудо. Неужели советник уступил? Неожиданно уступил после объявленного ультиматума?

Проснувшись в первый день Рождества еще затемно, Вики побежал в холл к телефону, чтобы застать Барри до отъезда и рассказать все в подробностях о вчерашнем вечере.

Вики нервничал и глотал слова, а Барри, смеясь, успокаивал его:

— Видишь, а ты не верил, говорил, что он никогда ничего не забывает и ни от чего не отказывается. Камердинер и Зайбт были правы. Если он не упомянул ни обо мне, ни о часах, то и в Турцию тебя отпустит. Кажется, все обошлось.

— Он молчит, — почти шептал Вики, — но это еще ничего не значит. У него теперь только оттингенское убийство в голове. Да, вот еще что... Я из холла говорю. Ты слышишь меня? Приходится тихо... Знаешь, я вчера и позавчера принимал один очень сильный порошок... От него такое чувство, будто устал, но зато все как в тумане, все спокойно и ничего не страшно...

Чувствовалось, что Барри на другом конце провода по-серьезней.

— Я не знаю, как называется лекарство. — Вики заговорил еще тише: — Мама принимала, когда заболела, на коробке только буква "P". Мне они здорово помогали, иначе

я не выдержал бы. Наверное, еще приму, мне как-то опять не по себе.

— Лучше выпишесь как следует, — ответил Барри дрогнувшим голосом, — если тебе нужно успокоительное, лучше с кем-нибудь посоветуйся. Не принимай больше этих порошков. Ладно, я вернусь, разберемся. — И продолжал оживленно: — Мы раньше девяти не поедим, мать с сестрой не соберутся. Надо было и тебе с нами. Все вокруг катались бы на лыжах, а мы им назло так просто бродили бы... Что я там делать один буду, ума не приложу. Но второго января утром вернусь как пить дать. И сразу же позвоню...

Барри уехал, и Вики остался на два дня один. Все складывалось неплохо, дома были лишь камердинер и Бетти, советник почти не показывался. Всю неделю он уезжал еще до света в служебном "шевроле" и возвращался поздно ночью. Где бывал и что делал, домашних в известность не ставил. Знали только, что в один из вечеров он присутствовал на приеме в иранском посольстве, а за день до Нового года был в опере, видно, не сумел отвертеться. Вики связывал покой в доме с отсутствием отца. У него, наверное, просто нет времени для разговора с Вики. Но нет, если бы хотел повидаться с ним и как-то наказать, нашел бы время. Вики иногда делился этими мыслями с камердинером.

— Не могу объяснить себе, — сказал он однажды камердинеру, когда тот, переделав все дела, пришел к нему посидеть, — отчего это он так внезапно изменился? Почему ничего не говорит о часах и о Барри? Или голова у него так забита Оттингеном, что он позабыл?

— Может быть, и так, — ответил камердинер с бесстрастным выражением лица. — Я сам думаю об этом с праздника, на котором тут не был. Предположим, он так занят, что все забыл. Когда, скажем, скрипач готовится к концерту, он не станет отвлекаться на разбитое окно. Но, сдается мне, дело не в этом. — Камердинер, сохраняя величественную неподвижность, покачал одной лишь головой и, заметив, как Вики насторожился, сказал с улыбкой: — Рассуждая логически, он мог бы по занятости отложить все на потом, если бы не назначил срока. Но он назначил вам срок. Поставил ультиматум. До 24 декабря. А дата для господина советника значит много. Он не мог забыть. И не в занятости дело.

— А в чем? Вы думаете, он уступил? Подумал и уступил?

— Думаю, да. Все дело в санкциях. Я говорил уже вам, что он не может применить никаких санкций. Из дому вас не выгонит, из-за огласки. Не может установить попечительский надзор — это же его семья, он напрочь испортил бы себе тем самым репутацию. Причем надзор по закону можно назначить только до восемнадцати лет. Одно ос-

тается — мы с вами такой вариант еще не учитывали и не обговаривали — лишить вас наследства.

Вики расхохотался; усмехнулся, медленно вставая, и камердинер.

— Я ведь говорил вам, — закончил камердинер на ходу, неся к двери неподвижную свою корпуленцию, — если не послушаетесь, ничего вам не будет. Он может только лишить вас наследства. Думаю, он перегнул и сам понимает это. Теперь оставит вас в покое, будет молчать и в конце концов отпустит в Турцию. Впрочем, возможно; я и ошибаюсь. — И, взявшись за дверную ручку, добавил: — Он молчит — и вы молчите. Не усугубляйте ситуацию и постарайтесь к девяти возвращаться домой...

Вики проводил рождественские каникулы по большей части в своей комнате, принимал порошки понемногу — ведь отца дома не было, — изредка ненадолго выходил в город, глазел на витрины, заходил в собор полюбоваться на вифлеемские ясли.

Магазины были еще празднично украшены — везде хвоя, серебряная мишура, неоновые лампы. Только органной музыки, как перед сочельником, больше не было, ни колокольного звона, ни детских хоров... Вики ждал возвращения Барри, он получил от него две открытки. Первую — вид курортного городка с заснеженными вершинами на заднем плане — подписал один Барри. На второй, с горным пейзажем, снятым со смотровой площадки, стояло на обороте много подписей: Греты, супругов Пирэ и даже прославленного актера Гольбаха. На Вики дохнуло снегом, морозным воздухом и роскошью зимнего курорта.

А Вики все каникулы один, даже с одноклассниками не встречался. Ему, правда, звонил Рихтер, сосед по парте, Гофман тоже звонил, как договорились. Гофман спрашивал, когда пойдут по кабакам, и у Вики не хватило смелости признаться, что он отказался от поисков. Отговорился отъездом в деревню и обещал все рассказать после каникул. Рихтер спрашивал, пойдет ли Вики с ним на Новый год в варьете — "будет тот танцор и еще много чего потрясного, аншлаг обеспечен".

Вики никуда не хотелось, он сослался на то же самое — его неожиданно посылают в деревню, "заодно заеду в соседний город к брату, он меня приглашал".

Иногда Вики оставался в доме совершенно один, отлучались и камердинер, и Бетти — камердинер брал выходной, а Бетти прочесывала магазины. Вики бродил по комнатам, как зритель по пустому замку.

"В общем-то я живу неплохо, — раздумывал он, — по крайней мере лучше, чем всякие там бедолаги, безработные или те, кто едва сводит концы с концами, но никакого сравнения с жизнью Пирэ. Отец — шеф криминальной полиции всей страны, а живет как человек средней руки".

Вики входил в кабинет, рассматривал гигантские

книжные шкафы, библиотека принадлежала по большей части покойной матери... Рассматривал ящики, украшенные резьбой, которые почему-то назывались сейфами, он больше не открывал ящиков, не доставал папок, чтобы ознакомиться с новыми материалами дела. Он даже сам себе удивлялся, странное равнодушие овладело им. Он потихоньку принимал порошки и кое-как держался. Темный огромный кабинет больше не привлекал его, что тут делать? Эта комната больше ничего не значит для него, вычеркнута из его жизни раз и навсегда. Заходил он и в соседнюю комнату, останавливался перед витриной с пистолетами. Тоже неинтересно. Точно невозможная скука, рассматривал в музее давно вышедшую из употребления вещь. "Здесь я недавно стрелял, — думал он, поглядывая на картину охоты, — но он не узнал и никогда не узнает, даже не заметил, что картина висит ниже. Нет, больше не стану стрелять, никогда... — А выходя из оружейной, говорил себе: — Даже если узнает, мне все равно, пусть хоть застрелит меня за это..."

Походил по столовой и гостиной с елкой. На ветках висели шоколадные фигурки, стеклянные шары, серебряный дождь, недогоревшие свечи и отгоревшие бенгальские огни. Бетти еще не убрала их, только собиралась. Здесь, у елки, ему снова вспоминался отцовский ультиматум и нынешнее его молчание, слова камердинера о том, что отец никак не может его наказать, разве что лишит наследства. "В конце концов он оставит вас в покое и отправит в Турцию".

Вики вернулся к себе умиротворенный, полюбовался часами, подошел к умывальнику, пересчитал порошки. Они неуклонно убывают, но немного есть есть. Что-то подсказывало, что расходовать лекарство нужно экономно.

Каникулы подходили к концу. В последний день перед Новым годом разразилась метель... После полудня хлопья валили так густо, что на улицы вышли десятки снегоочистительных машин, прохожие раскрывали зонты. Когда стало немного тише, Вики принял очередной порошок и собрался пройтись по набережной.

Навстречу попадались оживленные прохожие, а то и целые компании, все готовились к вечеру. А что, если встретится Гюфман или Рихтер, которого он, пожалуй, даже любит; может, все-таки стоило пойти с ним в варьете?

Вики на всякий случай придумал оправдание, отчего это он раньше срока вернулся от брата. Но никого из них он не встретил. Пошел в кинотеатр на Королевской площади, на шестичасовой сеанс, не зная, какой фильм показывают. Народу собралось немного, но билеты еще продавали. Рядом с ним в зале сидели пожилые люди, дама справа ела апельсин. Шла веселая комедия о зеленщице, выигравшей машину.

А в первый день Нового года, раньше, чем планировалось, возвратился Барри и сразу же позвонил.

Они встретились к вечеру в небольшом кафе на улице Келиха.

Барри пришел в короткой коричневой дубленке, в белом спортивном свитере и розовой рубашке без галстука, скрепленной у ворота зажимом. От него пахло морозом и еще каким-то слабым, приятным молочным запахом. В гардеробе Барри вытер влажные волосы платком и признался:

— Не вытерпел, наши завтра приедут.

За столиком с розовой лампой Барри стал докладывать:

— Я рассказал Гольбаху о сценах в вашем доме и о том, что ты принимаешь успокоительные порошки с буквой "Р", и вот что ответил мне наш прославленный артист. Он посоветовал тебе обратиться к врачу и ни в коем случае не ходить к маковому полю. Он считает, что все из-за конфликта с отцом и что на тебя плохо действует среда, где только и говорят об убийствах, расследованиях. Тебе лучше как-то отключиться от этого. Для твоего отца это профессия, как для Гольбаха актерство, а кто-то должен и вскрытия производить. Он еще сказал, что у каждого свои трудности, даже у чемпиона мира по боксу бывают неприятности. А ты со временем успокоишься — выберешь себе жизненную цель, и все встанет на свои места. Ему, взрослому, легко так рассуждать, — засмеялся Барри. — Но все, что он сказал до этого, правильно. Главное, Вики, сегодня Новый год, давай пить шампанское. — Он подозвал официанта и заказал шампанского и сигарет.

— Спасибо, Барри, за открытки. На той, второй, сам Гольбах подписался?

Барри кивнул.

— Ну да. Он заочно очень хорошо к тебе относится. Полгода он будет сниматься сразу в двух фильмах, один фильм уже запустили, называется "Проводник в раю", комедия. А в театре выступит после каникул в двух главных ролях. В "Гамлете" и "Вишневом саде". Пригласил нас на премьеры. Он очень много играет. На лыжах ходил только по часу в день, а так просто прогуливался, играл в бильярд, учил роли. Вообще он очень общительный. Если хочешь, Вики, я отведу тебя к доктору Талброку, он друг нашей семьи, к нему ходят и здешние турки, приятели отца, даже господин Маглайлия однажды обращался, когда заболел воспалением тройничного нерва. Доктора Талброка приглашает и турецкий посол. Никто ничего не узнает, доктор умеет хранить тайны, и визит будет отнесен на наш семейный счет.

Официант принес сигареты, спички, бокалы и шампанс-

кое. Осторожно вытащил пробку, налил и... Вики вспомнил Рождество.

— У нас все спокойно с Рождества, он молчит, ни слова о тебе, о подарках, похоже, отступил по всей линии фронта. Будь здоров, Барри! — Вики с улыбкой поднял свой бокал.

— С Новым годом! Пусть все будет хорошо! — кивнул Барри.

— Желаю во здравии дожить до следующего, как сказала госпожа Мейербах, — засмеялся Вики.

Они выпили, закурили.

— Пойми, Вики, я не собираюсь давить на тебя, но это в самом деле замечательный врач и наш общий друг. Ты там никого не встретишь, мы договоримся заранее. Он вообще-то редко кого принимает. Знаешь, что он мог бы сделать? Позвонить твоему отцу и сказать, что наше с тобой путешествие полезно для твоего здоровья, и попросить не запрещать его. Я уверен, даже на твоего отца это подействует. Доктор Талброк уважаемый ученый, доцент в неврологической клинике профессора Гранца...

Вики похихивал сигаретой, отпивал шампанское, ему было покойно с Барри, лицо посветлело, серые глаза прояснились в улыбке. Он глядел на Барри, который весь светился розовым светом от настольной лампы, который так хорошо его, Вики, понимал.

— Слава Богу, я вернулся, — отвечал ему тоже улыбкой Барри, — больше не мог выдержать. Всю дорогу гнал "ягуар", и вот мы вместе.

— Все в порядке, Барри, — с признательностью отзывался Вики. — Остается только подождать, когда он отменит запрет на путешествие. А порошки я уже почти не принимаю.

Барри засунул руки в карманы, откинулся на спинку стула.

— Зачем ты вообще берешь эту гадость? Брось совсем! Ведь сам говоришь, что все налаживается.

В зал заглянули двое. Пожилой человек, похожий на машиниста, и женщина в намокшей старомодной шляпе — видно, на улице снова шел снег. Все места оказались заняты, и эти двое ушли.

— Не беспокойся, я почти не принимаю, но когда порошки кончатся и если мне снова станет плохо, я, пожалуй, схожу с тобой к врачу, а пока не надо.

Барри хотел было возразить, но Вики поднял бокал и чокнулся с ним. Заговорили о Турции.

Пока все шло хорошо, но Вики предвидел, что послезавтра, когда начнутся занятия, ему придется, как и на Рождество, снова перейти на порошки. Потому что первый день занятий — день особенный, многое может случиться. Такие мысли не оставляли его и когда они с Барри вышли на улицу. Голова приятно кружилась. На ближайшем углу

они простились. Все с теми же мыслями Вики пришел домой, вполне, впрочем, спокойный, и сел писать письмо Марту. Изложил все, что случилось дома, описал рождественский вечер. Написал об отце, о его молчании, о том, как он неожиданно уступил — по крайней мере, так ему кажется.

Вот и конец каникулам, Вики чувствовал себя, несмотря ни на что, отдохнувшим, но, ясное дело, в первый день учебы без порошков ему не обойтись.

Он приготовил два пакетика на послезавтра.

XVI

Третьего января Вики проглотил у своего лимонно-желтого умывальника отложенные порошки, взял сумку и пошел в гимназию. Разгоралось прекрасное зимнее утро. Солнечное, бесснежное. Слегка морозило, и все было пропитано голубой свежестью — и улицы, и небо. Потоки машин неслись по улицам почти в полной тишине, пешеходы тоже торопились. Государственная гимназия, носящая имя величайшего педагога, сверкала всеми своими до блеска отмытыми стеклами.

Зато у Вики, когда он входил в класс, глаза застилало туманом, хотя он был абсолютно спокоен. Не успел он снять дубленку, как его окружили. Третье убийство, преступник до сих пор неизвестен. Как продвигается следствие? Что думают в полиции?

Рихтер, сосед по парте, розовощекий, с низкой челкой, сразу налетел на него:

— Когда приехал, Вики? Жаль, что не пошел со мной в варьете!

Подошел тихий, невозмутимый Гофман. В руке у него был свежий номер еженедельника, издаваемого Гофманом-отцом.

— Не стоило тебе уезжать на каникулы, — сказал он, — надо было искать преступника, ходить по пивным на окраинах. А теперь что с твоим следствием?

Вики, стоящему в гуще толпы, показалось, что в классе темно, он отошел к стеклянной стене и ответил:

— Они напали на след. Подозревают преступника, бежавшего из брюссельской тюрьмы. Еще перед Рождеством объявлен общегосударственный розыск. А я бросил это дело, сейчас уже нет смысла. Одному мне убийцу не найти. Нигде, а на окраинах тем более. Потом тебе все объясню. — И он взял журнал у Рихтера, который уже листал его.

Зазвонил звонок, все расселись по местам. Вики с Рихтером разложили журнал на коленях, и у Вики вдруг бешено заколотилось сердце. Как тогда, когда он был у Растера,

как дома, когда на вечере заговорили об Оттингене. Четверть журнала, исключая рекламу и объявления, была посвящена убийству.

В класс вошел историк, подойдя к белой доске, кивнул им и уселся за современный столик, заменяющий кафедру. И так как это был первый урок в новом году, заговорил на вольную тему. Сердцебиение не унималось, Вики плохо слышал учителя.

“Убийство в Оттингене, хотя миновало десять дней, остается окутанным тайной, — читал Вики, скользя взглядом по многочисленным фотографиям. — Похоже, что наряду с Кнеппбургом и Цорном Оттинген станет величайшей тайной нашего столетия”.

На первой странице красовалась панорама Оттингена, горы и крепость на горизонте, замок, виноградники, каменный мост, монастырь, колокольня... Если не читать текста, можно было подумать, что под фотографией краеведческая статья. Снимок полицейского участка, то бишь комиссариата, старинный трехэтажный особняк на площади... казалось, журнал запечатлел мемориальный дом какого-нибудь прославленного местного уроженца. Фотографии разных людей.

Вики читал интервью с комиссаром Ваней:

“Преждевременно высказываться со всей определенностью, но у нас есть возможности найти преступника и отдать его в руки правосудия”.

Дальше шла свадебная фотография четы Книппсенов — молоденькая женщина в фате, сам Книппсен в черном фраке с миртовой веточкой. И подпись: “Полные надежд и веры в будущее”. Недавняя фотография Книппсена, степенного, насупленного директора винодельческого училища. Юрг тогда был еще жив. И самый последний снимок — семья Книппсенов с оставшимися детьми, мальчиком и девочкой.

Дальше реклама оттингенских вин: “Лучшее вино к сыру — “Оттингенский пурпур”, всемирно известная марка”. Красивая цветная реклама — бутылки оттингенского вина.

Вики читал дальше:

“Союз народных учителей требует от полиции ускорить поиски преступника. Все родители крайне обеспокоены”. Госпожа Меркл из Габера: “Моей дочери двадцать лет, она выходит замуж, но я не решусь выпускать ее из дому без жениха”. Господин Кортц: “Наша няня возит коляску только вокруг статуи св. Игнация, которую видно из окна”.

Смешно, конечно, но Вики не улыбнулся, сердце колотилось, хотя воспринимал он все как в тумане — абсолютно спокойно.

“Улицы и окрестности Оттингена без детей, родители не отпускают их ни на шаг”. “Комиссар Ваня сказал: пре-

ступник не убивает дважды в одном городе". Редактор: "Оттинген может успокоиться".

Склонившись голова к голове, Вики и Рихтер пробежали глазами текст. Рихтер, разровняв на коленях журнал, перешел к другой странице, а Вики рассматривал снимки.

Поляна за монастырем, лес — общий вид... Если не читать текста, можно подумать, что речь идет об охоте на зайцев и куропаток. Снимок опушки леса с черным кружком, обозначающим место преступления. Реклама: "Одежда для зимнего спорта в торговом доме "М-С", зайдите взглянуть!". "Пистолет калибра 6,35* с левосторонней нарезкой ствола". Под снимком текст: "Из такого пистолета стрелял неизвестный преступник. Орудие убийства не найдено, но в Оттингене нашли пулю и стреляную гильзу".

Вики читал, а сердце у него готово было выскочить из груди, глаза застилал туман, зато спокойствие не покидало его, вот только усталость наваливалась...

"Комиссар Ваня: "Мы не должны обольщаться этой находкой. Даже если бы в наших руках было оружие, это тоже не помогло бы задержать преступника".

Гофман приподнялся с задней парты и просунул между Вики и Рихтером голову. Рихтер перевернул страницу. Еще снимки.

На одном — шестимесячный ребенок, на другом — восьмилетний, остальную часть страницы занимала цветная реклама: мальчик с ослепительной улыбкой, тюбики зубной пасты "Лавекс" и текст: "Новая зубная паста — Fresh breath, bright white teeth..."

На следующей странице — "Последняя фотография четырнадцатилетнего Юрга Книппсена с ученического билета".

И хотя Вики видел уже этот снимок перед уроком, сердце его остановилось. Юрг был снят в белой рубашке с распахнутым воротом, он смеялся, смеялись губы, глаза, глядящие прямо в глаза читателя.

— Подумайте, — прошептал Гофман, — если бы он знал, что его ждет! Нет, ты погляди, Вики, какой парень, как смеется — и его убивают... А ты отказываешься искать преступника...

Журнал соскользнул с колен Вики, Рихтер не успел удержаться, и журнал с шумом упал на пол.

Учитель просто не мог не отреагировать.

— Гофман, — воскликнул он, — прекратите болтать и сядьте на место. Хойман, Рихтер, чем это вы занимаетесь? К вашему сведению, мы говорим о Сократе.

Гофман послушно уселся, Рихтер отодвинулся от Вики, и учитель продолжал:

— Когда его вели на смерть, жена его, Ксантиппа, при-

---

* "Свежий запах, ослепительная белизна зубов" (англ.).

читала: "Великие боги, его осудили несправедливо!" — на что Сократ сказал: "Радуйся, что это так. Хуже, если бы я был осужден справедливо".

На перемене Рихтер спросил обеспокоенно:

— Что с тобой? Расстроен, что тебе не удастся его найти?

— Да что там, он же сам отказался от поисков. Мы еще поговорим об этом. Но ты и правда бледный какой-то, и глаза мутные, вид у тебя неважный, — заметил Гофман.

— Заболел, — слабо улыбнулся Вики. — Недавно у врача был, предлагают делать операцию. Щитовидка...

— Ну что ты, щитовидная железа здесь, — Рихтер показал на горло, — а у тебя никаких следов.

— Не обязательно, есть много болезней щитовидки, — засмеялся Вики и отошел к Седлицкому и Эльстнеру, вернее к журналу, который они читали. У них раскрыт был как раз следующий разворот. Там была фотография санок и подпись: "На этих санках преступник сидел в семь часов вечера рядом со своей жертвой. На сиденье обнаружено волокно от пальто убийцы". Комиссар Ваня: "Темно-зеленый плащ из искусственного шелка типа болоньи. В нашей стране, наверное, миллион таких плащей, их носят зимой с подстежкой. Преступник наверняка выбросил этот плащ..." Редактор: "Мы задаемся вопросом — может ли полиция защитить нас от призрака? Оградить от опасности?..."

И вдруг Вики, читавший через головы, вздрогнул: на следующей странице, после рекламы со снимком желтого пузырька "Ангенала" ("Берегитесь гриппа, ангины, простудных заболеваний..."), в глаза бросилось имя отца: "Главный советник криминальной полиции доктор Хойман: "Полиция обязана защитить жителей во всех городах и селениях. Что же нам делать? Объявить мобилизацию? Мы защитим их по-другому. Весь наш аппарат задействован в расследовании и поисках преступника".

Эльстнер перевернул страницу. Снова фотография мальчика, но не Юрга. Подпись: "Товарищ Юрга Книппсена Дадельбек, сын акушерки, последний, кто видел Юрга... На следующее утро Дадельбек был допрошен в Оттингене самим доктором Хойманом и сейчас находится в неврологической клинике...". Редактор: "Как вы полагаете, убийства будут продолжаться?" Хойман: "Вся полиция мобилизована с утра 23 декабря прошлого года. Собственно, даже с 20 ноября, после убийства в Цорне. Кое-кому из граждан не хватает выдержки". Редактор: "Вы уверены, что арестуете преступника?" Красочная реклама дорожных сумок, кофров, чемоданов. Ваня: "Я уже говорил. Уверены".

Пришел классный руководитель. У него и сегодня был последний урок. Он сделал запись в журнале, обвел глазами класс.

— Приветствую вас после каникул.

Учитель стоял на возвышении у белой доски, наступил полдень, и на ней играли солнечные лучи.

— Надеюсь, вы хорошо провели каникулы, отдохнули и со свежими силами приступите в новом году к занятиям. Мы будем рассматривать скорость, звук и множество других вещей...

Вики старался слушать внимательнее, чем на прошлых уроках, этот учитель совершенно особенный, ничуть не похожий на остальных, Вики предчувствовал, что он скажет что-то важное. Он снова расстелил на коленях журнал Гофмана. Рихтер временами наклонялся к нему, а классный руководитель действительно сказал нечто примечательное:

— Как вам известно, перед Рождеством произошло ужасное событие. Оно взволновало и нашу, и многие сопредельные страны. Здесь присутствует Виктор Хойман, он всех ближе к этому делу и мог бы рассказать, какую напряженную работу вела полиция на протяжении праздников. Пока мы покупали подарки, сидели за праздничными столами, отдыхали в горах, полиция была постоянно на ногах. Кое-кто высказывает недовольство, что преступник еще не обезврежен, это естественно, но полиция арестует его, для этого она делает все, что в ее силах. Ее самоотверженный, героический труд достоин уважения. Страшно подумать, как низко может пасть человеческий дух, в какого оборота превратиться существо, рожденное человеком, наделенное разумом и чувствами. Хойман, — профессор взглянул на Вики, тот встал, Рихтер успел перехватить журнал, чтоб не упал.

И почему-то лишь в эту минуту Вики сообразил, что не встретил в журнале ни одного упоминания о Брикциусе, и растерялся... стоит ли сейчас о нем упоминать?.. Они держат имя Брикциуса в тайне... не хотят открывать ее преждевременно?

Вики точно со стороны, из своего тумана, услышал голос, будто и не он говорил. Но говорил он...

— Убийца — Анатолий Брикциус, полиция идет по его следам. Я слышал, что, как только его арестуют, психиатры все равно освободят его. У него с головой не в порядке.

Уроки кончились в полпервого. Погода стояла такая же солнечная, морозная, только шума на улицах прибавилось — и от автомашин, и от пешеходов, которые уже не спешили так, как утром. Вики радовался, что наконец выбрался на солнце. Оно вроде бы прибавляло сил. Правда, он был все так же спокоен. Вот разве что туман в глазах густел. С группой одноклассников Вики, зажав под мышкой портфель, дошел до главной улицы. На углу многие разошлись. Вики, как всегда, остался с Рихтером и Гофманом. Гофман взялся за свое:

— Вот ты бросил расследование, а жаль, теперь бы о те-

бе писали газеты и журналы. И не Ваня и твой отец, а ты давал бы интервью. Тебя бы и на телевидении сняли, и фильм бы показывали, я бы помог. Ну почему не походить по забегаловкам? Ты уже точно раздумал?

— Мне бы пришлось задерживать его одному. Наивно рассчитывать на это. Нужен большой аппарат, целый штаб, рации, радиосвязь, лаборатории; как бы я осилил то, с чем не справилась до сих пор полиция всей страны?

— Зависит от удачи, — не сдавался Гофман. — Все знаменитые детективы ставили на везение. Тебе повезло бы, я уверен. Повезти может скорее одиночке, чем какому-то там штабу.

— Удачу нельзя недооценивать, — улыбнулся Вики, прищурившись, — солнце било в глаза. — Но этого мало. Счастливый случай — очень важная вещь, но редкая... — Вики вздохнул. — Подозрительные кабаки на заброшенных, пущенных под снос улочках... Там теперь Бриксиус не покажется. Он мог посещать такие места раньше, до того как узнали, что он беглец и подозревается в убийствах, до того, как объявили общегосударственный розыск. Но теперь он стал осторожнее, его теперь не встретишь в людных местах, особенно во всяких подозрительных кабаках на окраине. Нет, — Вики снова улыбнулся, — я это дело бросил, нет смысла, да и вообще потерял интерес... Лучше уж, — он засмеялся, — буду ходить на гольф.

Они поравнялись с фруктовым магазином. В витринах высились пирамиды ананасов, апельсинов, кокосовых орехов, бананов, фиников, инжира, но уже без зеленой и желтой подсветки, без украшений из хвои и цветных фонариков.

Вики взглянул на часы.

— К Рождеству подарили? — спросил Рихтер.

Вики кивнул и сказал:

— Отец велел изъять на время все пистолеты бывших членов Студенческого союза самообороны — они все калибра 6,35 с левосторонней нарезкой. Но, как и предполагалось, экспертиза ничего не показала.

— Для чего же он их брал? — спросил Гофман. — Странно. — Поймав воспросительный взгляд Вики, объяснил: — Раз он знает, что убийца — тот беглый арестант.

Вики вспомнил Растера и согласно кивнул.

— Ну да, напрасный труд, ничего это не дало.

В нескольких шагах от фруктового магазина стояла бабка с корзиной чеснока и хрена, петрушкой на этот раз она не торговала. На стене, над ее головой, висела реклама автозавода, до каникул рекламы этой не было.

Рихтер рассказывал о варьете, и Вики дошел с товарищами до метро.

— Мне еще надо купить ваш журнал, — вспомнил он.

Гофман раскрыл портфель.

— Бери мой, зачем покупать?

Вики поблагодарил, взял журнал и снова взглянул на часы, ярко сверкнувшие в солнечных лучах. Он попрощался и пошел дальше.

Первый день со всеми волнениями был позади. Первый день после каникул и всех потрясений, которые он пережил. Усталость, туман, спокойствие.

Солнце сияло на холодной зимней лазури. Сейчас он придет домой и снова перечитает журнал, сердце у него уже так колотиться не будет.

"Прав Гольбах, меня все это не касается, мне до этого нет дела, помогли мамины порошки, если бы она только знала, как они мне однажды пригодятся..."

Барри... Он обещал Барри поскорей отказаться от леварства. Солнце припекало, Вики расстегнулся и снял шапку.

XVII

Еженедельник Гофмана был первым, давшим большой репортаж об оттингенской трагедии, за ним на эту тему набросились и другие газеты и журналы. Советник Хойман был прав. На прошлой неделе им помешали рождественские праздники, но теперь они позади, и вся пресса открыла настоящую травлю полиции. Газеты наперебой докапывались до мельчайших подробностей убийства, соответственно их тиражи и прибыли возрастали. Интервью с Ваней и Хойманом, вмонтированное в еженедельник Гофмана, все последующие статьи и сообщения еще больше взбудоражили общественность.

В середине января "Экспресс" сообщил, что десять дней назад Хойман и Ваня высказали весьма туманные обещания, а ведь обещания эти они должны были дать еще несколько месяцев назад, и довольно ясные; сейчас же убийце следовало бы сидеть уже за решеткой. То в одной, то в другой газете появлялось имя Анатоля Бриксиуса, и представители общественности постоянно требовали исчерпывающего ответа, является ли подозреваемый убийцей троих детей, ведь до сих пор полицейские чины высказываются весьма противоречиво: то подтверждают это, то лишь предполагают.

В конце января в юмористическом журнале поместили большую цветную карикатуру: длинный деревянный забор — у таких заборов перед второй мировой войной стояли шарманщики и безработные продавали бублики — так вот, под забором сидит оборванец в полосатой тюремной робе с надписью "Брюссель" и инициалами "А.Б.", а к нему со всех сторон, точно кошки за птичкой, ползут полицейские с Ваней или Хойманом во главе — лицо умышленно

смазано. За полицейскими — собаки, радиомашины и тюремный фургон, а по ту сторону забора, никем не замеченный, убегает настоящий убийца в комической маске взломщика.

Совершенно убойную статью написал один из сотрудников "Экспресса" в начале февраля:

"Как, собственно, обстоят дела с Брикциусом? Когда некий неизвестный проживал под этим именем в нашем городе, встречался с официантками в ноябре и декабре, полиция не искала его. Когда за ним стали охотиться и опрашивать тех же женщин, он пропал бесследно. 22 декабря на Брикциуса был объявлен общегосударственный розыск. И никаких результатов. Почему же полиция ничего не предприняла с сентября по декабрь прошлого года, если располагала сведениями о бежавшем преступнике, приговоренном в Брюсселе за соучастие в убийстве? Они что, ждали, пока произойдет третье убийство?"

Статья содержала утонченную демагогию, подлый вымысел — так определил выступление газеты Хойман. А пресс-атташе министерства внутренних дел и безопасности дал свои разъяснения: "Полиция приступила к розыскам Анатоля Брикциуса, когда было установлено, что Брикциус и Стопек — один и тот же человек, осужденный в Брюсселе и бежавший из тамошней тюрьмы. Стопека искали с момента его бегства, когда возникло обоснованное подозрение, что он перешел границу нашего государства и скрывается в столице, то есть начиная с июня минувшего года. Когда произошли убийства в Кнеппбурге и Цорне, было высказано предположение, что преступник и есть Стопек-Брикциус, и полиция удвоила усилия, целью которых было задержание разыскиваемого. Никогда еще полиция никого не обвиняла и не преследовала безосновательно. В ее компетенцию входит работа с возможными или действительными правонарушителями. Статья в "Экспрессе" намеренно извращает факты, ставит их с ног на голову и создает неверную картину. Возникает мысль о грубом нарушении журналистской этики и использовании средств массовой информации в неблагоприятных целях".

Через три недели, в конце февраля, "Экспресс" выступил с новой статьей:

"Существует ли на самом деле Брикциус или это чистый вымысел? Если вымысел, то для чего он? И кто автор? Полицейское управление, которое желает создать впечатление, что полгода разыскивает конкретного человека и пытается тем самым обнадежить общественность, что способно найти его? Если кто-то другой, хорошую же службу сослужил он трудному делу... В случае, если Брикциуса, этот фантом, придумал кто-то из сотрудников полиции, почему он до сих пор не изгнан из рядов охранителей порядка за непрофессионализм и обман граждан?" И далее:

"Разве наша страна — гигантский лабиринт с пустыня-

ми, джунглями и пещерами, что в течение полугода может безнаказанно скрываться беглый преступник, совершивший три убийства?"

Заканчивалась статья фразой:

"Напрашивается единственно возможное объяснение: если наша страна — не какие-нибудь неприступные джунгли, а вполне цивилизованное государство, то убийца, бежавший из брюссельской тюрьмы, не найден вовсе не потому, что надежно скрылся в кронах гигантских деревьев в сплетении лиан, а потому, что никуда не годится работа государственной криминальной полиции".

Советник Хойман немедленно потребовал запрещения последнего номера "Экспресса", но власти на это не пошли. Наоборот, из-за статьи в парламенте был сделан запрос министру внутренних дел — с ним вместе на заседание отправился советник Виктор Хойман.

И именно Хойман выступил по данному вопросу. На следующий день все газеты поместили изложение его речи в парламенте. В этой речи Хойман припомнил и некоторые минувшие события.

В газетах было напечатано следующее:

"Когда-то я выступал уже на этой трибуне. И добился того, что не было принято предложение некоторых господ депутатов об отказе от смертной казни. Закон о высшей мере наказания был оставлен без изменения не потому, что кто-то хотел кому-то мстить и проявить жестокость, а как санкция за тяжчайшие преступления, дабы ограничить их, раз уж нельзя искоренить вовсе. Это сделано для охраны жизни граждан. Сегодня полиция, от имени которой я выступаю, обвинена в бездеятельности. Мне случалось и раньше требовать, чтобы печать, если затрагивает дела, которыми мы занимаемся, советовалась с нами. Но многих работников прессы прежде всего интересуют сенсации, они готовы взывать к самым низменным чувствам толпы и возбуждать общественное мнение публикациями, источник которых неизвестен и недостоверен. Этим они мешают нашей работе, и создается впечатление, что действуют они не в интересах дела справедливости, а вопреки им. Неоднократно случалось, что наша печать предупреждала правонарушителя о готовящихся против него мерах задержания и мы теряли время. В этой связи следует вспомнить закон об охране служебной тайны, полицейской секретности и гражданской безопасности. Сегодня у меня в руках беспрецедентная статья в газете "Экспресс", вопиющий пример нарушения всех этих законов".

Последовали дебаты, в ходе которых подверглись нападкам и Хойман, и министр, их обвиняли в том, что они хотят сделать прессу ответственной за беспомощность полиции, однако в конце концов Хойман, министр и криминальная полиция были оправданы. Многие депутаты остались неудовлетворенными решением парламента и с по-

льным правом считали, что пресса не уймется. Так же считал и сам Хойман.

Он уехал из парламента в министерской машине и тут же выразил желание подать в отставку. Министр решительно протестовал.

Вечером камердинер постучался к Вики.

Вики недавно вернулся из гимназии. Был конец февраля, земля уже подсыхала, и ученики гимназии, носящей имя прославленного педагога, приводили после занятий в порядок свой стадион. Вики как раз собирался идти обедать, думал о Барри, часах и каникулах. Ясно, что отец уступил. Уже два месяца он видит часы на его руке и, надо думать, догадывается, что Вики звонит приятелю и встречается с ним. Но советник молчит, в доме тихо, время каким-то чудом остановилось. Советник не сказал, конечно, что разрешает поездку, но Вики уверен, что поедет в Турцию — и в Стамбул, и в Измир. Уверенности в нем сейчас не меньше, чем перед Рождеством. Однако домой он возвращался к девяти. Но с приходом весны изменится и это. Впрочем, начини он опаздывать, скажем, на час, советник не скажет ни слова.

Итак, камердинер постучал в дверь его комнаты.

— Я к вам с новостью, господин Вики, вас она наверняка заинтересует. Сегодня господин советник решил на то, чему противился целых полгода, — назначил премию, и весьма значительную, за содействие в поимке Анатоля Брикциуса.

Камердинер прислонился к шкафику, стоявшему у двери.

Вики покачал головой, словно не веря своим ушам, и камердинер решил досказать подробности:

— Завтра в газетах поместят фотографии Брикциуса-Стопека, полученные из Брюсселя и из краковской картотеки. Вы их еще не видели, их покажут и в специальном телевыпуске. Из бумаг господина советника вам известен лишь его словесный портрет. Фотоснимков в папках не было. Завтра они будут опубликованы. Оплатят все, что принесет пользу следствию. За сообщение, на основании которого Брикциус будет задержан, кто-то сможет получить сто тысяч. Сумма, правда, еще под вопросом, вы знаете, власти прижимисты. — Он изобразил на каменном своем лице легкую улыбку.

Вики глядел на него во все глаза, а тот, словно прочитав его мысли, добавил:

— Вы правильно решили перед Рождеством отказаться от поисков. Вот уж и февраль, господин советник склонен наконец назначить премию, но вряд ли она поможет. И еще одно: сегодня ожидают гости. Мне не говорили, что именно, может быть, какой-нибудь солидный журналист, депутат или даже сам министр. Госпоже Бетти даны соот-

ветствующие указания. Полагаю, господин советник такими домашними приемами решил расширить свои светские связи.

В кухне, за супом, Вики услышал то же самое и от экономки:

— Господин советник ожидает важных гостей. И не на ужин, а в полшестого. Мне велено приготовить угощение на четыре персоны. — Бетти подала цыпленка и продолжала: — Думаю, приглашенных будет не четверо, а двое. Третьим и четвертым будут сам хозяин и полковник Зайбт, я слышала, хозяин о чем-то договаривался с ним.

Буквально за минуту до назначенного часа в холле раздался звонок в дверь — пришел полковник Зайбт, бодрый и элегантный, как всегда, но сегодня чуть более серьезный, во всяком случае, так казалось... А в пять тридцать перед виллой остановилась машина, вышли двое.

Вики не разглядел их из окна, они шли слишком быстро, а высовываться все же неудобно. Слышал лишь, как отец здоровается и представляет гостям полковника. Потом, по-видимому, он провел их в гостиную. И снова заглянул камердинер.

— Невероятно, — прошептал он, — но господин советник, кажется, действительно расширяет светские связи. Он приглашает вас в гостиную. И хочет представить гостям.

— Представить? — удивился Вики. — Не может быть, такого еще не случилось.

— Да, после смерти госпожи — ни разу, — коротко подтвердил камердинер.

Вики медленно пошел к умывальнику, размышляя, кто же эти гости. Камердинер, как ни странно, до сих пор не знал.

— Понятия не имею. Знаю только, что не министр, тот не ездит в малолитражке.

Вики причесался и задумался. Так как в доме время чудесным образом остановилось и воцарился покой, на лицо его теперь редко набегала тень, серые глаза больше не туманились, взгляд их был ясным и безмятежным. Уже полтора месяца он про порошки и не вспоминал. Разве только изредка, когда на душе становилось беспокойно. Но сейчас... не принять ли на всякий случай? Приглашение в гостиную настигло его врасплох, растревожило и заставило потянуться за порошком. Он накинул куртку и спустился вниз. Все сразу стало безразлично. Ни беспокойства, ни напряжения. Ему показалось, что из гостиной слышится голос комиссара Вани. Но он ошибся. Ваня тоже в малолитражке не ездит.

Вики постучал и вошел.

За столом, где два месяца назад проходила рождественская трапеза, недвижно, как монумент, восседал советник, холодное его лицо было по случаю гостей в меру

приветливым. Рядом сидел полковник, непривычно серьезный. Когда появился Вики, полковник все же улыбнулся ему. Гости — женщина лет сорока—пятидесяти и мужчина много старше, полный, суровый. Он курил, опираясь локтем о стол, точно в пивной. На столе бутылка джина, кофейный сервиз и печенье в белой вазе. Оба — мужчина и женщина — в черном.

— Мой сын Виктор, — представил советник таким тоном, будто сообщал о погоде или прибытии поезда.

Вики задохнулся. Он узнал этих людей. Раньше, чем они встали и представились; он видел их фотографии в журналах и газетах. Это были Книппсены, родители Юрга.

— Пресса свирепствует, — сказал Хойман, наливая госпоже Книппсен и директору винодельческого училища кофе — джин им уже налили. — Наверное, вы знаете — прошли и дебаты в парламенте. Писать, что полиция не искала преступника, проживавшего под чужим именем, а когда стали искать, не нашли... Писать, что наша страна — джунгли, раз преступник ухитрился скрываться полгода... Нет, серьезные газеты такого бы себе не позволили. Завтра, — Хойман бросил взгляд на полковника, — будет объявлена высокая премия за поимку убийцы вашего сына и двух других детей. Во всех газетах и по телевидению представят фотографии подозреваемого Стопека.

— Какая премия? — спросил, не меняя позы, директор училища и заморгал воспаленными глазами.

Хойман коротко ответил:

— За поимку или сообщение о местопребывании — сто тысяч, оплачена будет также любая полезная для следствия информация.

— В Оттингене, — проговорил Книппсен, — утром того дня неизвестный продавал омелу...

— Это был Метцгер, работник землевладельца Витольского из соседней деревни. Мы установили это на другой же день, — пояснил Хойман.

— Другой неизвестный в золотом пенсне заходил в писчебумажный магазин, — продолжал Книппсен хмуро.

Хойман опять бросил взгляд на Зайбта.

— Это был хормейстер Малого оперного Бруно Чиро Коопола, человек безусловно порядочный и великий артист. Он из нашего города, в Оттингене прожил три дня. В гостинице. Мы это тоже установили очень скоро.

— А господин Растер... — Книппсен выпил джина.

Вики, очень бледный, с бьющимся сердцем, сидел в конце стола; ему показалось, что отец, бросив взгляд на Зайбта, скользнул и по его лицу.

— Вне подозрений, — еще суше ответил Хойман.

Госпожа Книппсен, взглянув на молчаливого Вики, глухо сказала:

— У вас прекрасный сын, господин советник! — И разрыдалась.

Хойман чуть наклонил голову, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он молчал. Будь здесь камердинер, он бы подумал: "Молчит, тактично молчит. Сцену разыгрывает или просто нечего сказать".

Полковник Зайбт проговорил тихо:

— У вас, госпожа Книппсен, тоже красивый и умный сын, он, надеюсь, принесет вам много радости.

— И дочка есть, — добавил господин Книппсен, снова моргнув воспаленными глазами. — Но... — он убрал локоть со стола, голос его задрожал, — я сам бы задушил негодяя. Чудовище! Подумать только, если бы я уничтожил это исчадие ада, меня осудили бы за убийство. — Он покосился на Хоймана.

— К сожалению, — ответил тот. — Разумеется, суд учел бы смягчающие обстоятельства, на вашей стороне были бы симпатии многих людей и почти всей прессы. Но все равно — одним убийством стало бы больше. Куда это нас заведет? Око за око, зуб за зуб? Нет уж, оставьте возмездие другим. Закону.

Книппсен дрожащей рукой взял чашку. Прикурил и спросил:

— Правда, что убийца сумасшедший и его освободят?

— По всем данным, Брикциус невменяем, — отвечал Хойман, — может случиться, что он избежит смертной казни. — Увидев, как Книппсен передернулся, что-то прохрипев, он поспешно добавил: — Закон гласит: преступление вызывается злым умыслом. Злой умысел исключен, если совершивший преступление находился в сумеречном состоянии или был пьян и не отдавал себе отчета в действиях. Умопомрачение является смягчающим обстоятельством. Психиатры могли бы извинить убийцу от казни, но все равно ему не уйти от пожизненного пребывания в доме умалишенных. Это хуже смерти. Потому что мгновенная смерть легче медленного умирания. Когда-то, — добавил холодно Хойман, — я ратовал за сохранение смертной казни, мне известны аргументы "за" и "против". Многие считают смертный приговор пережитком варварства...

— Слава Богу, что смертную казнь не отменили, — выкрикнул Книппсен. — Но как этот монстр может быть невменяемым, если, все время убивая, ухитряется скрываться?

Госпожа Книппсен плакала.

Советник, помолчав, ответил:

— Невменяемость — не всегда полное безумие. Хитрость и осторожность при этом не исключаются. Животные не обладают разумом, но осторожны, умеют прятаться и избегать опасности, у них сильно развит инстинкт самосохранения. Человек, о котором мы говорим, скрывается благодаря примитивным инстинктам, кроме того, как я полагаю, ему помогают представители преступного

мира, всякое отребье. Госпожа Книппсен, успокойтесь, ради Бога. Налить кофе?

— Он был такой хороший, — плакала госпожа Книппсен, — необузданный немного, но очень хороший. Возраст, конечно... Все его любили, он хорошо учился и вовсе не курил, это неправда, что они вам наговорили... А если и курил...

Она рыдала, а ее муж глотнул из стакана и уронил:

— У нас есть еще не опубликованные фотографии. На той неделе приходили из издательства "Сфинкс" и говорили, что хотят выпустить книгу об этих ужасных случаях. Они собирают материалы в Кнеппбурге и Цорне, в основном снимки, воспоминания родных, а мне предложили написать предисловие. Я хочу в самом конце поместить фотографию убийцы. Вы говорите, она завтра будет в газетах?

Госпожа Книппсен тихо плакала. Полковник налил ей джина. Какой она выглядит старой, подумал Вики, а ведь ей скорей всего нет и пятидесяти, и все из-за этого несчастья. Сердце у него билось толчками. Захотелось как-то утешить ее, и он произвольно, глядя на нее с сочувствием, пододвинул к ней вазу с печеньем.

— Сына я вам вернуть не могу, — медленно заговорил советник, — единственное, что могу обещать, будет, увы, для вас слабым утешением. Мы найдем преступника. Ему не уйти, даже если для этого придется провести всеобщую мобилизацию. Даже если придется прочесать джунгли, пустыни и пещеры, как писали газетчики, землю вверх дном перевернуть. Завтра объявят вознаграждение, а уж арестую я его лично. Засажу за решетку и приложу все силы, чтобы его повесили, пусть и наперекор психиатрам.

Директор винодельческого училища тяжело поднялся из-за стола, хмурый, с воспаленными глазами. Встала и его жена — заплаканная, в черном платье, она напоминала саму смерть.

— Мне очень жаль, — говорил, провожая их до дверей, советник. — Сегодня я не могу доложить вам, что убийца за решеткой. Но очень скоро он там будет. Понимаю, для вас это слабое утешение, — повторил он. — Но на правосудие вам жаловаться не придется. Вы сами поведете машину? — спросил он у Книппсена.

— Жена, — ответил тот.

В зале, проходя мимо консоли с телефоном, госпожа Книппсен еще раз обернулась, посмотрела на Вики, в заплаканных ее глазах мелькнуло что-то похожее на нежность. Из кухни вышла экономка, помогла госпоже Книппсен надеть пальто. Появился и камердинер.

— Надо поспешить, — говорил Книппсен уже в пальто, — хотелось бы до восьми вернуться в Оттинген, придут из издательства фотографировать квартиру. Для книги.

Советник, полковник и Вики попрощались с Книппсенами у выхода, а камердинер пошел провожать их к машине.

— Почему он позвал меня, — спросил Вики у камердинера, когда тот вернулся в холл, — для чего ему это понадобилось? Ужасно неприятно.

— Не берите в голову... — тихо ответил камердинер, косясь на закрытые двери кабинета. — А почему он позвал полковника? Совсем уж ни к чему. С вами еще понятно, хотел представить им сына... — Камердинер говорил еле слышно. — Хотя по отношению к Книппсенам деликатности он этим не проявил. Что же касается полковника... Если бы речь шла не о господине советнике, а о ком-то другом, я бы счел, что ему понадобился кто-то рядом... для поддержки...

Камердинер побрел чинной своей походкой по коридору в сторону ванной, где находилась его комната. Обернувшись, бросил на ходу:

— Я, если хотите, не понимаю, для чего он вообще их пригласил. Выразить свое сочувствие? Кстати, он не ушел еще?

Вики покачал головой. Более-менее успокоенный, он простился с камердинером, вернулся к себе и почему-то отворил тумбочку у двери, где у него хранились разные вещи, в том числе и картина с Тарзаном, которую он получил к Рождеству от Бернарда Растера.

XVIII

В середине марта после суровой и снежной зимы резко потеплело. Правда, уже с конца февраля, с того времени, как советник приглашал несчастных Книппсенов из Оттингена, с неба не упало ни снежинки, стояли яркие солнечные дни. Но в середине марта температура вдруг подскочила за 20 градусов, и природа стала быстро пробуждаться от зимней спячки.

В саду, окружающем виллу крупного торговца Пирэ, зеленели деревья, расцветали ранние цветы, прорастала трава на газонах — словом, царил весенний рай.

На задней террасе, искусно вымощенной плитами, ярко освещенной солнцем, просеянным сквозь кроны деревьев, в белых плетеных креслах сидели Вики, Барри и Грета. Грета в легкой желтой блузке, Барри в розовой рубашке и белоснежных вельветовых брюках, а Вики... Вики в прекрасном настроении.

Каникулы неуклонно приближались, и сегодня они решили обсудить план путешествия. Путь им в "ягуаре" предстояло одолеть нешуточный. Грета обещала посидеть с мальчиками до ужина, вечером у нее свидание. После ее

ухода Вики собирался еще кое о чем поговорить с Барри. И это кое-что, считал Вики, будет иметь решающее значение в его жизни. Он заранее ощущал радостный подъем.

На белом столике, окруженном плетеными креслами, стояло охлажденное вино, кофе, мороженое, сигареты, пепельница — натюрморт, достойный изысканной кисти Карло Рондино.

— Я так рад, Вики, что ты наконец пришел в себя и порошки тебе уже ни к чему, — небрежно бросил Барри, потягивая вино. — Но знаешь, что я думаю? Не стоило отказываться от расследования. Не в славе, конечно, дело, ты ведь не этот ваш Гофман, и не в деньгах — на кой тебе бабки? Можно отнестись к этому просто как к захватывающему приключению...

Вики пожал плечами, словно Барри упомянул о чем-то малозначительном, из далекого прошлого, на лице его заиграла легкая снисходительная улыбка:

— Гофман, чтоб ты знал, все время твердит о том же. Никакими такими приключениями для меня тут и не пахнет. Что я мог сделать? Я и в лицо-то Бриксиуса не знаю, можно было, правда, сходить к тому типу, Себетани, но это ничего не дало бы. Полиция и его допрашивала, да толку что? А насчет того, чтобы прочесывать кабаки, и говорить нечего... — Вики, улыбаясь, вздохнул, пригубил из своего бокала, поглядел на Грету. — Представляешь, Гофман все носится с этой своей идеей насчет всяких кабаков на задворках, в трущобах и заброшенных улочках — таких, которые вот-вот снесут. Сколько раз я ему доказывал, что уж туда-то Бриксиус и не сунется. Вышло помоему, посуды сам: уже месяц как объявили награду — и ничего. Никаких результатов, камердинер и тут скорей всего прав — убийцу так и не поймают. Случай останется нераскрытым.

Вики снова улыбнулся и снова глотнул вина, блуждая взглядом по саду — полной иллюзии чудесного рая.

— Вики правильно рассудил, — согласилась Грета, — понял свои возможности и вовремя спустился на землю, так что хватит об этом. У вас и так забот по горло с вашей поездкой в Турцию, зачем себе забивать голову этими ужасными убийствами. Таким хорошим, милым мальчикам это вовсе не к лицу.

Барри и Вики засмелились, закурили, и Барри спросил:

— Кстати, а как там Рихтер? Правда, что он замечательно танцует? Моей сестренке именно такой нужен. Ее балбес — тот, с кем у нее сегодня свидание, — танцует, как утюг.

— Во всяком случае, не хуже тебя. Зато ты не только в танцах бездарь, — парировала Грета, невозмутимо помешивая мороженое, — но и во многом другом. В отличие от него.

Они смеялись, курили, пили вино, точно на вечеринке,

не спеша, ели мороженое, которое постепенно таяло в хрустальных вазочках.

— Мы с Рихтером, — рассказывал Вики, — уже три года сидим за одной партой, славный малый, вот только, представляешь, Барри, немного ревнует меня к тебе, ну да ты сам знаешь. Да, чуть не забыл — я письмо от брата получил, жаль, дома оставил. Он обещал приехать до каникул, поговорить и пожелать нам счастливого пути. Я как-то написал ему обо всем, что происходит дома, у него такое же мнение, как у камердинера. — Вики помолчал, прикидывая, что бы сказал Март, посоветуйся он с ним о том, о чем собирается говорить с Барри после ухода Греты. О том, что должно решить его судьбу... Март наверняка одобрит его, лишь бы Барри согласился, ну, конечно же, согласится...

— Правильно он тогда сделал, что уехал, — сказал Барри, имея в виду отъезд Марта из дому сразу же по окончании учебы.

Вики просиял и кивнул. Ничего более приятного он не мог бы сегодня услышать. Представив себе дальнюю дорогу, "ягуар", рычаги и педали под рулем, он радостно поднял рюмку:

— Грета, хоть я и не знаю твоего парня, но раз он тебе нравится, значит, стоит того! Смотри не опоздай на свидание! А кстати, кто его отец?

— Садовник.

Когда солнце закатилось за кроны двух тополей в дальнем конце сада, этого подобия чудесного рая, когда солнечные лучи больше уже не пробивались сквозь листву на террасу, на белые плетеные кресла, с одного из балконов им помахала дама с искусно наложенным макияжем, в белом длинном платье, приглашая в дом.

— Давно вы у нас не бывали, — приветствовала Вики госпожа Пирэ, спускаясь навстречу по мраморным ступеням, напоминающим лестницу в Опере. — Нездоровилось? Но сейчас вы отлично выглядите. Надеюсь, все прошло и дома мир?

— Мир, — улыбнулся Вики.

— А у меня одни заботы, эти оболтусы совершенно не занимаются, никого не слушают и валяют дурака. Вот возьму и поменяю их на других. Барри только и думает что о путешествии, мы надеемся, и вам отец разрешит ехать. Не захочет же он испортить вам каникулы. Давайте посидим немного. Ужин в семь.

Госпожа Пирэ кивнула Вики и поступью сказочной феи, в прекрасном, длинном своем платье прошествовала к голубой гостиной.

Мебель, обои и ковры — все было в голубых тонах. На одной из стен висел персидский ковер, тоже голубой, хотя этот цвет редко встречается в восточном ковро ткачестве. На другой стене красовалось старинное оружие с насечкой — не коллекционное, а просто как предмет убранства.

Вики сел в предложенное хозяйкой кресло и усмехнулся — вспомнил о домашней оружейной коллекции в витрине. Барри спросил, чему он смеется, но Вики лишь молча подмигнул ему. Не станет же он говорить в присутствии госпожи Пирэ о том, что он стрелял перед Рождеством и что отец до сих пор ничего не узнал.

Он повернулся к госпоже Пирэ и стал рассказывать:

— У нас мир с самого Рождества. Отец совершенно переменялся. После всех скандалов. Мы, собственно, редко видимся. Приходит ночью, уезжает на рассвете. Март думает: а вдруг он сам понял, что плохо обращался с нами, что так нельзя. Потому и молчит. Но я считаю, ему пришлось уступить. Он бы настоял на ультиматуме, если бы не... Оттинген. В рождественский вечер ему было не до выяснения отношений, хватало забот, вызванных новым убийством. Раз ничего не сказал сразу, пришлось и дальше молчать. Мог бы, правда, сказать, что дал мне время на размышление, но что он может мне сделать? Как заставить? Не санкции же применять! Март и камердинер так считают.

— Господин главный советник так занят, — примирительно сказала госпожа Пирэ, — у него столько хлопот, мы понимаем, ведь до сих пор преступник на свободе. Это такая ответственность, никому не пожелаешь, он все время в напряжении — все газеты пишут об убийствах, и за границей тоже... И ничего нет удивительного, что неудачи отражаются на семье. Я, например, уверена, если бы моему мужу отказали заказчики или поставщики повысили цены, это отразилось бы и на обстановке в нашей семье... А что, Вики, — улыбнулась она своей лучезарной улыбкой, — назначенная премия тоже не сработала? Никто так и не выдал убийцу? Газеты писали, что его укрывают...

— О Брикциусе ничего не известно, — ответил Вики.

— Я видела его фотографии в газетах и по телевизору, лицо грубое, небритое, странное выражение, как у лунатика, как у забастовщика... — Госпожа Пирэ вздохнула. — Не мог же человек в здравом рассудке совершить такое... Врачи выручат его.

— Вполне возможно, — согласился Вики. — Я давно слышал такое предположение, еще перед Рождеством. Но мне теперь все это неинтересно — и расследование, и все, что делается дома, даже неожиданный там покой. Я вышел из игры, теперь только о Турции мечтаю, — безмятежно улыбнулся он, обменявшись взглядом с Гретой и Барри.

— Да, дорога долгая, — любезно подхватила госпожа Пирэ, — вам с Барри не мешает обсудить маршрут. — Легче всего до турецкой границы доехать через Болгарию. Конечно, можно и через Грецию, там есть на что посмотреть. Муж говорит — Греция намного интереснее. Лучше взять направление на Фессалоники. Есть шоссе Драма — Занте,

но оно не очень удобное, пришлось бы возвращаться на север к Эдирне. Вам надо взять все необходимое, но ничего лишнего.

Стали перечислять вещи, нужные для путешествия: плавки, подводные маски, майки, шорты, вельветовые брюки, летний выходной костюм, рубашки, трусы, свитера, носки, белые и желтые, носовые платки и на всякий случай полотенца, хоть и в гостиницах, и в частных домах, где придется останавливаться, полотенца, конечно, найдутся. Туалетные принадлежности — хотя мыло, пасту и прочее можно купить по дороге. Да, и обувь. Туфли, кроссовки, босоножки. Фотоаппарат, кинокамеры, транзистор... При обсуждении решающий голос принадлежал госпоже Пирэ.

А Вики... Вики размышлял и о других вещах, о которых госпожа Пирэ понятия не имела: например, о пушистом шарфе и галстуках, купленных ему Гретой, о фотографиях матери и брата, о картине, подаренной Барнардом Растером... И беспокоился, поместится ли столько всего в машине Барри. Но об этом позже, с Барри, с одним Барри, после ужина. Как еще Барри отнесется?

И вслух, показывая на свои золотые часы:

— Главное, что я возьму, это часы, без них я не могу.

При этом он так сиял, точно обладал всеми сокровищами этрусских царей.

Они покинули голубую гостиную. Госпожа Пирэ напомнила, что ужин в семь, и оставила их.

Молодежь прошла в комнату Барри.

Прежде всего достали карту.

Барри разложил ее на столе, и глаза у Вики заблестели, как будто перед ним развернули прекраснейшую карту его судьбы. Сблизив головы, все трое склонились над картой, напоминая генеральный штаб перед веселой битвой. Началось дорожки, по своей стране, они наметили быстро, точно по знакомой улице. А дальше, перейдя границу, стали размышлять, какой маршрут выбрать.

— Будем часто останавливаться, так что на дорогу уйдет... — Барри загадочно улыбнулся и проговорил: — четверть оборота Луны вокруг Земли. В пути мы проведем полтора месяца. А если захотим, то и два. Своя рука владыка, можно заезжать куда вздумается.

Барри встал, потянулся, достал бумагу и карандаш. Стали считать километры — головокружительная цифра.

— Ты что же, правда никогда не водил машину? — спросила Грета у сияющего счастьем Вики. — Никогда не садился за руль "рено"?

Вики рассмеялся:

— Будто тебе неизвестны наши порядки! По пальцам можно пересчитать, сколько раз я вообще в него садился! А, научусь, это же такое удовольствие!

— До каникул есть еще время, конечно, научишься, —

кивнул Барри. — Я сам тебя обучу. Захочешь сдать экзамены и получить права по всей форме — пожалуйста, не захочешь из-за отца — не надо. Главное — уметь водить, будем рулить поочередно.

Перед ужином Грета пошла переодеться, чтобы потом не задерживаться.

Ужин сервировался в столовой под сверкающей хрустальной люстрой. Во главе стола села хозяйка в длинном темном платье, с золотыми полумесяцами в ушах. Обносила служанка. Первым делом подала салат из омаров с яйцами.

Ужин длился минут сорок пять, не более. Грета попрощалась и ушла на свидание, госпожа Пирэ тоже попрощалась. Стройная, легкая, в темном длинном платье, с покачивающимися золотыми полумесяцами в ушах, она удалилась плавной походкой королевы фей.

Барри снова повел Вики к себе.

— Я хотел кое-что сказать тебе, — начал Вики, когда Барри подошел к столику с проигрывателем поставить пластинку. — Ждал только, когда останемся одни.

Барри выжидающе замер с пластинкой в руке.

— Барри, я решил остаться в Турции. Навсегда. Найду работу, даже если придется идти в портовые грузчики.

Барри отложил пластинку и вернулся к столу, сел, откинулся, засунув по привычке руки в карманы белоснежных вельветовых брюк, молча глядя на Вики, без всякого удивления, спокойно и безмятежно.

Вики даже показалось, что мысли его сейчас вовсе не о том, возможен ли такой вариант.

— Ничего особенного, Барри. Учиться дальше я не собираюсь. Когда ты закончишь гимназию, тоже приедешь в Турцию, а то и в зимние каникулы выберешься ненадолго.

— Конечно, — наконец отозвался Барри, — самолетом до Стамбула всего два часа. И мешки тебе таскать не придется, мой отец найдет тебе что-нибудь получше. Но объясни, почему? Почему ты хочешь там остаться, да еще навсегда? Дома тихо, сам говоришь, что советник не пристаёт к тебе...

— Я ждал, что ты спросишь, — прервал Вики, — а помнишь, как ты спрашивал меня на Новый год — ну, тогда, в кафе на улице Келиха, — зачем мне порошки, раз все утряслось?

Барри кивнул, и Вики продолжал:

— Порошков я больше не глотаю, это правда, но из дому мне надо бежать. Затишье у нас временное. Перемирие поневоле. Как только преступник будет у него в руках, идиллия кончится. Март не прав, надеясь, что отец понял свои ошибки. Камердинер считает, отец таков, каков он есть, может, это в нем еще с юности. У него, правда, нет никаких средств для борьбы со мной. Март,

если помнишь, жил дома до окончания университета. Я столько не выдержу, с ума сойду. Лучше сейчас бежать куда глаза глядят, чем жить в постоянной неуверенности и ждать, что еще он выкинет. У меня нет ни сил, ни желания. Сбегу и начну жить самостоятельно.

Долго убеждать Барри не пришлось. Он пообещал как можно скорее поговорить с господином Пирз и все устроить.

— А отец не станет искать тебя? Не поедет за тобой?

Вики покачал головой.

— Я совершеннолетний, у меня паспорт есть, — беззаботно сказал он, чувствуя, как сильно бьется его сердце от счастья. — И визу получу. Что он сделает? Вот только хотелось бы взять кое-что из дома на память, да и лишние костюмы не помешают. Как-нибудь устроюсь и буду ждать тебя. Может, тебе удастся навещать меня.

Они долго строили планы, как все уладить, как Барри будет наезжать к Вики в Стамбул или Измир. Наконец Барри вернулся к проигрывателю и отложенной пластинке.

Он поставил диск, и комнату заполнил голос Греты Гароне:

...Вертятся колеса, тянется дорога,
я хочу уехать, отдохнуть немного.
Горы, перелески унесут усталость —
ни тоски, ни боли в сердце не осталось...

...Вечером однажды планы все нарушу
и в полях пустынных я очищу душу.
За зеленым полем темный-темный лес,
а над всем над этим синий свод небес.
Тут свой путь закончу, позабуду все...
И мои печали ветер унесет...

...ветер унесет...

Вики, счастливый, довольный таким чудесным завершением дня, обнял Барри сзади за плечи и воскликнул:

— А ходим еще раз в "Иран", до каникул, ладно?

Пока Вики обсуждал с Барри путешествие в Турцию и свою будущую жизнь в Стране Полумесца, пока слушал пластинку Греты Гароне, главный советник криминальной полиции Виктор Хойман проводил время в оружейной комнате: занимался после долгого перерыва своей коллекцией. Включив полный свет, он доставал из витрины оружие и осматривал его, время от времени запуская пальцы в картотеку и вынимая из деревянного ящичка соответствующую карточку. На карточках стояли номера и калибры стволов, название и марка оружия и год производства. Взяв в руки небольшой револьвер, имевший хождение полстолетия назад далеко за морем, советник взглянул на часы и позвал камердинера.

— Вы еще не ложились? — Камердинер отрицательно покачал головой, и советник продолжал: — Перед Рождеством я говорил вам, как быстро на оружии собирается пыль. Экспонаты в кобурах чистые, а те, что лежат в витрине без чехлов, запылены. Стекло не защищает от пыли. Завтра займитесь. Мне бы хотелось, чтобы коллекция когда-нибудь поступила в Музей полиции в надлежащем виде, а не грудой ржавого железа. Когда я начинал службу, начальник строго следил, чтобы наши браунинги содержались в образцовом порядке. И хотя мы применяли их только дважды в неделю, на стрельбах, чистить обязаны были ежедневно. Мы никогда не знали, когда командир нагрянет с проверкой. А он с первого взгляда определял, чищено ли в этот день оружие. Картотека составлена грамотно, — констатировал советник, — но нельзя ли печатать карточки на машинке?

— Я пробовал, — неподвижно, с каменным лицом высясь у двери, отвечал камердинер. — Не получилось, картон толстый.

Хойман достал из витрины памятный пистолет. Он прикасался к нему, как и прежде, брезгливо. Какое-то время смотрел на перламутровую инкрустацию, плакетку с гербом и инициалами, эмблемой и датой, дотронулся до спускового крючка и заглянул в ствол.

— Полезная вещь, но сколько зла может принести... — бесцветным голосом бросил он, и его холодное багровое лицо напряглось. — Да, представляю себе реакцию своих коллег по Студенческому союзу, когда я после оттингенского убийства попросил у них на время пистолеты. Любопытно, что сказал, например, господин Дессеффи, когда к нему пришли за оружием. У него, как вам известно, нет пистолета уже восемь лет, то ли украли, то ли он потерял его в Египте. Я был в курсе, но все же людей к нему послал. А что Растер сказал? — Советник прикрыл глаза. — И что подумал, ведь он как раз в это время регулярно ездил по делам службы в Оттинген... Голову даю на отсечение, все чувствовали себя оскорбленными и злились на меня, считая, что я их подозреваю. И как же злорадствовали, когда экспертиза показала, что оружие давно не было в употреблении, и пистолеты им вернули! Не знаю, нашелся ли среди всех хоть один, который понял, как далек я от подозрений! Но кого подозревал меньше всех, так это Растера. Кому может быть приятно внимание полиции, это всех раздражает, у ни в чем не повинных людей возникают всякие комплексы от одной только мысли, что кто-то их в чем-то подозревает. Однако без подозрений нет следствия. А без следствия невозможно разыскать и обезвредить преступника. Если не ошибаюсь, наши люди вели себя пристойно, извинились и объяснились.

Камердинер уловил на лице советника едва приметную усмешку. Он все так же недвижно стоял у двери, устремив

взгляд на руки Хоймана, который все еще держал памятный пистолет, и думал свое. Он во многом был согласен с советником, однако что это господин советник сегодня так разговорился, чего ради вспомнил о давно забытом деле, то есть о сборе оружия перед Рождеством и о подозрении, павшем на Бернарда Растера? Или понял наконец, что не следовало так поступать? Камердинер еще кое-что заметил — любопытно, не ошибся ли? Нет, так оно и есть. Советник поднял взгляд к ярко светившей люстре, перевел глаза на часы и внезапно сухо промолвил:

— Можете идти. Вы свободны, господин Фляйшхаккер.

Камердинер поклонился, ухитрившись остаться почти неподвижным. Он понял, что не ошибся, теперь он точно знал, что у советника наступила одна из тех светлых минут, за которой последует озарение. Уходя, он удостоверился, что советник спокоен, даже радуется чему-то, "радуется, хотя уже полдесятого, а в доме, кроме него, лишь я да экономка..."

Когда дверь за камердинером затворилась, советник снова заглянул в ствол памятного пистолета. Присматриваясь, точно это не кусок металла, а какой-то сложный аппарат и с его помощью можно совершать необыкновенные открытия. Хойман, не выпуская из рук пистолета, обошел комнату, кресла со столом, где как-то сидел с Ваней и Зайбтом, и остановился у торшера. Еще внимательнее осмотрел пистолет, ярко освещенный, и торопливо стал разбирать его.

Пробило десять. Пистолет снова был собран, мало того, вычищен и смазан. Он лежал на серванте, на толстом сукне под картиной, изображающей охоту, и если бы полотно было нарисовано еще в те годы, когда стреляли из пистолетов системы Мейербах, калибра 6,35, могло бы показаться, что пистолет только что выпал из рамы.

Советник снова поглядел на часы, без всякого раздражения. Глаза у него были по обыкновению холодными и равнодушными. И снова подошел к оружейному шкафу, то ли чтоб заполнить время, то ли по делу — трудно сказать, нагнулся, вытащил из незастекленного нижнего отделения продолговатый ящичек, оклеенный станиолем. Открыл...

Иногда, если даже предметы, лежащие в ящике, и не считаны, все равно видно, что чего-то не хватает. Даже если нет незаполненного пространства.

Советник Хойман заметил, что не хватает патронов.

Он поставил ящик на сервант и внимательно осмотрел помещение. Осмотрелся вокруг раз, другой, третий, ни на чем не задерживаясь взглядом. Изучал комнату, будто чужую, будто сомневался, в своем ли он доме. И вдруг что-то наконец приковало его внимание. Картина над сервантом. Не выпуская из рук пистолета, пытливо оглядывал он темные деревья, кусты, скалы, небо, охотников с ружьями, зве-

рей, убегающих во тьму... подойдя к картине, поправил ее. Скользнул взглядом по нижнему багету, затем по оружию, которое все еще держал в руке.

В эту минуту снизу, от входных дверей, долетел шум.

Хойман не спеша положил пистолет в витрину, задвинул в шкаф ящик с патронами.

Двери внизу открылись, советник погасил люстру, оставив торшер. Он слышал, как Вики прошел через зал и открыл свою комнату. Четверть одиннадцатого.

Хойман погасил торшер и вышел из оружейной. В кабинете некоторое время постоял у окна с холодным, непроницаемым лицом, уставясь на дом Бернарда Растера. Затем уселся за стол и погрузился в бумаги.

XIX

Главный криминальный советник опустил трубку на рычаг и загляделся в окно. Со своего места за столом он видел лишь кусок чистого голубого неба. Рабочий его кабинета в Криминальном центре в здании Полицейского управления располагался на пятом этаже. Окна выходили на площадь. Хойман витал взглядом в чистом голубом небе, а в голове его навязчиво вертелись какие-то числа. Постучали.

— Войдите, — сказал Хойман.

Комиссар Ваня вошел какой-то странной, непривычной для него походкой. Удивительно неуверенной для высокого полицейского чина. И совсем уж робко Ваня затворил за собой дверь. Хойман бесстрастно смотрел на вошедшего, будто ему не привыкать к такому состоянию помощника. Советник неспешно протянул руку за бумагой, которую Ваня принес.

— Теперь поимка преступника — вопрос нескольких дней или даже часов, — проговорил Ваня чуть ли не дрожащим голосом, — только не знаю, как с вознаграждением...

Хойман пробежал глазами бумагу и вздохнул.

Анатоль Брикциус, настоящая фамилия Стопек, бежавший из брюссельской тюрьмы, убийца детей, в западне. После долгой, утомительной погони намечался конец охоты. План удался, результат превысил все ожидания. Этот мгновенный успех — такие случаи обоюдоостры — как раз и объяснялся тем, что охота на Брикциуса оказалась столь долгой и изнуряющей. Этот беглец и детоубийца вряд ли столько продержался бы, не получи он — как и предполагали Хойман и Ваня — такой неожиданной и непонятной поддержки преступной среды. В конце января казалось, что все самые темные силы сплотились, вошли в заговор, чтобы, выбрав орудием Брикциуса, вступить в поединок с могущественным законом. По каким-то причинам они сде-

лали Брикциуса, незначительную, слабоумную личность, беглого арестанта и детоубийцу, орудием осуществления злокозненного своего плана — именно через него выказать всю свою ненависть и пренебрежение к полиции, а возможно, и к самому Хойману. Такая картина складывалась к концу января. Ну, пусть не совсем так все это выглядело, но в общих чертах... скажем, так... Извечный враг закона собрал силы и показал зубы. Участие преступного мира в деле Брикциуса, затруднявшее и тормозившее работу полиции вот уже девять месяцев, привело к неожиданному успеху. Когда назначили высокую премию за выдачу преступника, в процессе расследования внезапно обнаружились шестеро других уголовников, числившихся в наиболее опасных. Они вынырнули, как потонувшие листья в заводи, взбаламученной хлынувшим в нее потоком. Трое из них, как оказалось, обеспечили Брикциусу убежище, деньги и фальшивые документы, и все они скрывались совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, точно груши на прилавке фруктовой лавки. Брикциус был в западне, а эти шестеро сами в нее напрашивались, не ведая того, как и детоубийца. Открывалась возможность взять разом всю компанию. По мнению криминального советника Хоймана, для успеха операции требовалась лишь четкая система действий, и эту систему Хойман сам придумал и подготовил. Брикциуса можно брать хоть сейчас, но чтобы захватить и тех, кто нужен Хойману, выгодно подарить ему еще день свободы.

Хойман вздохнул, взглянул на Ваню, стоявшего перед ним, их глаза встретились. На мгновение напряжение в кабинете немного спало. Хойман и Ваня точно договорились взглядом; оба чуть расслабились. И все же Ваня никак не мог избавиться от неуверенности, удивительной для столь высокого полицейского чина...

— Что касается премии, — тяжело проронил Хойман, слова падали, точно гири, — пусть этим займется специальная комиссия. Пусть разделят поровну. Естественно, трудно будет выдать награду криминальным элементам, которых мы вдобавок разыскиваем. Решение примут правоведы.

— Предварительное заключение комиссии имеется, — тихо промолвил Ваня. — Комиссия исходила из того, что премия назначена за определенную услугу. Цель достигнута, и нигде не записано, кому не разрешается выдача вознаграждения. Невозможно юридически обосновать отказ в выдаче денег, — закончил Ваня чуть ли не страдальчески.

— Пусть выдают, — согласился Хойман. — Пусть поместят им деньги хоть в Государственный банк. Но сперва они отсидят. У Рааба на счету три ограбления и мошенничество. Не можем же мы за помощь освобождать от наказания. То же относится и к остальной братии. — Помолчав,

он отчеканил: — Всякое преступление должно быть наказано.

Хойман опустил голову, лицо его потемнело, в кабинете воцарилась такая тяжелая тишина, какой, возможно, никогда еще не бывало во всем здании Полицейского управления.

— Принесите, пожалуйста, оружие, — после долгой паузы, будто с трудом стряхнув с себя дурной сон, проговорил Хойман.

Ваня молча направился к выходу. Хойман хмуро смотрел ему вслед. Когда дверь захлопнулась, Хойман снова устремил взгляд в чистое лазурное небо. Солнце укатилось вправо, за противоположную стену, косые палящие лучи проникали в кабинет. Хойман отвернулся от окна и со вздохом, словно возвращаясь в крошечную тьму, склонился над столом, где лежали фотокопии и некий список.

Он медленно и осторожно, точно пересиливая себя, поочередно брал в руки снимки, как будто они были пропитаны ядом, рассматривал помертвевшими глазами и с трудом вчитывался в некий документ. Если бы сюда заглянул камердинер, он не узнал бы Хоймана...

На первом снимке, цветном, увеличенные волокна. Темно-зеленые, неровно оборванные, точно ресницы или тонкие стебли растений на белом фоне. На втором — билет метро, проданный в предместье Милленшумм. Куда взят билет и кто его купил — неизвестно. На билете стоит лишь число: 22 декабря. Третий снимок поразил его как удар грома и молнии, призрак, кошмар — Хойман обессиленно выпустил его из рук. На снимке были увеличенные отпечатки пальцев Бернарда Растера, Дессеффи и — полковника Зайбта.

Хойман подпер голову ладонью, а другой рукой потянулся за четвертым снимком — увеличенным оттиском пальцев, обозначенных "X-1". На лямом — оттиски лишь указательного и среднего пальцев. К снимку приложен листок со штампом "Отдел идентификации при Центральной дактилоскопической станции", поверх штампа запись карандашом: "Оттиск указательного и среднего пальцев правой руки соответствует приложенному материалу".

В списке были перечислены имена и суммы из назначенной за поимку преступника награды.

Советник Хойман с отвращением просмотрел список, вздохнул и задумался. Выдвинул ящик стола, достал папку и еще какие-то предметы.

Очки в широкой черной оправе с обычными стеклами, такие надевают артисты, черные накладные усы — продаются в любом игрушечном магазине. Усы повреждены, оправка очков сделана из материала, на котором отлично видны отпечатки пальцев. Папка помечена: "Анатолий Брицциус". Хойман смотрел на все эти вещи с тем же мрачным, холодным лицом, непроницаемым, как маска смерти. По-

том он с усилием обратил свой взгляд к небу и сидел так, пока в дверь снова не постучали.

Комиссар Ваня вошел так же неуверенно, как и прежде, он принес пистолет и еще одну бумагу.

Хойман положил пистолет на папку, пробежал глазами документ, затем еще раз внимательно прочел его.

Экспертное заключение — лист, разделенный на три части. Гильза. Пуля. Пистолет.

В нескольких строчках подтверждалось, что, за исключением пистолета, все остальное (гильза и пуля) было найдено 23 декабря под слоем снега на месте преступления. У гильзы эксперт обнаружил лункообразный оттиск на капсюле. О пистолете эксперт сообщал: микроскопический анализ доказывает, что изготовленный вручную боек оставил лункообразный отпечаток на гильзе, который и подтверждает, что гильза выброшена из данного пистолета. При сопоставлении соответствующих параметров найденной пули доказано также, что пуля выстрелена из прилагаемого пистолета...

Хойман долго рассматривал его. Пистолет системы Мейербах, калибра 6,35 с левосторонней нарезкой. На рукоятке, выложенной перламутром, ясно виднелись следы отвинченного металлического герба. Хойман положил пистолет на стол и поднял глаза на Ваню.

Ваня наблюдал, как Хойман изучает отчет экспертов, с каким напряжением рассматривает оружие, и при всем своем опыте не мог понять, что происходит в душе советника. Когда он отложил пистолет, Ваня забеспокоился. Взгляды их снова скрестились, и напряжение вновь немного отпустило обоих. Они слегка расслабились. Но Ваня утратил почву под ногами. Все, что он старался скрыть и подавить, вырвалось с удвоенной силой. Ваня уже не мог справиться с собой:

— Вы уверены? А если ошибка? Стечение обстоятельств...

— Вы криминолог, сами понимаете... Безнадежно. Все точно. Не забудьте, имеются еще отпечатки перчаток на игре. Садитесь же!

Ваня присел к столу.

Помолчав, Хойман спросил:

— Можно начинать?

Ваня кивнул.

— Сегодня 5 апреля. — Хойман мрачно уставился в пространство. — Анатоля Брикциуса арестуем завтра вечером. И великолепную шестерку тоже. Возьмем их приблизительно в одно время. А пока оставим Брикциуса в покое. Никакой слежки. Это важно. И даже если он сегодня или завтра выйдет из убежища, все равно теперь он никуда не денется. Днем раньше, днем позже, какое это имеет значение после девятимесячной охоты?.. Завтра вечером арес-

туем нашу шестерку и только потом, или одновременно, возьмем Брикциуса. Я сделаю это лично. Никаких сложностей с ним не будет. Задержание пройдет без единого выстрела, я уверен. У этого слабоумного замедленные реакции, он вообще не умеет стрелять, разве что в затылок, когда не грозит никакая опасность. Тем не менее территорию придется оцепить. Плотно, но незаметно. Две роты отборных людей в штатском...

Ваня приготовил блокнот и карандаш. Хойман напряженно следил за ним. Он видел, что Ваня, молча делая записи в блокноте, старается побороть свое смятение.

Хойман продолжал:

— Возьмите операцию под контроль. Необходимо, чтобы точно исполнялись все распоряжения, чтобы никто ничего не забыл. Это очень важно. Задействуйте самые опытные группы. Радиосвязь обязательна. Амброза из группы Мелка возьмите. Отмену слежки за Брикциусом не проводите приказом до завтрашнего вечера. Сделайте так, чтобы все полицейские в течение дня находились в других местах. На Пристанную пошлите двоих к 20.00, не раньше, это тоже очень важно. А за углом можно выставить патрули в середине дня. Остальные детали уточним завтра утром. Возьмем большую добычу, общественность будет удовлетворена. И лично господин министр. Пусть приготовят все камеры в цокольном этаже управления, доставим их сюда. Грабителей и мошенников можно разместить по двое, даже по трое. Брикциуса — в одиночку. Предварительный допрос проведем сразу же в камере, вы и я. Дело завершается. Никогда мне и в голову бы не пришло, что оно кончится именно так.

Советник, подперев голову ладонью, хмуро проглядел список грабителей и причитающиеся им суммы.

— Это все, что вы можете для меня сделать. Будут вопросы, выясним завтра утром. Справедливость восторжествует. Это все, за что я могу ручаться со своей стороны. Раз я взял дело в производство, ответственность лежит на мне до самого конца. Не тревожьтесь ни о чем.

Хойман встал с лицом сумрачным и холодным, как сама смерть. Стоя выдвинул ящик и смахнул в него все, что лежало на столе: очки, накладные усы, пистолет, документы и фотографии, смел все, как сор, точно подмел дорогу, по которой прошло пораженное ящуром стадо. Только папку с фамилией Брикциуса оставил наверху. Из ящика достал лист меловой бумаги и конверт.

— А теперь, комиссар, — он изобразил на лице улыбку, — мне тут надо кое-что еще записать.

Комиссар Ваня молча, опустив голову, покинул кабинет шефа криминальной полиции.

Прежде чем вставить лист в машинку, советник зашел в прилегающую к кабинету комнату — почти пустую, без те-

лефона, в ней стояли только стол, стул и кушетка. Хойман взял бутылку джина и сигареты и вернулся к пишущей машинке.

Он дописал, когда лазурное небо уже слегка потускнело, солнце за невидимой из окна стеной клонилось к западу. Прочел написанное, поправил что-то карандашом, собственноручно начертил дату "5 апреля" и подписал. Положил лист в конверт, позвонил шоферу и велел приготовить машину. Подошел к окну, поглядел на площадь перед зданием Полицейского управления, увидел детей, бегающих вокруг клумбы с красными цветами, женщину с коляской, свернувшую с площади на улицу, старика с бакенбардами и тростью. Оделся, пропустил в кабинет уборщицу и медленно вышел.

Глядя ему вслед, уборщица хмыкнула и покачала головой. Надо же, советник заметил ее, в кои-то веки. "От радости, — подумала уборщица, — еще бы, преступник почти что в его руках. Но кто же получит стотысячную премию? Какой-нибудь домушник".

Все еще усмехаясь, она взяла "люкс" и стала чистить коверную дорожку.

XX

И хотя Вики казалось, что он давно готов к разговору и не придает ему большого значения, теперь, когда эта минута настала, у него чуть сердце не остановилось, он чуть не задохнулся.

Точно гром с ясного неба, в три часа дня при сиянии солнца на безоблачно ясной эмалевой лазури, при температуре 23 градуса и под пение птиц за окном советник Хойман вошел в комнату сына. Держа руку в кармане, закрыл за собой дверь и подошел к шкафчику, на котором когда-то, в печальной памяти пред рождественскую ночь, после загородной поездки, лежала елка, подарки от Греты и карманная игра из универмага "М-С". Советник выглядел не так, как в тот раз, не как надзиратель, заглянувший в камеру преступника. Сегодня он зашел как снисходительный начальник к подчиненному или будто для того, чтобы просто посмотреть, как там цветы в ящике за окном... И хотя внезапный приход отца несказанно поразил Вики, лицо его оставалось безмятежным, он держался бы спокойно, даже если бы увидел вместо советника дьявола во плоти.

— Скоро кончатся занятия, — проговорил советник благожелательно, — я хочу сообщить тебе, что думаю о путешествии, к которому ты готовишься.

Советник прошел в комнату и уселся, указав на стул Вики. Вики тоже сел. Сердце его, хоть он и уговаривал себя, что спокоен, колотилось. Нет, не от страха, всего

лишь от любопытства. Как бы там ни было, путешествие все равно состоится, и никто не сумеет ему помешать.

— Я разрешаю путешествие, — произнес советник. — Разрешаю, — повторил он и обвел глазами комнату. — можешь ехать с Пирэ в Турцию.

У Вики перехватило дыхание, и, прежде чем он успел что-нибудь сказать или подумать, советник прибавил:

— Разрешаю, но с условием.

Странно, но сердце у Вики успокоилось, дыхание выравнивалось. Разве только ясные серые глаза чуть-чуть помутнели да плечи слегка дрогнули... ага, значит, разрешает, но с условием! Вики, конечно, безразлично, но все-таки...

Советник высказался:

— Я не желаю, чтобы семья Пирэ платила за тебя. Естественно, они могут проявить гостеприимство. Как водится между добрыми знакомыми. Но у тебя будут свои деньги, и ты станешь оплачивать все, что будет выходить за рамки гостеприимства. Это и есть мое условие. — Советник немного нахмурился, точно отдавал приказание. — Никто не должен брать на себя твои расходы, яведь не какой-нибудь рядовой жандарм, не привратник... Надеюсь, у тебя хватит ума удержаться от необдуманных шагов.

Советник умолк, а Вики, глядя на его плотно сжатые губы, еле удерживался от улыбки. Зато улыбался в душе. "Вот оно, условие, он не хочет, чтобы господин Пирэ содержал меня".

Вики вспомнил слова камердинера. Отец просто-напросто ревнует. Не может смириться с тем, что у Вики есть такой друг, как Барри, который вдобавок еще дарит подарки, ему самому подарков не дарили, вот в чем штука. И не хочет, чтобы господин Пирэ оплачивал его дорогу, только и всего... Но тогда ему придется взять расходы на себя, Вики подавил улыбку и решил уточнить:

— А что же можно отнести к гостеприимству?

— Проживание у знакомых Пирэ, — ответил не задумываясь советник, — если же вы останавливаетесь в гостинице, ты платишь по счетам сам, даже если владелец ее окажется другом господина Пирэ. Если пригласят на обед или ужин в семью или даже в ресторан, это гостеприимство, как, например, я приглашаю на Рождество комиссара и госпожу Мейербах... Во всех остальных случаях за еду платишь сам. Если в ресторане платит Пирэ, ты потом возвращаешь ему деньги. По дороге оплачиваешь половину стоимости бензина, паром, все путевые расходы. Визу и все административные сборы. Каждую неделю будешь писать домой, где побывал. Да, еще... В Стамбуле купишь мне кое-что, я потом скажу. Все.

Советник снова умолк, предоставив Вики возможность удивляться его черствости. "Господи, до чего бездушно он на все реагирует". Так же бесчувственно сейчас

разрешил, как тогда запретил, заявив, что у Вики и Барри "разные интересы и жизненные пути". "...Тебе нельзя отвлекаться от учебы. Школа — прежде всего..."

В тот раз Вики вышел из кабинета точно в тумане и тут, у себя, едва не потерял сознание. Вспомнить смешно. Ну неужели можно так мелочиться во время путешествия? "Барри, купи мороженое, я тебе потом отдам деньги... Сколько стоила дыня?" Смешно.

Что скажет на это Барри? А госпожа Пирз? "Полицейский образ мыслей", — подумает она и покачает головой. Интересно, что он попросит купить?

— А что купить?

— Ерунда, есть еще время — потом поговорим, да и вряд ли ты найдешь то, что мне нужно.

И тут советник сказал такое, что Вики ушам своим не поверил. Снова сердцебиение, головокружение... С ума сойти, что он говорит...

— Я давно знаю, — мирно проговорил советник, — что ты интересовался всеми этими убийствами и сам желал задержать преступника. Ты ведь ходил в кабинет и рылся там в бумагах, ну, конечно же ты — Бетти, что ли, рылась или камердинер? Абсурд. Я не придавал значения. Ты сам понял, что это бессмысленно, или кто-то тебя надоумил, камердинер или даже Растер — безразлично. Но раз ты интересовался, я могу теперь сказать, что мы вот-вот схватим преступника.

Вики вздрогнул, глаза его расширились. Этого можно было ожидать после назначения премии, он был к этому готов, хотя и тешил себя сомнениями, неверием камердинера, но так внезапно... неужели?

Советник глядел не на него, а в окно, казалось, его нисколько не интересует реакция сына.

Вики опомнился и запинаясь спросил:

— Вы нашли сумасшедшего Брикциуса?

Советник кивнул. Хмуρο покосился на сына и ответил:

— Полиция вовсе не так глупа, как тебе казалось. Следствие тянулось долго, газеты нападали на меня, некоторые даже требовали, чтобы мы с Ваней ушли в отставку... Но мы выиграли. Полиция не так уж беспомощна, — повторил он и снова отвернулся к окну. — После того недоразумения, которое у нас с тобой было перед Рождеством, мне вот что хочется сделать. Сегодня в пять часов я сам задержу преступника. То есть предполагаю задержать. Место выбрано недалеко от города — это западня, куда завлек Стопека один из его же приятелей. Стопек ничего не подозревает, надеюсь, задержание состоится. Если хочешь, можешь ехать со мной. Увидишь, как работают мои люди, в способностях которых ты сомневался. Наверное, даже соглашался с господином депутатом Хагеном и писателями из "Экспресса", что у нас ничего не получится... Впрочем,

у меня опять условие, иначе нельзя. Условие обязательное и безоговорочное.

Нет, Вики все это снится. Сначала советник ошарашил его вестью об отмене запрета, потом насмешил условием насчет дележки расходов, а теперь еще и это... Голова закружилась, точно на карусели... Первое, что пришло ему в голову при неожиданном, невероятном сообщении отца. — порошки...

— Надо принять порошок, — подумал он, чувствуя, что бледнеет, что глаза застилает туман... — Приму в последний раз...

Он обещал себе, что принимает лекарство в последний раз, когда приезжали родители убитого в Оттингене мальчика.

Отец смотрел в окно — ясно, он еще не все сказал, будто сказанного мало. И действительно, советник стал объяснять, в чем состоит его условие:

— Ты неукоснительно будешь следовать рекомендациям, которые я дам тебе на месте, если возникнет необходимость, разумеется. Ни на шаг не отойдешь от меня, если я тебя не отошлю. С этой минуты, — советник взглянул на часы, — и до пяти часов, когда Бриксиус будет арестован, ты ни с кем не общаешься — ни здесь, ни по телефону. Я не могу рисковать. Если бы ты случайно передал кому-нибудь малейшую информацию...

Вики воспротивился в душе — на мгновение, всего лишь произвольным движением головы, взмахом руки, незаметными в потоке изумления, уносившем его...

Советник повторил твердо:

— Я не могу рисковать. Мы не на зайца охотимся, а на убийцу, трижды убийцу. Не могу рисковать столь долгим расследованием, дать повод для глумления газетчикам, нельзя проявлять неосторожность, такой роскоши я себе позволить не могу. Сейчас 15.30. Одевайся спокойно, после четырех выезжаем, к пяти будем на месте.

— Комиссар Ваня едет с нами? — спросил Вики напоследок.

Советник покачал головой:

— Ваня на месте. Возьмем "рено".

Советник встал и пошел. В дверях обернулся и с непристойной мягкостью произнес:

— Бояться нечего, никакой опасности, иначе я тебя бы не позвал. Одевайся и не вздумай звонить. Вернешься один к семи, инспектор Мелк привезет тебя, а у меня... мне еще придется задержаться. Тогда говори с кем хочешь, хоть интервью давай.

Оставшись один, Вики немного пришел в себя.

Сейчас арестуют убийцу!

Анатоля Бриксиуса!

Сумасшедшего, которого врачи избавят от петли.

Вики пришел в себя, но голова все еще кружилась, сердце стучало. Он подошел к лимонного цвета умывальнику, дрогнувшей рукой взял порошок, оставшийся от матери. Последний раз он принимал успокоительное во время визита Книппсенов. Проглотил, запил и спросил свое отражение:

"Отчего же я дрожу? Я ведь ждал... Хорошо это или плохо, что Брикциус наконец будет схвачен?"

Он ополоснул лицо холодной водой, причесался.

"Но зачем ему надо было позвать меня? Как свидетеля его торжества?"

Тревога в нем все нарастала и нарастала, а с нею и сомнения.

"Но ведь он может и проиграть. А вдруг Брикциус ускользнет в последнюю минуту! Где будут ждать его? На шоссе? В какой-нибудь деревне?.. Он считает, что Брикциус в западне, но ведь так уже бывало... Если Брикциус убежит, ему конец!"

Начало действовать лекарство, Вики успокоился, вспомнил Барри.

"Разрешил! Если бы знали камердинер, Бетти, Барри!"

Позвонить бы ему... Вики готов был идти в кабинет — попросить разрешения позвонить хотя бы Барри, сказать, что поездка в Турцию разрешена... Не стоит. Не стоит просить. Придется подождать до вечера и тогда рассказать все, и про арест преступника, если он, конечно, состоится... Вики усмехнулся и открыл платяной шкаф.

Во всем доме стояла непривычная тишина, мертвая, даже телефон на консоли, казалось, онемел... Камердинера и Бетти не слышно — наверное, их нет. Он подошел к кабинету. В приотворенные двери увидел сигаретный дым, легким синим облаком поднимающийся к потолку. За завесой дыма советник в кожаной куртке что-то укладывал на столе. Увидев Вики, он взглянул на часы и кивнул. Пробыло четыре.

Молча сошли к гаражу. Советник протер ветровое стекло и велел Вики садиться на заднее сиденье.

— Задержи занавески и садись так, чтобы тебя никто не видел.

Советник сел за руль, выехал на улицу, остановил машину, вернулся, чтобы закрыть гараж и ворота, снова сел, и они поехали. Миновали дом Бернарда Растера, окна были затворены, шторы задернуты; проехали три улицы и оказались на Главном проспекте. Дальше взяли направление к мосту Зайбта.

Солнце сияло, прохожие в ярких весенних платьях и рубашках заполняли улицы. Вот кафе "Бристоль", Вики вспомнил, как они сидели здесь с Барри и тот рассказывал историю о маковом поле. Мост. Вики привстал, пристальнее вглядываясь в переднее стекло.

— Что такое? — спросил советник.

— Смотри! Люди с собаками...

— Ну и что?

— Я их видел зимой, на этом самом месте. У них было шестеро щенков, а теперь пятеро, один попал под машину...

Вики засмеялся. Точно, вон тот давешний прохожий с бакенбардами и тростью, в темном пиджаке и полосатых брюках, напоминающий государственного советника или консула, рядом — женщина с желтой сумкой, а вокруг выются пятеро, бульдогов. Так же, как и зимой, когда они ездили за елкой. "Рено" обогнал пешеходов, Вики смотрел на них в заднее стекло, пока они не скрылись... Миновали стоянку у моста, где в тот раз стоял красный "ягуар".

"Сколько времени прошло, — думал Вики, — тогда шел снег, а теперь..."

Статуя Эгидия Зайбта, художника, ласточка на плече и палитра с кистями залиты солнечными лучами.

Сверкание воды под мостом, речная свежесть... Мост проехали быстро. Несколько минут ожидали зеленой волны на перекрестке, регулировщик отсутствовал, светофоры были автоматическими.

Свернули на боковые улицы, достигли окраин и наконец выехали на автостраду. Вики заметил, что едут в том же направлении, как и с Барри перед Рождеством.

— Надо бы заправиться, — проговорил советник, — ну да ладно, на обратном пути. А ты куртку не взял? К вечеру поспежит.

Вики был в майке с длинными рукавами, в темных джинсах и кроссовках.

— Простудишься...

Вики слушал вполуха, глядел на бензозаправки, автосервисы, дорожные указатели, от которых отражались яркие лучи. Все это быстро уносилось назад, а сам он, скрытый за зашторенными окнами, напоминал себе беглеца.

"Когда я ездил с ним на этой машине, не помню, скорей всего никогда... Едем задерживать Бриксиуса. И что ему надо в Стамбуле купить, какие-нибудь пряности? Никогда ничего не просил, вот Март удивится..."

Снова рекламные щиты, указатели... В глазах туманная дымка, он принял один порошок, второй на всякий случай положил в карман. Чуть-чуть тумана, а так ничего, вполне комфортно.

— Не могу сказать, что я в восторге от вашего путешествия, — проронил советник, — оно противоречит моим принципам. Да уж ладно, езжай ради мира в доме, чтобы ты не мог потом меня упрекнуть. Поезжай на месяц.

— На месяц? — Вики оторвался на миг от живых картин, мелькавших за стеклом.

— Как в гимназии? Какие оценки?

— Хорошие, — ответил Вики.

Ему показалось, что отец нахмурился. Ну надо же, усмехнулся он, какая мелочность — делить расходы пополам. Советник за рулем будто прочитал его мысли:

— Что касается дорожных расходов, будет, как я сказал: пополам. Но если тебе не нравится, можете с самого начала устроить общую кассу.

Вики так же равнодушно отнесся к совету, как и к разрешению всего на один месяц, он считал, что путешествие продлится минимум шесть недель, как они и договорились с Барри. И теперь совершенно безразлично, что приказывает советник. Его волновало предстоящее событие, хотя еще и сейчас, на пути к нему, он его совершенно не осмыслил. Мысли путались, как и дома, правда, действовали к тому же порошки. Пробегающие за шторкой пейзажи приятно успокаивали, укутанные туманом... Но вот что странно — непривычная благожелательность отца в течение всего дня. Только он подумал об этом, как тут же и позабыл, чуть не подскочив от изумления. Они как раз выехали на ответвление местного шоссе, поднимавшегося к освещенным холмам и нагорьям в яркой зелени разнотравья. Вики глазам своим не верил...

Советник въехал на мост, под которым в скалистых берегах бурно клокотала глубокая река. Вики давно сдвинул шторы, отец не мог не заметить, но молчал. Вики смотрел на мост и быструю холодную реку. Скалы, безлюдье, ни души, ни автомобиля, только зелень и солнце. Советник, проехав мост, остановился под склоном, поросшим деревьями.

— Вот мы и на месте, можно выходить. Машину оставим здесь.

Советник был спокоен и уверен, значит, убежден в благополучном исходе. Вики, весь во власти своего изумления, понял лишь одно: отец ни в чем не сомневается.

Они вышли, советник запер машину, они стали взбираться вверх.

Солнце пронизывало лес, пели птицы, одуряюще пахло молодой травой и разогретой хвоей. Нет, Вики все это не считал. Как всегда под действием порошка, он чувствовал себя усталым, спокойным, перед глазами плыл туман, но все это было не сном, а явью. Советник шел твердым шагом служивого человека и молчал. Они достигли вершины — вот оно, то самое место, тот же прекрасный вид. Советник остановился у высокой сосны. Вики стоял рядом.

С правой стороны тянулся хвойный лес, на опушке которого они стояли, с левой стороны молодые посадки, посреди поле, вдали оно стекало вниз, в долину, а там, на самом горизонте, деревушка, красные остроконечные черепичные крыши и колокольня. На этом самом месте перед Рожде-

ством Вики сидел с Барри и Гретой, тут ничего не изменилось, а все же стало другим. Тогда все скрывал снег, и стояла благолепная рождественская тишина, и в тишине звучала тихая музыка из транзистора. Теперь под лучами весеннего солнца звенело пение птиц, воздух наполнился ароматами нагретой смолы; между деревьями зеленело поле. Зеленые побеги тянулись вверх. Советник смотрел, прищурившись, точно генерал на поле битвы. Оглянувшись, но за спиной только ели и сосны.

— Сядем, — сказал советник, глядя на часы.

Они сели на поваленную сосну, ту самую, на которой Вики сидел с друзьями зимой. И Вики тоже посмотрел на часы — золото блеснуло на солнце, засверкало, и советник не мог не заметить сияния, хоть и смотрел в другую сторону. Без четверти пять. Время еще есть.

— Ты когда-то собирал жуков и бабочек, — вспомнил советник, доставая сигарету. — Это увлечение давно прошло... А здесь как раз подходящее для этого место.

От сигареты тянулся синий дымок, таявший в чистом лесном воздухе.

— Он взял меня, чтобы я стал свидетелем его победы, — размышлял Вики. — Уверен в себе. Но где возьмут Брикциуса, не здесь же, а скоро пять”.

Советник осторожно стряхнул пепел в мох под ногами.

— Скоро. Я объясню, как все будет. Покажу, откуда появится Брикциус и куда пойдет. Я, конечно, не ясновидец, но в общих чертах так и будет. Видишь деревню на горизонте?

Вики подумал: “Я ее уже видел...”

— А верхушку колокольни видишь? Посмотри налево, к лесу. Оттуда и выйдет Брикциус.

Вики поглядел на молодую поросль, он устал, туман перед глазами сгустился. Поросль от них примерно метрах в ста.

— Брикциус выйдет из лесу и пойдет в нашу сторону. — Советник снова стряхнул пепел в мох.

“Бойтся лес подпалить”, — подумал Вики.

— Он пойдет вдоль опушки или через это поле с озимыми, точно, конечно, не знаю, я, к сожалению, не госпожа Мейербах, это она знает все наперед.

— Но как же он пойдет в нашу сторону, он же увидит нас, — усомнился Вики.

— Предусмотрено. Иначе мы не сидели бы тут, а укрылись в кустах. Мы не в засаде.

— Но если он увидит нас, то убежит раньше, чем ты успеешь выстрелить.

— А зачем ему бежать, зачем мне стрелять? Он подойдет к нам, откуда ему знать, что мы не так просто здесь, откуда знать, что как раз мы и ждем его? Он не знает, что известен нам. Меня он никогда не видел, а то, что я с тобой, вообще отвлечет его от подозрений. Ведь с такими

молодыми людьми не ходят на полицейские акции, разве что по ягоды...

А если отец и взял его для отвода глаз?

— Я тоже хочу покурить, — сказал Вики.

— Не стоит привыкать, ты и так бледный, — советник отвел взгляд от поля и покосился на Вики. Тот и сам чувствовал, что бледнеет.

— От Пирэ курить научился?

— Ничего подобного, в гимназии все курят.

Вики стал нервничать.

Советник проговорил вполне миролюбиво.

— Что хорошего курить, шляться по барам... Кстати, ты еще не рассказал, что было в баре перед Рождеством, в тот день, когда ты вернулся перед рассветом...

Шутит он, что ли? В полночь Вики вернулся, а вовсе не перед рассветом.

— Я в полночь пришел, — возразил Вики, — в баре мы дарили друг другу подарки и ужинали с турками. Они сами нас пригласили...

— Ну это ты и тогда говорил, а еще что было?

Вики подумал: "А ты спрашивал? О чем-нибудь когда-нибудь спрашивал?"

За всю жизнь отец так долго никогда не разговаривал с ним...

— Отличный был вечер, мы ели бифштексы, утку, рахат-лукум, пили воду, сок, вино, говорили о Турции, о дороге, господин Маглайлия рассказывал о своей стране точно поэт, в двенадцатом часу мы ушли, — повторил Вики.

Советник взглянул на часы. И Вики тоже, снова сверкнуло золото — без десяти пять.

Советник молчал, а Вики вдруг решился:

— Барри не был у нас с Рождества, и теперь, когда мы готовимся к поездке, это даже как-то неудобно.

— Пусть придет, — ответил советник, — пусть, я сам скажу ему об общей кассе. Завтра разберусь с делами и назначим время.

Прилетели две большие птицы и затеяли шумную свару. Вики слушал крики и свист маленьких птичек в кронах, вдыхал аромат леса, разогретого солнцем. Вспомнилась песня Греты Гароне:

...Вот он, луг широкий, вот и темный лес,
и густые травы, и простор небес...

Вики слегка улыбнулся, поглядел на траву, на лес у горизонта, откуда ждали Брикциуса.

— И все-таки я думаю, — проговорил он задумчиво, — он испугается, когда увидит нас. И если не выстрелишь ты, выстрелит он.

Советник стряхнул пепел, тщательно затоптал его, а окурок положил в карман.

Вики подумал: "Скажите, как лес бережет, старается не сорить".

— Не может же он не догадываться, что его преследуют, возьмет да и выстрелит. И про ордер на арест знает, и про назначенную премию, разве не так?

Вики еще хотел что-то добавить, но отец прервал его:

— Ты плохо представляешь себе нашу работу. Если бы все было так, как ты думаешь, мы бы с тобой тут не сидели. Повторяю: мы ничем не рискуем. — Советник говорил спокойно, но устало, точно ему надоело объяснять и отвечать на вопросы и предположения. — Не прозвучит ни один выстрел. Если ты ожидал увидеть ковбойский фильм или какой-нибудь другой боевик, придется тебя разочаровать: кино не будет. Все будет прозаично, как в нудном романе. Я тебе скажу, как будет: Бриксиус выйдет в поле, подойдет поближе, и тогда я встану, поздороваюсь и задам какой-нибудь вопрос, ну, например, как добраться до Мерклина. До той деревушки на горизонте.

Вики вдруг охватила слабость, застучало сердце. Впрочем, порошок еще действовал. Так или иначе, отец ничего не заметил.

— Пока я буду спрашивать, как найти деревню Мерклин, к нему подойдут и, прежде чем он опомнится, наденут наручники. Они у меня с собой. Он даже не успеет схватиться за оружие. У него замедленная реакция. Он стрелял в затылок, никуда не спешил, уверен был в своей безопасности. Если ты обратил внимание, когда читал материалы, он всегда стрелял сидя, все продумав наперед, это он умеет. Но стрелять с бедра, да еще в минуту опасности, в бою — нет. Что с тобой? Тебе плохо?

Вики дрожал.

— Не бойся, ничего страшного не случится. — Советник вздохнул, будто перемогал что-то в себе. — В лесу полно наших людей. Они тут с трех часов, и командует ими Ваня. Будь у тебя зрение поострее, ты кое-что заметил бы по дороге. — Хойман едва заметно улыбнулся, впервые сегодня. — Говорят, в Бразилии живет некая Глисерия Феррейра, 125 лет, она вдевает нитку и шьет без очков. Значит, так: Ваня с тремя сотрудниками в лесу напротив, у нас за спиной тоже засада, ты, понятно, и этого не заметил, нет, не оборачивайся. Сиди спокойно. Смотри вперед. Тут, на склоне, еще инспектор Мелк, ты поедешь с ним домой, машины внизу на шоссе, рядом с нашей. Еще немного потерпи.

Советник посмотрел на часы, Вики тоже — без двух минут пять.

— Отчего же не арестовать его в лесу, раз они все там? — спросил Вики. Сердце готово было выскочить из грудной клетки.

Советник утомленно ответил:

— Я сам обязан арестовать его.

Вики больше вопросов не задавал.

Пять часов.

Ровно пять. Кругом тишина. Озимые слегка колеблются под слабым дуновением, большие птицы улетели, маленькие еще поют в высоких кронах. Вот-вот появится Анатолий Бриксиус. Вики пристально смотрит в поле, а думает о своем. Зимой на этом самом месте, куда он сейчас смотрит, появился заяц — выбежал из дальнего леса, откуда сейчас ждут Бриксиуса, и побежал по направлению к холму, остановился на полпути, забарабанил, Барри усилил звук транзистора, и заяц, опустившись на четыре лапки, убежал. Если бы только Барри знал, где сейчас Вики, с кем и почему...

“Вечером позвоню и все расскажу — он не поверит”.

Вики представил себе, как сам поведет “ягуар”. Он уже освоил вождение. Интересно, в каких городах они побывают?

Пять часов одна минута.

Пели птицы. Вики, усталый, с затуманенными глазами, услышал новый звук — стрекотание кузнечиков, гудение ос и пчел. Он снова представил себе приборную доску “ягуара”, левую педаль — тормоза, правую педаль — газа... Чудесной летней ночью они приблизятся к турецкой границе...

В лесу не шелухнулась ни одна ветка. Протекла еще минута, отец холодно и спокойно смотрел вперед. Вики тоже посмотрел, туман плавал перед глазами. Все мертво. Лишь чуть волновалось зеленое поле. Солнце склонялось к западу, вспомнился рассказ о маковом поле. Клины ярких маков, аромат, солнце, катящееся за горизонт. Вики вдыхал аромат смолы и хвои, слышал птиц, кузнечиков, шмелей. Пошла третья минута. Вики отвернул рукав и смотрел на часы. Показалось, что в темном неподвижном лице советника что-то промелькнуло, что-то вроде безмерной озабоченности и сумрачности... Кончилась четвертая минута. Вики усмехнулся.

“Он беспокоится. Это все, никто не придет. Провал. Крах! Бриксиус сбежал”. Вики усмехался, борясь с усталостью, напряжением, с туманом, заволакивающим глаза.

И вновь, без всякой связи, представилось ему, как они будут пересекать турецкую границу. Он навсегда останется в Турции и никогда, никогда сюда больше не вернется...

Советник посмотрел на часы, нахмурился и тихо, спокойно проговорил:

— Посмотри на эту колокольню. Я никогда не был особо набожным, но твоя мать горячо веровала. Знаешь, что такое собор? Это место... — Советник ронял слова тяжело, будто каждое должно было отпечататься в душе сына... Опустил голову. — Собор — место, где воздается хвала Господу и верующие просят о прощении грехов, взы-

вая к высшему милосердию... Подумай об этом... А он обязательно появится, ошибка исключена. Абсолютно, — добавил Хойман, тяжело цедя слова, пересиливая что-то — может быть, сомнения? — Смотри! — Хойман поднял руку, указывая на деревья.

Вики и так смотрел, смотрел с колотившимся сердцем, борясь со слабостью.

— Думай о соборе.

Советник криминальной полиции выхватил из кармана пистолет и приставил к затылку сына. И раньше, чем Вики успел оторвать взгляд от леса, и даже раньше, чем почувствовал холод металла, Виктор Хойман нажал на спуск.

Выстрел не прозвучал — сработал глушитель.

Последним, что увидел Вики, было поле, далекие остроконечные крыши, окруженные лесом, и птицы, взметнувшиеся с молодых ветвей. Последняя его мысль была о путешествии, вот он едет "ягуаром" в Стамбул... Там останется навеки... Рядом Барри — какое счастье... Где-то, на самом дне подсознания, мелькнуло смутное воспоминание об Оттингене... о последних словах отца...

Он скатился с поваленной сосны, ясные серые глаза слепо блеснули под косыми лучами, напоследок скользнувшими по бледному, тонкому, красивому лицу, уткнувшемуся в мох.

Советник криминальной полиции Виктор Хойман спрятал пистолет в карман, встал, обвел взглядом верхушки деревьев и поле, достал из кармана застекленную коробочку — игру, завернутую в платок, и положил ее на грудь сына. Наклонился к сосне, на которой сидел, подобрал пулю и стреляную гильзу.

Долго смотрел на мертвого юношу, и на глазах его, впервые за всю жизнь, исключая детство, показались слезы. Резко отвернулся и стал спускаться с холма, к шоссе, где ожидала машина. Кругом стояла тишина, вот только птицы снова пели.

В седьмом часу показался город, на улицах загорались неоновые фонари.

XXI

В 22 часа, когда и по радио, и по телевидению начинались информационные передачи, а в кинотеатрах заканчивались вечерние сеансы, главный советник криминальной полиции Виктор Хойман вместе с комиссаром Ваней и сержантом Амброзом арестовали Анатоля Брикциуса.

Это произошло на южной окраине, в маленькой, обреченной на снос улочке, которая называлась Пристанной, хотя поблизости не текла никакая река, даже ручеек не пробегал. Задержал его Хойман в ливнушке, ютившейся рядом

с амбаром на старом дворе, огороженном штакетником, в приземистой халупе, где раньше чинили мотоциклы, а теперь открыли пивную.

Анатолий Брицциус-Стопек, рост 170 см, крепкого сложения, с зачесанными назад каштановыми волосами, смуглый, небритый, глаза темно-серые, в потертом сером костюме, в 21.57 вышел на темный двор и направился к амбару. За ним поплелся какой-то жалкий бродяжка, заросший и оборванный, новый его приятель, они вместе пили с восьми вечера. Брицциус кашлял. Как только он подошел к амбару, откуда-то вынырнул комиссар Ваня и сержант Амброз, тут же оказался и советник Хойман.

Брицциус на миг окаменел, попытался сунуть руку в карман, но Хойман перехватил руку и вывернул. Бродяга, уже державший его на прицеле, вместе с сержантом Амброзом надел на задержанного наручники. Его быстро обыскали, отобрали пистолет, какую-то мелочь, паспорт на другую фамилию и деньги.

Пока Брицциуса-Стопека выводили на улицу, где ждали две обычные частные машины, через несколько улиц от Пристанной сотрудницы полиции во главе с инспектором Мелком задержали шестерых гангстеров, среди них и главаря.

Через пятнадцать минут машина, в которой везли Анатолия Брицциуса, уже мчалась по мосту Зайбта, затем по улице Келиха, мимо Биологического института, следом ехали Хойман с Ваней.

Хойман бегло осмотрел пистолет Брицциуса системы Мейербах, калибра 6,35 с левосторонней нарезкой ствола, и проверил количество патронов. Спрятав пистолет в карман, Хойман стал глядеть в окно — по тротуарам в свете фонарей сновали многочисленные прохожие, кое-кто возвращался с вечерних сеансов, и никто не подозревал, что мимо везут убийцу, за поимку которого назначено вознаграждение, который держал население в таком страхе, что детей выпускали только в сопровождении сторожевых собак, а грудных катали в колясках лишь вокруг статуй святых на площадях.

В половине одиннадцатого все прибыли в Управление полиции, точнее, в Криминальный центр. Двое полицейских встретили Брицциуса и отвели в подвальное помещение, в камеру предварительного заключения.

В эту камеру, кроме надзирателей, имели право входить лишь врач, адвокат арестованного и государственный прокурор.

Прокурору позвонили и поставили в известность об аресте в 23.00. Прокурор счел, что не стоит ему в столь поздний час пороть горячку — встречу с преступником, точнее подозреваемым, вполне можно перенести на завтра. Адвокат еще не был назначен.

Брицциуса освободили от наручников, сняли с него

галстук и пиджак и пригласили полицейского врача. Осмотр длился недолго.

— Практически здоров, — сообщил врач дежурному надзирателю, — повышенное кровяное давление и совсем немного повышена температура. Нормально для таких случаев, все-таки стресс. С душевным состоянием хуже, я продукту заключение.

В половине двенадцатого в коридоре перед одиночной камерой, где содержался Брикциус, появились главный криминальный советник Хойман и комиссар Ваня. Они встретились с инспектором Мелком, который готовился к предварительному допросу шестерых гангстеров, помещенных в соседних камерах.

— Их следует считать соучастниками всех убийств, совершенных Стопеком, — сказал Хойман инспектору. — Они не могли не знать об убийствах и все же помогали ему. Объясните им, что всех обвинят в соучастии, и напомните, чем это грозит. Только дьявол способен доказать, что им не было известно об убийствах...

Вместе с комиссаром Ваней Хойман вошел в камеру. Надзиратель внес два стула и ушел, затворив тяжелую дверь.

Советник Хойман остановился на пороге, он выглядел не разгневанным, не рассерженным, нельзя было даже сказать, что он находится лицом к лицу с преступником, исчадием ада. Он равнодушно смотрел на заключенного, даже без особого интереса. Лицо Хоймана было утомленным, и только.

Брикциус стоял возле койки, уронив руки, его воспаленные глаза глядели куда-то за спину Хоймана. На лице следы засохшей крови после горлового кровотечения, грязь, пот. Весь вид Стопека отнюдь не свидетельствовал о душевной силе.

— Вы обвиняетесь в побеге из брюссельской тюрьмы, где отбывали десятилетний срок за соучастие в убийстве шестнадцатилетней Клаудии Темминг, — спокойно объявил советник, подойдя к стулу. — Вы обвиняетесь также в убийствах детей. Нет смысла доказывать бесспорность вашей вины. Вас ждет петля. Имеется только одна возможность избежать виселицы и получить пожизненный срок. Состояние вашего здоровья и немедленное полное признание. Признание могло бы свидетельствовать о душевной болезни, и на этом основании медицинская комиссия ходатайствовала бы о замене смертной казни на пожизненное заключение в специальном учреждении. Твердо обещать я вам ничего не могу. Будете говорить?

Советник сел. Метрах в трех от Брикциуса. Хойман сидел спокойно, закинув ногу на ногу, сложив руки на коленях, как врач, которому показывают вырожденца, или как сидят на домашних видеосеансах. Ваня тоже сел, пригото-

вил блокнот, он нервничал. Брикциус не шелохнулся, и трудно было ожидать, что он заговорит.

— Так мы ни к чему не придем. Речь идет о вашей жизни. Завтра же вас могут отправить на виселицу. Суд продлится не больше получаса. В течение полугода вы убили четверых детей. — Хойман встал.

Брикциус дернулся и вытаращил на него глаза.

Советник Хойман неподвижно стоял перед ним, легкая тень пробежала по его лицу и исчезла. Он пристально смотрел на Брикциуса.

— 5 сентября прошлого года в лесу рядом с дорогой, соединяющей Кнеппбург и Коларов, вы убили тринадцатилетнюю Антонию Зайбт из пистолета калибра 6,35 в затылок и на месте преступления оставили детскую карманную игру. 20 ноября таким же способом, из того же оружия, застрелили у реки, недалеко от деревни Цорн, четырнадцатилетнего Фридриха Дельмара.

По лицу Брикциуса катился пот. Губы были сжаты. Он тяжело дышал носом, как зверь перед пылающей головой.

— Вам нехорошо, Стопек, — спокойно констатировал советник. — Вы устали, измучены, вам страшно, нам сейчас не договориться. Отдохните. Садитесь и примите успокоительное. — Хойман пододвинул заключенному свой стул и, достав из кармана, протянул два порошка. — Садитесь, — повторил Хойман, — примите лекарство и запейте, вам станет легче. Сигарету хотите? — Хойман протянул заключенному фляжку, которую вынул из нагрудного кармана, и сигарету.

Брикциус высыпал порошки на ладонь и проглотил, как дитя глотает сласти во время религиозного обряда. Запил. Хойман, неотрывно смотревший на него, забрал пустую фляжку и дал прикурить.

— Итак, вы убили Антонию Зайбт, вот ее фотография. Вы убили Фридриха Дельмара. Вот он. Признавайтесь. — Хойман показал, не выпуская из рук, снимки убитых.

Брикциус выдохнул дым и поглядел на снимки. В лице его что-то дрогнуло, но он молчал.

— 22 декабря, также в лесу, рядом с городом Оттингеном, вы убили четырнадцатилетнего Юрга Книппсена, а сегодня днем вы выезжали из города в одно уединенное место. Так вот: где вы сегодня были и что делали?

Анатоль Брикциус выдохнул дым и ничего не сказал. По лицу лился пот, голова тряслась.

— На вашей совести четыре убийства, — продолжал Хойман. — Где вы были сегодня днем? Вы сейчас же должны признаться в четырех убийствах. Где были сегодня днем? Что делали? И не забудьте, Клаудию Темминг вы тоже убили.

Брикциус выдохнул дым и разжал губы.

— Нет! — выкрикнул. — О чем вы?! — И закашлялся.

— Спрашиваю, где были днем, что делали? Признавайтесь, в этом единственное ваше спасение, иначе — виселица. На другое не рассчитывайте. Нет, пожалуй, вас гильотинируют, а не повесят, и вы станете на голову короче. Потечет кровь, ваша кровь...

Стопек затравленно смотрел на Хоймана.

— Гильотины не существует.

— Еще как существует, могу даже показать, если не сознаетесь. Вы убили в Кнеппбурге, в Цорне, в Оттингене... вот этим оружием. — Хойман достал пистолет, прицелился в Бриквиуса. Тот встал, пот продолжал струиться со лба, по грязному лицу размазалась засохшая кровь.

— Я не убивал, — прохрипел он в третий раз, — не убивал...

Он еще хотел что-то сказать, но Хойман внезапно вырвал у него сигарету, отбросил, схватил за горло и закричал:

— Говорите! Даю последний шанс! Ваша жизнь ничего не стоит, выродок вы несчастный! Других справедливо наказали за меньшую вину, а вы надеетесь избежать казни! Никчемное создание, вы кровью смаете свои преступления. Спасет вас только признание, говорите! Вы что же думаете, я просить вас стану, негодяй! Ваша вина доказана. Признавайтесь в четырех убийствах, не то... — Хойман тряс его изо всех сил, кровотечение у арестанта возобновилось, руки советника были в крови.

Стопек-Бриквиус бился, хрипел:

— Двоих... двоих я убил... — Кровь толчками выбивалась из горла. — Только двоих, девочку и мальчишку... больше ничего не знаю... Темминг не я убивал, я только следил за ней... в Оттингене вашем я никогда не бывал, кланусь! Там был...

Но прежде, чем он успел выговорить "кто-то другой", Хойман схватил его за подбородок и, проверив, нет ли у него во рту какой-нибудь таблетки, толкнул на койку.

"К сожалению, мерзавец, в Оттингене действительно был кто-то другой", — гудело в разгоряченном мозгу Хоймана.

Он кивнул Ване, и тот постучал в волчок.

— Он признался в убийствах, совершенных в Кнеппбурге и Цорне, — объявил Хойман, выходя с комиссаром в коридор, — и в убийстве в Оттингене, — добавил он.

Ваня подтвердил.

— А сегодня днем в Мерклине он убил моего сына.

Ваня опять кивнул.

Тревога в Центре криминалистики была объявлена раньше, чем Хойман успел вымыть руки. Ужас охватил всех бывших здесь в это ночное время.

Через пятнадцать минут шестеро полусонных полицейских с Ваней во главе выехали из города на большой поли-

цейской машине на автостраду и направились к деревне Мерклин. За первой машиной сразу же выехала вторая. Они достигли каменного моста и стали подниматься на холм.

Было 00.30.

XXII

После отъезда Вани советник ненадолго покинул подземный коридор и на лифте поднялся на пятый этаж. Было пусто и тихо, как бывает ночью в учреждениях. Но Хойман не пошел в свой кабинет, а поднялся еще на два этажа и открыл чердак. Он зажег свет, запыленная лампочка слабо светила. В полумраке Хойман вошел в чердачное помещение со множеством деревянных и бетонных перекрытий. Тишина стояла, какой и полагается быть в полночь на чердаке. У одного из перекрытий Хойман достал пистолет Брикциуса, снял предохранитель и подошел к месту, где крыша соединялась с полом железным столбом. Он вытянул руку и выстрелил в столб. Хойман знал, что выстрела внизу не услышат. Поднял с пола пулю и гильзу, спрятал в карман и на лифте с пятого этажа спустился в подвал. Там подсел к столу дежурного сержанта, подперев рукой голову. Молодому сержанту раньше только издали приходилось видеть шефа криминальной полиции, а тут шеф сел за его стол в такую страшную минуту. Что он мог сделать для него? Подать крепкий чай, единственное, что было под рукой.

— Не беспокойтесь, — сказал ему Хойман.

Сержант был благодарен шефу за эти слова. Двое наблюдателей в конце коридора стояли почти по стойке "смирно", они не отважились сесть на скамью, которая тут стояла. Хойман посмотрел на них, перевел взгляд на двери камеры, не смотрел только на дверь камеры Брикциуса.

Он допивал чай и закуривал новую сигарету, когда подошел инспектор Мелк, бледный и измученный. Сержант уступил ему место. Мелк не знал, говорить ли Хойману в столь страшную для него минуту о результатах предварительного допроса гангстеров, но Хойман спросил его сам.

— Они отрицают, — сообщил Мелк, — что знали об убийствах, говорят, им и в голову не могло прийти, что Брикциус способен на такое, что имеет отношение к убийствам, о которых писали газеты. И только когда были напечатаны и показаны по телевизору фотографии и, главное, когда была назначена премия, до них дошло, что к чему.

Мелк собрался с силами и тихо сказал:

— Господин советник, он сумасшедший, ему нельзя верить, вдруг он признался в состоянии аффекта, поддав-

шись мстительному чувству. Как он мог убить вашего сына? И почему в деревне? Он же психопат...

— Он признался в здравом уме и твердой памяти, — отрезал Хойман. — И сын действительно сегодня куда-то собирался.

— Может быть, отдохнете? — спросил Мелк.

— Я подожду здесь.

Он остался сидеть за столом сержанта, глядя то на полицейских в конце коридора, то на двери камер. Отдал Мелку пистолет Стопека-Брикциуса.

— Заберите эту мерзость, прошу вас, теперь пистолет не имеет значения, преступник признался.

Мелк взял оружие.

Надзиратели приступили к обходу камер, Хойман усталое следил за ними. Проходя по коридору, надзиратели заглядывали в глазки. Когда один из них подошел к камере Брикциуса, Хойман погасил сигарету. Мелку показалось, что шеф не в силах больше бороться с усталостью. Надзиратель заглянул, обернулся к сержанту, который стоял неподалеку, открыл камеру и вошел. Сержант бросился за ним. Вскоре они вышли, и сержант, бледный и испуганный, сообщил:

— Мертв.

Хойман тяжело поднялся, приблизился к отворенной двери и заглянул. Стопек-Брикциус лежал, застывший в судороге, с залитым кровью лицом.

— Легко отделался, — констатировал Хойман, — слишком легко.

И пошел к лифту. Доехав до своего пятого этажа, он на этот раз направился к кабинету. Зажег лампу, сел за стол, подперев голову ладонью, и на минуту прикрыл глаза. Мертвая тишина охватила его. Сквозь прикрытые веки он видел свет лампы. Между небом и землей не оставалось больше ничего, что бы он хотел узнать или сделать. Ничемный мерзавец, который не имел права видеть солнце, подох. Отлично. Но его сын, Вики... Через час или два вернется из Мерклина Ваня с людьми...

"Это было необходимо", — так сказал он Ване. Комиссар уже все знал, когда вместе с Хойманом был в камере Стопека.

Но откуда-то из самых глубин, вместо щадящих слов о том, что другого выхода не было, всплывали правдивые: "Я убил его, потому что обещал: справедливость восторжествует. Я обещал гражданам, а после оттингенского убийства обещал Книппсенам. А что мне оставалось? Смотреть, как ему надевают петлю за оттингенское убийство? Моему сыну? Когда-то я сам сделал все, чтобы смертную казнь не отменяли. И теперь на нее обрекли бы моего сына за убийство, совершенное моим собственным оружием".

Снова вспомнились слова Вани:

“Его бы не казнили”.

“Его бы казнили, — слышал он свой ответ, — или приговорили пожизненно, а это одно и то же. Он был совершеннолетний. Зато спасена честь. А мерзавцу из Брюсселя не помогло бы то, что не он убил мальчика из Оттингена. За убийства в Кнеппбурге и Цорне его повесили бы все равно”.

Он снова слышал, как благодарит Ваню за помощь и говорит:

“Дело закрыто, я ухожу...”

Советник вынул из ящика письмо на меловой бумаге в конверте со вчерашней датой. Шел первый час ночи, и он исправил “5 апреля” на “6”. Нет смысла переписывать все. Утром министр, как только получит письмо, выразит свое глубочайшее сострадание и даже постарается тактично уговорить поработать еще немного, хоть они никогда не любили друг друга. В конце концов министр примет отставку. Он больше не может возглавлять полицию. После трагедии, постигшей сына, это исключено. После ужасающей трагедии, известной только ему и Ване, служить совершенно невозможно.

Зазвонил телефон. Полицейский врач сообщил из подвального этажа, что Стопек отравился сильным ядом, действующим спустя примерно час после приема. Хойман позвонил инспектору Мелку и успокоил его:

— Не волнуйтесь, инспектор, какие могут быть угрозы совести из-за мерзавца, не заслуживающего права на жизнь. Я имею в виду сержанта Амброза и Рота, который переодевался пьянчужкой, — это ведь они обыскивали карманы арестанта и не заметили яда, где-то им припрятанного.

Совершенно обессиленный, Хойман закрыл глаза.

Через час после возвращения Вани из деревни Мерклин, когда тело сына привезли в город, Хойман вызвал шофера и поехал домой.

Было темно и безлюдно, но утро приближалось, скоро должен наступить рассвет. Хойман знал, что вот-вот заработают типографии по всей стране, выйдут специальные утренние выпуски, перед его глазами всплывали аршинные заголовки на первых полосах, жирно набранные подзаголовки, появятся, возможно, и первые снимки лесной опушки с поваленной сосной.

...Четвертая жертва детоубийцы — сын главного советника криминальной полиции Хоймана...

...Брикциус арестован 5 апреля...

...Брикциус совершил в тюрьме самоубийство...

Подъезжали к дому. В одном из окон Бернарда Растера горел свет. Растер собирается в поездку, но не в Оттинген, там работа закончена. У Хоймана царила полная тишина и темнота. Спал наверху полковник Зайбт, понятия не имея о том, что случилось. Спал камердинер, который честно слу-

жил ему и заботился о коллекции оружия, спала экономка Бетти, они ничего не подозревали.

Хойман прошел по темному холлу. Когда поравнялся с псевдоантичной консолью, белеющей в темноте, телефон коротко звякнул. Случается.

В кабинете Хойман вынул из кармана фляжку, из которой Стопек пил воду, и бросил в корзину. Две гильзы и пулю спрятал в ящик. Положил на стол билет метро, очки в черной оправе и накладные усы. Очки и билет оставил на столе, а усы взял с собой в комнату сына. Войдя, зажег ночник. На столе лежала автодорожная карта и лист бумаги с заметками. Хойман нашел в шкафу старый темно-зеленый плащ — Вики носил его очень редко, — старые перчатки и спустился в подвал. Полил плащ бензином и вместе с усами и перчатками спалил в старой железной печке. Из подвала Хойман ушел, когда в печке оставался один пепел, а на дворе светало.

Тяжело поднялся по лестнице, вспоминая генерала Мейербаха, который много лет назад учил его стрелять в подвалах и во дворе замка Бук. Вспомнил вдову генерала в шляпе и брюссельских кружевах. Бывших товарищей — Ценгера, Гётца, Дессеффи... Входя к себе, услышал шаги наверху — полковник встал. Но у Хоймана еще спали. Вернулся в кабинет, опустил в кресло.

На улице совсем рассвело, ничего удивительного, весной дни длинные.

Вспомнил сына Марта, который, хоть и жив, потерял для него, вспомнил покойную жену...

Страшное дело: вот-вот принесут из морга пакетик — золотые часы, подарок Бартоломея Пирэ...

Ужасно!.. Это не ночной кошмар. Справедливость торжествует!..

Совесь его чиста, как и прежде, но одновременно теперь он запятнан раз и навсегда. Наказан, как мало кто из людей. Зато спас честь семьи, сохранил светлую память о сыне. Нет, совесть его чиста.

А стоило идти на такой ужас, абсолютный мрак, смертельную пустоту ради чистой совести? Можно до конца дней своих уверять самого себя, что не изменил служебному долгу, был верен миссии, до конца стоял на страже закона, всегда добивался справедливости, вынес все, что уготовила ему судьба, и делу своему отдавался без остатка... Но исполнил ли он отцовский долг, который тоже возложен был на него судьбой, исполнил ли тот долг, смысл которого в обычные слова не укладывается?..

Солнце стояло высоко, когда Хойман, измученный усталостью и горем, на минуту забылся.

А в это время остальные обитатели вилл, юный Пирэ и учащиеся седьмого класса гимназии, носящей имя великого педагога, только-только начали просыпаться.

Сергей Таск

НИ ТЫ, НИ Я

В окна давно бил яркий дневной свет, и она никак не могла от него закрыться. Она понимала, что надо подняться, опустить жалюзи, но сил на это не было. Выпитое под утро снотворное, сразу три таблетки, вдавило голову в подушку. Она все же заставила себя встать, доплелась до ванной комнаты и пустила горячую воду. Сидя на краю ванны, она впала в забытие, пальцы механически выдавливали из флакона тонкую струйку. Пена вываливалась наружу, сползала по ногам.*

На полочках стояли разные безделицы. Монах с торчащим из-под сутаны членом... папа римский на троне в виде ночного горшка... коленопреклоненная монашка, к которой сзади прильнул игривый Купидон...

В ванной она сразу уснула. Глаза блаженно закрылись, лицо разгладилось. Самым большим успехом она пользовалась у тех, кто никогда не называл бы ее красивой.

Стукнула дверь лифта. Мужчина в светлом плаще остановился перед № 23, огляделся по сторонам и быстро открыл дверь своим ключом. Бросив взгляд в сторону ванной, он прошел в спальню и, не раздумывая, рванул на себя верхний ящик бюро. Все вывалилось на ковер. Того, что он искал, ни в этом ящике, ни в следующем не оказалось. Нижний ящик был заперт. Он открыл замок английской булавкой, валявшейся рядом, но обнаружил лишь дневники и письма, а они его не интересовали. Он перевернул кровать, повыкидывал белье из шкафа, заглянул во все углы, даже в коробку с нитками — ничего.

Он остановился на пороге ванной комнаты. Женщина спала, рука свесилась через край. Он растегнул ремень, не сводя с женщины тяжелого взгляда. Вытащив ремень из брюк, он с оттяжкой ударил женщину по голому плечу.

Женщина с криком проснулась. Она неумело уворачивалась от ударов, безуспешно попыталась выскользнуть

из ванной. Ее спина, плечи, руки покрылись красными рубцами. Женщина вскрикивала, но не звала на помощь.

— Куда ты его дела, воровка? — он намотал на руку длинную мокрую прядь и повернул женщину к себе лицом. — Где пушка, спрашиваю?

— Не здесь, — выдохнула Эми. — Правда, Макс.

Он оттолкнул ее и стал заправлять ремень в брюки.

— Чтобы в пять пушка была у меня. Вместе с товаром. Ты же не хочешь, чтобы твое хорошенькое личико попортило. А, Эми?

— Нет, — сказала она.

— Не слышу?

— Нет, — повторила она громче.

— Значит, договорились.

Макс прикрутил кран и ушел, шлепая по воде.

После короткого шока ею овладело бешенство. Она влетела в разгромленную спальню и начала крушить все, что попадалось под руку, сладострастно рвать дневники, письма, записные книжки, пока не выдохлась. Тогда она нашла сигареты, закурила.

Где-то заиграли бодрый военный марш.

Эми сидела с ногами на постели, пепел падал на одеяло.

Раздался резкий свист с улицы.

— Ах ты, маленький засранец, — произнес мужской голос. — Ну, погоди же!

Кто-то тяжело протопал под окнами.

Эми разглядывала свои руки. Взяла с тумбочки лак, накрасила один ноготь. Увидела на полу тетрадь. На обложке детским почерком было выведено по-польски: Эльжбета Эмилия Радович.

Эми нагнулась за тетрадь. Она листала ее, бормоча отдельные слова. Вдруг зашлась от смеха. Она откинулась на подушки и тут же скривилась от боли. Переползла на ковер и принялась что-то искать в грудe бумаг. Нашла. Это была старая, с выпадающими страницами телефонная книжка. Эми раскрыла ее на букве "P", надолго задумалась. Решившись, придвинула к себе аппарат, набрала номер.

Потянулось томительное ожидание.

— Алло? — Эми вздрогнула от собственного голоса. — Ты?.. — И в сторону злобно: — Ну да, где ж тебе еще быть! — Потом снова в трубку: — Что ты шипишь по-польски, забыла, чему тебя в школе учили? Как отец? Когда это случилось? Я не знала. — Она все больше раздражалась. — Я ж говорю — не знала! Взрослым не задают таких вопросов. Алло? А что соседка, еще жива? Кто,

я соскучилась? — у нее вырвался нервный смешок. — Скажешь тоже! Какие четки? Да? Сейчас проверю.

На полу валялась деревянная шкатулка. Эми все из нее вывалила, нашла детские янтарные четки и снова взяла трубку.

— Да, есть. Привезу. Часов в семь. Нет, вечера. Потому что ночью я работаю. Будешь много знать — скоро состаришься. Подожди, я закурю. — Она потянулась за сигаретами. — Алло?

В трубке звучали гудки отбоя.

— Вот сучка! — сказала она и стала одеваться.

Приведя себя в порядок и сразу помолодев лет на десять, она выдернула из кашпо орхидею, весьма похожую на настоящую. На дне горшка лежал изящный браунинг.

Из дома она вышла как из салуна — в ковбойском кожаном костюме, села в серый "ситроен", закинула на заднее сидение большую пластиковую сумку и резко взяла с места.

Вскоре она сидела в уютном бистро. Официант принес легкие закуски. За соседним столиком три молоденькие продавщицы бросали кости, выясняя, кому из них платить за кофе с пирожными. После третьего круга та, что набрала больше очков, выбыла из игры. Дело принимало серьезный оборот. Долетали фразы:

— Три и три. Шесть.

— У меня девять!

— Какие девять? У тебя две четверки!

— Девочки, не ссорьтесь.

Игра закончилась. Неудачница, расплатившись, направилась к выходу следом за подружками. Эми догнала ее у дверей.

— Можно вас на минуточку?

Девушка обернулась, вопросительно глядя на незнакомку. Эми протянула ей монетку.

— Позвоните, пожалуйста. Номер я вам продиктую.

— И что я должна сказать?

— Ничего. Просто послушаете, кто подойдет.

Девушка понимающе кивнула, не сомневаясь в том, что тут замешана другая женщина. Она взяла монетку, под диктовку набрала номер. Телефон не отвечал.

Эми облегченно вздохнула:

— Спасибо.

Окинув Эми беглым взглядом, девушка не сумела скрыть своего восторга:

— По-моему, вы можете не волноваться.

— Да?

— Если он, конечно, не слепой.

Девушка вышла из кафе, довольная собственной проныцательностью.

Эми сделала шаг к своему столику, но затем вернулась к телефону-автомату и быстро набрала тот же номер. В трубке тотчас раздался детский голос, как будто на том конце провода ее звонка ждали.

— Алло? Я слушаю! — в голосе Эльжбеты звучал сильный акцент. — Алло? Это ты?

Рука с зажатой трубкой бессильно упала. Эми словно одеревенела.

— Эми? — долетало из трубки. — Почему ты молчишь? Я знаю, что это ты. Эми?..

Серый "ситроен" попал в пробку. Ей удалось прижаться к обочине. Выйдя из машины, она увидела пестрое шествие — летний парад лесбиянок и гомосексуалистов.

Эми протиснулась вперед. В глаза бросился самодельный плакатик: "Кто не любит президента Республики?".

Манифестанты скандировали популярные лозунги, требуя мест в парламенте. Солидный господин с выщипанными бровями громко настаивал на "голубом портфеле" в новом кабинете.

Шли в обнимку два прелестных юных существа предположительно мужского пола.

Девушка в костюме амазонки посылала толпе воздушные поцелуи.

Толстяк с торжественно серьезным лицом приветственно снимал парик, обнаруживая под ним голый череп.

На противоположном тротуаре в толпу зевак затесалась влюбленная пара. Девушка, очень похожая на Эми, с поправкой на пятнадцать лет, была одета так, как одевались в середине семидесятых провинциальные французские барышни, попадая в столицу.

Эми не отрываясь смотрела на счастливую парочку. Все остальное потеряло смысл. Она начала пробираться сквозь ряды манифестантов. Кто-то попытался ее обнять, она отстранилась. И вдруг занервничала, потеряв девушку из виду. Влюбленные успели исчезнуть.

— Эмили! — закричала она. — Эмили!

Она бросилась в одну сторону, в другую, она заглядывала в лица молоденьким девушкам. Все эти ряженые глупцы больше ее не занимали. Сейчас она не испытывала к ним ничего, кроме ненависти. Расталкивая толпу зевак, она устремилась к телефону-автомату. Кабинка была занята. Эми достала из кошелька монетку, постучала по

стеклу. Из кабинки вышел мужчина, хотел сказать что-то резкое, но раздумал.

Эми набрала номер. Она уже плохо владела собой.

— Макс?

— Ты еще в ванной? — раздался в трубке насмешливый голос.

— Послушай, — перебила она его, — я сейчас видела Эмили с Кшисем. Они стояли...

— Кого ты видела? — вежливо переспросил Макс.

— Эмили. Позвони его матери! Сделай то, что ты уже сделал однажды! Ты меня слышишь? Позвони прямо сейчас!

— Ты меня что, за идиота держишь? Никому не собираюсь звонить.

— Сделай это для меня! Я тебя прошу! Я тебя умоляю! — не помня себя, она молотила кулаком по автомату, как будто то была грудь Макса. — Сделай это, и я исчезну из Парижа. Насовсем!

— Куда, интересно знать?

— Неважно. К Эльжбете в Вуа. Захватчу с собой Эмили и вместе туда махнем на...

— По-моему, тебе надо срочно махнуть в тихую палату. Успокоишься, подлечишь нервишки...

Эми взвилась:

— Издеваешься? Ладно, я сама позвоню, но ты еще об этом пожалеешь. В пять часов, Макс, ты не забыл? В пять!

Она повесила трубку и тут же стала набирать другой номер. Какая-то старушка деликатно постучала по стеклу. Эми на нее так окрысилась, что старушка поспешила убраться подобра-поздорову.

Эми бродила как во сне по магазину "Мир детей". Взяла куклу, положила. Завела музыкальную подушечку, послушала мелодию.

К ней подошла миловидная продавщица.

— Мадам? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Да... я еще не решила.

— Сколько лет вашей дочери?

Эми вспыхнула:

— Десять. То есть почти одиннадцать.

— Она играет в куклы?

— Она играет во взрослую.

— Тогда подарите ей Барби. — Продавщица сняла с полки хлорвиниловую красотку в облегающем серебристом платье. — Кроме вечернего туалета у нее есть деловой костюм, комплект спортивной одежды и вот такая веселая пижама. Это уже не просто кукла, это старшая

сестра, которой хочется подражать во всем. Ну как, нравится?

Эми кивнула.

— Возьмете?

— Да, спасибо. И еще... где у вас "Тамрах" для ее возраста?

— Вторая секция.

— И, пожалуй, три комплекта трусиков.

— Если не возражаете, мадам, я вам подберу разного цвета, а вы можете идти оплачивать.

Эми положила коробку в тележку и отправилась в другую секцию. На глаза ей попался блестящий игрушечный пистолет, очень похожий на ее браунинг. Она повертела его в руках, пощелкала курком — громкие сухие щелчки сопровождалась яркими вспышками. Усмехнувшись, Эми бросила пистолет в тележку.

В католическом костеле заканчивалась вечерняя служба. Обычно прихожан здесь было немного, все друг друга знали и после службы задерживались, чтобы обменяться новостями. Во время проповеди мать шикала на трехлетнего малыша, который ерзал и хныкал, порываясь встать с колен:

— А что я сделал? Не буду я стоять на коленях, не буду...

Перед самой кафедрой сидела на скамье средних лет дама с некрасивым, но породистым и несколько надменным лицом. Слова проповеди не доходили до ее сознания. Едва служба закончилась, как она подошла к ксендзу.

— Мне надо с вами поговорить, святой отец.

Ксендз кивнул, давая понять, что готов выслушать ее. Они отошли к боковому притвору. Полагая, что предстоящий разговор может уронить ее достоинство, дама заговорила подчеркнуто сухо:

— Мой сын второй месяц встречается с падшей женщиной. Она, разумеется, скрывает от него правду. Кшиштоф — мальчик восторженный и самолюбивый. Если я попытаюсь открыть ему глаза, он может только ожесточиться.

Ксендз слушал, склонив немного набок голову с поросшей пухом тонзурой. Он никак не показывал, что испытывает неприязнь к этой холодной женщине, умеющей незаметно подчеркнуть свое превосходство.

— Вы имеете на него влияние, и я подумала... — дама предпочла, чтобы ксендз сам сделал за нее вывод.

— Она может измениться, если он решит соединить с ней свою судьбу, — осторожно заметил ксендз. — Церковь учит нас быть терпимыми к человеческим порокам.

— Она лжет ему! Лжет с первого дня!

— Возможно, обстоятельства вынудили ее заняться этим ремеслом. А ему она пока не открылась, потому что до конца не уверена в его готовности понять и простить. Возможно также, что...

— Так вы с ним не поговорите? — нетерпеливо спросила дама.

— Я эту девушку знаю?

— Ее зовут мадемуазель Радович, — сказала дама с неподражаемой интонацией.

— Эмили? — удивился ксендз.

Дама подтвердила брезгливым кивком.

— Он сам вам это сказал?

— Мне об этом сказала... ваша прихожанка.

— Я поговорю с ней, — помолчав, предложил ксендз. — Я думаю, она ему все расскажет.

Подобное решение даму явно не устраивало, но если что-то и выдало ее недовольство, то только взгляд. Она молча поцеловала руку ксендзу и покинула костел с таким видом, будто этого разговора не было и в помине..

В арабском квартале Эми пробыла недолго. Ей даже не пришлось выходить из машины. В окне второго этажа, над кондитерской, колыхнулась занавеска, и через две минуты из дома вышел мальчишка-посыльный с тортом, перевязанным нарядной лентой. Эми опустила стекло, взяла торт, вложила в детскую ладонь толстую пачку, которая тут же исчезла в рукаве. Большого от нее не требовалось.

В пять она была в назначенном месте. Она посигналила и вышла из машины. Когда Макс подошел к окну, Эми уже стояла возле урны. Убедившись, что он все видит, она развязала ленточку, вытащила из коробки большой целлофановый пакет, надорвала и стала высыпать в урну белый порошок.

Макс скребнул стекло ногтями, как будто хотел его содрать. И вдруг отшатнулся: в лоб ему смотрело черное дуло. Он сразу узнал свой браунинг. Эми целилась, зажав пистолет для верности двумя руками. Даже когда на конце ствола с громким треском замигала красная лампочка, до Макса не сразу дошло, что это розыгрыш. Как, впрочем, и до уличных зевак, ставших невольными свидетелями странной сцены.

Эми не стала испытывать судьбу. Она швырнула в урну детский пистолет и умчалась на своем "ситроене".

Она ходила по "блошиному рынку", перебирая всякое

тряпье. Видя перед собой богатого покупателя, все предлагали ей товар получше, но она молча шла мимо. Заинтересовало ее заношенное ситцевое платье с аляповатыми узорами и криво нашитыми, какими-то сиротскими кружавчиками. Она приложила к себе платье. Женщина затаила дыхание.

— Сколько? — спросила Эми.

— Двадцать франков, — сказала торговка с такой непреклонной твердостью, словно на карту было поставлено ее доброе имя.

— А босоножки моего размера у вас найдутся? — Эми поставила ногу на прилавок.

Женщина взглянула на модный ботинок из настоящей шевровой кожи, стоивший, вероятно, целое состояние, и, порывшись в коробке с обувью, с сомнением извлекла на свет стоптанные сандалии с двойными пряжками. Эми мерить их не стала, а просто бросила в пакет вместе с платьем, положила перед торговкой пять франков и пошла к выходу.

В машине она переоделась и ярко накрасила губы. Теперь можно было ехать в Булонский лес.

Она выбрала скамейку в людном месте, закатала платье повыше и, намазав ноги кремом, начала их брить. Ее, пожалуй, можно было принять за деревенскую дурочку. Прохожие оборачивались, кто-то сочувственно покачал головой. Мужчины подолгу задерживали взгляд на голых бедрах. Один даже вернулся и, сев на противоположную скамейку, развернул газету.

Эми расставила ноги так, чтобы ему было лучше видно. Она погладила себя по бедру, томно закатив глаза. Мужчина отложил газету, подошел, сел рядом.

— Тебя как зовут? — спросил он.

Эми изобразила что-то на пальцах.

— Так ты глухонемая? — обрадовался мужчина, незаметно оглядываясь по сторонам.

Эми уже легла на спину и тихо постанывала.

— Не здесь, дурочка, не здесь.

Он рывком сдернул ее со скамейки и показал на дубовую рожицу неподалеку. Эми, согласно промычав, перекинула сумочку через плечо и танцующей походкой двинулась под сень деревьев. Она могла не проверять — мужчина шел следом.

Углубившись в лес, она обернулась с кокетливой улыбкой и побежала. Здесь ей был знаком каждый куст, и при желании она смогла бы уйти от своего преследователя. Она подпустила его совсем близко, так близко, что видела его щербатые передние зубы и розовый шрам на щеке, а затем снова оторвалась метров на десять. Возле густых зарослей орешника он ее настиг.

— В кошки-мышки вздумала со мной поиграть?

Он пошел на нее, тяжело дыша, вдруг увидел наставленный на него пистолет и замер.

— Запыхался, — сказала Эми сочувственно. — Пупок не развяжется?

Он молча таращился на нее, как на привидение.

— Потрахаться не расхотелось? Снимай штаны. Ну! — она взвела курок.

Мужчина расстегнул "молнию", и брюки легли у щиколоток.

— Дальше! Я сказала: "дальше"!

Он спустил до колен белые плавки и остановился в нерешительности.

— Дрочи! — приказала она.

Он с ненавистью смотрел на нее. Его маленькие, заплавленные глазки сузились до щелок. Она поводила дулом у него перед носом:

— Ты меня, козел, зенками своими не буравь. Я жду. Или ты забыл, как это делается?

Он подчинился приказу, и в этот момент она выстрелила. Она разрядила в него всю обойму, спрятала браунинг в сумочку и, обойдя неподвижное тело, нырнула в просвет между разросшимися кустами.

"Ситроен" проехал под знак "въезд запрещен". Улицы вдруг обезлюдели, в домах не светилося ни одно окно, но она кожей чувствовала, что на машину устремлены десятки пар глаз. Еще один вымерший квартал. Эми притормозила возле телефона-автомата. Долго сидела в нерешительности. Наконец вышла, сняла трубку — глухая тишина. Кажется, она этого ждала. Она подошла к витрине магазина готового платья, стала разглядывать фасоны, давно вышедшие из моды.

"Ситроен" кружил по узким улочкам. Начал накрапывать мелкий дождь. Эми припарковала машину. Дождь усиливался, вода пузырилась в теплых лужах. Эми взбежала по каменным ступенькам и позвонила условным сигналом — один длинный звонок, два коротких. Щелкнул замок, дверь открылась. Откуда-то снизу брызнула музыка.

Спустившись в подвальное помещение, Эми очутилась в полутемном зальчике с пятью-шестью столиками, за которыми сидели одни мужчины. На эстраде, плавающей в розовой дымке, шло эротическое шоу.

— Ты куда, чудо из пруда? — Перед ней вдруг вырос метрдотель и начал теснить ее к выходу, стараясь к ней не прикасаться. — У нас набор давно закончился. Я что, непонятно выражаюсь?

— Полегче, приятель, — осадил его Эми. — Макс будет недоволен, если я его не дожусь.

— Ты меня на арапа не бери, — проворчал метр и проводил ее к угловому столику.

Эми взглянула на эстраду. Там разыгрывались сценки на любой вкус — вдвоем, втроем, лежа, стоя. Но ее заинтересовала лишь одна: юная вакханка будила поцелуями спящую мулатку.

Официант принес меню, но оно ей не понадобилось.

— Виски для меня и "перно" для Эмили.

— Для Эмили? — переспросил официант.

— Пусть ей передадут, что я ее жду.

— Да, мадам.

Эми нервничала. На эстраде девушка с выразительным бюстом поджигала наклеенные на соски спичечные голочки. Эми отвернулась и заказала еще виски.

Из-за портьеры вышла юная вакханка. Она успела переодеться. На ней было нарядное, вышедшее из моды платье с приколотой у корсажа искусственной розочкой. Эмили подошла к столику и остановилась.

— Садись, — пригласила ее Эми.

— Ну, села, дальше что?

— Дальше мы выпьем. Гарсон, еще рюмку "перно"! Твое любимое.

— Я пить не буду.

— Не бойся, уже можно.

— Сказала "не буду", значит, не буду!

— Что, свидание?

Эмили взорвалась:

— Слушай, ты чего сюда приперлась? Нищенка! Денег надо? Так и скажи! Сколько? Сто? Двести?

— А ты отлично выглядишь. Правда. Настоящий деревенский цвет лица.

Эмили посмотрела на нее волчком.

— Это не намек, ты действительно классно выглядишь, можно позавидовать.

— Что тебе от меня нужно?

— Мне от тебя? — удивилась Эми.

— У тебя своя жизнь, у меня своя.

— Вот как? Это уже интересно.

— Я знаю, чего ты хочешь! Ты хочешь, чтобы я превратилась в тебя! Что, не так, что ли?

Эми неторопливо закурила:

— Зачем мне хотеть то, что произойдет само собой?

Эта с виду невинная фраза произвела ошеломляющий эффект: Эмили смахнула со стола полную рюмку, и та разлетелась вдребезги. На них оборачивались, но Эмили словно обезумела:

— Я никогда не стану такой, как ты! Слышишь? Никог-

да! Если твоя жизнь не удалась, то за мою ты можешь быть спокойна! У меня все тип-топ, понятно? И я счастлива, вот так! — она истерически захохотала. — А ты даже не знаешь, что это такое. Так что у нас может быть общего?

— Браслет, например, — сдержанно заметила Эми.

— Какой еще браслет?

Эми положила ее руку рядом со своей — у обеих запястья охватывали совершенно одинаковые серебряные браслеты с чернью.

— Сказать, кто тебе его подарил? И за какие услуги? Не надо? — Эми повернулась к официанту. — Еще одно виски для меня и "перно" для юной вакханки.

— Я не...

Эми перебила ее:

— Поцелуй с привкусом мяты — по-моему, самое то. Так, кажется, выражаются твои сверстники? Кстати, где ты с ним встречаешься? Я тебя подвезу.

— На себе, что ли? — Эмили огрызалась скорее по инерции.

Официант принес выпивку.

— Спасибо, Эжен, — кивнула ему Эми.

— По именам всех помнишь, — с усмешкой сказала Эмили, когда тот отошел.

Эми сделала вид, что не расслышала:

— Давай за то, чтобы у тебя с ним и дальше было все тип-топ.

Эмили глядела на нее в упор, пытаясь понять, нет ли в ее словах подвоха.

— Он хороший мальчик, — продолжала Эми. — Из приличной семьи.

— Только бы он не узнал, где я работаю, — вырвалось у Эмили.

— Не узнает. Разумеется, не узнает.

— Я отсюда скоро уйду! Вот увидишь, я уже все обдумала!

— Ну и отлично, — обрадовалась Эми. — За это и выпьем.

Они чокнулись и выпили до дна. К их столику подошел метр и, наклонившись к Эми, зашептал:

— Макс просил передать, что он будет с минуты на минуту.

Эми заторопилась. Она бросила на стол несколько булажек и, подтолкнув Эмили, на ходу бросила:

— Мы подождем его в машине.

— Но...

— Там и на твою долю, — успокоила она метра, чуть не бегом устремляясь через весь зал.

— Что за паника? И при чем тут Макс? — пристала к ней на лестнице Эмили.

- Потом!
- Ты учти, мне через полчаса надо быть в...
- Серый "ситроен" видишь? Живей, ну!
- Это что, *твой*?

Эми не стала тратить время на объяснения. Через несколько секунд машина рванула с места.

Они сворачивали то направо, то налево так резко, что скрипели тормоза. Эми все поглядывала в зеркало заднего обзора, желая убедиться, что за ними нет погони. Кажется, обошлось.

— Рю де Вожирар? — полуутвердительно спросила она.

— Откуда ты... — насторожилась было Эмили, но тут же рассмеялась. — Никак, знаешь, не привыкну. Что, насыпала соли Максу под хвост?

— Если бы соли, — Эми хмыкнула.

— Я бы эту скотину живьем сварила. Ничего, он у меня попляшет!

— Считай, уже поплясал.

— Слушай, это, что ли, твоя тачка?

— А ты решила, что я ее угнала?

— Нет, почему. — Эмили повернула голову и увидела на заднем сиденье кожаный костюм. — Ух ты, класс!

— Можешь надеть на свидание.

— Правда? — Эмили хотела броситься ей на шею, но Эми вовремя отстранилась.

— Правда, правда.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Не дожидаясь, пока Эми передумает, Эмили весьма проворно, несмотря на неудобства, разделась, оставшись в одних трусиках, и так же быстро натянула штаны и куртку.

— Ну как?

— Потрясно.

"Ситроен" мягко шуршал шинами по мокрому асфальту. Мимо пронеслась кавалькада мотоциклистов — лихие наездники без шлемов, без одежды, без комплексов. От современной цивилизации им не надо было ничего, кроме ревущих моторов, заставлявших приятно вибрировать их обнаженные тела. Они раскрывали перед будущим свою душу так же просто и доверчиво, как колени.

— С мамочкой уже познакомилась? — помолчав, спросила Эми.

— Видела один раз. "Вам отец присылает деньги? А сами вы сколько зарабатываете?" Как в налоговом управлении. В общем, наврала ей с три короба.

— Поверила?

— Куда она денется. Я закурю? — Эмили вставила сигаретку в мундштук из слоновой кости, прикурила от зажигалки, переложила сигаретку в левую руку и только тогда затянулась.

— Почитываем романы из светской жизни? — усмехнулась Эми, проследив за всеми ее манипуляциями.

— Мы не опаздываем? Кшись терпеть не может, когда опаздывают.

— А еще чего он терпеть не может?

— Еще? — Эмили задумалась.

— Ладно, поговорим о том, что он любит. Итак, он любит...

Эмили охотно включилась в игру:

— Накрахмаленные сорочки и красивые запонки, артистические кафе, голландский табак, стройные ножки... — она быстро загибала пальцы.

— Ну, с этим у нас, кажется, все в порядке, — вставила Эми.

— Еще он любит Энгра, Магритта, Сибелиуса, Виана и суггестивную поэзию.

— У тебя отличная память.

— А еще он любит.. — она запнулась.

— Да?

— Когда я разрешаю ему целовать вот здесь, — она смущенно показала.

— И часто ты ему разрешала? — Эми, закурив, привычно переложила сигарету в левую руку.

— Один раз. Ты только не смейся, ладно? Понимаешь, с другими — это... ну, как к врачу: зашла, вышла. А тут... я боюсь. Не *этого*, того, что будет *после*. А вдруг ничего? Энгр будет, голландский табак будет, а меня не будет. Что, глупости говорю?

Эми с опозданием нажала на тормоз, едва не проехав на красный свет. Когда она заговорила, голос ее прозвучал глуше обычного:

— Да, я помню. Нежность и страх. Потом уже не так. Потом все по отдельности. Как обед в ресторане: аперитив, холодные закуски, горячие закуски. Да, он любил целовать меня в это место. Губы у него были совсем сухие. Или у меня губы пересыхали. "Ты меня не пригласишь?" — "Не сегодня, Кшись. Так будет лучше". Старая, как мир, песенка: "так будет лучше". Чем лучше? Кому лучше? А он даже и не спорил! Я таких больше не встречала. Как же я не хотела, чтобы он уходил! Ну попроси воды... ну скажи, что тебе надо на минутку зайти...

— Точно, — подхватила Эмили, — я иногда так ясно вижу, как он проходит мимо меня в спальню, как я тихо

закрываю дверь, и мы оба неподвижно стоим. Он — там, я — здесь.

— И я вся таю...

— И я вся таю, — эхом откликнулась Эмили. — А на самом деле он уже спускается вниз по лестнице и что-то говорит консьержке, а она громко переспрашивает.

— Она всегда переспрашивала, — покивала Эми. — Считала наверно — авось ей за глухоту что-нибудь перепадет.

— Я потом полночи заснуть не могу. У тебя тоже так было?

Эми кивнула.

— Какой-то кошмар. Может, он девственник?

— Кто?

— Кшись.

— Ты *меня* спрашиваешь?

— А кого мне спрашивать? — удивилась Эмили.

— Тебе это важно?

Эмили пожала плечами.

— Слушай, а быстрее нельзя?

— Можно и быстрее.

“Ситроен” ловко обходил одну машину за другой.

— Давно он у тебя? — спросила Эмили.

— Не переживай, тебе все останется.

Они ехали по набережной Сены. По реке тащилась драга, вся в огнях иллюминации, точно какой-нибудь прогулочный пароходик. Они были почти у цели, и вдруг их охватило волнение, волнение и странное беспокойство, как будто это свидание должно было решить судьбу обеих.

Кшиштоф расхаживал перед кинотеатром, брэнча мелочью в карманах. Эмили он увидел, уже когда их разделяли несколько шагов. Она протянула руки и радостно выдохнула “Кшись!”, прозвучавшее как “вот она я!”. Он даже не вытащил рук из карманов.

— Кшись?

— Из-под кого ты на этот раз вылезла? — произнес он заготовленную фразу.

Она по инерции продолжала улыбаться.

— На билеты в кино нам, надеюсь, хватит? Впрочем, у тебя, наверно, мало времени. Ты же еще подрабатываешь стриптершей. Шлюха! Подстилка! — Запас изящных выпадов иссяк, и вместе с ним куда-то улетучилась светскость юного денди. — Недотрогу из себя разыгрывала! Мразь!

Выходившие из кинотеатра зрители поворачивали головы. Какая-то толстуха пялилась на них, отправляя пригоршнями в рот кукурузные хлопья из пакета.

Эми наблюдала эту сцену из машины. Когда с губ Кшися слетало очередное хлесткое словцо, она вздрагивала.

— Тебя бы надо было... — он вытащил руку из кармана, потом резко развернулся и пошел прочь.

Тут произошло неожиданное. Он не прошел и двадцати шагов, как мимо него, по самой луже, промчался серый "ситроен", обрызгав его с ног до головы. Он в бешенстве озирался по сторонам, но, как ни странно, не видел "ситроена", который, проехав чуть дальше, затормозил. Эми подала машинку назад и, поравнявшись с Эмили, высунулась в окно:

— Садись.

Эмили с удивлением посмотрела на нее, словно не узнавая.

— Ну? Так и будешь стоять посреди улицы?

— Я должна ему объяснить.

— Что ты собираешься объяснять? Что все это неправда?

Но Эмили уже бежала к Кшисю. Слова до Эми не долетали, зато видно было как на ладони: Кшись молча слушал, отчищая пятно на рукаве, потом перевел взгляд на голую грудь Эмили в вырезе куртки и вдруг, взяв за кольцо железного замочка, рванул "молнию" до самого низа. Эми зажмурилась и начала тихо постанывать, словно от зубной боли.

Через какое-то время открылась передняя дверца и с силой захлопнулась. Эми запустила двигатель и, глядя прямо перед собой, медленно поехала вперед. Когда они выбрались на автостраду, стрелка спидометра установилась на отметке 65 миль в час. Город остался позади. Эмили вопросов не задавала.

Через час она произнесла:

— Есть хочу.

Эми кивнула. Увидев рекламный щит, обещавший вкусный ужин и теплую постель, она свернула с автострады. Гостиница называлась "Embarcadero".

— С понтом под зонтом, — хихикнула Эмили, глядя на скромный домишко.

— Ну и жаргончик, — Эми покачала головой.

Эмили дернула за шнур колокольчика. Им сразу открыли. Можно было подумать, что этот подтянутый старик не один год простоял под дверью в ожидании редко-го гостя.

— Как удачно! — воскликнул он вместо приветствия. — Я как раз собирался поужинать. Надеюсь, очаровательные дамы составят старику компанию?

— Дамы смертельно устали, — ответила Эми. — Если бы вы могли принести нам в номер чего-нибудь поесть и выпить...

— Да-да, разумеется. Омлет, ветчина, оладыи с кленовым сиропом. Выбор небогатый, зато "шабли" тридцать девятого года, еще из отцовских запасов. Он, знаете, любил...

— Вот и чудно. А сейчас мы, с вашего позволения, хотели бы немного отдохнуть.

— Извините. Ваш номер на втором этаже, сразу за лестницей. Ключ в дверях.

Их встретила светлая комнатка с идеально застеленными кроватями и садовыми ромашками в стакане. Эмили развалилась на кровати. Эми достала из пластиковой сумки махровый халат, тапочки, разные мелочи.

— Симпатичный старикан, — сказала она.

— Старикан, между прочим, красится, — отозвалась Эмили, не открывая глаз.

— И пьет кровь из своих жертв, — продолжила Эми, направляясь в ванную. Дверь она лишь прикрыла. — Полотенце твое какое? — крикнула она оттуда. — Голубое или розовое?

— Голубое.

— Не слышу!

— Голубое!

Через пятнадцать минут Эмили жадно глотала омлет с ветчиной, захватывая куски прямо со сковородки. Эми ограничилась вином и жареным хлебцем. Старичок, подав ужин, тихо сел в углу.

— Да, — Эми презрительно хмыкнула, — с годами у него спеси поубавилось.

— У кого? — спросила Эмили с набитым ртом.

— У Кшися твоего. Я тебе не рассказывала? Три года назад, в августе, у меня с ним случилась маленькая интрижка. Да ты ешь, ешь. Я жила в шикарном отеле на французской Ривьере. Раз в году я себе позволяю отпустить вожжи. И вот загораю я в солярии, слышу — на пляж кого-то не пускают. Смотрю, какой-то репортеришка тычет в нос привратнику свои "корочки", а у того один ответ: "не положено". Где, думаю, я слышала этот голос? Да это ж Кшись! Стоит. Скромненький полотняный костюмчик и шарфик, небрежно так, внакидку. "Кшись! — кричу ему. — Я здесь!" Его, естественно, пропускают. Завязываю на себе две полосочки, выхожу. Выясняется. Работает на радио, в польской редакции, сюда приехал кадрить какого-то актера. Чего-то он там про него писал. Ну, про это он через минуту забыл. Оживился: чего я, да как я, да надо бы где-нибудь посидеть. Отчего же, говорю, не посидеть, здесь, говорю, есть очень приличный ресто-

ранчик. Давай, говорит, лучше в кофейне. Как в старые добрые времена. Ладно. В кофейне так в кофейне. Посидели, выпили. Начал он стакан в руках вертеть. Зря, говорит, тогда я тебя так. Как? Ну, шлюха и все такое прочее. Насчет прочего, говорю, не знаю, а что касается шлюхи, то все правильно, можешь не извиняться. А он: не будем уточнять, чья профессия древнее. В общем, выкрутился. Куда, спрашиваю, сейчас? Вижу, мнется. И комнатку он снял не ахти, и хозяйка под боком. Пришлось пригласить в свои апартаменты.

Эми надолго замолчала, смакуя старое вино.

— Ну? — не выдержала Эмили.

Эми состроила брезгливую гримасу:

— На троечку с минусом. Было бы о чем говорить.

— Врешь ты все! — Эмили отшвырнула вилку. — Не было у тебя с ним ничего! И встречи этой! И апартаментов! Ничего не было!

— Стоит ли тогда так переживать, — спокойно возразила Эми. — Тем более у тебя будет возможность самой убедиться. Через каких-нибудь двенадцать лет.

— Ладно, давай спать. — Эмили решительно встала, едва не опрокинув сковороду. — Я возьму твой халат?

Она быстро разделась до трусиков, надела халат и ушла в ванную.

Эми взяла бокал с вином, забралась с ногами на постель. На тумбочке лежал какой-то роман в бумажной обложке. Она раскрыла книгу на середине и начала читать.

Старичок был сконфужен. Девушка так внезапно разделась, что он не успел откланяться. Он решил ждать. В конце концов они обе уснут, и тогда...

Эмили вышла из ванной, бросила халат на кровать, надела короткую прозрачную рубашечку, для нее приготовленную, подошла к зеркалу расчесать волосы.

— Мне где ложиться? — спросила она, стоя к Эми спиной.

— А где ты любишь спать?

— У окна.

— Я, представь, тоже.

Эмили поймала в зеркале плутовавый взгляд и со всей серьезностью предупредила:

— Учти, я тебе спать не дам.

— Тебе же хуже.

Эми поставила на тумбочку недопитый бокал, спустила ноги на пол и стала раздеваться, кидая вещи куда попало. Две пары глаз пристально следили за каждым ее движением. Когда она ушла в ванную, Эмили положила массажную щетку и начала перед зеркалом гладить свое тело через тонкую ткань. Она делала это медленно и чувственно. Старик прилип к стулу. Взгляды их встретились в зер-

кале. Бедняга похолодел, но все его страхи были напрасными. Для них обеих он был не более чем предмет обстановки.

Когда Эми вернулась в комнату, постель у окна сотрясалась от рыданий. Она положила ладонь Эмили на плечо, но та резко села на кровати:

— Почему? Подонки, подонки! С первого дня! Хоть бы один нормальный. И этот такой же! Услышал звон — тут же слинял! Я бы эту сволочь, которая настучала, своими руками...

— Успокойся.

Она легла рядом, прижала Эмили к себе.

— Я их всех ненавижу, — слова продолжали долетать, но уже какие-то сдавленные, беспомощные, жалкие. — Ничего не хочу. Надоело. Думаете, со мной все можно?

Эми баюкала ее и целовала и шептала разные слова, пока та не затихла. Вскоре заснула и Эми. Старик ощупью выполз в коридор и прикрыл за собой дверь.

Эми разбудила громкая разноголосица. Гостиница ожила. Хлопали двери, играла музыка, бурно объяснялась какая-то парочка. Под самым окном зашкрипели тормоза, из машины высыпала подгулявшая компания. Потом от ветра стала хлопать штора. А потом вдруг забрезжил рассвет.

Эми осторожно высвободилась из объятий, подошла к окну, раздвинула шторы. Вдали плескалось море. Когда-то все это уже было: уходящие в залив пирсы, прогулочные корабли на рейде, эта набережная, пока пустынная, если не считать двух велорикш, поджидающих первых туристов. Ей показалось, что она снова в "Шератоне", на одиннадцатом этаже, а там, внизу, верфь, рыбацкие лодки, залив Сан-Франциско...

В дверь постучали.

— Да? — сказала она отрешенно.

В щель просунулась рыжеватая, аккуратно зачесанная голова:

— Вы просили разбудить вас пораньше.

— Да-да, спасибо.

— Свежих креветок на завтрак не желаете?

— Свежих креветок? — переспросила полусонная Эмили, не удосуживаясь натянуть на себя простыню.

Старик просиял и торжественно внес блюдо с чем-то дымящимся, бледно-розовым.

— Только что выловили! — он поставил блюдо на постель — дескать, если у кого-то есть сомнения, пусть они развеются вместе с паром.

Эмили отправила в рот жирную креветку:

— В самом деле.

— Приятного аппетита, — сказал старик и, со значением посмотрев на Эми, удалился.

— Какое море? Он что, псих?

Эми села рядом, попробовала:

— Калифорнийские. Без обмана.

— Да ну вас, ей-богу. Делаете тут из меня дурочку, — Эмили села поудобней и начала потрошить хрупкую скорлупку.

Когда они расплачивались за еду и ночлег, хозяин, смущаясь, попросил их расписаться в книге.

— Пожалуйста, не подумайте, что я такой формалист, — бормотал он. — Сюда так редко, знаете, заглядывают, а тут такие дамы... Буду потом вспоминать.

Они расписались. Проводив машину, старик заглянул в регистрационную книгу, и брови у него полезли вверх. Почерк у дам был на удивление похожий, разве что у молодой женщины буквы стояли потверже. Но главное даже не это. Обе записи были абсолютно идентичны: Эльжбета Эмилия Радович.

В машине Эмили занервничала. Она закурила и, чтобы скрыть волнение, уткнулась в дорожную карту.

— Где мы? — спросила Эми.

— Между Витри и Бар ле Дюком.

— У меня бак пустой.

Она свернула к бензоколонке. Там одновременно заправлялись две машины — разбитый "форд"-пикап и "шевроле" с издевательскими номерами URNS.

— You are an ass*, — прочла Эми вслух, открывая дверцу. — Пока этот умник заправляется, я возьму пива. Через два часа станет нечем дышать. Ты какое любишь?

— "Бейсс", — рассеянно ответила Эмили.

— И чего спрашивала, да? — засмеялась Эми и ушла в помещение.

Первым освободился владелец "шевроле". Видя, что правое боковое стекло опущено, Эмили в два прыжка оказалась рядом, открыла изнутри дверцу и юркнула на переднее сидание.

— Поехали! — выкрикнула она, наглевая от собственной смелости и все же избегая встречаться взглядом с незнакомым мужчиной.

— Куда? — поинтересовался он после короткой паузы.

— В Париж, — сказала она с замиранием сердца.

— Куда? — переспросил он. — Ты знаешь, девочка, сколько отсюда до Парижа?

---

* Чтение заглавных букв в аббревиатуре по-английски дает фразу "Ты — болван".

Девочка! Он назвал ее девочкой! Эмили не могла себя видеть и тем не менее почувствовала: она снова стала Эльжбетой... той, что пять лет назад убежала из дому.

Машина плавно тронулась с места. Мужчина повернул зеркальце так, чтобы получше разглядеть свою юную пассажирку. На вид ей было лет пятнадцать, от силы шестнадцать. Сразу видно, хуторская — тело крепкое, икры полные... впрочем, смазливенькая. Большие серые глаза, чуть оттопыренная нижняя губка. И волосы красивые, с золотым отливом. Их бы еще отпустить подлиннее...

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Эльжбета.

— Польша?

— Ага.

— Ага, — передразнил он. — Из дому сбежала?

— Нет! — в глазах ее промелькнул испуг. — Нет, что вы. Я просто так...

— Все вы просто так, — добродушно кивнул он.

Эльжбета стрельнула глазами в зеркальце. Мужчина показался ей интересным. Черная с сединой борода, крупный нос — верный признак горячего темперамента. Если бы еще не такой старый...

— Есть хочешь? — спросил староватый мужчина, которому едва стукнуло сорок.

— Ужасно.

— Вот ответ честной девушки.

Он остановил машину возле симпатичного мотеля, похожего на огромную сыроежку. Процедура регистрации заняла полминуты. "Месье и мадемуазель Легран" — черкнул в книге бородач и получил ключи.

Оказавшись в номере, он запер дверь и, положив ключ в карман, ушел в ванную. Эльжбета стояла посреди комнаты. Ее бросало то в жар, то в холод. Она в гостинице! С мужчиной! То, о чем она так страстно мечтала, должно вот-вот произойти. Она скинула босоножки и нырнула под одеяло.

Мужчина вышел из ванной в плавках. Он был приятно удивлен, застав Эльжбет в постели. Она увидела, что он мохнат, как обезьяна, и еще успела заметить, что он надорвал блестящий целлофановый пакетик и, отвернувшись, сунул его в плавки. Он стащил с нее одеяло и нахмурился:

— Это что, шутка?

— Я подумала...

— А ты не думай, — весело сказал он, помогая ей стянуть через голову платье.

Из того, что произошло потом, Эльжбета запомнила только боль и потную ладонь, заткнувшую ей рот.

— Ты лежи, — говорил он, одеваясь, — а я спущусь вниз, куплю нам что-нибудь поесть.

После его ухода она приняла душ и снова легла. Ее знобило. Она укрылась вторым одеялом и уснула, точно провалилась. Очнулась как от толчка: 4.45. Она проспала почти пять часов! Эльжбета кинулась к окну — бежевого “шевроле” на стоянке не было. Она мигом оделась, выглянула в коридор и, убедившись, что там никого нет, чуть не бегом устремилась к лестнице.

— Мадемуазель!

Она испуганно обернулась:

— Я?

— У вас в номере можно убрать? — спросила горничная.

— Да... спасибо... — залепетала она, спасаясь бегством.

Незаметно прошмыгнуть мимо портье ей не удалось.

— Мадемуазель Легран, вы уезжаете?

Она открыла рот, но так и не нашлась с ответом.

— Ваш отец сказал, что вы оплатите номер. У нас день проживания — 70 франков.

— Сколько? — у Эльжбеты округлились глаза.

— 70 франков, — повторил портье. — Вы будете расплачиваться чеком или наличными?

Эльжбета пошла пятнами.

— У меня столько нет, — пробормотала она едва слышно.

— А сколько у вас есть? — насмешливо спросил портье.

— У меня? — переспросила она, оттягивая неизбежное.

В холл спустилась горничная. Она подошла к портье и зашептала ему что-то на ухо. Тот слушал, все время держа взглядом Эльжбету, и губы его растягивались в брезгливую складку. Вдруг он схватил ее за руку повыше запястья. Она и охнуть не успела, как уже очутилась в крошечной клетушке с угловым диваном.

— Платить будешь? — жестко спросил портье, тесня ее к дивану.

— Дяденька, у меня правда... — жалобно заскулила она, но он уже сделал знак горничной, охранявшей выход.

Та оставила свой пост, вплотную приблизилась к Эльжбете и начала ее обыскивать. Зашитые в пояс деньги были обнаружены почти сразу. Зубами перекусив нитку, горничная распоролла шов, достала Эльжбетину записку и быстро пересчитала засаленные бумажки.

— Сто восемнадцать, — сказала она, передавая деньги боссу.

— Это за постой, это за испорченные простыни...

плюс налог. — Портье помусолил в пальцах несколько мелких купюр и передал их горничной, затем повернулся к Эльжбете. — Еще раз приведешь сюда клиента, сдам в полицию. А сейчас, так и быть, иди.

Эльжбета вышла из мотеля и поплелась к шоссе голосовать. Всем, кто останавливался, а таких было раз, два и обчелся, она упрямо говорила: "До Парижа". Через два часа ей сказали: "Садись".

Таких мужчин ей видеть не приходилось. Ни жара, от которой у Эльжбеты платье противно липло к телу, ни дорожная пыль, оседавшая на волосах, не могли подпортить совершенство, каким был Ноа. С иголочки одетый, тонкие, словно выщипанные брови, римский нос, гладкая кожа необыкновенно красивого матового оттенка, белокурые волнистые волосы до плеч, — он был похож на киноактера, не конкретного, а вообще.

Время от времени Ноа извлекал из коробочки ароматизированную салфетку и протирал лицо, шею, руки. Руки у него были без ссадин и мозолей, и Эльжбета это поразило не меньше, чем покрашенные ногти.

После того как он спросил ее имя и назвал свое, интерес к ней у него пропал. Чтобы не скучать, ему достаточно было переключить музыкальную программу. Поэтому Эльжбета так вздрогнула, услышав вопрос:

— Ты, может, голодная?

Ее от голода мутило, но она еще не забыла о своем недавнем приключении и поэтому спросила в лоб:

— Вы хотите снять номер в гостинице?

— Зачем? — удивился Ноа.

— Чтобы меня... чтобы со мной...

— Это не входит в мои планы, — пришел он ей на помощь. — Так ты хочешь есть?

Эльжбета мрачно кивнула. Он купил ей в закусочной бутылку пепси и сэндвичи, которые она проглотила в машине не разжевывая, как удав. После еды у нее проснулся здоровый интерес к жизни.

— Вы в Париже один живете? — спросила она без задержек.

— А что?

— Я могу стирать вам белье и вообще...

— Насчет вообще мы уже разобрались, а стирать мне нечего.

— То есть как нечего? А что же вы делаете с грязными носками, трусами...

— Выбрасываю.

Эльжбета надолго замолчала.

— Еще я вкусно запекаю свинину...

— Я не ем мясо.

Эльжбете показалось, что она ослышалась.

— Свиное? — на всякий случай уточнила она.

— Никакое, Я вегетарианец.

— А, — она с умным видом кивнула.

— Не переживай, что-нибудь придумаем.

Немного успокоенная, Эльжбета позволила себе расслабиться. Она и не заметила, как задремала под музыку. Когда она открыла глаза, было уже темно, и всюду горели огни, тысячи огней.

— Что это? — шепотом спросила она.

— Париж.

О квартире, куда они вошли, пожалуй, можно было сказать, что в нее только что въехали, но *кто* въехал — понять было невозможно. В огромной пустой квартире с исписанными до потолка стенами и весело потрескивающим костром, разожженным посередине комнаты, тусовалась публика, чувствовавшая себя здесь как дома. Сюда приходили без звонка и уходили отсюда не прощаясь. Каждый развлекался, как хотел.

Эльжбету тоже предоставили самой себе, и она тихо села в угол рядом с девушкой, которая шарилась по полу обеими руками.

— Вы что-то потеряли? — участливо спросила Эльжбета.

Девушка подняла на нее заплаканные глаза:

— Он такой гладкий... почему мне никто не говорил, что он такой гладкий?..

В коридоре Ноа с каким-то мальчиком, года на два моложе Эльжбеты, непринужденно болтали, затягиваясь от одной сигареты. К ним подошел парень, выделявшийся своими властными манерами.

— Привез? — спросил он у Ноа, не здороваясь.

Ноа передал ему пакет.

— За тобой должок, не забыл?

— Как насчет этой? — Ноа показал в дальний угол. — В твоём вкусе, Макс.

Тот, кого он назвал Максом, отвечал уклончиво:

— Надо посмотреть.

— Посмотри.

Они направились к Эльжбете, которая с готовностью поднялась им навстречу.

— Еще не раздумала забраться на Эйфелеву башню? — спросил ее Ноа.

— Ну что вы! Я...

— Смелая девочка, — перебил ее Макс, раскрывая перед ней портсигар.

— Ой, что вы, я не курю.

— Дурочка, это же и есть "тур Эф-Эль", — смеялся Ноа. — Из Франции в Лаос за десять минут.

— Если не быстрее, — усмехнулся Макс, прикуривая и передавая сигарету Эльжбете.

Она с опаской затянулась. Пока она прокашливалась, Ноа налил ей вина.

— Второй раз будет легче.

Он оказался прав. После пятой затяжки колени у Эльжбеты подогнулись, и она легла ничком на пол.

— Ну как в Лаосе? — спросил ее Макс. — Жарко?

— Да, — ответила она, с трудом ворочая распухшим языком.

— Надо раздеваться.

Вдвоем они ее раздели и снова положили на живот. Эльжбета вдруг поползла по-пластунски. Никто даже не поглядел в ее сторону.

— Кажется, она вообразила себя аллигатором, — сказал Ноа.

— Пускай поплавает в Меконге.

Они отнесли ее в ванну, заткнули пробкой слив, пустили воду. Эльжбета начала захлебываться. Они вытащили ее и посадили на табуретку. Она облизнула пересохшие губы и протонала:

— Жарко!

— Мороженое хочешь? — спросил Макс.

— Да. Да. Да.

— Сейчас дам, — успокоил он ее, расстегивая ширинку, и со смешком добавил: — Только не откуси, крокодилица.

Дальше в голове у нее все смешалось. В какой-то запущенной квартире она стояла, голая, на напольных весах. Потом она рыскала в поисках еды и, ничего не найдя, снова становилась на весы. От их показания зависело ее будущее! Она падала на кровать без сил. А в кресле напротив сидел Макс и отчеканивал каждое слово: "Эльжбета умерла, запомни. Для моих клиентов ты Эмили. Стань на весы. Ну вот, это на что-то похоже". Она подергала балконную дверь, та неожиданно подавалась. Макс улыбался, с интересом ожидая продолжения. Она взялась за перила, подтянулась и стремительно полетела вниз.

— Эмили! Да очнись же ты!

Кто-то тряс ее за плечо.

— Я кричала? — спросила она, озираясь.

— Ну и напугала же ты меня. Что-нибудь приснилось?

— Я от тебя убежала, добиралась автостопом до Парижа. И опять... этот мотель, Макс, голодные боли... Господи, как же я его ненавижу!

До Вуа езды было еще часа два. Эми не хотелось приезжать в дом с пустыми руками, и они несколько раз сворачивали с автостреды. Покупали в лавках разную ерунду, а то и вовсе уезжали ни с чем: Эмили злилась. Несмотря на духоту, стекло пришлось поднять из-за пыли. Они открыли по банке "бейсса" — пиво было теплое.

В Вуа они приехали в самую жару. 351 житель — возвещала табличка при въезде; одной цифры, не то в начале, не то в конце, не доставало. Дома, беленькие, ухоженные, теснились по берегам реки, словно у водополя; шесть или семь, отбившихся от стада, пахли на зеленых склонах. Здесь и там висели, как тряпки, трехцветные флаги. Флагов на улицах было больше, чем людей.

— Вуа, — нарушила молчание Эми. — Самый высокий процент патриотизма на душу населения.

Эмили скривилась:

— Им бы каждый день брать Бастилию. Могу себе представить, что тут будет 14 июля.

Машина взяла крутой подъем, и в просвете между деревьями показалась черепичная крыша. Дом охраняло грубо сколоченное деревянное распятие, украшенное бумажными лилиями и полосками фольги. Одно окно было зашторено, на двух других опущены решетки.

Эми посигналила. Дом молчал.

— Подождешь здесь?

Эмили равнодушно повела плечами и принялась крутить ручку приемника. Эми поднялась на крыльцо и, секунду поколебавшись, вошла в открытую дверь. В передней было довольно темно. Она не успела сделать и трех шагов, как на стене оглушительно зазвонил телефон. Справившись с первым испугом, она стала ждать, что кто-нибудь в доме откликнется на звонки, но тишина была мертвая. Наконец она не выдержала и сняла трубку.

— Алло?

— Алло?

— Ну как доехали? Совсем, наверно, жара замучила?

— Макс? — она опешила. — Как ты узнал, что я здесь? Я только что...

— Уехала, не попрощалась, — прервал ее насмешливый голос.

— Кто тебе дал этот телефон?

— Эльжбета.

— Кто?!

Мембрана загудела от хохота.

— Да, старушка, ты, кажется, совсем ку-ку. Ладно, еще поговорим. Привет там всем. Эмили, Эльжбете... У вас, я чувствую, хорошая компания подбирается! — Макс хмыкнул, а затем послышались гудки отбоя.

Эми повесила трубку, секунду постояла и направи-

лась в столовую. Свет сюда проникал сквозь решетки на окнах. Она обошла комнату, трогая знакомые вещи: грузный, широкий в бедрах буфет с выщербленной верхней филенкой, длинный стол, словно нарочно поставленный так, чтобы мешать проходу, стулья в самодельных чехлах, шкаф с гуляющей створкой, которую удерживал вчетверо сложенный листок бумаги. Эми потянула за ручку — листок выпал. Она развернула его и прочла: "Я вам всем покажу!" Сложив листок, она закрепила створку в прежнем положении. Тишина давила. Эми подставила стул к стене, чтобы запустить маятник часов. Сверилась со своими наручными — 8 вечера.

В спальне она подобрала широкую резинку, какой пользуются женщины, чтобы не сползали чулки. Что-то в этой резинке ее смущало. Она повертела ее в руках и бросила. Кровать была не застелена, постельное белье несвежее. Проходя мимо трюмо, она машинально посмотрелась в зеркало и не увидела своего отражения. Это ее не столько даже испугало, сколько озадачило.

Не заходя в кухню, где привычно капала вода из крана, она дошла до конца коридора и остановилась на пороге детской. Все здесь было чужим: тряпичные куклы, почему-то стоящие на коленях, деревянная люлька, дневник. Она попыталась прочесть в темноте несколько строк, как вдруг поймала на себе взгляд двух немигающих глаз и отшатнулась. Сообразив, что это, наверное, кошка, она закричала ей:

— Пошла! А ну, пошла отсюда!

Та не пошевелилась, и Эми стало еще больше не по себе. Она бросила дневник, повернулась и быстро пошла обратно, чувствуя спиной этот холодный взгляд. Эмили курила в машине, отбивая музыкальные такты ладонью.

— Ну что? — спросила она.

— Выгружаемся, — только и сказала Эми.

С сумками в обеих руках Эмили первая поднялась по ступенькам, и тут ей навстречу метнулось какое-то существо и вцепилось в нее мертвой хваткой.

— Душенька моя приехала! Моя самая-самая!

— Пусти, Эльжбета, ты меня задушишь.

— Не пущу, не пущу, не пущу...

— Вот бешеная, — засмеялась Эмили и с трудом разжала пухлые руки.

Они вошли в дом. На Эми девочка даже не взглянула.

— А где отец? — спросила Эми.

Девочка махнула рукой в сторону чулана. Трудно сказать, чего в этом жесте было больше, брезгливости или безразличия. Эльжбета сразу потащила свою гостью в детскую. Эми заглянула в чулан. Когда ее глаза привыкли к темноте, она разглядела большой сундук с навален-

ной на него грудой тряпья. На полу стояла миска с объедками, рядом валялся кусок хлеба. Пахло псиной. Эми показалось, что груда тряпья зашевелилась.

В столовой она подняла решетки на окнах, и все стало еще непригляднее: давно не крашенный пол, вылинявшие занавески. Эми хотела выложить подарки, но стол, как и все вокруг, покрывал слой пыли. Она разыскала таз, переоделась в легкий халатик. Мыть полы она начала с коридора, где было лучше слышно, что происходит в детской.

— Надевай, — торопила старшую Эльжбета. — Я его сразу спрятала, когда ты уехала. Видишь? Как новенькое!

Немного смущаясь, Эмили сняла парижское платье и надела свое девичье, трехлетней давности. Оно было ей слишком свободно, но восторженная Эльжбета этого не замечала.

— А можно я твое примерю? — попросила она.

— Конечно, можно.

Толстая Эльжбета втянула живот, задержала дыхание и кое-как влезла в платье.

— Гляди, гляди! — торжествовала она. — Как раз! Оно мне идет, правда?

— Правда. Ты его поноси, если хочешь.

— Можно, да? — застигнув Эмили врасплох, она повисла у нее на шее, как бульдожка.

Потом она принесла свою шкатулку с драгоценностями. Здесь были две перламутровые пуговички и непарная сережка с фионитом, заколки для волос и даже камешек с едва узнаваемым женским профилем. Они сидели на кровати, раскладывая это богатство, когда Эльжбета вдруг спросила:

— А она надолго приехала?

Эмили пожала плечами.

— И чего притащилась, никто ее не звал. Начнет тут командовать. А давай... — с горящими глазами девочка быстро зашептала ей на ухо.

— Фу, — Эмили легонько оттолкнула ее от себя и как-то гадко засмеялась.

— А у тебя в Париже дом? — спросила Эльжбета.

— Ага, дворец.

— Хоть одним глазком поглядеть. А делаешь ты что?

— Танцую.

— Голая?

Эмили внимательно на нее посмотрела, но не увидела в глазах девочки ничего, кроме жгучего интереса.

— А ты как думаешь?

— Голая! — выпалила та в порыве восторга.

— Ты бы хотела так танцевать?

Девочка разгладила лоскутное одеяло и в свою очередь спросила:

— А с кем ты будешь спать? Со мной или с ней?

— Хм. Об этом я как-то не подумала.

— Значит, со мной, — сказала Эльжбета, как отрезала. — Чай будешь? — И, не дожидаясь ответа, потащила за собой подружку.

На кухне Эми оттирала песком закопченные кастрюли. Стол, покрытый чистой скатертью, был сервирован для легкого ужина. Заварной чайник томился под ватным клосбучком.

— Что я тебе говорила! — возмутилась девочка, обращаясь к Эмили. Потом, как взрослая уперев руки в бока, встала у Эми за спиной и с вызовом бросила: — Сами как-нибудь отскребем. Тоже мне, чистюля!

— Все готово, — миролюбиво сказала Эми, ставя кастрюлю в раковину. — Садимся?

— Я жутко голодная, — призналась Эмили, на ходу отправляя в рот ломтик сыра.

— Ты садись здесь, я здесь, а она сядет там, — командовала девочка, говоря об Эми в третьем лице.

— А отец?

— Потом, — отмахнулась она. Подождав, когда все расселись по своим местам, она сложила перед собой ладони, вполголоса прочла молитву по-польски и сразу набросилась на пирожные.

За ужином Эмили избегала встречаться глазами с Эми. Молчание, тягостное для взрослых, девочку ничуть не смущало. В одиночку прикончив коробку птифуров, она достала из холодильника открытую банку, разогрела на сковородке три сосиски с какой-то затирухой и вывалила все в миску.

— Вот, — она упорно не называла Эми по имени, — можешь ему отнести.

Эми взяла миску и вышла из кухни. В коридоре она принялась к сосискам. Удивившись странному запаху, она отщипнула кусочек и сразу выплюнула. Это были кошачьи палочки.

— Отец? — сказала она в темноту чулана.

Из-под тряпья высунулась лохматая, еще не седая голова на бычьей шее. Затем послышалась возня, и вдруг зажегся неяркий свет. Старик втянул носом воздух, словно не доверяя собственным глазам.

— А, это ты.

Он свесил ноги в толстых шерстяных носках, из-под задравшейся штанины выглядывали кальсоны с начесом. Кофта домашней вязки была застегнута на все пуговицы. Старик поежился и спросил:

— Где одеяло?

— Принести? — на всякий случай уточнила Эми.

Старик шумно завозился, переживая, вероятно, глубоко въевшуюся обиду.

— Принести!.. — заворчал он себе под нос. — Каждый день прошу. Одеяло ей жалко!

Эми решила покончить с недоразумением:

— Отец, вы меня не узнаете? Это я, Эми.

— Назовись хоть римским папой, лучше от этого не станешь. Ты мне зубы-то не заговаривай, поестъ при-несла?

Эми неуверенно протянула ему миску. Старик съел пару ложек затирухи, взял пальцами сосиску и целиком зачихал в рот. Эми отвернулась.

— Хлебушка не дашь? — попросил он.

Она подняла с пола кусок хлеба и, стараясь не смотреть, положила ему на колени. Старик шумно ел, старательно выскребая все из миски. Про Эми он, казалось, забыл. Но вот, глянув на нее исподлобья и убедившись, что она смотрит в другую сторону, он с неожиданной проворностью достал из-за сундука фляжку и приложился к ней, а затем так же быстро сунул ее обратно. Вытерев рот рукавом, он вздохнул:

— Нос от меня воротишь. Небось, когда мать была жива, не видно тебя было и не слышно. Расхрабрилась.

— Я пойду, отец?

— Миску возьми. И вторую. Эх, Эльжбета, Эльжбета...

Эми вышла в коридор и прислонилась к стене. Голова кружилась.

— Дрянь, ах, какая же ты дрянь, — повторила она несколько раз.

Из кухни долетали взрывы смеха. Она поставила на пол грязные миски и повернула в сторону прихожей.

Услышав, как во дворе хлопнула дверца машины, Эльжбета бросилась к окну.

— Уезжает! — она захлопала в ладоши. — Уезжает... уезжает... — пела она на разные лады.

Умили тоже подошла к окну. "Ситроен" скрылся из виду.

Девочка словно с цепи сорвалась. Она с гиканьем промчалась по дому и с разбегу повалилась на родительскую кровать, где были разложены разные свертки в красивой упаковке. Она разорвала один и повертела в руках мужскую кофту; она была ей до пят. В другом свертке обнаружила шоколадные конфеты и тут же засунула в рот целую пригоршню. Потом заметила замшевую сумочку и все из нее вытряхнула. Вот то, о чем она мечтала! Косметичка! Она схватила черный карандаш, румяна, тени для век и, повернувшись к зеркалу, принялась энергичными мазками превращать себя в роковую женщину.

— Давай я тебя научу, — предложила Эмили и потянулась к карандашу.

— Я сама! — завопила девочка.

На ее крики выполз из чулана старик, прошаркал в спальню и близоруко уставился на размалеванную Эльжбету. Та не только не смутилась, но, наоборот, страшно обрадовалась. Игра принимала новый оборот.

— Маркиз? — воскликнула она с притворным изумлением. — Вы ли это? Как вы посмели явиться к даме в таком виде?

Виляя бедрами, Эльжбета приблизилась к отцу. Она рассчитывала двумя пальцами, с этакой светской небрежностью, стащить с него засаленную верхнюю кофту. Старик перехватил руку и оттолкнул Эльжбету с такой силой, что она отлетела в угол. Дама озверела. Она юлой завертелась вокруг отца, норовя ущипнуть побольнее. Его неповоротливость развеселила Эмили. Подкравшись незаметно, она дернула за конец ремешка, которым отец был опоясан. Старик охнул и едва успел подхватить штаны. Это их еще сильнее раззадорило. Нападая с разных сторон, они сдергивали с него то одну вещь, то другую, словно перья ошипывали, и не успокоились, пока не открыли его наготы. И тогда он позорно бежал в свой чулан, на ходу подтягивая кальсоны, а торжествующая Эльжбета помчалась следом и заперла его на ключ.

Теперь им никто не мешал. Они влезли на стол в большой комнате и стали на нем отплясывать. Вдруг Эльжбета что-то вспомнила, осторожно сползла на пол и с криком "Я сейчас!" кинулась в детскую. Оттуда она примчалась с шарманкой. Она начала крутить ручку — заиграл польский гимн в ритме паваны. Тотчас включившись в игру, Эмили медленно поплыла из конца в конец длинного стола. Девочка быстрее закрутила ручку, и павана сменилась веселой полькой. А завершилось бешеным канканом.

Потом они в изнеможении лежали в спальне, дымя в свое удовольствие. Вообще-то удовольствие получала одна Эмили, а Эльжбета давилась табачным дымом и выкачивала глаза.

— Эх, винца бы еще... — вздохнула Эмили.

— Так я принесу! — тут же откликнулась Эльжбета, неизвестно чему больше обрадовавшись, — возможности услужить или избавиться от этой ужасной сигареты. Бутыл домашнего вина была у нее припрятана в надежном месте, чтобы старик не разнюхал. В кухне ей пришла в голову мысль достать из буфета старинные бокалы, считавшиеся неприкосновенными. В следующую секунду Эмили услышала взрыв и звон стекла.

— У маман был бы обморок, — с сигаретным дымом выдохнула она.

В дверях появилась Эльжбета, в одной руке держа бокалы, а другой прижимая к сердцу двухлитровую бутылку.

— Теперь тут все мое. Что хочу, то и делаю.

— Мое, верно, — согласилась Эмили. — За это и выпьем!

Они выпили за это и за многое другое, так что девочка совсем захмелела. Печенье было разбросано по всей постели, на подушке появилось ярко-красное пятно. Эльжбета лежала и думала, что, вероятно, так или примерно так проводят время падшие женщины. От этой мысли голова у нее совсем пошла кругом.

— Что он там бормочет? — спросила Эмили.

— Кто? — не поняла девочка.

— Да этот, — Эмили неопределенно махнула рукой.

— Хо-о-о-лодно ему! — протянула девочка с издевкой. — А мне было не холодно, когда он запирал меня в чулан босую!

— Вот именно.

— Я там трясусь, как цуцик, а ему хоть бы хны...

— "Пусть, говорит, поплачет, авось поумнеет", — встала Эмили, еще не забывшая отцовской присказки, которой он пресекал любую попытку матери вступить за дочь.

— Ага. — Эльжбета перевернулась на живот. — Может, сам поумнеет на старости лет. Гляди, какой блокнотик!

Эмили взяла у нее из рук маленькую книжечку в сафьяновом переплете, выпавшую из сумочки. Имена, номера.

— Телефоны ее хахалей, — она подмигнула девочке с таким видом, будто ни к ней самой, ни к Эльжете все это не имело отношения.

— Позвоним? — та мгновенно оживилась и побежала в прихожую за аппаратом. Шнур был достаточно длинный, чтобы протянуть его до спальни.

Роли они поделили: девочка наугад набирала номер, Эмили вела разговор.

— Рикардо? Что значит "кто"? Когда я делала от тебя аборт, ты помнил мое имя лучше собственного. А ты напрягись. Нет. Тоже мимо. Слушай, ты что, турецкий паша? Ишь, чего захотел! — Она тихо шепнула девочке: "Телефон просит". И снова в трубку: — Вообще ты свинья. Свалить в такую минуту! Ладно, проехали. Я ж говорю: проехали. Увидеться? Даже не знаю. Нет, не могу. После-завтра тоже. В субботу? Ну, хорошо. В семь. В каком? Да, удобно. Ну, все. Чао.

Эльжбета слушала затаив дыхание.

— Что такое “аборт”? — спросила она.

— Когда избавляются от детей.

— Это как мать тогда от меня избавилась, сплавив на месяц к сестре?

— Вроде того.

К абортам у Эльжбеты сразу пропал всякий интерес. Гораздо больше ее волновало другое.

— Ты пойдешь, да?

— Куда?

— На свидание? В субботу?

Эмили захохотала:

— Ох, какая же ты дурочка! До той субботы еще жить и жить. Может, три года. Может, десять. Ладно. Набирай следующий.

Однажды ее голос узнали. “Эми? — сказал мужчина на том конце провода. — Эми, ты?” Растерявшись, Эмили быстро повесила трубку. Когда эта игра им надоела, они придумали новую под названием “Эми”. Например: “Эми чистит кастрюлю”. Девочка зажимала в руке железную мочалку и осторожненько, чтобы, не дай бог, не повредить воображаемый маникюр, поглаживала почерневший бок алюминиевой кастрюли. Или: “Эми моет полы”. Комом намотав на швабру мокрую тряпку, девочка расписывала пол замысловатыми узорами.

Когда Эми вернулась домой, ее встретила загадочная тишина. По всему коридору были раскиданы жилеты и кофты. Из кухни несло паленым. В спальне были плотно задернуты шторы, и в темноте она не разглядела двух спящих — сон свалил их вдруг, посреди великого разгрома. Когда она остановилась на пороге столовой, где с люстры свисала половая тряпка, ей померещились странные звуки. Она приблизилась к чулану — звуки доносились оттуда.

— Отец? — она подергала дверь. — Отец?

Из чулана слышалось бормотание:

— Холодно... холодно...

Она повернула торчавший в скважине ключ. Отец сидел, кутаясь в старое женское пальто.

— Холодно...

Она собрала валявшуюся в коридоре одежду и, сложив ее перед отцом, отвернулась. Он заплакал и начал медленно одеваться, не сразу попадая в рукава.

— Такие уродились, — забормотал он себе под нос. — Дед, отец. И я такой. И ты. Все Радовичи. И детей у тебя поэтому нет. Чтобы не плодить уродов. Думаешь, не знаю, что у тебя с детства на уме? Не знал, не бил бы. Из меня не выбили, думал, хоть из тебя выбью. Что закрываешься? Блудить не стыдно, так и синяков не стыдись. Моя рука, поди, легче была. Домой притащилась. Крепко

тебя, видно, потрепало. Ну, чего ты? Я ж говорю, кровь дурная.

Эми ткнулась ему в колени. Она что-то говорила и говорила, но старик ничего не понимал и вдруг не столько даже расслышал, сколько догадался. "Что же мне делать?" — повторяла она.

Старик впервые улыбнулся:

— Каяться — это по материнской линии, тут я тебе не советчик.

В родительской спальне был полутемный альков с большим распятием. Эми приложила к нему губами и беззвучно начала молитву, как вдруг ее крепко взяли сзади за плечи, и насмешливый мужской голос произнес:

— Из набожных девочек выходят преотличные блудницы. Кто еще умеет отдаваться с таким истовым, почти мистическим восторгом? Кто еще так закатывает глаза? И трясется, точно в трансе? И выкрикивает "о Боже" так, будто это они, а не Даная, открывают свое лоно Создателю?

Две здоровые мужские пятерни облапили ее грудь, и тут же правая скользнула вниз, к животу, и еще ниже, грубо, по-хозяйски ощупывая каждую складку. Эми застонала. Она даже не пыталась сопротивляться.

— Но сначала инициация. Посвящение в таинство блуда. К посвящению надо быть готовой. Ты готова?

Он провел толстым пальцем у нее между ног.

— Да, вполне.

Она вскрикнула от боли. Если бы ее не держали за бедра, она бы упала.

— Ну вот, это был вход Господень в Иерусалим. Впереди у нас с тобой Страстная неделя. Ты узнаешь, что такое терзания плоти. Что такое холодный пот. И после этого ты воскреснешь для новой жизни. И уже не сможешь иначе. Ты захочешь еще. И еще. И еще.

С каждым словом он все сильнее вонзался в нее, а она только коротко выдыхала, как человек, которого бьют под вздох. Распятие наплывало на нее из темноты и отдалялось, наплывало и отдалялось. И хотя голова у нее шла кругом, она почему-то не могла себя заставить закрыть глаза.

Внезапно железные тиски разжались, и она поняла, что падает на пол. Она потеряла ощущение времени. Нутро горело, и все же лежать было приятно. Стоило, однако, пошевелиться, как начинала ныть каждая клеточка. В конце концов она заставила себя подняться.

Когда она, пошатываясь, вышла из алькова и увидела огромный зал, населенный восковыми, гипсовыми и

бронзовыми фигурами, то поняла, что находится в мастерской Яна Раша. Поняла она также и другое: что-то изменилось в ней самой. Она опять была Эмили.

Ее ждала неожиданность. Опутанный по рукам и ногам бельевыми веревками, сидел в кресле голый по пояс Ян, высоченный рыжий валлиец, и беззвучно сносил удары плетью, которой его хлестала темнокожая раскосая девушка. Эмили медленно приблизилась. Девушка передала ей плеть. Она размахнулась и изо всей силы наотмашь ударила рыжебородого. Он намертво сжал челюсти, чтобы не застонать. На плече вздулся кровавый рубец. Эмили остервенела и начала хлестать его со всей ненавистью, на которую была способна.

— Это тебе за отца! За мать! За крокодилицу! За мороженое! За набожных девочек! За все, за все, за...

Она захрипела. Локтем сдавив ей горло, Табита оттащивала ее от Раша. Она изловчилась и вонзила зубы в теплую мякоть. Табита с криком отдернула руку, как дикая кошка прыгнула Эмили на спину и стала душить ее уже по-настоящему.

— Пускай бьет, — усмехнулся Раш.

Табита отпустила ее, она снова взмахнула плетью и вдруг поймала его взгляд, оценивающий, бесовский. Плеть зависла в воздухе.

— А теперь пойдем мыться, — сказал Раш, вставая. Ветки, словно по волшебству, упали к его ногам. Он подхватил ее на руки и легко понес куда-то, на ходу бросив: — Табита, принеси нам полотенца.

Последний раз ее мыла мать в десять лет, эти грубые деревенские руки вызывали у нее гадливость. Касания его волосатых грубых рук, приученных разминать глину и стискивать женские бедра, доставляли ей наслаждение. Она виновато погладила его багровый рубец на плече. Раш кивнул, мол, с кем не бывает.

В мастерской он уложил ее под плед и заставил выпить залпом рюмку коньяку. Пришла Табита с перебинтованной рукой и с невозмутимым видом уселась прямо напротив них.

— Выпьем, девочки, мировую, — Раш налил Табите и заставил их чокнуться. — Что бы нам послушать? — он смотрел на Эмили, как бы перекладывая ее на музыку, и остановился на сцене бала из "Ромео и Джульетты".

Эмили блаженно закрыла глаза. Через минуту она спала.

Когда она проснулась, Раш сидел напротив нее в кресле. В напольной вазе стояли гладиолусы всех мыслимых оттенков фиолетового.

— Я, кажется, заснула, — сказала она смущенно и вдруг увидела цветы. — Ой, какая роскошь! А где Табита?

— Готовит праздничный ужин.

— Сегодня разве праздник? — удивилась она.

— Страдания великомученика Яна Раша.

Она виновато улыбнулась:

— Очень больно, да?

Раш пожал плечами.

— Проголодалась?

— Ужасно.

— Табита! — громко позвал он. — У тебя готово?

— Сейчас! — донеслось из кухни.

Он успел переодеться. Ковбойка, джинсы, сапоги с пряжками... не хватало шестизарядного кольта за голенищем.

— Для великомученика ты неплохо выглядишь, — сказала она.

— Ты тоже.

Табита внесла поднос с чем-то дымящимся в глиняных горшочках.

— Это надо есть палочками, — оживился Раш. — И дышать, как сеттер, загнавший зайца.

— Почему как сеттер?

— Сейчас поймешь.

Неуклюже, с третьей попытки подцепив скользкий гриб, Эмили отправила его в рот и замычала от удовольствия. Она проглотила два или три сладковатых куска мяса, почти не разжевывая, вдруг высунула язык и задышала часто-часто, по-собачьи.

— Что это? — испуганно спросила она, не закрывая рта.

— Горючая смесь по-китайски. Коронное блюдо Табиты. Возьми ложку, не мучайся.

Но с этой минуты Эмили только заливала водой пожар в горле. А те двое ели словно вперегонки, и деревянные палочки мелькали, как вязальные спицы.

В одиночку усидев почти весь коньяк, Раш вдруг посмотрел на Эмили каким-то новым, неизвестным ей взглядом и коротко сказал:

— Разденься.

Это была скорее просьба, нежели приказ, но не выполнить ее казалось невозможным. Эмили покосилась на Табиту и, чуть замешкавшись, сбросила халат.

— Повернись чуть-чуть боком. Вот так. А теперь представь, что ты натягиваешь чулок.

Чувство неловкости уступило место острому возбуждению. Она увидела себя его глазами. Так не разглядывал ее еще никто. "Сейчас набросится", — подумала она с замиранием сердца. И ошиблась. Раш гнул в руках сталь-

ную проволоку и меньше всего был озабочен подобными мыслями.

— В чем дело? — недовольно спросил он, заметив, что она разгибается.

— Голова кружится, — пожаловалась Эмили.

— Чулок, — только и сказал он.

Сделав играючи проволочную фигурку, он тут же ее распрямил и начал сплести заново по памяти, с закрытыми глазами.

— Сеанс окончен, — сказал он. — Чулок можешь бросить на пол.

Табита принесла ей платье. Глядя, как она одевается, Раш спросил:

— Почему не сразу пришла? Потеряла мой адрес?

— Нет.

— Цеплялась за своего мальчика.

— Он не мальчик, — огрызнулась она.

— Ну да, без пяти минут жених. И что же, получила отставку?

Эмили вспыхнула, но смолчала.

— Ох уж эти мне католички. Дай вам волю, вы после первого поцелуя будете считать себя состоящими в священном браке.

— Ты, что ли, не католик? — она невольно оглянулась на альков с деревянным распятием.

— Я? — он вдруг захохотал, хлопая себя по мощным ляжкам. — А что, Табита? Ян Раш, потомок царя Соломона, потерявший счет блядам и принцессам крови, рыжий Пан с дудкой промеж ног, замаливающий свои грехи в соборе святого Петра! Хо-хо-хо! Если за каждую соблазненную прикладываться, сколько же мне дней поклоны бить? И что, интересно, раньше разобьется, мой лоб или их мраморный пол?

— Я пошла, — вклинилась Эмили между двумя громовыми раскатами.

— Да? — удивился он так, как если бы его туфли самостоятельно заковыляли к выходу. — На ночь глядя?

— Мне, правда, надо идти.

— Куда, если не секрет?

— Секрет.

— Но подвезти я тебя по крайней мере могу?

Эмили колебалась.

— Ну, хорошо. Только...

— Только что?

— Нет, ничего.

Не доезжая примерно двух кварталов, она попросила его остановиться, на секунду к нему прижалась, а затем

выскочила из машины и скрылась за углом. Раш медленно поехал следом. Она сильно торопилась и лишь дважды позволила себе бегло оглянуться, последний раз — перед тем, как позвонить в какую-то дверь.

Возле дома стояло много машин, и Рашу пришлось поискать местечко для своего "бьюика". Дом был как дом, ничего примечательного. Раш позвонил. Гробовое молчание. Он позвонил настойчивее. Тот же результат. Он уже собирался обрушить на дверь свой кулачище, когда сзади послышалось:

— Месье не умеет считать до трех?

Он повернулся, готовый спустить со ступенек наглеца, но незнакомец был само радушие.

— Все очень просто. — Мужчина позвонил условным сигналом, один длинный звонок, два коротких, и дверь сама открылась. — Вынужденная мера предосторожности, — улыбнулся он и протянул руку. — Макс.

— Ян, — сказал Раш, пожимая руку.

— Дант хочет спуститься в первый круг ада... Вы позволите мне быть вашим Вергилием?

Раш пристальнее взглянул на Макса, но по его лицу ничего нельзя было прочесть.

— Начало многообещающее, — засмеялся Раш.

— Тогда за мной, — Макс, не оборачиваясь, стал спускаться в полутьму подвала.

Эротическое шоу предвещал парад-алле: каждая из участниц должна была продемонстрировать нечто неожиданное. Наиболее интересные номера встречались аплодисментами. Завсегдатаи, разумеется, болели за "своих".

— Ну как? — спросил Макс, сидевший спиной к эстраде. — Замечательные есть особи, не правда ли?

— Вы говорите о них так, словно разводите аллигаторов.

— Причем все включены в меню, — ему в тон добавил Макс, отпивая из рюмки.

— И можно ознакомиться с прейскурантом? — Раш охотно включился в игру.

Макс протянул ему сложенный пополам листок глянцевого бумаги. Раш открыл его — против перечисленных в столбик женских и мужских имен была проставлена цена. Иных "блюд" в меню не значилось.

— Кстати, рекомендую обратить внимание, — Макс не глядя показал большим пальцем на эстраду, где в эту минуту появилась Эмили.

Раш не донес до рта рюмку. Пройдя до середины авансцены, девушка сняла лифчик и бросила его зрителям, толпившимся у помоста. Какой-то юнец в бархатном костюме поймал его на лету и широким жестом достал из кармана крупную купюру. Девушка взяла ее, по-

вернулась к юнцу попкой и, зажав бумажку между ягодиц, сделала несколько сокращательных движений: бумажка затрепетала, как крылья бабочки. Зал загудел.

— Придумают же! — усмехнулся Макс. — А хороша, да?

Раш молча выпил. Эмили скрылась в кулисе.

— И ведь не скажешь по ней, что натерпелась. Отец животное, мать фанатичка. В шестнадцать лет сбежала из дому. До Парижа добиралась на попутных, расплачиваясь натурой. Как она при этом умудрилась сохранить невинность, ума не приложу. Парадокс?

Раш достал чековую книжку. Макс отвернулся к эстраде.

— Здесь семь номиналов, так что до следующей субботы она свободна. — Раш положил перед собеседником чек. — Приятно было познакомиться, — сказал он, вставая из-за стола.

— Один плюс семь, итого восемь, — сочувственно произнес Макс, пряча бумажку в карман. — Девятый круг последний.

— А это за выпивку, — Раш бросил на стол купюру. — Кстати. Без каблука вам было бы лучше. Хромота красит настоящего мужчину.

Выйдя на улицу, Эмили увидела Раша и сразу все поняла. Готовая к тому, что сейчас услышит, она пошла ему навстречу. Раш как ни в чем не бывало обнял ее за плечи и повел к машине.

Она утонула в мягком кожаном кресле, ремень пристегнул ее автоматически. Она с любопытством разглядывала все вокруг.

— Красивая, — сказала она о молодой женщине, чья фотография лежала под стеклом. — Твоя мать?

Он сделал вид, что не слышал вопроса:

— Хорошо работаешь. Легко, свободно. С годами это уходит. Больше знаешь, меньше можешь. Эта твоя "бабочка"... — он выпятил губу от восхищения.

— Куда мы едем? — в ее голосе чувствовалась напряженность.

— Надо подумать. Можем заглянуть к одному продюсеру.

— Киношнику, что ли?

— Ну да, киношнику. Интересный тип. Был у меня как-то в мастерской, приглашал к себе.

— Далеко это?

— Да нет, не очень. — Он бросил взгляд на часы. — Время, конечно, неудачное. Вряд ли он сейчас дома.

— А что он делает ночью?

Раш уже нажимал на кнопки радиотелефона, и вопрос повис в воздухе. Голос в трубке деловито произнес: "Алло?"

— Привет, Майкл, это Раш. На каком я свете? Пока на этом, но собираюсь на тот. Угадал, в твои края, — засмеялся он, и тут же лицо у него вытянулось. — Да что ты? И когда вернешься? Нет, не возражаю. Нет, не один. Спрашиваешь! — он весело подмигнул Эмили. — А как твоим девочкам? Да, эта знает себе цену. А Грета? С кем, с этим кобелем? Ты же говорил "через мой труп"! Прямо шекспировские страсти. А как наша старушка Вивьен поживает? Оценилась?..

Он закатил глаза и, прикрыв ладонью трубку, пояснил для Эмили:

— Не дом, а какой-то собачий Голливуд. Ну, ты увидишь.

И вдруг протестующе закричал в трубку:

— Э-э, нет, мы так не договаривались! Нет уж, дудки! Где я с ней буду охотиться? В Люксембургском саду? Короче, мы тебя еще застанем? Точное время я сообщу. Да. О'кей, Майк. Ну все, до встречи.

— Нас ждут, — сказал он, кладя трубку.

— Не поздното? — она посмотрела на часы.

— К нему никогда не поздно.

Они подъехали к роскошному магазину. До закрытия оставались считанные минуты, но Рашу здесь обрадовались так, словно ради него все готовы были задержаться на работе до утра. Он предложил Эмили походить по залам, а сам уединился с мадам Риволи, владелицей магазина.

— Будем делать из Золушки принцессу? — она улыбнулась ему как старому приятелю или даже больше, чем приятелю.

Он покачал головой:

— Я хочу, чтобы ты отнеслась к этому серьезно.

— Ко всем твоим увлечениям я отношусь серьезно. Итак, я тебя слушаю.

— Полный гардероб на семь дней.

— Ого.

— Сан-Франциско. Потом Лос-Анджелес. Темы я, кажется, придумал.

Мадам Риволи вызвала трех девушек и раскрыла блокнот, приготовившись записывать.

— Я, правда, не уверен, что у вас есть все необходимое.

— Месье? — поза мадам Риволи выражала терпеливое ожидание.

— Хорошо, начнем. Мы сходим по трапу, на ней ситцевое платье в русском стиле, руки обнажены, и легкие туфельки... лапоточки. — Забыв о цели своего прихода, он фантазировал дальше. — Мы с ней садимся в машину, и тут Майк мне выдает: "Ну ты и задница! Нет бы раньше предупредить!" А я ему: "Можно подумать, ты отменил бы съемки, старый хрыч!" А он мне: "Из-за тебя, сукин ты сын, конечно, нет, а вот из-за прекрасной незнакомки..." "Прекрасную незнакомку, — отвечаю, — зовут Эмили. Признаться, от имени я не в восторге... в отличие от всего остального". Тут Майк тихо хрюкает. Мы уже в районе Кастро, в квартале "голубых". Эмили прилипла к стеклу, и Майк своим козлиным тенором поет: "Сан-Франциско всем очень нравится. Здесь бабы — атлеты, мужчины — красавицы..."

— Значит, остановимся на платье в русском стиле, — мадам Риволи выразительно посмотрела на продавщицу, стоявшую с разинутым ртом.

— Да, мадам, — пролепетала та.

Риволи сделала пометку в своем блокноте и подняла на Раша вопросительный взгляд.

— На океанском побережье я вижу ее в прозрачном совершенно свободном шифоновом платье в крупных ярких цветах. Белая шляпа с лентой. Плетеные сандалии.

Мадам Риволи глазамиправила вторую девушку. Эмили, с которой сразу сняли все мерки, ничего ей не объясняя, с озадаченным видом бродила по пустым залам.

— Теперь Алькоатраз.

— Для тюрьмы отдельный туалет?

— Монашеское одеяние, — уточнил Раш. — Она проходит мимо камер и для каждого заключенного находит слова утешения. "Птичнику" Страуду рассказывает о канарейках, отвлекает Аль Капоне от мрачных мыслей о сифилисе...

— Ее примут за сумасшедшую.

— Главное, чтобы она была безукоризненно одета.

Третья девушка исчезла. Мадам Риволи покачала головой:

— Зачем тебе это нужно?

— Это нужно ей.

— Ты решил стал филантропом?

— Я решил стать истинным католиком, — Раш молитвенно сложил ладони и закатил глаза к потолку.

Их тет-а-тет нарушила первая девушка, державшая платье в русском стиле. Раш одобрительно кивнул.

— Гвоздь программы — мужской клуб. Мы приходим, одетые как два близнеца: брюки в полоску, блейзер, белый пижамный жилет, черные лакированные туфли. Я заставил ее на помадить волосы и собственноручно наклеил

ей светлые усики. Все продумано до последней детали. И тем не менее швейцар, что-то унюхав, готов преградить ей путь. "А это мистер Ян Раш-младший", — опережаю я его, и мы небрежно проходим. После изысканного обеда папаша Раш приглашает своего любимого сына на танец...

— Можете не продолжать, — мадам Риволи обворожительно улыбнулась. — Два клубных костюма, — сказала она девушке и перевернула страничку блокнота.

— Так, Голливуд. Я думаю, одного дня нам хватит. Утром везу ребенка в Диснейленд. Тут все ясно: матроска, соломенная шляпка с васильками, босоножки, гольфы. Она будет замечательно смотреться с воздушным шариком.

— А на вечер?

— О, вечер! Вечер она запомнит на всю жизнь. Беверли Хиллз. Запахи олеандра. Артур Миллер играет в вист с Джессикой Тэнди. Дастин Хоффман достает изо рта целлулоидные шарики. "Хотите полетать?" — спрашивает он ее. Она даже пугается: "У вас есть самолет?" "Тяжелый бомбардировщик, — говорит он совершенно серьезно. — Б-52". И протягивает ей крепчайший коктейль. Даже в этом обществе она звезда. Или, если хотите, царица звезд. Леопардовый костюм в обlipочку — вот что нам надо!

На губах Раша играла торжествующая улыбка. Девушки-продавщицы, забыв обо всем на свете, ловили каждое его слово.

— А на седьмой день? — тихо спросила мадам, уже догадываясь об ответе.

— А на седьмой день я отвезу ее домой. Одеть ее для нашего последнего дня всего труднее. Ты мне поможешь, Тина?

— Да, Ян.

Выражаясь языком старых романов, неделя пролетела как один день. В аэропорту Орли их встречала Табита. Ей навстречу шла уверенная в себе женщина в стильном костюме — черный камзол с белыми кружевными манжетами и белым жабо, черная кожаная мини-юбка, высокие лайковые сапоги с отворотами. Табита с трудом узнала Эмили. Раша она тоже не узнавала. Одет он был как обычно, но ожидаемой кислой мины она не увидела. Он тоже был неприлично счастлив.

В машине Эмили с улыбкой рассказывала, обращаясь только к нему:

— Ты как раз вышел, и официант передает мне визитную карточку. Какой-то князь или герцог, черт его знает.

На обороте мелкими буквами: "Я сижу возле колонны. Посмотри и сама сделай выбор".

— Это тот педрила во фраке?

— Ну да!

— А я удивлялся: неужели, думаю, никто не клюнул?

Табита ударила по тормозам:

— Я так понимаю, девушку надо отвезти домой. Где ты живешь?

Эмили с недоумением повернулась к Рашу, но тот отвел глаза.

— Вокзал Монпарнас. Там я покажу.

С этой минуты они ехали молча. Раш заговорил, когда они подъезжали:

— Яцек, тебе ведь не надо ничего объяснять? Ты взрослый мальчик, сам все понимаешь, правда?

Табита, выругавшись, остановила машину перед белым "кадиллаком", нагло поставленным поперек дороги. Эмили открыла дверцу.

— Чао, папочка.

— Подожди! — Он ждал чего угодно, только не этой оговорчивости. — Я все же постараюсь тебе объяснить...

— Я все поняла, Ян. Ты бросаешь женщин, как твоя мать бросила тебя. Разве не так? Знаешь, еще неизвестно, что хуже, с ними или без них. И не вздумай меня утешать. Ты ее утешай, — она кивнула на Табиту, — а у меня все в порядке. — Она вышла из машины, оставив дверцу открытой. Раш впился взглядом в фотографию под стеклом, словно пытаясь прочесть по лицу матери, не она ли выдала его тайну. Через несколько шагов Эмили обернулась и помахала рукой. — У меня все замечательно!

Так же легко, как эти слова, дался ей подъем на четвертый этаж. Она взлетела наверх и, только когда дверь за ней захлопнулась, позволила себе перевести дух. Она вдруг почувствовала слабость в ногах и едва доплелась до кровати. Из-за опущенных штор в комнате было темно.

— С возвращением, — раздался голос из угла.

Она вскрикнула, но тут зажегся торшер, и она увидела в кресле Макса.

— Господи, как ты меня напугал, — она обхватила себя за плечи, ее трясло.

— Между прочим, классно выглядишь. У мадам Риволи отличный вкус.

— Откуда ты знаешь про мадам Риволи?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Послушай, тебе не кажется, что мы должны отпраздновать твоё возвращение? Не знаю, как ты, а я проголодался.

Только сейчас она заметила, что на журнальном сто-

лике стоит бутылка, два бокала, какие-то закуски. Он усмехнулся:

— Где еще ты найдешь такого заботливого патрона?

— Что все это значит?

— Это значит, что Макс хочет с тобой выпить. — Он разлил вино в бокалы и подсел к ней на кровать. — За твои успехи!

Эмили залпом выпила и спросила:

— Какие еще успехи?

— Не скромничай. «Калифорния». Голливуд... совсем не плохо для начала. А как в постели? — он приблизился к ней вплотную.

Эмили отпрянула.

— Ты о чем?

— Ты меня отлично поняла, — он поправил у нее на груди жабо.

— Что, шпионил за нами! Шпионил, да? Да?

— Только давай без истерик.

— Кто тебе сказал, с кем я была? Ну?

— Раш, кто же.

— Врешь, сволочь!

Макс спокойно подошел к столику, налил себе вина, взял с тарелки сандвич.

— Ай-яй-яй, — он сокрушенно покачал головой. — Я, можно сказать, терплю убытки, отпускаю тебя на неделю развлечься, и вот благодарность.

Эмили глядела на него во все глаза.

— На неделю? Развлечься?

Макс пожал плечами.

— Его слова. Ладно, думаю, пусть девочка посмотрит на красивую жизнь. Небось не каждый день Дастин Хоффман будет для нее шарики из рта вытаскивать.

Эмили хотела что-то сказать, но губы у нее затряслись. А Макс продолжал:

— Не веришь? А ты у него спроси. Только не сейчас. Сейчас ему не до тебя.

— Дерьмо. — Эмили схватила за сигарету. — Мешок дерьма, — повторила она в сердцах. И вдруг спохватилась: — Как ты вообще сюда попал?

Макс отмахнулся:

— По-моему, тебя гораздо больше волнует, чем сейчас занят твой Раш.

— Ты меня отвезешь?

— Гм. А если я скажу "нет"?

— Ты не скажешь "нет".

— Вот как? Это почему же?

Эмили посмотрела ему в глаза:

— Потому что это входит в твои планы.

Макс подлил себе вина, но пить не стал. Повертел на указательном пальце ключи от машины. Улыбнулся:

— Чего не сделаешь для хорошенькой стриптерши!

Раш злился. На себя, на Табиту. Чтобы успокоиться, он попробовал помять в пальцах глину, но испытанное средство на этот раз не подействовало. Оставался горячий душ. Он быстро разделся и уже хотел встать под обжигающую струю, когда в дверях появилась голая Табита.

— А где наша игрушка? — Раш заставил себя улыбнуться.

Она пошла за гуттаперчевой обезьянкой. Обезьянку купили после того, как Табита прокусила ему палец своими острыми зубами. Когда она вернулась, дверь в ванную была заперта.

— О'кей, — процедила она и скрылась в темноте коридора.

Раш вышел из душа нескоро. Квартира встретила его тишиной. Он обошел все комнаты, заглянул в мастерскую — Табита исчезла. Он с облегчением вздохнул, налил в стакан бренди, и в этот момент она на него прыгнула откуда-то сверху. Он выронил стакан и перехватил ее руки у себя на горле.

— Хочешь меня? Говори! Хочешь?

— Пусти... больно.

Он напряг шею и попробовал стащить ее с загривка, но она намазала тело чем-то жирным, и пальцы его все время соскальзывали.

— По шлюхе своей затосковал? Да? Да?

— Пусти! — хрипел он.

Где-то рядом хлопнула дверца машины. На ходу что-то бросив Макс, Эмили вошла в подъезд и, не дожидаясь лифта, взбежала наверх. Она хотела позвонить, но, услышав голоса, тихо толкнула дверь — квартира никогда не запиралась. Крики доносились из мастерской.

— И много ты ему отвалил? — кричала Табита. — Сколько стоит неделю потрахаться со стриптершей?

— Сколько бы ни стоило, тебя это не касается, — огрызнулся Раш.

Эмили отшатнулась, как от пощечины, и плотно прикрыла дверь. Она вызвала лифт, но из-за слабости в ногах присела на ступеньки. До нее продолжали долетать отдельные слова, однако в их смысл она уже не вникала.

— Ну, еще бы! — взвилась Табита. Они стояли лицом к лицу и с ненавистью глядели друг на друга. — Мое дело сидеть на привязи, пока ты летаешь с очередной птичкой! А потом мазать тебе одно место, подозрительно красное после полетов!

Он хотел ее ударить, но она вовремя отскочила.

— Три года я слышала: "Это все бабочки-однодневки, а ты здесь хозяйка". Что, решил завести новую? Старичок втюрился?

— Ты...

— Старичку пора на отдых. И птичке твоей лучше ничего не знать, спокойней будет.

Раш швырнул ей одежду:

— Убирайся.

Табита не шелохнулась.

— Ну, убей меня, — улыбнулся Раш. — Задуши, отрави, распили пополам. Разве ты еще не поняла, зачем я держал тебя?

Табита медленно пошла на него. Он отступал, продолжая ее поддразнивать:

— Испепели меня взглядом, Табита. Ты сейчас похожа на страшного василиска. Видишь, я дрожу как осиновый лист!

— Ты сам напросился, — сказала она одними губами.

Через несколько минут входная дверь открылась, и из квартиры вышла Табита, одетая, как всегда, с продуманной небрежностью. Эмили вскочила. Она собиралась сказать что-то в свое оправдание, но Табита ее опередила:

— Он тебя ждет.

Эмили не успела ничего спросить — кабинка лифта уплыла вниз. Из квартиры не доносилось ни звука. Она миновала кухню, ванную, спальню, наконец взялась за перила деревянной лесенки, что вела в мастерскую. Ее охватил страх.

— Раш? — неуверенно спросила она. И еще раз, громче: — Раш?

Она одолела три ступеньки, четвертую, пятую — и вдруг увидела его. Он лежал с открытыми глазами, метрах в десяти от нее, и в первую минуту можно было подумать, что он валяет дурака: прижался к полу, как какой-нибудь гигантский ящер в ожидании добычи. Она стиснула зубы. Медленно приблизившись, она присела на корточки и закрыла ему глаза.

Ни "кадиллака", ни Макса у подъезда не было. Эмили поискала взглядом белую машину, а затем, как ей казалось, быстрым шагом пересекла улицу. На самом деле она бежала. Вскоре с ней поравнялся белый "кадиллак".

— Засвечиваться не хотелось, — пояснил Макс, когда она села рядом.

Это было все, что он сказал.

Их обеих мучили ночные кошмары. Эми, спавшая в столовой на узеньком диванчике, постанывала. Эмили

металась, точно бреду, и вдруг села на кровати с перекошенным лицом. Испуганная Эльжбета пулей вылетела из спальни. Вцепившись в Эми, она стала трясти ее, приговаривая:

— Ну, чего ты? Просыпайся! Умерла ты, что ли?

Она вспомнила, как мать однажды потеряла сознание и отец бил ее по щекам, приводя в чувство. Эльжбета закатила спящей пощечину и быстро отпрянула, чтобы не получить сдачи.

— Что случилось? — спросила Эми, мгновенно проснувшись.

— Пошли, — девочка бесцеремонно потянула ее за собой.

— Куда ты меня тащишь? — Эми вяло сопротивлялась. — Сейчас что, утро?

За окном разлилась сероватая муть. Часы так и стояли на восьми, и само время, кажется, остановилось с ними вместе. Не то светало, не то смеркалось. В спальне, где шторы не поднимались, был полумрак. Эмили сидела в прежнем положении и беззвучно шевелила губами. Она была насквозь мокрая. Эми обняла ее за плечи.

— Плохой сон, да?

Эмили зябко поежилась.

— Принеси теплой воды и полотенце, — приказала Эми девочке и присела на кровать. — Мне тоже снилась всякая жуть, вспоминать не хочется.

— Кто такой Раш? — сипло спросила Эмили.

Эми вздрогнула:

— Откуда тебе известно это имя?

— У меня во сне был с ним роман. Мы летали в Америку, встречались в Голливуде с разными знаменитостями, он меня одевал, как королеву, а потом... — она помолчала, сжимая и разжимая пальцы. — Что было потом?

— Зачем тебе?

— Потому что у меня ничего уже не будет. Ни Раша, ни Америки, ни леопардового комбинезона. Вообще ничего. Так что было потом?

— Чудеса в решете.

Вернулась Эльжбета с полотенцем через плечо и железным тазом, в котором плавала губка.

— Я сама, — сказала она, отодвигая локтем старшую, и заворковала над Эмили: — Сейчас мы снимем мокрую рубашечку, вот так, умница, и всю тебя протрем теплой водичкой, вот так, вот так, а потом разотрем полотенцем, и будет у нас девочка чистенькая, свеженькая...

— Ладно, вы тут заканчивайте и приходите в столовую. А я пока кое-что разложу. — Эми собрала разбросанные повсюду свертки и вышла из спальни.

В столовой все долго шелестели бумагой, разворачи-

вая подарки. Эмили получила флакон духов, отец — кофту грубой вязки, Эльжбета — куклу с богатым гардеробом.

— Ну и сиськи у этой Барби! — зашептала она Эмили на ухо. — С такими только бегать.

— Держи свои четки. И вот это, — Эми протянула ей "Тамрах" и три комплекта трусиков.

Девочка повертела в руках голубую коробочку.

— Чего это?

— Тампоны. Будешь их вставлять, когда начнутся месячные.

— Куда вставлять? — спросила Эльжбета.

— Туда. — Эми покосилась на отца. — Ты правда не понимаешь или прикидываешься?

Девочка мгновенно распечатала коробку, достала тампон и уже хотела осуществить первую примерку, но была вовремя остановлена.

— Потом, — засмеялась Эми. — И, пожалуйста, без самостоятельности. Там есть рисунок, на нем все показано. А с трусиками я, кажется, маху дала. Как бы они не оказались тебе малы...

На этот раз остановить Эльжбету не успели, и из-под платья успел мелькнуть ее крепко сбитый крестьянский задок.

— Вот девка бесстыжая, — пробормотал старик.

Эльжбета тут же укусила:

— Вы, папаша, в этой кофте хотите спать или будете в нее огрызки прятать?

Старик покраснел и начал торопливо расстегивать пуговицы негнушимися пальцами. А девочка уже взялась за Эми:

— Что, понавезла гостинцев и довольна! Ты бы лучше бельишка подкинула, а то он все простыни в доме обделал! И принцессу свою дари кому-нибудь другому. Выпендривается тут, какая она хорошая! — Эльжбета выкидывала из коробки кукольные наряды, потом выхватила у Эмили из рук флакон духов и шваркнула его об печь.

На несколько секунд все замерли. Эми, готовая расплакаться, прижимала к груди Барби. Она переводила взгляд с Эмили на отца, ожидая, что те примут ее сторону, но Эмили отвернулась к окну, а отец воевал с пуговицами на злосчастной кофте. Она не выдержала и бросилась вон из дому.

За гаражом, который не мешало бы давно покрасить, был разбит огород. Какая-то женщина, повязав голову косынкой, старательно полола сорняки, то и дело отмахиваясь от назойливых комаров. Эми приблизилась. Забыв про слезы, она наблюдала за тем, как жилистая, в набухших венах рука снимает с тяпки налипшие корешки. Жен-

щина разогнулась и поглядела на Эми выцветшими глазами.

— Не расстраивайся. На вот поешь, ты же любишь, — она высыпала Эми в ладонь лущеный горох.

— Мама, что вы здесь делаете?

— Видишь, как заросло. До темноты провожусь.

— Вам помочь?

— Да какая от тебя, городской, помощь! Ты, дочка, иди. Иди.

Эми пошла дальше мимо грядок. Через несколько шагов она обернулась и, убедившись, что мать в ее сторону не смотрит, выбросила пригоршню мелких горошин.

После того как Эми убежала в слезах, в доме наступило затишье. Эмили со словами "ну и скука тут у вас" ушла на кухню и села за пасьянс. Эльжбета отправилась в детскую разбираться с куклами, третий день стоявшими на коленях в темном углу. Старик на цыпочках прокрался в спальню и запер дверь на засов.

Эльжбета переносила своих тряпичных уродок на кровать, приговаривая:

— ... и чтобы я больше не повторяла! Еще раз ляжешь в постель с грязными ногами — выпорю. А это что? — она ткнула в нос другой кукле пластмассовую тарелочку. — Я, что ли, за тебя перемывать буду? Скажите спасибо, что я вас, как эту Барби, вообще не выгнала. Ладно, часок, так и быть, поиграйте, но чтобы я вас не видела-не слышала!

Внимание Эльжбеты привлекли громкие голоса. Она побросала своих кукол, подкралась к родительской спальне и прильнула к замочной скважине. Отец с соседкой занимались *этим*! Соседка с задранной юбкой лежала поверх одеяла, обхватив отца своими мощными ляжками, а он дергался, пытаясь вырваться, и материл ее последними словами. Почему-то соседке это ужасно нравилось, и она просила: "Еще! Еще!" Отец сильнее дергался и матерился, а соседка, стерва, била его сзади по печени ногой в спущенном чулке и хохотала как ненормальная. Вдруг он застыл: прижавшись к стеклу, кто-то наблюдал за ними в окно.

— Эй, ты там заснул? — игриво спросила соседка.

На этот раз отец сумел вырваться и, как был в подштанниках, подбежал к окну.

— Сгинь! — он забарабанил в стекло. — Сгинь, кому говорят!

— Стесняешься при покойнице? — засмеялась соседка, садясь и оправляя юбку.

— А ты, курва, молчи, — рыкнул на нее старик.

— Да ладно тебе! Ты лучше скажи, где моя резинка от чулка. — Она опустилась на четвереньки и стала шарить под кроватью.

— Потом, потом, — заторопил старик, довольно бесцеремонно поднимая ее и подталкивая к двери.

Соседка, брыкаясь, повизгивала:

— Убери свои грабли! Убери, ну!

Эльжбета отпрянула от замочной скважины.

Девочка молилась на коленях у себя в комнате перед самодельным распятием, которое вырезал для нее отец:

— Боженька, ты, наверно, не видел, чем они занимались? Ты, наверно, не знаешь, что Эмили танцует голая, а Эми не ходит в костел? Ведь если бы ты все видел и все-все знал, ты бы наказал их, правда? И сделал бы так, чтобы я жила в Париже? Я могу повторить без запинки все молитвы. У меня и четки настоящие, а не бусы, как у нашей соседки, которая любит притворяться, какая она верующая. А я только кушаю много, но это же не самый большой грех, правда? Если ты скажешь, я перестану печь булочки. Буду есть этот дурацкий горох, от которого, сам знаешь, что бывает. Только сделай так, чтобы они не бросили меня здесь одну! Ты ведь забрал к себе мою мать, когда я тебя попросила. Я тебя, Боженька, *очень* прошу: пусть *они* теперь перестирают все белье, пусть попробуют отскрести ножом половицы. Почему я должна возиться с этим вонючим старикашкой? Ты меня слышишь?

Эльжбета подождала небесного знамения, потом покосилась на дверь и с опаской зашептала:

— Ты хочешь, чтобы я сначала рассказала про мой стыд? Ну хорошо. Месяц назад...

Вдруг раздался испуганный крик:

— Сошелся! Сошелся!

Эльжбета вскочила и кинулась на кухню. Из своей конуры высунулся старик. Эмили смотрела на разложенные карты, словно отказываясь верить собственным глазам.

— Ты чего? — набросилась на нее Эльжбета. — Меня чуть родимчик не хватил.

— Пасьянс сошелся, — сказала она упавшим голосом. — Никуда мы отсюда не уедем.

Девочка захлопала в ладоши, что вызвало у Эмили приступ бешенства:

— Чему ты, дура, радуешься? Я на нас загадала. Она-то уедет, а про нас никто и не вспомнит. Кто мы? Ни то, ни се. Были да сплыли. У нас впереди ничего нет, ты хоть это понимаешь? Ничего! Она все у нас украла, каждый час, каждую минуту!

Эльжбета набычилась:

— Уедет она отсюда, ага.

— Уедет! — выкрикнула Эмили, чувствуя подступаю-

щие слезы. — Уедет, — повторила она, — а мы сгнем вместе с этим домом!

— Не ори, — спокойно сказала Эльжбета. — Тоже мне, психическая. Говорят тебе "не уедет" — значит не уедет. Идем.

— Куда?

— В гараж, куда!

Эмили секунду подумала.

— А что, пожалуй. — Она сделала шаг к двери и в сомнениях остановилась. — Я в машинах ничего не понимаю.

— Он понимает, — девочка мотнула головой в сторону чулана.

Они вышли в коридор и столкнулись со стариком, который смущенно втянул голову в плечи. Эльжбета фыркнула:

— Ну вот, папаша, и от вас какой-то толк. Пошли. Эх, что бы вы без меня делали!

Эми встретил пустой дом, хотя для нее он пустым не был. Она отчетливо слышала крадущиеся шаги и шепоток:

— Вернулась!

— А что я тебе говорила! Теперь все. Отпрыгалась птичка.

— Отпрыгалась?

— Видишь, как головой вертит? Это ей кажется, что она нас слышит.

— Ну да!

— Я тебе точно говорю. Она думает, что мы такие же, как она. Что мы никуда не исчезли.

— Она сумасшедшая?

— Тсс.

Эми хотела их догнать, объяснить.

— Зачем вы так? — сказала она с укоризной. — Что я вам плохого сделала?

Но они, хихикая, спрятались. Она услышала непонятный скрип. Она заглянула в столовую и увидела отца, починающего створку шкафа. Он словно помолодел и сейчас выглядел на свои шестьдесят — именно столько ему было, когда он умер. Старик вздрогнул, почувствовав на себе пристальный взгляд. Он покосился на дочь и, насупись, принялся смазывать петли. Эми осторожно прикрыла дверь, чтобы ему не мешать, а ей вслед раздалось:

— Тьфу ты, дура полоумная!

В детской Эми рассадил на полу тряпичных кукол, сама села в круг и стала читать им свой детский дневник:

— "В Париже я буду жить в "Пале Руайяль". Я буду лежать в кровати с балдахином, а за меня будут сражать-

ся **ОЧЕНЬ** много мужчин! Думаете, только вы такие? Вы даже спрятать ничего не умеете. Просто мне ваши дурацкие деньги не нужны, понятно? Если я захочу, у меня столько денег будет, сколько вам и не снилось. Сказать, откуда?.. От верблюда!"

Дойдя до этого места, Эми расхохоталась. Зазвонил телефон. Она неохотно поднялась с пола и пошла в спальню, где остался аппарат.

— Алло? — лицо ее оживилось. — Как хорошо, что ты позвонила. Что? Я позвонила? Ну да, я хотела узнать, чем ты там занимаешься. Читаешь им вслух дневник? А они? Какие молодцы. Эми? Знаешь, я только что...

Не закончив фразы, она подалась вперед, роняя трубку. Из зеркала на нее смотрела мать. Эми узнавала в ней себя, постаревшую. Она резко повернулась и вдруг оказалась в материнских объятиях. Она заплакала. Мать положила ее голову к себе на колени и запела:

Песня колыбельная,
Свечка поминальная.
Ты давно ли маешься,
Душа моя печальная?
Не горюй, душа моя,
Выйди за околицу:
Там трава шелковая
Тихо ветру молится.
Крылья ли захлопали
Над тропой завьюженной?
Или скачет во поле
Твой желанный-суженый?
Догорела дочерна
Свечка поминальная.
Синева купельная,
Бабка повивальная.

Эми закрыла глаза и так ясно все увидела: шипящий в духовке пирог, хрумкающую сеном лошадь, Раша, крыши ночного города, мигающие огни самолета...

Макс прождал ее битый час. Когда он на всякий случай набрал ее номер и услышал, что она как ни в чем ни бывало треплется по телефону, кровь у него закипела. Он помчался в Иври-сюр-Сен, живописный пригород Парижа, с твердым намерением поставить точку в этой истории, но история позаботилась о себе сама.

Геннадий Гацура

КУРОРТНАЯ МАФИЯ

Геннадий Гацура (р. 1956, Латвия) — автор увлекательных повестей и рассказов, переведенных на многие языки, член Московского профессионального комитета литераторов. Заканчивает сценарный факультет ВГИКа.

Недавно вышли в свет два его сборника: "Смерть в зеркальном лабиринте" и "Еще одно нашествие марсиан".

"Волга" мигнула красными огоньками и, выехав на обочину, остановилась.

— Похоже, дождь собирается, — выключив габаритные огни, сказал сидящий за рулем милиционер.

— Может, это и к лучшему, — задумчиво произнес мужчина в черной кожаной куртке.

— Он не остановится.

— Ты думаешь? — Пассажир повернулся и внимательно посмотрел на милиционера.

— Я вместе с ним в одном классе учился. Мы весь класс присягу заставили принять, а он ни в какую. Впятером его лупили, но на колени он так и не встал...

В салоне автомобиля резко прозвучал зуммер телефонного аппарата. Мужчина в черной куртке поднял трубку.

— Да... Хорошо.

Хлопнули дверцы машины. Двое вышли на дорогу. Обладатель черной куртки оказался почти на две головы ниже гиганта милиционера.

За растущими вдоль дороги деревьями мелькнули фары автомобиля. Милиционер поднял полосатый жезл. Мужчина вынул из кобуры пистолет и снял с предохранителя.

"Москвич" выскочил из-за поворота и, переключив ближний свет на дальний, не останавливаясь, промчался мимо.

— Давай за ним! — Мужчина бросился к машине и сам сел за руль.

Еще не успела захлопнуться дверца за милиционером, как "Волга", взревев двигателем и выбрасывая из-под колес гравий, устремилась в погоню за "Москвичом". Один поворот, другой. И вот впереди показались красные огоньки.

— Включить сирену? — спросил милиционер.

— Не стоит. Привлечем внимание аборигенов. — Мужчина до отказа выжал педаль газа.

Машины поравнялись. Милиционер высунул в окно руку с полосатым жезлом, но "Москвич" только прибавил скорость.

— Уйдет, скоро шоссе! — крикнул милиционер.

— От нас еще никто не уходил — только ногами вперед. — Зло усмехнувшись, мужчина резко крутанул руль вправо.

Раздался удар, еще удар, и "Москвич", сбив придорожный столбик, вылетел с проезжей части. Милицейская "Волга", взвизгнув тормозами, остановилась и задом подъехала к месту аварии. Габаритные огни погасли. Двое вышли из машины, оглянулись по сторонам и быстро спустились с насыпи. Вспыхнул фонарик. "Москвич" врезался в большой, в два обхвата, тополь. Дверца водителя была распахнута. Луч фонарика выхватил силуэт наполовину вывалившегося из машины водителя, его лицо было залито кровью. Человек в куртке склонился над неподвижным телом и, дотронувшись до запястья, сказал милиционеру:

— Принеси монтировку.

— Зачем?

— Быстро!

Пока тот бегал за монтировкой, мужчина через разбитое стекло достал застрявший между сиденьями дипломат.

По дороге проехала машина. Начал накрапывать дождь.

— Вот черт, носит кого-то в такую погоду. — Мужчина поднял воротник куртки и кивнул на водителя "Москвича". — Бей, по голове... Еще разок. Ишь, писака, Юлиан Семенов выискался. Не таких обламывали. Хватит, поехали...

— Шеф у себя?

Секретарша на мгновение оторвалась от журнала мод и кивнула белокурой, в мелких кудряшках, головой.

Высокий молодой человек стукнул для приличия пару

раз в дверь с табличкой "Главный редактор" и вошел в кабинет.

— Можно, Эдмундас Каземирович?

— А, пропащий. Садись, рассказывай.

— Все готово, — молодой человек вытащил из дипломата стопку отпечатанных листков и положил на стол перед редактором. — Сегодня до трех часов ночи сидел.

— Я уже хотел объявить тебя во всесоюзный розыск. Мог бы и позвонить.

— Да я не мог даже на минуту покинуть зал, чтобы не пропустить ни одного докладчика. Заседания кончались за полночь, а еще нужно было брать интервью. В общем, обе стороны нашли кой-какие общие точки. Следующее заседание двадцатого.

— Хорошо, почитаем. Меня еще за прошлый твой репортаж второй раз вызывают в горком.

— А при чем здесь вы? Я его написал. Пусть меня и вызывают.

— С тебя, Сережа, как с гуся вода. А я редактор. Ну, ладно, отбремемся и на этот раз.

— Что новенького за неделю произошло?

— Новенького? — Редактор взглянул на журналиста и отвел глаза. — Ты, кажется, дружил с Николаем Ирбе?

— Почему дружил?

— На второй день после твоего отъезда он разбился на машине.

— Насмерть?

— Да.

— Странно, — Сергей достал из кармана пачку сигарет и закурил. — Полторы недели назад Николай звонил и сказал, что раскопал сенсационный материал. Он еще пошутил, что кое-кто много бы дал, чтобы увидеть его в гробу в белых тапочках.

— Ты не спросил, о чем материал?

— Он же был страшно суеверный и считал плохой приметой говорить о неготовой статье. — Журналист затушил сигарету. — Эдмундас Каземирович, дайте мне, пожалуйста, отпуск, можно за свой счет. Я хотел бы съездить и разобраться в этом деле.

— Старое вспомнил? Опять за самостоятельность принял. Не зря тебя, наверное, из милиции выгнали.

— Никто меня из милиции не выгонял. Сами знаете.

— Ладно, ладно. Недели тебе хватит?

— Хватит.

— Я дам тебе командировку. Говорят, там достигли неплохих результатов в области курортного обслуживания. Сделаешь материал строк на триста, ну и парочку снимков. Все, иди.

Всякий раз, приезжая в этот курортный городок в отпуск или в гости к Николаю, Сергей испытывал эмоциональный подъем, сейчас же ему было не по себе от всех этих празднующихся толп отдыхающих. Возможно, где-то здесь, среди разноцветных вывесок кафе, ресторанов, гостиниц и крытых черепицей, больше похожих на игрушечные, коттеджей скрывается разгадка гибели его друга Николая Ирбе.

Журналист свернул с проспекта на одну из узеньких улиц, ведущих к морю, проехал несколько сот метров и остановился возле небольшого частного дома. За забором по двору носилась огромная лохматая собака. Она с радостным лаем бросилась к Сергею, едва он открыл калитку. Дверь дома распахнулась, и на пороге появилась худенькая женщина в строгом черном платье с белым кружевным воротничком.

— Привет, Марта.

— Здравствуй, — кивнула она. — Заходи, что стоишь? Барс, на место.

Журналист вытер ноги и вошел в дом.

— Не разувайся, я уже неделю ничего не убирала. Пройди в гостиную. Я сейчас, только чайник сниму.

Сергей вошел в комнату и первое, что увидел — большой портрет своего друга. Было какое-то жуткое несоответствие между улыбающимся лицом Николая и массивной траурной рамой, которую пересекала наискосок черная лента.

В гостиную вошла Марта.

— Ты знаешь? — взглянув на портрет, спросила она.

— Да. — Сергей протянул ей букет гвоздик.

— Спасибо. — Женщина подошла к небольшому столу под портретом и положила на него цветы.

— Как это произошло?

Она резко повернулась и спросила:

— Выпить хочешь? — Глаза ее были воспалены и обведены темными кругами.

Сергей отрицательно покачал головой. Женщина достала из кармана пачку сигарет и закурила.

— На втором километре старого шоссе, около десяти часов вечера. Врезался в дерево. В милиции сказали, что это несчастный случай. Скользкое шоссе. Не справился с управлением.

— О чем он сейчас писал?

— Ты же знаешь, он не любил рассказывать.

— А дома остались какие-нибудь его бумаги?

— Нет, он все материалы, над которыми работал, всегда возил с собой в дипломате.

— Можно я посмотрю в его столе?

Марта пожала плечами и открыла дверь в кабинет мужа.

Ящики были забиты книгами, справочниками и старыми, пожелтевшими вырезками из газет. Здесь явно не было ничего такого, что могло натолкнуть на мысль о последней работе покойного. Сергей закрыл стол и взял лежащую возле телефона записную книжку.

Безучастно наблюдавшая за его действиями Марта вдруг востепенелась, как бы очнувшись от сна.

— Он забыл ее в тот день на столе, — сказала она и несколько раз жадно затянулась сигаретой.

Журналист перелистал книжку. Номера телефонов, календарь, какие-то сокращенные записи.

— Можно я возьму ее на несколько дней?

— Бери, — пожала плечами женщина.

— Да, у него был диктофон. Ты не знаешь, где он?

— Он носил его в дипломате или кармане куртки.

— Тебе не вернули его в милиции?

— Это все, что мне передали, — женщина кивнула на журнальный столик.

Там лежала связка ключей и портмоне. Сергей открыл его. Водительские права, паспорт на машину, несколько квитанций.

— А где машина?

— В ГАИ, наверное.

Журналист подошел к Марте и взял ее за плечи.

— Не падай духом. У тебя есть дочь.

Женщина всхлипнула и отвернулась.

— Эй, есть здесь кто-нибудь живой?

Из-за двери шкафа выглянула девичья головка с двумя смешными, торчащими в разные стороны, косичками.

— Все ушли на собрание.

— Вы помните меня?

— Да, вы приходили к нам с Николаем. Знаете, что он разбился?

— Знаю, — Сергей провел рукой по уже успевшему зарости щетиной подбородку. — Что говорят у вас о его смерти?

— Все жалеют. Такой молодой.

— А вы не знаете, над чем он в последнее время работал?

— Он никому не рассказывал. Даже редактор узнавал об этом, когда Николай приносил готовую статью.

— А может, в редакции сохранились какие-нибудь его бумаги?

— Да, конечно. Александр Павлович сказал, чтобы мы собрали все его вещи, сложили в стол и закрыли. Там еще

календарь был, черновики, какие-то фотографии и пленки. — Девушка вышла из-за шкафа и подошла к столу Николая. — Странно, открыто. Я сама закрыла и отдала ключ редактору.

— Разрешите посмотреть? — Журналист открыл дверцу и выдвинул ящики. Стол был пуст. Даже невооруженным взглядом было видно, что замок взломан. — А сюда мог кто-нибудь посторонний войти?

— Нет. Только уборщица. Ну, еще электрик.

— Вас, кажется, Светой зовут? •

— Да, — кивнула девушка. Ее косички смешно подпрыгнули.

— Света, вы не могли бы мне помочь собрать последние публикации Николая? Хотя бы за последние несколько месяцев.

— Вам это срочно? — Девушка бросила взгляд на висевшие на стене часы.

— Желательно.

— Хорошо, зайдите к концу рабочего дня.

Выйдя из редакции, Сергей выпил в небольшом кафе чашечку кофе с бутербродом и поехал в гостиницу. Она находилась на окраине города, почти на самом берегу моря. Уже с первого взгляда на это, выстроенное с размахом и по самым современным образцам, архитектурное сооружение было понятно, почему Эдмундас Каземирович сказал, что Николаеву здесь понравится. Внутренний интерьер гостиницы производил еще большее впечатление, чем вид снаружи.

Журналист подошел к окошечку администратора, положил на барьер свой дипломат и вытащил из него бумажник с документами.

— Мест нет, — тут же, не поднимая глаз, буркнула сидящая за столом молодая женщина.

— Извините, но на мое имя у вас должен быть забронирован номер, — сказал Сергей.

— Да? — Подозрительно взглянув на потертый кожаный пиджак журналиста, женщина взяла протянутый паспорт и перелистала толстый журнал. — Николаев Сергей Анатольевич. Все правильно. У вас пятьсот восьмой номер, корпус "А". Пожалуйста, прямо и на лифте на пятый этаж.

— Спасибо, — Сергей взял ключ от номера и сунул его в карман. — Да, извините, я приехал на машине. Нельзя ли ее поставить на ночь на стоянку или хотя бы на пешеходную дорожку, поближе к фонарям и гостинице.

— У нас не предусмотрена автостоянка. А к гостинице

подъезжать машинам нельзя, вы будете мешать отдыхающим.

— Девушка, но этот старый потрепанный пиджак и машина — мое единственное богатство. Тем более что я только что поставил на свою "ласточку" новые колеса. Знали бы вы, во что мне это обошлось!..

— Мы не обязаны отвечать за сохранность ваших автомобилей. Нам и без этого дел хватает.

Николаев тяжело вздохнул, взял дипломат и направился к лифту.

Две новенькие "девятки" остановились возле небольшого, крытого черепицей двухэтажного домика, и из них вышли шестеро спортивного вида парней и накрашенная девица в ярко-красных обтягивающих тощие ноги джинсах.

— Здесь, — сказал молодой человек в черной кожаной куртке и распахнул дверь с табличкой "Арнольд Криевс. Реставрационная мастерская".

Большую часть помещения, в которое они попали, занимали стеллажи, на которых лежали и стояли какие-то разобранные старинные механизмы, лампы, корпуса от часов и барометры. Сам хозяин мастерской сидел за столом возле окна и склеивал вазу.

— Привет, Арнольд.

Хозяин отложил в сторону кисточку и повернулся к вошедшим. Он был примерно того же возраста, что и ранние посетители.

— Что вам нужно?

Молодой человек в кожаной куртке стукнул по ладони короткой резиновой дубинкой и усмехнулся.

— Где деньги?

— У меня их нет, — сказал реставратор и, откинувшись на спинку вращающегося кресла, сложил руки на груди.

— Ты еще вчера должен был передать их нашему человеку.

— Я уже вам сказал, что у меня нет таких денег. — Внешне Арнольд был совершенно спокоен, только шрам, пересекавший его левую щеку, заметно побагровел.

— Чтобы через три дня были. Понял? И не вздумай с нами шутить! — Резиновая дубинка со всего размаха опустилась на стол.

Ваза, которую только что склеивал реставратор, подпрыгнула и, упав набок, рассыпалась на мелкие черепки. Непрошенные посетители вышли. Хозяин встал и подошел к окну. Когда машины отъехали, он записал их номера, достал из стола чистый лист бумаги и крупным размашистым почерком вывел "Заявление...".

Перед отделением милиции прямо на тротуаре стоял патрульный газик. Возле него, облокотясь на капот, курил сигарету сержант.

— Не подскажите, где мне найти Владимира Смирнова? — спросил у него Арнольд.

— Смирнова? Он сегодня дежурный. — Милиционер отшвырнул щелчком окурочек и показал на дверь. — По коридору направо.

Из отделения милиции, смеясь, вышла группа молодых людей и села в серебристый "мерседес".

— Весело живут. Откуда только деньги берутся? — перехватив взгляд реставратора, сказал пожилой сержант и сплюнул себе под ноги.

— Привет, Володя.

Сидящий за барьером милиционер с красной повязкой на рукаве поднял голову и широко улыбнулся.

— А, пограничник. Сколько лет, сколько зим. Чего это тебя к нам занесло?

— Да вот, дело есть, — Арнольд протянул ему заявление.

Милиционер быстро пробежал его глазами и спросил:

— Ты это серьезно?

— Да.

— М-да, — задумчиво произнес дежурный, затем взглянул на двух беседующих возле окна милиционеров и вышел из-за барьера. — Здесь сегодня чего-то душно. Не хочешь выйти на свежий воздух?

— Пошли.

Они вышли на крыльцо. Газик уже куда-то уехал.

— Хочешь, дам тебе дельный совет, — повернувшись к Арнольду, сказал милиционер, — брось ты это дело. Наше начальство никогда не согласится признать, что в городе существует организованная преступность. Их тоже можно понять — курорт всесоюзного значения, только что для иностранцев открыли. Теперь сюда со всех окрестных городов всякая шваль и проститутки начали стекаться. Бабы совсем с ума посходили, готовы за любую заграничную шмотку с кем угодно переспать. Одну из мужского туалета вытащили, четырнадцать лет. Негру за пачку жевательной резинки отдалась. Работы по горло, восемь нераскрытых убийств, сверху давят, постовых не хватает, а тут еще ты, со своим рэкетом.

— Что же мне тогда делать?

— Я же сказал, брось это дело. Или плати, или закрывай лавочку. Они от тебя не отстанут. Не ты первый, не ты последний. Я поначалу тоже в одно такое дело влез. Без толку, только выговор от начальства получил за самодеятельность. Да и Индулису, знаешь его, на спасалке работал, он, как и ты, не хотел платить, тоже ничем не помог.

Эти ублюдки ему кислотой в лицо плеснули, слава Богу, глаза остались целы, да еще пригрозили, если начнет рыпаться, детей калекami сделают. А их у него трое. Сам понимаешь.

— Хорошо. — Арнольд взял протянутое заявление, скомкал и бросил в стоящий возле дверей мусорный ящик. — Надеюсь, ты сделаешь мне одно одолжение?

— Смотря какое, — пожал плечами Владимир. — Сам понимаешь, в милиции, как и в армии, существует дисциплина и начальство.

— Мне нужно узнать, кому принадлежат эти "Жигули". — Реставратор достал визитную карточку и, написав на обратной стороне номера машин, протянул дежурному.

— А хозяева местные? А то в последнее время понаехало сюда всякой дряни.

— Я их не знаю, но видел несколько раз в городе.

— Что ж, попробую, — милиционер сунул визитку в карман кителя. — Сам понимаешь, быстро не получится, нельзя привлекать внимания, у них могут быть свои люди и у нас. Как только узнаю, позвоню.

— Спасибо, я буду ждать.

— Оставил бы ты это дело, Арнольд.

— Не хочу, чтоб всякая мразь диктовала мне свои условия.

— Знаешь, ты нисколько не изменился за пять лет. Не зря тебя начальник погранзаставы называл "неистовым".

Сергей встал из-за стола, потянулся и прошелся по номеру. Уже дважды он перечитал собранные Светой публикации Николая, в основном они были посвящены ухудшающейся с каждым годом экологической обстановке в городе-курорте, но не нашел в них ничего такого, что могло бы послужить поводом для убийства. О каком сенсационном материале говорил по телефону Николай? Что он такое раскопал, если заинтересованные лица пошли даже на преступление, лишь бы это не просочилось в печать? А может, обычная авария? Нет, слишком много случайных совпадений. Сенсационный материал, авария, гибель Ирбе, исчезновение бумаг из редакции, пропажа дипломата и диктофона. Дипломата и диктофона... А если они остались в разбитой машине, например, в багажнике? Надо проверить этот вариант и еще раз просмотреть записную книжку Николая. Ведь он кому-то звонил, прежде чем выехать из дому, с кем-то встречался. Вполне возможно, что именно среди этих людей находится убийца и, вероятно, он не один. Расследование придется вести умно и осторожно. Для всех я прежде всего журналист, при-

ехавший написать статью о прелестях местной курортной жизни...

В дверь постучали. Сергей открыл. В номер вошла женщина с ведром и пылесосом.

— Здравствуйте. Разрешите я у вас приберу?

— Я только вчера приехал, — улыбнулся журналист, — и не успел намусорить.

— У нас положено убирать каждый день.

— Ну, если положено, то конечно, — Сергей спрятал папку со статьями Николая в дипломат и надел свой кожаный пиджак. — Вы не в курсе, бар на первом этаже уже работает?

— Он открывается в семь.

Журналист взглянул на часы. Половина десятого. Самое время выпить чашечку кофе.

Он спустился в бар. Музыка, полутьма, огромные круглые столы, вращающиеся мягкие кресла и три ниши с низенькими диванчиками, освещенные лишь проникающим сквозь цветные стекла витражей светом.

Сергей постучал ребром монеты по стойке.

— Есть здесь кто-нибудь?

Из подсобного помещения, в белоснежной полупрозрачной блузке с красной бабочкой на груди вышла барменша.

— Чашечку кофе, пожалуйста, кекс и стаканчик минеральной воды.

— Кекс у нас вчерашний.

— Ничего страшного, мне и не такие попадались.

Женщина приготовила кофе, положила на фирменную тарелочку кекс и полезла в холодильник за минеральной водой.

— Нет, нет, — замотал рукой журналист, — только не из холодильника, а то, не дай Бог, заболею.

— А что такого, подумаешь, заболеете. Потом выздоровеете и опять будете здоровым.

— Да, кстати, — Сергей перегнулся через стойку бара, — вы, случаем, не знаете, где можно приобрести по сходной цене каску и бронежилет?

— Зачем вам?

— Видите ли, я тут узнал в редакции, что в вашем городе не очень жалуют нашего брата журналиста. И даже более того...

— Это вы, наверное, говорите об Ирбе.

— Да, точно. А вы его звали?

— Кто ж его не знал. Он всем надоел со своими фельетонами. Ему уже давно говорили, что прищемят его длинный нос, если он не прекратит лезть не в свои дела.

— Надеюсь, местные мафиози, прежде чем захотят меня прихлопнуть, тоже сделают предупреждение, чтобы

я успел собрать вещички и смыться из вашего гостеприимного городка. Как вы думаете?

— А вы не пишите ничего плохого и вам нечего будет бояться.

— Знаете, самое интересное, мой шеф именно для этого и послал меня, чтобы я расписал, какой здесь рай для отдыхающих. Похоже, он решил провести свой отпуск в нынешнем году на этом курорте за счет ваших городских боссов. Так что я собираюсь писать только хорошее и, в принципе, мне бояться нечего, но береженого бог бережет. Так вы не подскажите, где мне купить бронешилет?

— Ну ладно, — отмахнулась от него барменша, — иди-те пить кофе, а то он остынет.

Сергей поставил на чашку с кофе блюдечко с кексом, взял стакан с минеральной и направился к одной из уединенных ниш.

Итак, что удалось узнать? То, что в городе существует группа людей, которым не нравились статьи Ирбе. Ну об этом можно было догадаться и без буфетчицы. Что ему угрожали? Это естественно вытекает из предыдущего. Вот только не верится, чтобы кто-то из-за этих нескольких публикаций пошел на убийство. А может, я что-то недопонимаю? Что же за сенсационный материал раскопал Николай?

Журналист отхлебнул глоток кофе и достал из кармана записную книжку Николая. Практически все записи в ней были сделаны одной ручкой и ровным почерком. Похоже, покойный просто переписал их из старого блокнота. Если смотреть по чистым, не успевшим помяться страничкам, этой книжкой Ирбе пользовался неделю, от силы две. Сергей судил по своему блокноту, уже через несколько дней у него начинали загибаться листы и появлялась целая куча разномастных, сделанных на ходу записей, а через месяц его уже требовалось подклеивать, так как он начинал рассыпаться. Отсюда следовало, что все записи, отличающиеся от первоначальных по почерку или по цвету чернил, относятся к последним дням жизни Николая и, вполне возможно, могут иметь какое-либо отношение к его гибели.

Сергей перелистал записную книжку. Новых телефонов и адресов было не так уж много. В календаре, которым заканчивалась книжка, 17-е число, день гибели Николая, было обведено кружком, а рядом стояли две буквы "З.П." и время "18 ч. 30 мин.". Что бы это значило?

Николаев переписал все интересующие его записи к себе в блокнот. Теперь оставалось найти этих людей, Сергей достал из пачки сигарету и закурил.

— У нас не курят.

Он вздрогнул и поднял голову. Рядом с его столиком стояла высокая блондинка в белом фартучке.

— В баре не курят, — повторила она, — выйдите на улицу.

— Извините, я не знал, — журналист захлопнул блокнот и вместе с записной книжкой Николая сунул его в карман. — Вы не убирайте ничего со стола, я сейчас вернусь. Тут у вас, в полутьме и под музыку, хорошо думается.

В небольшом, облицованном белым мрамором бассейне, посреди которого бил фонтанчик, медленно, еле шевеля огромными плавниками, плавали золотые рыбки. Сергей присел на край бассейна и задумался. Надо было составить план розыскных мероприятий.

Мимо, громко говоря между собой, прошли два молодых человека в "вареных" куртках.

— Ты видел, сегодня опять какому-то лоху колеса сняли?

— Нет еще.

— Стоит посмотреть. Там, за кустом...

Николаев вскочил как ужаленный. Стоявшая неподалеку старушка в короткой белой юбочке и с теннисной ракеткой в руке с удивлением покосилась на него. Он совсем забыл о своей "ласточке"!

Обойдя кусты, Сергей вышел на дорогу. За припаркованными вдоль обочины чистенькими автомобилями он не сразу увидел свой старый, потрепанный "жигуленок". Машина стояла, странно покосившись, а под ней, вместо новых, с таким трудом доставшихся ему колес, стояли брезовые чурбачки.

— Вы директор гостиницы?

Низенький лысоватый мужчина обернулся и посмотрел поверх очков на стоящего перед ним молодого человека в джинсах и потертом кожаном пиджаке. Станислав Семенович Рехнер был профессионалом своего дела и не зря занимал столько лет директорское кресло. Для него не составляло труда с первого взгляда определить не только платежеспособность, общественное положение, но и профессию клиента. Ошибки здесь быть не могло, перед ним стоял журналист. Эту категорию людей директор гостиницы чуял за версту и не то чтобы побаивался, но всегда был с ними настороже, особенно сейчас, во время разгула гласности и демократии. Ведь когда придется иметь дело с таким количеством приезжих, всегда найдется кто-нибудь недовольный, не зря говорят старики — всем угодить невозможно. И судя по тону, которым был задан вопрос, разговор с этим представителем мас-

совой информации не сулил ничего приятного. А это, перед приездом одного дорогого гостя, ожидаемого с минуты на минуту, было очень некстати. Тем не менее Станислав Семенович постарался изобразить на лице одну из самых приветливых своих улыбок.

— Я к вашим услугам. Вы, вероятно, проживаете в нашей гостинице?

— Да, я здесь проживаю. И мне хотелось бы, перед визитом в милицию, задать вам, как директору, несколько вопросов.

— Ну зачем же сразу в милицию, — многолетний опыт и предчувствия не обманули Станислава Семеновича. — Знаете, здесь в холле не очень удобно говорить, давайте пройдем ко мне в кабинет и все обсудим в спокойной обстановке за чашечкой кофе, — и он сделал приглашающий жест.

Минут через двадцать дверь кабинета открылась и из него вышли журналист и директор гостиницы. Последний был сама любезность.

— Ну почему вы сразу не сказали, что приехали писать о нашем славном городке, сразу бы отпали все проблемы. Мы действительно достигли довольно высоких, если сравнивать в целом по стране, результатов в обслуживании туристов и отдыхающих. Впрочем, вы сами все своими глазами увидите.

— Я уже увидел, — усмехнулся Николаев.

— Ну вот, вы опять. Нельзя же так, по единичному факту, судить обо всем курорте и особенно о нашей гостинице. Мудрые философы говорят, что исключение подтверждает правило. Вы только ни о чем не беспокойтесь, все будет хорошо. Начальник милиции мой старый приятель. Поверьте моему слову, завтра ваши колеса будут на месте. И нечего стесняться, мы люди простые, если что надо, сразу ко мне, а пока пользуйтесь моей машиной. Ее здесь все знают, и вас никто не остановит. Ключи я вам отдал?

— Да, — журналист подбросил на ладони брелок с ключами от "хонды". — Я вам очень благодарен. При моей работе без машины как без ног, а они, как известно, кормят нашего брата.

— Не стоит благодарности. Вы на моем месте поступили бы так же. Не забудьте, ручка вперед — задняя скорость, на себя — движение вперед. Там есть еще одно положение — "крейсерская", но оно вам не понадобится. У нас в городке не разрешено движение свыше шестидесяти километров в час. Все очень просто, автоматическая коробка передач и никаких педалей сцепления. Приятной

вам работы и, конечно, отдыха. Наш курорт славится красивыми женщинами.

Проводив Николаеву, директор подошел к окошечку администратора и спросил:

— Кто вчера дежурил?

— Нелли.

— Она еще не ушла?

— Я ее только что видела в буфете.

— Найди ее и скажи, что она мне нужна. Я у себя.

— Вы меня искали, Станислав Семенович? Я уже домой собралась. — Молодая женщина плюхнулась в низкое кожаное кресло, стоящее в углу кабинета, и закинула ногу на ногу. Ее коротенькая кожаная юбка задралась, и на бедре стал виден огромный синяк. — Ну и ночка сегодня выдалась, ни на минуту не прилегла. Опять эти шведы никому спать не давали. Скорей бы они уехали.

За столом сидел уже не тот добродушный улыбающийся толстячок, только что провожавший журналиста до дверей лифта. Женщине вдруг стало не по себе под пристальным взглядом директора, и она, поправив юбку, выпрямилась в кресле.

— Случилось что-нибудь, Станислав Семенович?

— Кто снял колеса?

— Я не знаю.

— Не знаешь, — Рехнер снял очки и начал медленно протирать их носовым платком. Обычно этот жест не сулил ничего хорошего. — Кто дежурил ночью в бассейне?

— Виллос. Только не говорите, что это я сказала.

— Ты сама передашь ему, чтобы он немедленно поставил колеса на место.

— Их у него уже нет.

— Значит, ты навела. Знаешь, чем это пахнет?

— Нет, нет, — Нелли сейчас была похожа на провинившуюся школьницу. — Я только сказала ему, что тут один блатной очень беспокоится за свою новую резину.

— Почему ты не разрешила ему поставить машину под окна?

— А кто он такой? Здесь и не такие упакованные отдыхали.

— Чтoб сегодня же колеса стояли. Пусть хоть со своей тачки снимает. Не то завтра ни тебя, ни его в городе не будет. Поняла?

— Ладно, — Нелли встала. — Только чего так разоряться из-за какого-то писаки.

— Если ты еще раз... Одним словом, ты меня знаешь... Свои делишки можешь обделывать где хочешь, но чтоб

здесь, у меня, был порядок. — Станислав Семенович надел очки. — А теперь пошла вон.

Едва молодая женщина вышла, раздался телефонный звонок. Директор поднял трубку.

— Да, я слушаю... Задерживается. Ну, что тут сделаешь, над погодой мы еще не властны... Да, все нормально, даже оплачен... Нет, конечно, на фамилию Иванова Ивана Васильевича... Да, в его духе, тихо и скромно. Ладно, звони, как только прилетит.

Станислав Семенович встал из-за стола и подошел к окну. "Хонды" на стоянке не было. Он открыл сейф, вытащил связку ключей от номеров и вышел из кабинета.

— В каком номере мы поселили журналиста? — спросил он у администратора.

— В пятьсот восьмом. Он только что уехал на вашей машине.

— Я знаю. Там же, на пятом, ремонт собирались делать.

— Это не я селила, а Нелли.

— У нас есть свободный "люкс"?

— Триста второй.

— Не занимай его до вечера. Если меня будут спрашивать, скажешь: поднялся наверх, скоро приду.

Открыв своим ключом пятьсот восьмой номер, директор вошел и захлопнул за собой дверь. Заглянув в ванную и стенной шкаф, он прошел в комнату. На письменном столе стояла пишущая машинка, рядом стопка бумаги. В ящиках ручки, копировальная бумага, лента и ни одного исписанного листочка. Станислав Семенович попытался открыть лежащий на диване дипломат, но он был закрыт на кодовые замки. Безуспешно покрутив колесики с цифрами, директор достал из кармана перочинный ножик и поддел дужку замка. Щелкнув, она отскочила. В этот момент с улицы донесся стук закрываемой дверцы машины. Рехнер подошел к окну и слегка отодвинул штору. Возле "хонды" стоял журналист и беседовал с каким-то мужчиной. Быстро положив дипломат на место, директор окинул взглядом комнату, поправил штору и вышел. Внизу, возле лифта, он столкнулся с Николаевым.

— Представляете, забыл в кармане рубашки водителское удостоверение, пришлось возвращаться.

— Ну что делать, — разведя руками, улыбнулся одной из своих очаровательных улыбок Станислав Семенович, — рассеянность одна из основных черт творческой личности и признак гениальности. Не забудьте посмотреть в зеркало.

— А это еще зачем?

— Народная примета. Если возвратился, обязательно посмотри в зеркало. Предрассудки, но, кто знает, может, в них что-то есть?

— Обязательно посмотрю.

— Ну как "Хонда Цивик-автоматик"?

— Прекрасная машина, но только непривычно, что две педали.

— Ничего, к хорошему быстро привыкаешь.

— Спасибо, даже не знаю, как я бы без нее. Автобусы здесь редко ходят.

— Зачем автобусы? У нас богатые люди, почти у каждого машина. Да, чуть не забыл. Какой у вас номер?

— Пятьсот восьмой.

— Знаете, только что освободился триста второй. Переселяйтесь туда, вам там будет удобней. Тем более что на пятом этаже мы собирались делать косметический ремонт. Я сейчас скажу администратору, подойдете потом к нему.

— Еще раз спасибо.

— Не за что. Люди должны помогать друг другу.

Остановившись возле первого попавшегося на пути постового милиционера и рассказав сочиненную на ходу жалостливую историю про лежавшего в больнице друга, попавшего где-то здесь в аварию, и брошенную машину, о которой якобы очень беспокоилась жена пострадавшего, Сергей узнал, что у местного ГАИ нет специальной площадки для аварийных машин и все они хранятся на одной из автостоянок в центре города. Подъехав туда, журналист прошелся вдоль забора и обнаружил несколько разбитых и покореженных до неузнаваемости автомашин. Среди них стоял с распахнутой передней дверцей и открытым багажником "Москвич" Ирбе. Версия о том, что дипломат с рукописями мог находиться в багажнике и именно поэтому милиция не передала его жене Николаю, автоматически отпала. Здесь больше делать было нечего.

Сергей перешел на другую сторону улицы и вошел в небольшое кафе. Взяв кофе с булочкой, он сел за свободный столик возле окна и вытащил записную книжку.

Итак, что дальше? Первым делом, вероятно, надо найти людей, с кем в последние дни разговаривал Ирбе. Что мы имеем? Пять телефонных номеров.

— Извините, у вас свободно?

Журналист взглянул на высокого молодого человека со шрамом на щеке и кивнул.

— Вы не очень похожи на отдыхающего, — сказал тот, присаживаясь за стол с чашкой кофе.

— Почему вы так решили? — спросил Сергей, пряча блокнот в карман.

— Ну хотя бы потому, что основная масса отдыхающих сейчас на пляже.

— Да еще холодно. Вот недельки через две, когда море прогреется...

— Почему же, между дюнами ветра нет, там солнце здорово припекает. Моя жена уже обгореть успела. А купаться к нам любители приезжают с февраля и по декабрь.

— Вы местный?

— Выходит, что так.

— А я вот приехал, чтобы написать для газеты о вашем прекрасном городе-курорте.

— Ну-ну, — как-то невесело улыбнулся молодой человек.

— А вы кем работаете? — поинтересовался Николаев.

— Я, так сказать, представитель частного сектора. Реставратор. Если вам нужно отремонтировать какой-нибудь сложный старинный механизм, часы, барометр, музыкальную шкатулку, то я к вашим услугам, — собеседник Сергея вынул из нагрудного кармана свою визитную карточку.

— Спасибо, — сказал журналист, пряча ее в задний карман джинсов, — как только у меня появится что-нибудь в этом роде, я сразу же обращусь только к вам.

— И правильно сделаете. Пожалуй, на нашем побережье вы вряд ли найдете лучшего мастера.

Они молча допили кофе и вышли на улицу.

— У вас не будет сигареты? — спросил молодой человек.

Журналист протянул ему пачку. Присев на скамеечку возле кафе, на которой уже сидела накрашенная девица в розовой куртке, они закурили.

— Да, крепенький здесь кофеек, — сказал Сергей, затягиваясь сигаретой, — выпил, и даже печень начала вылезать.

— Действительно, какой-то странный у него привкус, — согласился с ним молодой человек.

— Привкус, печенка, — встряла в разговор девица. — А кто виноват? Сами и виноваты. Дайте прикурить, а то я свой "Ронсон" в машине оставила. — Она вытащила из кармана пачку "Мальборо".

Журналист протянул ей зажигалку и поинтересовался:

— Почему сами?

— Если бы не убрали из кафеюшников алкоголь, то и буфетчицам не надо было с кофе химичить и подрывать здоровье советским гражданам. Имели бы они свой столик "фантома" в день и горя не знали.

— Извините, стольник чего? — переспросил Сергей.

— "Фантома". Навара. А как алкоголь убрали, так и пришлось крутиться. Запросы прежние, а доходы не те, да еще инфляция и рэкет бьют по карману. Как подумаешь, что за поддержанную тачку меньше двадцати штук не просят, а за новую все сто, так дурно становится. Да что тут говорить. — Девушка стряхнула пепел и повернулась к журналисту. — Знаешь, сколько способов приготовления кофе знает обычный буфетчик?

— Ну, способа три.

— А двадцать три не хочешь? Причем это без использования кофейных зерен, а таких, с добавлением цикория, марганцовки, соды или табачной пыли, для крепости, вообще не счесть.

— Постойте, — изумился Николаев, — я о таком еще не слышал. Как это, кофе и не из кофейных зерен?

— Очень просто. Берешь корни ромашки, одуванчика, сушишь, мелешь и завариваешь. Или из поджаренных хлебных корок. Правда, чаще всего приходится варить вообще из какой-нибудь гадости. Я сама полтора года проработала в кафе. Мне один знакомый химик приносил какую-то бурду, так людишки от нее прямо на глазах желтели. Да и сама, отстоишь смену у аппарата, домой приходишь, как с химического комбината, голова раскалевается и кругом идет, но зато свои пять сотен в неделю имела. Стольник рэкетирам, стольник заведующему, три сотни оставалось. Это, конечно, не как на алкоголе, но с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Вы же травили людей.

— Каких людей? Этих, что ли? — Женщина кивнула на группу разодетых отдыхающих. — Какие они люди?! Скоты! Подонки! Взяточники и спекулянты! Откуда у них пачки денег?! Жалко, мышьяк в магазинах не продается, я бы им показала. Ишь, людей травила. А когда целые отрасли выпускают вредные для здоровья продукты питания, лекарства и прочую дрянь? Ко мне один алкоголик все время приходил опохмеляться, кандидат наук, диссертацию о вреде алюминия писал. Так он говорил, что алюминиевая посуда в общепите искалечила больше людей, особенно детей, чем было убито во второй мировой войне. Я сама помню, как нам в институте показывали опыты...

— Вы с высшим образованием работали буфетчицей? — спросил Сергей.

— Ты думаешь, я одна такая? Ничего оно не дает, если ты, конечно, не выпускник дипакадемии. Так вот, этот алкаш говорил, что алюминий здорово действует на психику и на какие-то генетические штуки, замещает что-то. Американцы уже давно писали об этом и запретили у

себя алюминиевую посуду, а у нас, если и перепечатывали эти сообщения, то оставляли лишь места про животных и птиц, что, мол, они теряют ориентировку и прочее.

— А где теперь тот мужчина, что рассказывал вам?

— Не знаю. Я его уже годъ два не видела. Наверное, засунул его директор алюминиевого завода под трамвай, чтобы не мешал гнать план.

— Кого засунули под трамвай? — вдруг спросил сидевший в задумчивости молодой человек.

Перед кафе остановилась красная "пятерка" с развалившимся на заднем сиденье негром. Шофер трижды просигналил.

— Да пошли бы они все... — Девушка отшвырнула окурок и встала. — Ну, мне пора, клиента привезли. Время — деньги. Гуд бай, мальчики, желаю снять хороших девочек. Хотя, кто вас знает, может, вы гомики. Только не забывайте про СПИД, он не спит. Ауфвидерзейн, — и взбив челку, она шлепнулась на заднее сиденье в объятия негру.

— Веселая дамочка, — глядя вслед машине, сказал Сергей.

— Да, в последнее время их тут как собак нерезаных развелось. Ну ладно, спасибо за сигарету и компанию. Мне тоже пора. — Молодой человек махнул на прощание рукой и ушел.

Журналист посидел еще немного, греясь на солнце, затем сел в "хонду" и поехал в гостиницу. Там он взял у администратора ключи и перенес вещи в триста второй. Новый номер был действительно лучшего прежнего. Спальня, кабинет, телефон, цветной телевизор, огромная лоджия. И мебель здесь была классом выше, чем в пятьсот восьмом.

Сергей развалился в мягком, отделанном под кожу кресле, достал блокнот и, закинув ноги на журнальный столик, пододвинул к себе телефон.

Итак, первый номер. Занято. Наберем второй. Тоже занят. Странно. Они, что, говорят между собой? Три остальных абонента не подняли трубку. Что ж, бывают и неудачи. А если еще разок. То же самое. Надо попробовать другой вариант. Пожалуй, с него и надо было начинать.

Журналист взял с журнального столика телефонную книгу и открыл ее на букве "А".

Арнольд достал из буфета раскрытую пачку сигарет, закурил и лег на диван. Хлопнула дверь, и из прихожей послышались голоса сына и жены.

— Папа, папа, посмотри, что мне мама купила! — В комнату, прижимая к груди огромный самосвал, влетел

трехлетний мальчуган и вдруг остановился удивленный. — Папа, ты же куришь. Брось немедленно!

Арнольд затушил сигарету в пепельнице.

— Тут к тебе заходил какой-то мужчина. — Вслед за сыном в гостиную вошла жена.

— Что ему надо было?

— Не знаю. Сказал, что зайдет попозже.

— Мама, а папа курил. Он же сам говорил, что курить нехорошо.

— Саша, иди, пожалуйста, в детскую, поиграй с новой игрушкой. Мне надо поговорить с папой.

— Я сейчас, — мальчуган подошел к отцу. — Папа, а ты знаешь, почему кошки мяукают, а собаки лают?

— Нет. Почему?

— А потому, что у кошек батарейки слабые.

— Ну и выдумщик ты, — улыбнулся Арнольд и погладил сына по волосам. — Иди поиграй у себя, а мы с мамой поговорим.

— Хорошо, папа.

Жена закрыла за сыном дверь, присела рядом с Арнольдом на диван и спросила:

— Они опять приходили?

— Да. Дали три дня.

— Что ты будешь делать?

— Думаю.

— Может, занять денег у мамы и отдать им?

— Нет. Тогда уж лучше совсем закрыть мастерскую.

— Но ты же давно мечтал о ней. Столько денег и сил потрачено. Машину продал.

— Если я испугаюсь и уступлю им, они с меня уже не слезут. Тебе надо будет взять Александра и сегодня же уехать к маме. Чтобы запугать меня, они могут пойти на все.

— Я же работаю. Да и как ты без нас?

— Лида, — Арнольд сел и обнял за плечи жену, — все очень серьезно. Я найду к тебе на работу и все устрою. И прошу тебя, никому ни слова. Береги сына.

В передней раздался звонок. Они переглянулись.

— Это, наверное, тот мужчина, что приходил к тебе, — сделала предположение Лида.

— Я открою. — Арнольд поцеловал жену и встал. — Иди, скажи Александру, что вы едете к бабушке.

На крыльце стоял невысокий пожилой мужчина в серой куртке и с большой сумкой в руке.

— Вы Арнольд Криевс? — спросил он.

— Да.

— Мне дали ваш адрес и сказали, что вы хороший реставратор.

— Извините, придите как-нибудь в другой раз. У меня

сейчас очень много заказов, — Арнольд хотел было закрыть дверь, но мужчина придержал ее.

— Подождите. Я приехал из другого города. Можно, я вам покажу, что хотел отреставрировать. Мне почему-то кажется, что вас, как реставратора, это заинтересует.

— Хорошо, заходите.

Они прошли в мастерскую. Мужчина достал из своей объемистой сумки несколько странных деревянных и металлических деталей и быстро собрал из них нечто напоминающее небольшой арбалет.

— Что это? — спросил реставратор.

— Я раньше собирал различное старинное оружие, и это жемчужина моей коллекции. Я и сам не знаю, как можно назвать это оружие. Внешне оно напоминает арбалет, и в нем действительно есть кое-что от него, а вместе с тем здесь столько всего, чего в обычном арбалете не встретишь.

Арнольд взял это странное оружие в руки и начал рассматривать. Вещь была несомненно очень старая. Все ее детали, и деревянные и металлические, были украшены резьбой или гравировкой. На торце приклада была надпись.

— Что здесь написано?

— Это на латинском. "Дар мастера тому, кто защищает обиженных".

— Даже не знаю, смогу ли я починить этот арбалет. Попробуйте позвонить недельки через две, — Арнольд протянул мужчине визитную карточку. — А может, вы хотели бы его продать?

— Знаете, именно для этого я и хотел его отреставрировать. Моя жена попала в больницу, у нее рак. Чтобы попасть на операцию в хорошие руки, надо дать взятку. Мы же умудрились прожить с женой жизнь и не сделать накоплений даже на черный день. — Мужчина невесело улыбнулся. — За год ее болезни я продал всю свою коллекцию, осталось только вот это.

— Сколько вы хотите, вот в таком состоянии, как оно есть?

— Мне не хватает полторы тысячи рублей.

— Хорошо, — Арнольд достал из стоящей на столе металлической коробки деньги, пересчитал и протянул мужчине. — Держите.

— Надеюсь, это для вас...

— Все нормально. Слава Богу, у меня в семье никто не болеет, а на карманные расходы у меня еще осталось.

Проводив мужчину, реставратор зашел в детскую. Сын сидел на полу и играл с новой машиной. Жена собирала вещи в дорогу.

— Что ты так долго? — спросила она, обернувшись.

— Так получилось, — Арнольд присел на корточки возле сына. — Ну, как тебе новая игрушка?

— Очень хорошая игрушка. Папа, а мне один мальчик в детском саду сказал, что его котик умеет лаять.

— Что ж, это ему может пригодиться в жизни.

В гостиной раздался телефонный звонок.

Малыш вскочил и закричал:

— Папа, папа, это, наверное, бабушка звонит! Можно, я подниму трубку?

— Ну, подними.*

Саша бросился со всех ног к телефону.

— Алло, бабушка?.. Папа, это тебя.

Арнольд взял из рук сына телефонную трубку.

— Да, я слушаю.

— Ты не забыл, что мы дали тебе три дня?

Городской телефонный справочник был небольшим по объему, и через час у Сергея были адреса четырех абонентов. Пятого телефона в книге не было. Два номера принадлежали частным лицам, два — организациям. Сергей переписал адреса к себе в блокнот и вот что у него получилось:

Первый телефон 41713 — “Рудзитис” — принадлежал рыболовецкому колхозу, отделу техники безопасности.

Второй номер 32376 — “Тамара Александровна” — был записан за Римкасом Б.С., улица Курортная, дом 34.

Третий телефон 53481; в записной книжке Ирбе напротив него стояли буквы “В.С.”, он был записан за Борисовой А.С., проживающей по адресу улица Комсомольская, дом 9.

Четвертый — 21995 — “Алексеева А.К.”; принадлежал детскому саду номер 1, по улице Суворова, дом 2.

Журналист поднял трубку и набрал пятый номер телефона — 11302, которого не обнаружил в справочнике и рядом с которым в записной книжке Николая стояли три буквы “С.З.П.”. Послышались длинные гудки, но к аппарату никто не подошел. Сергей взглянул на часы. Без двадцати семь. Если этот телефон принадлежит организации, то там, скорее всего, все ушли домой. Что дальше? Пожалуй, стоило просмотреть еще раз статьи Ирбе, может быть, в них упоминаются эти фамилии, а завтра пройти по адресам, но прежде всего — сходить выпить кофе и что-нибудь перекусить. Журналист сунул блокнот в карман и спустился в бар.

— Это вам сняли колеса? — спросила барменша,

ставя перед ним подносик с кофе, минеральной и пирожными.

— Вы уже знаете? — удивился журналист.

— Новости у нас быстро распространяются.

— У вас так не только новости распространяются, но и колеса снимают. Не успел приехать, а их уже нет.

К стойке подошел парень в джинсовом "вареном" костюме и, перегнувшись, заглянул куда-то за прилавок.

— У тебя ничего не осталось?

Барменша покосилась на журналиста и отрицательно покачала головой.

— Сделай мне тогда двойной, покрепче.

Сергей взял поднос и направился на свое старое место, в нишу с витражом.

Парень подошел к сидящей возле стойки бара белокурой официантке и поздоровался:

— Привет, Альбина.

Она оторвалась от экрана телевизора.

— А, Виллус. Говорят, ты сегодня отличился.

— Ваш директор совсем оборзел. Пора ему слегка прикрыть кислород.

— Ну-ну, — сказала официантка и вновь повернулась к телевизору.

— Альбина, ты не хочешь подработать?

— А не боишься, что тебе Донис репу начистит?

— Так, для нашего общего блага. Он с меня тоже кое-что имеет. Да и ничего такого я тебе не предлагаю. Просто надо прощупать одного лоха. Это за него вступился ваш директор, "хонду" свою дал, в люкс переселил. Ты же знаешь, он перед шестеркой так распинаться не будет. Чувствуется, что мужичок имеет бабки.

— Сколько?

— Стольник и все пенки, что снимешь с него. Ты же это умеешь, не впервой.

— Маловато.

— Ну, по старой дружбе. Это все-таки я познакомил тебя с Донисом в борделе. Теперь ты, конечно...

— Все равно мало.

— Да ты что? Это верняк. Я за версту чую, где можно капусту снять.

— Ты уже снял.

— Это все из-за твоего директора. А сейчас мы сделаем по-умному. Ты же знаешь, как мои ребята работают. Он так, прикидывается простачком, а у самого, видно, лопатник дыбом стоит. Ты же знаешь, сколько ваши за люкс берут. Он тебя без презента не отпустит. Вот он, кстати, за витражом сидит.

Альбина обернулась и окинула быстрым, оценивающим взглядом журналиста.

— Он уже заходил утром.

— Ну как?

— Подумаю, зайдите на следующей недельке.

Парень допил свой напиток и ушел. Официантка досмотрела телевизионную передачу и подошла к столику журналиста. Он сидел, склонившись над блокнотом, и что-то писал. В руке у него дымилась сигарета.

— Вы опять курите?

Сергей стряхнул пепел на край блюдечка и показал на компанию молодых людей, сидящих с сигаретами.

— Я думал, что вечером у вас можно. Могу затушить.

— Ладно, курите, все равно все сейчас в ресторане, — махнула рукой блондинка. — Надеюсь, вы не обиделись, что я, не дождавшись, убрала ваш кофе с пирожным?

— Ничего страшного.

— А что вы там пишете?

— Да так, редакционное задание. Надо написать статью о вашем городе-курорте. Присаживайтесь.

— Я же на работе.

— Что ж тут такого? Разве ваше начальство не понимает, что вы тоже человек и вам тоже хочется выпить чашечку кофе в обществе широко известного в узких кругах журналиста. — Николаев встал. — Что вы будете? Кофе, пирожное, коктейль?

— Ладно, уговорили, — официантка села. — Возьмите апельсинового сока.

Журналист принес бокал и, присев напротив, спросил:

— Как вас зовут?

— Альбина.

— А меня Сергей. Вы каждый день работаете?

— Нет. Неделю работаю, неделю отдыхаю.

— Прекрасно, когда есть много свободного времени.

— Не так уж его и много. Я еще танцую здесь, в ресторане, в варьете.

— Там все девушки такие красивые?

— Это комплимент? — откинув прядь волос со лба, спросила женщина.

— Нет, что вы. В комплименте обычно содержится некоторая доля преувеличения, я же всегда говорю чистую правду. Мне уже неоднократно приходилось из-за этого страдать.

— Осторожней надо.

— Тут уж против своей натуры не пойдешь, это у меня в крови. Интересно было бы посмотреть варьете с вашим участием.

— Кто вам мешает? Приходите. Оно начинается в девять вечера и до десяти.

— А до которого часа работает ресторан?

— Официально до половины второго ночи, а так, пока

народ сидит. Иногда до трех, а иногда и до утра. Город курортный. Люди сюда приезжают денежные. Хотят отдохнуть, расслабиться. Зачем им мешать? — Официантка поднялась в диванчика. — Ладно, пойду работать. Приходите в ресторан, не пожалеете.

Николаев взял дипломат и, покрутив колесики с цифрами, набрал код. Странно, один замок открылся нормально, а второй с трудом. На его позолоченной поверхности виднелась свежая царапина.

Похоже, кто-то интересовался содержимым моего дипломата. Кто это мог быть? Кому известно, с какой целью я сюда приехал? Только редактору. Ни жене Николая, ни Свете из редакции я ничего не говорил о своем расследовании. А может, это уборщица или директор? В любом случае надо быть осторожней и не оставлять в дипломате ничего такого, что могло бы кого-либо навести на мысль об истинной цели моего приезда.

Сергей прочитал еще раз статьи Ирбе, но не нашел ни одной фамилии из тех, что он переписал из записной книжки и телефонного справочника. Впрочем, этого и следовало ожидать. Статьи были старые, а записи свежие.

Журналист прошелся по своим апартаментам и включил телевизор. На экране появился диктор программы "Время". Он беззвучно шевелил губами на фоне плаката с надписью "Гласность и перестройка". Сергей покрутил регулятор громкости. Вместо диктора появилась что-то неистово и тоже беззвучно скандирующая толпа. Журналист попытался разобрать надписи на транспарантах, но камера ушла в сторону и в кадре появился шлепающий губами толстяк-оратор. Сергей выключил телевизор и вышел на лоджию. Отсюда был хорошо виден открытый плавательный бассейн с водяными каскадами и горками. На западе, над горизонтом, висело огромное, очень похожее на марокканский апельсин солнце. Оно окрашивало в оранжевый цвет и небо, и облака, и море, и растущие в дюнах сосны. Со стороны бассейна доносились музыка и громкий смех плавающих в подсвеченной заходящим солнцем воде отдыхающих. Сергей попытался разобрать слова песни, но его вдруг привлекла одна из фраз доносившегося откуда-то снизу разговора. Она заканчивалась словами "и за смерть наших врагов". Журналист перегнулся через ограждение лоджии и прислушался.

Послышался звон бокалов, и затем тот же мужской голос спросил:

— А как насчет культурной программы на вечер? Надеюсь, у вас еще не перевелись длинноногие красавицы?

— Были бы деньги, а этого добра всегда навалом. — Голос второго собеседника Сергею показался знакомым, он где-то его недавно слышал. — Для вас сервирован столик. Через двадцать минут начнется музыкальное представление, и вы сможете выбрать любую из понравившихся девочек.

— А две можно?

— О чем разговор? Вы наш гость. Мы для вас готовы согнать со всего города всех телок. И они будут до утра, нагишом, убажать вас танцем живрта.

— А вот этого не надо. Не стоит привлекать к моей скромной особе чрезмерного внимания местных жителей. Надеюсь, блондинки у вас есть?

— У нас танцуют только блондинки и только длинноногие.

Сергей хлопнул себя по лбу, он же собирался сходить в ресторан, посмотреть варьете.

В номере раздался звонок. Журналист покинул свой пост и подошел к телефону.

— Здравствуйте, это товарищ Николаев? — раздался в трубке девичий голосок.

— Да.

— Вам звонит Света из редакции. Вы меня помните?

— Конечно. Я даже о вас сегодня вспоминал.

— Правда? — В голосе у девушки прозвучала неподдельная радость. — Вы сказали, что остановились в гостинице возле нового бассейна. Я узнала ваш телефон и несколько раз звонила, но не могла застать.

— Я пил кофе в баре.

— Дело в том, что я убирала в столе у Николая и нашла завалившийся за ящик блокнот. Я подумала, что вам это будет интересно.

— Большое вам спасибо, Света. Мне действительно нужны сейчас любые записи Николая.

— Если вы хотите, я могу занести вам его. Я недалеко живу.

— Вы знаете, я как раз собирался уходить. Лучше я завтра сам заеду к вам на работу. Еще раз большое спасибо. До свидания.

Проход из гостиницы в ресторан был закрыт. Сергею пришлось выйти на улицу и присоединиться к очереди, стоящей возле дверей с табличкой "Мест нет". Толпа с каждой минутой росла, внутрь проходили единицы, а Сергей все дальше и дальше отодвигался от заветных стеклянных дверей, за которыми маячила гордая и на первый взгляд неподкупная фигура украшенного золотыми галунами швейцара.

Простояв у дверей почти час, Сергей понял, что не "позолотив ручку" розовощекому вышибале, в ресторан попасть невозможно. Ждать было бессмысленно, а платить ни за что ни про что этому вымогателю чаевых не хотелось, тем более варьете уже заканчивалось, и журналист направился к себе в номер писать заказанную редактором статью о прелестях курортного обслуживания.

Звонок. Реставратор взглянул на часы. Девять часов пятнадцать минут. Он затушил сигарету и поднял телефонную трубку.

— Позовите, пожалуйста, Арнольда.

— Я слушаю.

— Это Володя.

— Я тебя по голосу узнал, — Арнольд взял трубку в другую руку и пододвинул поближе бумагу с карандашом.

— Ну, еще не передумал, пограничник?

— Нет.

— Тогда записывай. Первая машина 58-11 записана за гражданином Гребельским А.Я., пенсионером, проживающим на улице Освобождения, 37. Это где-то за переездом. Вторая — за гражданином Депен А.В., официантом, улица Василевского, 4. Записал?

— Да.

— Скорей всего, это подставные лица. Возможно, машины куплены по доверенности или вообще крадены.

— Спасибо.

— Не за что. Чем могу. Счастливо.

Арнольд подошел к столу, на котором лежал арбалет. Вчера вечером реставратор разобрал его на мельчайшие детали, очистил от ржавчины, заменил сломанную пружину. Целую ночь в мастерской горел свет, и теперь это старинное оружие было вновь таким, каким оно вышло несколько столетий назад из рук мастера. Арнольд взял арбалет в руки, протер его металлические инкрустированные детали тряпочкой и рычагом, очень похожим на откидывающийся приклад современных автоматов, натянул тетиву. Короткая стрела с железным наконечником выскочила из "магазина" и со щелчком встала на место. В дальнем углу мастерской стояло несколько толстых досок. Арнольд прикрепил к одной из них листок с нарисованной мишенью, отошел подальше и выстрелил. Стрела попала в самый центр кружка и, пробив бумагу, а заодно две доски, застряла в бетонной стене. Проверив еще работу сверла и лебедки, реставратор отнес арбалет к себе в кабинет и не раздеваясь завалился на диван.

Проснувшись, Сергей принял душ, затем, на свежую голову, прочел написанную вчера статью. Получилось неплохо. Теперь еще несколько фотоснимков и официальная часть программы посещения сего славного городка была бы завершена, оставалась подводная часть айсберга. Николаев достал из дипломата фотоаппарат и спустился в бар. Все места в нишах были заняты. Сергей взял кофе и пристроился за ближайшим свободным столиком.

Сидевшая за стойкой девица в розовых лосинах и короткой кожаной юбке взяла свой бокал с напитком и, шлепнувшись в соседнее с журналистом вращающееся кресло, спросила:

— Не помешаю?

— Пожалуйста.

— Я балдею от небритых мужиков, — сказала девица, повернувшись к Сергею, — они такие злые в постели.

— Да? — Николаев провел рукой по заросшей щетиной скуле, в спешке сборов он забыл свою бритву и теперь волей-неволей приходилось ходить небритым. — Вот никогда не замечал этого за собой. Хотя, все может быть.

— Ты здесь живешь, в гостинице?

— Да.

— А чего я тебя в ресторане не видела?

— Как-то не получалось.

— Ну, ты это зря. Там клево. У тебя одноместный номер или с соседом?

— Не знаю. Он хоть и двухкомнатный, но там я живу один.

— И что вы там делаете один? — Похоже, что упоминание о двухкомнатном люксе сразу же повысило авторитет журналиста в глазах девицы, и она с "ты" перешла на "вы".

— Печатаю на машинке.

— А вам не нужна секретарша? Я не только печатать умею. Вы не смотрите, что я не накрашена. Я после бассейна. Когда я в полном боевом окрасе, на меня все мужики оглядываются. — Девица вдруг дернулась и быстро допила свой напиток. — Вот, сволочь, появился...

— Кто появился? — Сергей оглянулся. Возле дверей стояла группа разодетых "по фирме" молодых людей и, смеясь, говорила о чем-то между собой. — Вы, что, подруга кого-нибудь из них?

— Я подружка всякого. Хозяин пришел.

— Сутенер, что ли?

— Это для вас он сутенер, а для меня — хозяин. Вы думаете, у нас работа сахар, раздвинула ножки и гребит деньги лопатой? Как бы не так. Всем платить надо: и хо-

зяину, и швейцару, и милиции, а если кому не угодишь, могут и фейс попортить.

— А, Людмила, чего это ты в наши края зачастила? Промышляешь? — Перед столиком остановилась уже знакомая Николаеву белокурая официантка.

— Да нет, что ты, это я просто заскочила стака́н соку выпить, а то кафе в бассейне только в одиннадцать открывается. — В голосе у девицы появились заискивающие нотки. — Все, Альбина, я допила и ухожу. Меня уже нет. — Она подхватила стоявшую возле стойки сумку и как ошпаренная выскочила из бара.

— Терпеть не могу этих недоучившихся пэтэушниц, — сказала официантка, убирая со стола посуду. — Мозгов как у курицы, готовы за бокал шампанского и порцию сосисок любому мужику отдаться. На большее у них ума не хватает.

— На что большее? — спросил журналист.

— Да это я так... Ну как, видели вчера варьете?

— Я не попал в ресторан.

— Ну, вы как маленький, надо было заранее заказать место или сунуть Феде чирик.

— Я первый раз здесь и не знаю ваших порядков.

— Да порядки везде одни. Если хотите, я могу заказать вам столик, — предложила Альбина, заканчивая складывать на тележку использованную посуду.

— Если вам не трудно, — сказал Сергей, подсчитывая в уме, во сколько ему обойдется это предложение и свои скромные финансовые возможности.

— Кстати, вас можно поздравить?

— С чем?

— Говорят, у вашей машины за ночь колеса выросли.

— Вы хотите сказать, что кто-то почувствовал угрозу ния совести и решил поставить их на место?

— Что, еще не видели? Сходите посмотрите.

— Действительно, что я сижу, — журналист допил кофе и встал. — Подобное чудо надо лицезреть своими глазами.

— Ну, а как насчет столика? Заказать вам?

— Обязательно. Я вечером зайду.

Николаев обошел вокруг машины. У его "ласточки" действительно "выросли" за ночь колеса. Директор гостиницы, похоже, был человеком слова и в какой-то степени кудесником, сказал, что колеса завтра будут, и они появились, как по мановению волшебной палочки. Странно это, странно это...

Журналист нагнулся и потрогал покрышку. Он хоть и не разбирался в резине, но это явно были не его шины, да

и диски у него были ржавые, местами погнутые, а эти сияли свежей краской, как только что с завода. Может, подобным образом ворюги как-то хотели искупить свою вину? Сергей с сожалением подумал, что зря не сфотографировал свою старушку на березовых чурбачках, ведь, если рассказать, никто не поверит. Он открыл машину. На сиденье водителя лежал листок с отпечатанным на ксероксе рекламным текстом: "Установка на колеса болтов с секретом — лучшая защита от воров. Болты вы можете приобрести на любой автозаправочной станции или на станциях автосервиса. Цена комплекта*10 рублей". Шутники чертовы! А вообще-то, они правы, давно надо было разориться и поставить "секретки" на колеса. Журналист завел машину, сделал круг вокруг гостиницы и направился в сторону рыболовецкого колхоза.

Отдел техники безопасности находился на территории рыбпорта. Сергею пришлось долго плутать между огромных гор уже окаменевшей соли, штабелей старых бочек, ящиков и бухт толстых просмоленных канатов, прежде чем он наткнулся на небольшой домик, на двери которого висела табличка "ОТБ". В отделе находились два человека. В тот момент, когда Николаев вошел, они о чем-то громко спорили между собой и даже не расслышали стука в дверь. Увидев постороннего, оба мужчины тут же замолчали и разошлись в разные стороны.

— Здравствуйте, — Сергей сделал вид, что ничего не заметил. — Мне нужен товарищ Рудзитис.

— Я Рудзитис, — сказал коренастый мужчина в расстегнутой на груди рубашке, из-под которой выглядывала тельняшка. — Новенький? На работу устраиваешься?

— Нет, я журналист и хотел бы с вами поговорить.

При слове "журналист" разгоряченное спором лицо мужчины вдруг застыло и, в буквальном смысле на глазах, посерело.

— Дело в том, что наша газета хотела бы дать статью о моем коллеге Николае Ирбе. Мы знаем, что незадолго до смерти он беседовал с вами. Может, вы припомните, о чем шла речь, ваши впечатления. Мне приходится по крохам собирать материал о нем.

— У вас есть какой-нибудь документ, подтверждающий, что вы действительно журналист? — вдруг глухо спросил Рудзитис.

— Да, конечно, пожалуйста.

Он долго изучал красную книжечку, затем вернул Николаеву и сказал:

— Я не помню, о чем мы с ним говорили. Наверное, о технике безопасности лова в... — Стоявший у окна мужчи-

на кашлянул, и Рудзитис мгновенно осекся. — Не помню, не хочу врать.

— Хорошо, — Сергей понял, что в присутствии третьего лица вряд ли можно рассчитывать на получение какой-либо достоверной информации, он вырвал из блокнота листок и написал телефон. — Я остановился в гостинице. Позвоните, если что-нибудь вспомните. Мне это очень важно.

— Не обещаю.

После посещения отдела техники безопасности Николаев заехал в редакцию, взял там найденный Светой блокнот Ирбе и направился по второму адресу.

На трехэтажном здании была прикреплена табличка "Улица Курортная, 34". Отыскав в висящем в подъезде списке жильцов фамилию Римкас, Сергей поднялся на второй этаж и позвонил в четвертую квартиру. Дверь открыла женщина лет тридцати пяти.

— Вам кого? — спросила она, кутаясь в длинный махровый халат.

— Мне нужна Тамара Александровна.

— Я Тамара Александровна. Проходите. Извините меня за такой вид, но я на больничном. Присаживайтесь. Вы по какому делу ко мне?

— Дело в том, что я друг и коллега Николая Ирбе. Вы знали его?

— Да, конечно. Я работаю инженером в лаборатории и делала ему кой-какие анализы.

— Вы слышали, что Николай погиб?

— Да, — кивнула женщина. — Я даже присутствовала на похоронах.

— Вы одна из последних, с кем встречался и говорил Николай перед смертью. Мне крайне важно знать, зачем ему нужны были анализы и о чем он еще спрашивал вас? Постарайтесь припомнить все.

— Ну, если это действительно так важно для вас, — Тамара Александровна поудобней устроилась в кресле, — я постараюсь. Я училась с его женой в одном институте и через нее познакомилась с ним. Я знала, что он работает в газете и пишет статьи об экологии. Где-то месяца три назад он пришел к нам в лабораторию и попросил сделать анализы проб воздуха и воды. Наш заведующий, жуткий перестраховщик, позвонил руководству комбината и попросил у них разрешение на проведение этих работ. Начальство, естественно, строго-настрого запретило. Николай тогда обратился ко мне, и я, в частном порядке, после работы, помогла ему. Второй раз он попросил меня сделать анализы недели за две до смерти.

— Что это были за анализы?

— Первый раз был общий анализ проб воздуха и воды на содержание различных вредных веществ.

— И что у вас получилось?

— Содержание некоторых вредных элементов и соединений превышало предельно допустимые нормы в несколько раз. Хлора, например, почти в двадцать раз, двуокиси азота в пятнадцать. Второй раз он попросил сделать анализ проб воздуха и воды на содержание иприта.

— Иприта? — удивился журналист.

— Да, иприта. Я никогда не делала подобных анализов, и мне пришлось перерывать целую кучу книг по гражданской обороне. В воздухе я ничего не нашла, а вот в воде обнаружила следы иприта.

— Он не рассказывал, где брал эти пробы и для чего?

— Нет.

— А вы не вспомните числа, когда он приходил с этими пробами?

— Надо посмотреть. — Женщина встала и подошла к висевшему на стене красочному календарю. — Последний раз он был перед майскими праздниками, числа двадцать седьмого апреля, а первый раз девятнадцатого-двадцатого февраля. Точно, Николай пришел, а мы еще собирали деньги для подарка нашим мужчинам.

— О чем он еще говорил с вами, спрашивал, рассказывал?

— Он интересовался воздействием хлора и иприта на организм людей, но я не специалист в этой области и ничего толком не могла ему сказать.

— А почему он интересовался ипритом? Ведь это боевое отравляющее вещество.

— Не знаю. Извините, я что-то очень устала. Больше ничего не помню.

— Это вы, Тамара Александровна, меня извините, — Сергей встал и сунул блокнот в карман, — что я имел наглость вторгнуться в жилище больного человека и устроить ему допрос с пристрастием. Большое вам спасибо и выздоравливайте побыстрее. До свидания... Да, чуть не забыл. Вы не помните, Николай пользовался для записи вашего разговора небольшим диктофоном?

— Нет.

Прежде чем отправиться по третьему адресу, Николаев прошелся по центру и сделал несколько снимков. Городок был необычайно красив и ухожен. Обилие зелени, цветов, красочной рекламы, сверкающие чистотой тротуары и пешеходные дорожки — все это вызывало приподнятое чувство, которое было сродни ощущению

праздника. Хотелось забыть все дела и окунуться в свободно текущий мимо поток отдыхающих. Посидев немного на скамейке и погревшись на солнышке, Сергей тяжело вздохнул и направился к машине. Предстояло еще два визита.

На улице Комсомольской дверь открыла девочка двенадцати лет.

— Здравствуйте, — поздоровалась она.

— Здравствуй. Здесь живут Борисовы? — спросил журналист.

— Я сейчас позову бабушку.

В прихожей появилась полная женщина с полотенцем через плечо.

— Добрый день, — сказала она. — Вам кого?

— Я хотел бы видеть Борисовых. Я из редакции газеты.

— Проходите. У нас уже были месяц назад из газеты. Молодой человек к Вячеславу Семеновичу приходил, на магнитофон его записывал.

В книжке Ирбе напротив номера телефона стояли две буквы: "В.С.", похоже, что Николаев был на верном пути.

— Да, я тоже к нему.

— Ой, как жалко, — всплеснула руками женщина, — а он только позавчера в море ушел.

— А когда вернется?

— Да уж теперь не раньше, чем месяцев через пять. В Атлантику пошли. Вот какая беда. Вы, значит, к нему тоже насчет этих бомб.

У Сергея от удивления чуть не вырвался вопрос "Каких бомб?", но он вовремя спохватился и осторожно спросил:

— А может, вы в курсе?

— Да нет, я на кухне была. Так, краем уха слышала. — Женщина протерла полотенцем стул и пододвинула его Николаеву. — Садитесь, в ногах правды нет. Извините, что у нас тут небольшой беспорядок. Мы с внучкой генеральной уборкой решили заняться, пока все на работе.

— А может, вы все же что-нибудь попытаетесь вспомнить? Дело в том, что тот журналист, который приходил к вам и должен был писать статью, разбился на машине, и все материалы, собранные им, пропали.

— Этот молодой человек умер?

— Да, — кивнул головой журналист. — Теперь мне приходится собирать все заново.

— Такой молодой... Даже не верится...

— Мне тоже. Он был моим другом. И поэтому мне особенно важно завершить ту работу, которую он не успел доделать.

— Я вас понимаю, — женщина вытащила из кармана фартука носовой платок и промокнула выступившие сле-

зы. — У меня самой сын вашего возраста. Даже не знаю, как бы вам помочь. Мой Вячеслав Семенович — капитан рыболовного траулера. Они в начале прошлого месяца вытащили неводом вместе с рыбой несколько бомб.

— Наверное, не бомб, а плавучих мин, — поправил ее Сергей. — Они такие круглые, с рожками.

— Не разбираюсь я в названиях. Их тут после войны тьма-тьмушая была. Почитай, года не было, чтоб одно-два судна на этих бомбах не взрывались. У моей соседки муж, одноклассник Вячеслава Семеновича, через десять лет после войны, в пятьдесят пятом, погиб.

— Ну и что было с теми бомбами, которые вытащили с рыбой?

— Не знаю, наверное, привезли на берег. Потом приходил ваш друг и долго расспрашивал о чем-то Вячеслава Семеновича. Мой ему карты показывал и рисовал что-то, а журналист весь разговор на маленький такой магнитофон записывал. Не прислушивалась я. Если бы знала, что вам так нужно будет...

— А вы не помните случайно, откуда Николай свой диктофон вытащил? Из кармана или из дипломата?

— Этого я не видела. Когда они говорили, магнитофон на столе лежал, а когда ваш друг уходил, я дверь закрывала, он, кажется, у него в руке был. Больше ничего не помню. Уж больше месяца прошло. Да и магнитофон я запомнила только потому, что он мне в диковинку был. Маленький, серебристый.

— Большое спасибо, — встав, поблагодарил хозяйку Николаев, — вы мне очень помогли.

Проспав после бессонной ночи почти до половины четвертого, Арнольд встал, приготовил себе поесть и направился по адресам, которые сообщил ему милиционер.

Дом на улице Василевского представлял собой трехэтажный особняк с черепичной крышей. Во дворе было множество капитальных хозяйственных построек, но на всем лежал налет запущенности. Реставратор прошелся несколько раз вдоль забора, стараясь получше рассмотреть дом. Окна в нем были везде закрыты, а на первом этаже даже занавешены плотными шторами. Арнольд перешел на другую сторону улицы и, вытащив из сумки книгу на немецком языке по реставрации мебели, присел на скамейку в небольшом скверике. Это был неплохой наблюдательный пункт. Невысокие кусты и деревца не мешали следить за домом и его обитателями, а заодно скрывали наблюдателя от посторонних глаз.

Минут через пятьдесят к дому подъехали "Жигули". Арнольд не видел номера, но он мог поспорить, что это

была одна из тех машин, на которых к нему приезжали вымогатели. Из "девятки" вылез молодой человек в черной кожаной куртке и вошел в калитку. Арнольд устроился поудобней и начал наблюдать за окнами. В правом нижнем колыхнулась штора. Минут через пять молодой человек вышел из дома и подошел к машине. Угловое окно распахнулось, и из него выглянул мужчина.

— Не забудь заехать в гостиницу к толстяку. Узнай, чего он хочет, — крикнул он водителю "Жигулей".

— Хорошо, я как раз еду в бассейн, а потом заскочу к нему, — ответил тот, садясь за руль.

Машина развернулась. Арнольд успел заметить номер 15-81. Все правильно, это на ней приезжали рэкетиры. Жалко, что не удалось получше рассмотреть лицо водителя. "Жигули" подъехали к перекрестку. Если машина повернет направо, то, значит, молодой человек направляется к старому бассейну, если налево, то к новому. Машина свернула налево. Прекрасно, это упрощает дело, там всего одна гостиница. Реставратор сунул книжку в сумку и, пройдя через сквер, остановил такси.

— К отелю, возле нового бассейна.

В гостинице Арнольд устроился в холле на диванчике, возле пальмы, и вновь вытащил свою книгу. На этот раз ждать пришлось недолго. Молодой человек в кожаной куртке подошел к окошку администратора и спросил:

— Где Рехнер?

— Он только что прошел в бар.

Минуты через две реставратор захлопнул книжку и заглянул в бар. Молодой человек сидел спиной к двери и беседовал с небольшим лысоватым мужчиной в сером костюме. Бар был пуст, и поэтому незаметно подслушать, о чем у них шел разговор, не представлялось возможным, но и так, на первый раз, информации достаточно. Теперь следовало бы узнать что-нибудь о хозяевах второй машины.

Арнольд вышел из гостиницы и остановил частника.

— Подбрось до улицы Освобождения.

— Какой номер? — спросил водитель.

— Тридцатый.

— Нет, там крюк надо до переезда делать, а дорога вся разбита. Машину новую не хочу гробить.

— Ну подбрось хотя бы до железной дороги, я там пешком дойду.

— Садись.

Четвертый телефон принадлежал детскому саду. Он находился на улице Советской, в двух шагах от нового здания городского исполнительного комитета. За зеле-

ным забором среди разноцветных домиков бегали детишки. Сергей открыл калитку и подошел к одной из молоденьких воспитательниц, наблюдавших за играми своих подопечных.

— Здравствуйте, вы не подскажете, где мне найти Алексееву?

— Она у нас больше не работает. На прошлой неделе уволилась.

— Ушли ее, по собственному желанию, — усмехнулась вторая воспитательница. — Кому-то очень помешала.

— Клава...

— А что Клава? Хорошая женщина была. Детишек любила. Больше такой заведующей не найдешь. А вы, случаем, не журналист?

— Нет, — соврал на всякий случай Николаев. — А что такое?

— Да тут приходил к ней один. За него ее и уволили. Это...

— Клава, ну что ты вечно?.. — перебила свою коллегу первая воспитательница. — Хочешь, чтоб и тебя?.. Молодой человек, вы ее не слушайте. Это она так. А если вам нужна Алексеева, то вы можете зайти к ней домой. Она здесь рядом живет. Улица Сенная, дом три, квартира один.

Дома Алексеевой не оказалось. Соседка сказала, что она уехала на несколько дней к родителям, и дала ее домашний телефон. Сергей сел в машину и поехал в гостиницу. В номере он первым делом принял душ и сменил рубашку, а затем завалился на диван и занялся изучением полученного в редакции блокнота Николая.

Это был обычный блокнот с отрывными листками, какими пользуются журналисты. На обложке стояли инициалы Ирбе — "Н.И.". На первой странице было крупным размашистым почерком написано, а затем зачеркнуто: "Сколько нам осталось?". Внизу, в овале, был нарисован тонущий корабль. Слева от него стояло число "19", справа — "44". На второй странице каллиграфическим почерком было выведено: "Кому это выгодно? Кто на этом греет руки?". Дальше следовал текст: "Как прекрасен наш утопающий в зелени курортный городок на берегу янтарного моря. В большинстве своем здесь живут прекрасные и трудолюбивые люди. Живут и не знают, какая опасность нависла над ними..." На этом текст обрывался. Из блокнота было вырвано по крайней мере страниц пять. Далее следовали чистые листы. Кто бы это мог сделать? Нико-

лай или те, кто выкрал из стола в редакции все его бумаги?

Сергей закрыл глаза ладонями и откинулся на спинку дивана. Сколько разной и на первый взгляд не связанной между собой информации получено за сегодняшний день. Имеет ли хоть часть ее какое-нибудь отношение к смерти Ирбе? Почему Рудзитис так побледнел, когда узнал, что я журналист? А он здорово испугался, хотя и не похож на человека робкого десятка. Может, он убийца или имеет к этому отношение? Зачем Николаю понадобились анализы проб воздуха и воды? При чем здесь хлор и иприт? Зачем эти бомбы или мины? Является ли все это звеньями одной цепи? Столько вопросов и ни одного ответа. Надо копать дальше. Возможно, встреча с Алексеевой поможет решить некоторые из них.

Раздался телефонный звонок. Николаев протянул руку и поднял трубку.

— Да, я слушаю.

Человек на другом конце провода молчал. Слышалось лишь его учащенное дыхание.

— Говорите, я слушаю.

Молчание.

— Ну, как хотите, — сказал Сергей и положил трубку.

Перейдя железнодорожные пути, Арнольд оказался перед группой довольно жалких на вид построек. Он прошелся по вымощенной булыжником мостовой вдоль заборов. Нигде не было видно никаких табличек с номерами домов.

— Что ты здесь ищешь?

Реставратор оглянулся. Возле открытой калитки стоял худой и длинный старикашка в меховой безрукавке и с палкой в руке.

— Что ты здесь потерял? — спросил он вновь. Голос у него был противный и скрипучий.

— Я ищу дом тридцать четыре.

— Ну, мой дом.

Это было очень некстати. Арнольд хотел немного понаблюдать за домом, прежде чем заявляться туда. Появление же старика, причем настроенного не очень любезно, осложняло поставленную задачу. Надо было как-то выкручиваться.

— Вы товарищ Гребельский?

— Да, я.

— Дело в том, что мой "Москвич" на стоянке ударила сегодня какая-то машина. Свидетели записали номер, а в ГАИ мне сказали, что она принадлежит вам.

— Что? У меня нет никакой машины и никогда не бы-

ло. Иди отсюда, а то я сейчас милиционера позову. Он здесь рядом живет, — старикашка захлопнул калитку.

Он явно лгал, говоря о том, что не знает о записанной на его имя машине, но делать было нечего, и Арнольду пришлось ретироваться несолоно хлебавши.

Тем временем старик, пронаблюдав, в какую сторону пойдет непрошенный гость, пролез сквозь дыру в заборе на соседний участок и, бормоча про себя "ишь, товарища себе нашел", постучал в окно небольшого одноэтажного домика. Из-за занавески выглянул чье-то лицо, затем распахнулась дверь, и на пороге появился огромный детина в синей майке.

— В чем дело, дед?

— Тут насчет машины приходили, спрашивали.

— Кто приходил? Когда?

— Мужик. Минуты три назад. Все вынюхивал здесь. Говорил, что вы ударили на стоянке его машину, а вы сегодня и не выезжали.

— Как он выглядел?

— У него шрам на морде, — старик провел желтым скрюченным пальцем по небритой щеке, — вот здесь.

— Куда пошел?

— К переезду.

— Так, понятно. — Детина на мгновение задумался, затем обернулся и крикнул куда-то в глубину дома. — Славка, Дятел! Бросайте все и мигом в машину. А ты, дед, ничего не видел, ничего не слышал. Понял? Иди спать.

Старик закивал головой и направился к дыре в заборе.

Сергей зашел в бар, взял чашечку кофе и сел на свое любимое место в нише. Мягкий свет проникал сюда сквозь стекла витража и, отразившись в зеркалах, отбрасывал на черную полированную поверхность стола множество разноцветных бликов. Негромкая, ненавязчивая музыка лилась из вмонтированного в стену динамика. Николаев отхлебнул глоток кофе, закрыл глаза и откинулся на мягкую спинку.

Интересно, какую роль играет в данной истории иприт? Может, какой-нибудь засекреченный завод в районе курортного города выпускает боевые отравляющие вещества, нарушая технологию и правила хранения, а Ирбе узнает об этом, врывается в святая святых нашего военно-промышленного комплекса и платится за это жизнью? Бред!.. А может, все проще, разгадка во втором названии иприта — "горчишный газ"? Государственное предприятие выпускает горчицу или горчичники и сливает в море неочищенные промышленные отходы, в которых и содержится иприт? Нет, скорей всего это тоже бред и иприт ни-

какого отношения к производству горчицы не имеет. Нужна более исчерпывающая информация.

Журналист достал из кармана блокнот Николая и открыл на первой странице. "Сколько нам осталось?" Тонущий корабль и два числа. Что это означает? Ну хотя бы цифры. Может, год? Или время гибели судна? Девятнадцать часов сорок четыре минуты. Теперь остается только узнать, а был ли мальчик, то бишь корабль, и если был, то отчего он затонул? И самое главное, имеет ли он к моему расследованию какое-нибудь отношение? Может, мне его специально подсунули?

Задумавшись, Сергей не заметил, как к его столику подошла официантка.

— Чем это вы занимаетесь? — исподтишка бросив взгляд в блокнот, спросила она.

— Что? — Николаев поднял голову. — А, это вы, Альбина. Вы что-то спросили?

— Да, я хотела узнать, что вы нашли интересного в своем блокноте? Уже минут десять сидите без движения, уставившись в него.

— Ну, это не так много, — усмехнулся журналист и сунул блокнот в карман, — многие известные ученые отдали герменевтике большую часть своей жизни.

— Кому? — переспросила официантка, присаживаясь за столик.

— Герменевтике. Это очень старая наука, которая ищет смысл внутри текста. Еще в древнем мире она занималась изучением священных текстов.

— Вы тоже их изучаете?

— В какой-то мере. Но это все скучно для красивых девушек. Лучше подскажите мне, где я мог бы купить горчичники? А то у нас в городе их нет, и мне родственники сделали заказ.

— Горчичников нет? — изумилась Альбина. — Странно. У нас в любой аптеке лежат. Заходи и покупай.

— А может, у вас и горчичный порошок есть?

— Я только вчера видела в магазине. Навалом.

— Ну и благодать у вас, живете как буржуи. И горчичники есть, и порошок, и небось свой горчичный заводик?

— Да нет, заводика нет. Просто у нас курорт, люди болеют редко, и поэтому горчичники не пользуются таким спросом, как у вас.

— Наверное, — улыбнулся Сергей. — Ну а как насчет столика?

— Я заказала. Часам к девяти-десяти можете подойти. Раньше там делать нечего.

— А вы составите мне компанию?

— Ну, если вы приглашаете, то почему бы нет. Только мне надо будет заехать переодеться. Не могу же я сидеть

с вами в ресторане в том костюме, в каком танцую в вальсе.

— А что тут такого? Много одежды только портит фигуру женщины, а отечественная и вообще уродует ее.

— Слава богу, я уже давно не пользуюсь услугами нашей легкой промышленности. Вы подождите меня у своей машины, я сейчас соберу со столов посуду, и мы съездим ко мне за вечерним платьем.

Пока реставратор искал дом и разговаривал со стариком, железнодорожники поставили на путях длинный состав. Арнольду не хотелось лезть под вагонами, и он свернул к переезду, тем более что там скорей можно было поймать машину. Начало темнеть. На другой стороне железнодорожного полотна зажглись фонари. Мимо прошла электричка. За перестуком вагонных колес реставратор не расслышал шум приближающегося автомобиля, и только в последний момент что-то заставило его оглянуться и отпрянуть в сторону. Раздался глухой удар.

Машина остановилась. Из нее вышли трое мужчин. Один из них склонился над лежащим на обочине телом.

— Готов? — спросил тот, кто был повыше ростом.

— Кто его знает. Может, свет включишь?

— Ты что, спятил? Обыщи его карманы.

— Ключи, какая-то записка. Визитная карточка. Кошелек. Больше ничего нет.

— Кошелек положи на место, остальное убери.

— Что с ним делать будем?

— Тащите на рельсы. Сейчас должна пройти электричка.

Двое подхватили недвижимое тело и потащили к железнодорожному полотну.

На улицах города уже зажглись фонари, а на крышах и стенах домов реклама. Она сияла и мигала всеми цветами радуги, отбрасывая на проезжающие машины разноцветные блики и окрашивая лица празднующихся отдыхающих то в синий, то в красный, то в зеленый цвета, превращая их в участников огромного костюмированного бала.

— Сейчас направо и метров через сто остановитесь, — сказала сидящая на переднем сиденье Альбина.

Сергей притормозил возле трехэтажного особняка и спросил:

— Здесь?

— Да, — кивнула официантка, открывая дверцу. — Я

вас не приглашаю, у меня там после сегодняшней ночной пирушки небольшой погром.

— Этот дом весь принадлежит вам?

— Он мне достался от покойного мужа.

— А сколько ему было лет?

— Сорок восемь

— А вам?

— Тогда? Двадцать два. Я снимала комнату и работала в кафе. Потом мы поженились. Он был так добр ко мне.

— Сколько вы прожили вместе?

— О, совсем немного. Пять месяцев. Мне было так одиноко после его смерти

— А почему он умер?

— Авария. У его машины отлетело переднее колесо, и он врезался в дерево. Говорят, он был навеселе.

— Странно, — пробормотал Николаев, — уж очень здесь большая смертность на дорогах.

— Что вы сказали?

— Это я так, про себя. А кем он работал?

— Вы меня расспрашиваете, словно следователь на допросе.

— Ну что вы, я просто журналист. А они, как дети, все ужасно любопытные.

— Он работал начальником автосервиса.

— Да, — еще раз бросив взгляд на дом, покачал головой Сергей, — большая шишка в наше время.

— Ну ладно, — улыбнулась Альбина, — не грустите. Я мигом.

Оставшись один, журналист опустил стекло и закурил. Он не успел докурить сигарету и до половины, как к дому подкатила черная "Волга" и, ослепив его фарами, остановилась буквально в нескольких миллиметрах от переднего бампера "Жигулей". Из нее вышли двое мужчин в кожаных куртках и подошли к машине Сергея. Один из них, распахнув дверцу водителя, грубо спросил:

— Что ты здесь стоишь?

— А что, нельзя? — Николаев стряхнул пепел на дорогу и в упор посмотрел на мужчину. Он был чуть ниже среднего роста, с глубоко посаженными глазами и выдающимся вперед крупным, раздвоенным подбородком.

— Нельзя.

— Я жду хозяйку. Она сейчас придет, и я уеду. Закройте, пожалуйста, дверцу.

— Какую еще хозяйку?

Неизвестно, чем бы закончилась эта сцена, если бы в калитке не показалась Альбина.

— Донис, прекрати, он ждет меня! — крикнула она.

Мужчина подошел к ней и схватил за руку.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не таскала своих клиентов сюда?

— Ты что, параноик, опять?.. — Официантка выдернула руку и села в машину. — Поехали.

Сергей дал задний ход и развернулся.

— Что это за тип? Ваш любовник? — спросил он.

— Как же, — дернула щекой Альбина. — Придурок один. Сами понимаете, зарплата у официантки небольшая, а одеться по-человечески хочется, вот и приходится сдавать часть дома. А этот дурак возомнил из себя неизвестно что. Ладно, черт с ним... О чем вы сейчас пишете? Действительно о нашей гостинице? — сменила она тему разговора.

— Ну как бы вам сказать? Дело в том, что редактор дал мне задание подготовить к летнему сезону статью об успехах курортного обслуживания в вашем городе. Вот я и пытаюсь что-нибудь написать в этом духе.

— Обычно вашего брата интересует что-нибудь типа наркотиков, проституток. Тут недавно один писака приезжал из Москвы, все вынюхивал и выспрашивал насчет публичных домов и наркоманов. Дня через три он так всем надоел, что ему местные репу начистили и предупредили, чтоб он больше в городе не появлялся.

— Вы употребили сейчас странное выражение "начистить репу". Что оно означает?

— Это берут человека за волосы и проводят несколько раз его лицом по асфальту.

— М-да, — задумчиво произнес Сергей, подруливая поближе к дверям ресторана, — не хотелось бы мне оказаться на месте этого писателя.

— Не ставьте здесь машину, — сказала Альбина. — Это место "забито" местными таксистами. А то они могут вам камеры проколоть. Подайте лучше назад.

— Ну и нравы в вашем городе! Машину куда хочешь не поставишь, о наркотиках и домах терпимости лучше и не заикаться. Как вы здесь живете?

— В принципе не так уж плохо. Только здесь не любят, когда кто-нибудь садится не на свой стул или сует нос в чужие дела. Вот и все.

Они подошли к дверям ресторана. Возле них, как и вчера, стояла толпа. Официантка постучала монеткой по стеклу. Швейцар тут же распахнул перед ней двери.

— Прошу. Чего сегодня так рано? — спросил он, улыбаясь, у Альбины и тут же загородил проход Николаеву. — Куда прешь? Табличку не видишь? Мест нет!

— Это со мной, — небрежно бросила через плечо официантка.

Швейцар с нескрываемым сожалением пропустил журналиста и вновь закрыл дверь на огромный запор.

Гардеробщик бросился навстречу Альбине.

— Нет, нет, — запротестовал Николаев, — я, сам. По-моему, для мужчины не может быть ничего более приятного, чем помочь женщине освободиться от пут одежды. Разве я могу отказать себе в таком удовольствии?

Скинув свой длинный белый плащ на руки Сергея, Альбина обернулась к изумленному почти мгновенным превращением обычной официантки в элегантную даму журналисту и, улыбнувшись, сказала:

— Вы изволили заметить, что много одежды только уродует женщину, и мне захотелось вам угодить.

— О прекрасная и ослепительная богиня, считайте, что вам это удалось, — Сергей наклонился и поцеловал ей руку.

В этом на первый взгляд простеньком, а на самом деле, вероятно, от Диора платье, подчеркивающим все достоинства женской фигуры, с рассыпавшимися по плечам белокурыми волосами, она действительно неплохо выглядела. Николаеву даже стало стыдно за свой потертый пиджак и джинсы. Рядом с такой женщиной надо было находиться как минимум в смокинге.

— Ну что, идем? — Альбина подхватила его под ручку, и они стали подниматься по лестнице.

На верхней ступеньке их уже поджидал метрдотель.

— Прошу сюда, — он показал на стоящий невдалеке от сцены сервированный столик. Вам здесь будет удобно. Вы вдвоем?

— Да, — кивнула женщина.

— В таком случае я уберу лишние стулья, чтобы вам никто не мешал. Официант сейчас подойдет.

Сергей взял протянутое меню, раскрыл и передал его Альбине:

— Я здесь в первый раз, поэтому вам и карты в руки.

Пока женщина листала меню, Сергей оглядел зал. Такого роскошного оформления ресторана он еще не встречал, хотя ему, еще по работе в милиции, неоднократно приходилось бывать во многих значных заведениях.

— Я уже выбрала, — сказала Альбина. — Закажите мне легкую закуску и икорки, только не лососиную, а осетровую. Ну, еще мороженого и чашечку кофе.

— А что вы будете пить?

— До выступления апельсиновый сок, ну а потом можно будет шампанского и "КВВК".

— "Коньяк Выдержанный Высшего Качества"? Это такая редкость, — удивился Сергей, — я думал, что его уже давно не выпускают и не продают.

— Если есть "капуста", то здесь можно получить все, что вашей душе угодно.

— А если нет?

— Как и везде. Не вижу денег — не вижу человека. В общем, заказывайте, я сейчас вернусь. Мне надо за кулисы заглянуть, узнать, что там творится.

Пока Альбина отсутствовала, Николаев успел сделать заказ и даже пройти по ресторану. Больше всего его поразила огромная надпись краской на белой кафельной стене в туалете: "Мафия бессмертна".

— Вот и я. Вы не соскучились? — сказала Альбина, садясь за столик. — О, алкоголь и закуски уже прибыли. В таком случае наливайте мне в бокал апельсинового сока, а себе шампанского и давайте выпьем за наше знакомство.

Они чокнулись и выпили.

— Расскажите, чем вы кроме своей писанины занимаетесь? Ведь вы, журналисты, знаете, наверное, много интересного.

— Мы, много интересного?.. — Сергей задумался.

"Черт побери, почему мне раньше не пришла в голову эта мысль. Ведь первое, что я должен был сделать, — побывать на месте происшествия. Вполне возможно, там еще остались какие-то следы, которые могли бы многое рассказать об аварии. Надо завтра же побывать там". Он вытащил из кармана ручку и записную книжку.

— Что, журналисты все такие, со странностями? То задумаетесь на час, то хватаетесь за ручку и начинаете что-то строчить? — спросила Альбина. — Дайте хоть почитать.

— Ой, извините. Здесь вы все равно ничего не прочтете, у меня очень плохой почерк, — улыбнулся Николаев, пряча записную книжку в карман. — Честное слово, в сегодняшний вечер я больше ни о чем не буду думать, кроме как о вас. И, чтоб подтвердить свои слова, я предлагаю тост...

"Какой странный звук", — Арнольд приподнялся и вдруг неожиданно для себя обнаружил, что лежит поперек железнодорожного полотна. Откуда-то из темноты навстречу ему стремительно приближались два ярких источника света.

"Поезд!" — как молния мелькнуло у него в голове, и он рывком, преодолевая боль во всем теле, перевернулся на живот и закрыл голову руками. Едва он это сделал, как над ним загрохотали колеса электрички.

Вдали уже давно исчезли красные огоньки последнего вагона, а он все еще лежал между рельсов, уткнувшись лицом в пахнущую мазутом шпалу, не в силах от только что пережитого страха даже приподнять голову, и пытался припомнить, как он сюда попал. Последнее, что ос-

талось в памяти, — это вылетевшая из темноты машина и удар. Арнольд поднялся и, хромая, скрипя зубами от каждого резкого движения, с трудом добрался до ближайшей остановки. Пассажиров в автобусе было мало, да и сидели они на передних сиденьях, поэтому никто не обратил внимания на его куртку с оторванным рукавом и порванные на коленке и бедре брюки.

На крыльце, перед входной дверью, Арнольд обшарил все карманы, но не обнаружил ни ключей, ни бумажника и ему пришлось влезать к себе домой через кухонное окно, хорошо, что оно оказалось приоткрытым. Перевалившись через подоконник, он, не включая света, добрался до ванной комнаты, достал из аптечки упаковку с баралгином и, засунув в рот сразу три таблетки, запил их водой из-под крана. Голова в буквальном смысле раскалывалась на куски от боли и слегка подташнивало. Арнольд сел прямо на пол и прислонил голову к прохладной, облицованной кафелем стене

В гостиной зазвонил телефон.

“Пошли все к черту. Меня нет”, — Арнольд закрыл глаза и еще сильнее прижался лбом к холодным кафельным плиткам.

Неизвестно, сколько он так просидел — полчаса, час. Вывел его из оцепенения на этот раз звонок в прихожей. Кто-то не переставая нажимал на кнопку дверного звонка. Чертыхаясь, Арнольд поднялся, но едва он сделал несколько шагов, как услышал звук поворачиваемого в замке ключа. Дверь приоткрылась, и в зеркале, висевшем в коридоре, четко обозначились на фоне лунного света силуэты двух мужчин.

Арнольд щелкнул выключателем и осторожно проскользнул назад в ванную, прикрыв за собой дверь.

— Ничего домик, — раздался глухой мужской голос. Дверь в ванную приоткрылась, луч фонарика скользнул по белым кафельным плиткам и полке с разноцветными бутылочками из-под шампуня. — Богато живут. Похоже, он еще не появлялся.

— Что там? — донесся, вероятно из гостиной, голос второго непрошеного гостя.

— Ванна, глубокая. Вот почему так, когда я вижу ванну, мне ужасно хочется в нее насрать? Вероятно, сказывается недостаток ласки и витаминов в детстве.

— Хватит трепаться. Иди сюда, посмотри, что я нашел.

Дверь захлопнулась. Арнольд, стоявший за ней, с облегчением вздохнул.

Надо было что-то предпринимать, но вместе с тем и дураку было понятно, что в таком состоянии, без оружия, едва держась на ногах от головной боли, ему с двумя бандитами не справиться. Пока он, кусая губы, стоял, присло-

нившись к стене в ванной, и обдумывал свое незавидное положение, незваные гости преспокойно хозяйничали в его доме. Это были не самые лучшие минуты в жизни Арнольда.

С улицы донеслись два коротких автомобильных сигнала.

— Сматываемся, — раздался голос одного из бандитов, — давай быстрее.

Хлопнула входная дверь, и в доме наступила тишина.

Выйдя из своего укрытия, Арнольд первым делом закрыл входную дверь на защелку и прикрыл окно на кухне. Затем он обошел комнаты. Внешне никаких явных признаков вторжения не было видно, только некоторые дверцы шкафов были распахнуты и, вероятно, в спешке не до конца задвинуты ящики. Не хватало ста пятидесяти рублей и шкатулки с драгоценностями жены, лежавших в верхнем ящике буфета, ну и двух бутылок коньяка.

Реставратор поднялся к себе в кабинет и достал из-под дивана арбалет со стрелами. Зарядив его, он спустился вниз, включил воду и залез в ванну. Надо было основательно обдумать события богатого происшествия дня и привести свои мысли в порядок. Это было не просто с такой головной болью, но прохладный душ сделал свое дело.

Голова потихонечку начала проходить, зато боль в локте, колене и правом бедре возобновилась как бы с новой силой. На теле было несколько основательных кровоподтеков. Пришлось вылезти из ванны и смазать йодом свои многочисленные царапины и ссадины.

— Очень повезло, что я успел в последний момент заметить машину и сгруппироваться, иначе меня уже не было бы в живых... Не совсем понятно, что они здесь искали?.. Знают ли, что я остался в живых?..

И как бы в ответ на его вопрос в гостиной раздался телефонный звонок.

Холодная ладонь легла на лоб.

— Ну как, вам лучше?

Николаев открыл глаза. Перед ним на краешке кровати сидела Альбина. Она уже была не в своем шикарном платье, а в джинсах и простеньком свитере с фирменной этикеткой на груди.

— Ну как, вам лучше? — переспросила женщина.

— Не знаю. Ужасно болит голова, — Сергей поморщился.

— Не мудрено. Столько вчера выпить.

Он приподнял одеяло и вдруг обнаружил, что лежит в постели совершенно голый.

— Где я?

— У себя в номере. Вот, выпейте, сразу полегчает.
Николаев понюхал стакан с прозрачной жидкостью.

— Что это?

— Водка.

— Нет, нет. Только не это. Лучше минералки. — Он схватил стоящую на тумбочке открытую бутылку с водой и тут же, из горлышка, всю ее выпил и откинулся на подушку. — Ух, полегчало. Как огонь внутри... А кто меня раздел?

— По-моему, вы сами, — усмехнулась Альбина. — Даже мне пытались помочь. Разорвали мне платье. Чуть не изнасиловали прямо в коридоре...

— Да? — Николаев приподнялся на локте и с удивлением уставился на Альбину. Странно это, странно это... Такого за ним еще не водилось. Всю память о вчерашнем вечере напрочь отбило, а ведь он никогда не мог пожаловаться, что не умеет пить. Не раз ему приходилось самому развозить приятелей по домам на такси после дружеских банкетов.

— Но деретесь вы классно. Так вломили этому толстому индюку, что он половину столов в зале попопрокидывал.

Сергей почувствовал, как у него потихонечку начинают подниматься волосы на голове. Да и было от чего, события вчерашнего вечера обрастали все большими подробностями. Ничего себе, варьете сходил посмотреть...

— Что я еще натворил?

— Вы кричали на весь зал, что вашего друга убили, но вы все равно найдете его убийц.

Ну, это уже был бред чистой воды. Чтоб он так прокололся!..

— Что еще?

— Вас мои знакомые ребята пытались успокоить, а вы на них набросились. Феде синяк поставили.

— Феде? Какому Феде? Швейцару? Здоровому такому?

— Да.

Это было уже интересно. Самый веселый момент во всей истории. Швейцару, по правде говоря, еще тогда, в дверях, хотелось съездить по роже. Здоровый жлоб. Николаев взглянул на свои кулаки. Кожа на костяшках пальцев была содрана в кровь.

— Хорошо, что рядом оказался директор гостиницы, он быстро всех успокоил и все уладил.

Журналист со стоном вновь опустился на подушку.

— Ничего не помню.

— Ну ладно. Я пошла. У меня работа.

— Сколько сейчас времени? Где мои часы?

— Сейчас около одиннадцати. А ваши часы, — Альбина кивнула, — на тумбочке. Вы их разбили в драке.

— Неужели? — Сергей взял часы и с удивлением уставился на них. Вот это действительно было странным. Дело в том, что часы были фирмы "Ориент": противоударные, пылевлагозащитные, с особо прочным кристаллическим стеклом. Даже когда во время ремонта машины сорвался двигатель и чуть не раздавил ему руку, на стекле осталась всего лишь небольшая царапина, а здесь циферблат был буквально вбит в корпус. Это какой же силы был удар?

Николаев взглянул на запястье левой руки, на котором носил часы, но там не было не только синяка, но и даже царапины. Странно, очень странно... Еще страннее было то, что они лежали на тумбочке, а он не имел привычки снимать их на ночь.

— Во сколько все это произошло?

— А сразу после представления. Я к вам подошла. Мы выпили. Да вы по часам можете увидеть, во сколько они остановились. В десять часов десять минут. Ну ладно, я пошла. Может, вам что-нибудь принести?

— Нет, нет, ничего не надо. Спасибо.

Она вышла.

Николаев внимательно осмотрел часы. На обратной стороне были хорошо видны свежие царапины. Их явно положили на бетонную плиту или асфальт и ударили чем-то тяжелым.

Сергей зажал в кулаке часы, закрыл глаза и попытался еще раз вспомнить прошедший вечер. Итак, он поставил машину. Федя. Платье Альбины. Столик. Она ушла. "Мафия бессмертна". Бокал шампанского. Она наливает ему коньяк. А дальше провал. Он просыпается у себя в номере и ему рассказывают истории, которые могут присниться разве что в страшном сне... Да, он еще в ресторане записывал в блокнот о том, что надо осмотреть место аварии.

Сергей вскочил с кровати, натянул трусы и джинсы и залез во внутренний карман лежавшей на столе куртки. Записных книжек не было. Он проверил остальные карманы. Но и там ничего. Ключи от машины есть, бумажник, хоть и пустой, есть, а вот блокнотов нет. Ни его, ни Николая Ирбе. Он обыскал весь номер, но не нашел их. В дипломате, хотя там ничего не пропало, явно кто-то рылся.

В принципе, этого и следовало ожидать. Очень уж странное выпадение памяти у него получилось. Интересно, куда они плеснули мне "химии" — в коньяк или шампанское?.. Идиот. варьете ему захотелось!

Теперь самое главное, успели они уже разобраться в моих записях? Если да, то они могут мне устроить веселую жизнь. Если уже не устроили. Надо попытаться опередить их.

Николаев оделся, умылся и вышел из номера. В холле

на первом этаже выплыл навстречу ему с одной из своих накладных улыбок, на этот раз снисходительно-отеческой, сам директор гостиницы.

— Здравствуйте, здравствуйте. Здорово вы вчера прогуляли. Шведу чуть челюсть не сломали. Правильно, так им, капиталистам.

Сергей смущенно почесал затылок и сказал:

— Ничего не помню.

— Ну ладно, не оправдывайтесь, с кем не бывает. Творческой личности нужна разрядка. В молодости я тоже был охот до длинноногих блондинок. Насчет посуды, зеркал и стеклянных дверей я все уладил. Вы еще не собираетесь уезжать?

— Нет, кажется, — задумчиво покачал головой Николаев. Информация о зеркалах и стеклянных дверях ему была внове.

— Неужели это все я один? Интересно, на сколько я там накрошил?"

— Ну и правильно, — продолжал директор, — отдохните еще. С Федей, насчет синяка, я тоже договорился. Он претензий не имеет. Я давно ему говорил, что он нарвется.

— Станислав Семенович, я очень благодарен вам. Альбина сказала, что вы за меня заступились.

— Ну что вы, не стоит благодарности. Свои люди, как-нибудь сочтемся. Отдыхайте на здоровье.

Он вышел на улицу, несколько раз глубоко вздохнул и огляделся по сторонам. Рядом с бетонной вазой у входа в гостиницу что-то блеснуло. Сергей нагнулся и подобрал несколько маленьких осколков. Даже на первый взгляд было сразу видно, что это остатки часового стекла. Тут же, возле вазы, валялся и ржавый железнодорожный костыль.

— Бред какой-то. Зачем им надо было останавливать мой "Ориент" на двадцати двух часах и десяти минутах? Такое ощущение, что здесь идет игра с дальним прицелом, и меня ожидает очередной сюрприз".

Сев в машину, Николаев не мог отказать себе в удовольствии проехать мимо входа в ресторан и полюбоваться на заколоченную фанерой одну из створок дверей.

На повороте с нового шоссе на старое он притормозил возле стоящего у обочины велосипедиста.

— Не подскажите, где тут три недели назад произошла авария с "Москвичом"?

Мужчина внимательно посмотрел на журналиста и ткнул пальцем:

— Это вам нужно еще метров девятьсот проехать вперед. На левой стороне.

Возле свежепокрашенного столбика Сергей остановился. На обочине дороги следы протекторов, вероятно, крана или грузовика. Николаев спустился с насыпи. Тополь с содранной корой был аккуратно подкрашен той же краской, что и столбик. На земле блестели осколки стекла. Николаев на взгляд определил расстояние между сбитым столбиком и деревом. Метров двадцать. Скорость у него была не меньше ста. Никакого поворота нет. Во-первых, почему он гнал ночью по этой дороге и с такой скоростью? Это совсем не в его манере. Во-вторых, что заставило его вдруг так круто свернуть? Встречная машина. Пьяница-велосипедист. Может, тот самый, которого я спрашивал о месте аварии? Странно, на прямом участке дороги человек вдруг крутит баранку вправо, сбивает столбик и врезается в дерево. Как по заказу.

В траве блеснули осколки зеркала. Журналист нагнулся и вдруг вздрогнул от неожиданности. Рядом с разбитым пластмассовым корпусом зеркала лежал наполовину вдавленный в землю диктофон в черном кожаном футляре. Сергей поднял его и носовым платком стер грязь. Корпус был поврежден, вероятно, кто-то наступил на него, но кассета на месте. Клавиши "запись" и "воспроизведение" нажаты. Значит, пока его не раздавили ногой, он работал и записывал. Что ж, это неплохо. Николаев нажал на кнопку "Стоп", она свободно провалилась и осталась в этом положении. Попытки вытащить кассету ни к каким результатам не привели. Механизм выброса не работал. Надо было нести в мастерскую.

Сергей сунул диктофон в карман, выбрался на дорогу и прошел по ней немного вперед. Тормозной след — он еще был виден на асфальте — начинался в метрах десяти от свежевыкрашенного столбика. Николаев вернулся назад. Метрах в пятнадцати от места происшествия тоже был тормозной след. Судя по ширине колеи — "Волги". Что она здесь делала? Водитель увидел попавшую в аварию машину и притормозил? Решил помочь? Или наоборот? Ведь куда-то исчез дипломат Ирбе с рукописями. Неплохо бы осмотреть "Москвич", но сначала надо узнать, что записано на пленке у Николая.

Сергей припарковался на стоянке возле небольшой мастерской по ремонту радиоаппаратуры и еще раз, сняв кожаный футляр, протер диктофон. Три недели в земле не прошли для него бесследно: металлический корпус в некоторых местах слегка окислился, кой-какие надписи исчезли.

— Извините, вы не можете починить мне диктофон? А то во время дружеского пикника кто-то умудрился наступить на него ногой.

Приемщик покрутил в руке диктофон и буркнул:

— Старье. У нас нет к импортной технике запасных частей.

— А к этим? — Николаев показал на несколько зарубежных магнитофонов, стоящих на полке.

— У вас чисто механические повреждения. Мы этим не занимаемся.

— Что же мне с ним делать? Посоветуйте, пожалуйста.

— Выкиньте на помойку или поезжайте в Москву. Возможно, там есть специализированные мастерские.

Сергей сел в машину, закурил и задумался.

“Что делать? Вот незадача. А если, — он залез в задний карман джинсов и вытащил визитную карточку, — обратиться к этому парню, реставратору. Он же хвастался, что может починить любой сложный механизм. Эх, была не была. На безрыбье и рак рыба”.

На улице хлопнула дверца машины. Арнольд осторожно выглянул из-за занавески. Журналист, с которым он познакомился в кафе, закрывал дверцу “Жигулей”. Через минуту в прихожей раздался звонок. Реставратор прикрыл лежащий на столе арбалет скатертью и пошел открывать дверь.

— Здравствуйте, — улыбнулся журналист. — Вот, не прошло и двух дней, как пришлось прибегнуть к вашим услугам.

— Проходите, — Арнольд впустил Николаева и, выглянув за дверь, посмотрел по сторонам.

— Ждете кого-нибудь?

— Да, обещали зайти на днях одни старые знакомые.

— Я не помешал?

— Нет, что вы. Проходите в мастерскую, берите стул, садитесь и рассказывайте, какие проблемы привели вас ко мне. Что-нибудь надумали отреставрировать?

— Скорее отремонтировать, — Сергей вытащил из кармана диктофон, — ни в одной мастерской не берут, говорят, механические повреждения.

— Дело в том, что я не занимаюсь ремонтом радиоаппаратуры.

— Мне очень важно прослушать эту пленку, а я даже кассету не могу достать.

Реставратор осмотрел со всех сторон диктофон и сказал:

— Хорошо, я вскрыю его и посмотрю, чем могу вам помочь. — Минут через пять он повернулся к Николаеву. — Сломаны рычаг и ось, но кассета не повреждена.

— А он больше не будет работать?

— Почему? Надо выточить ось, заменить рычаг и будет работать как миленький. Это же не отечественная техни-

ка. Правда, проблема с корпусом. Нового не достать, а этот в трех местах треснул. Придется повозиться.

— Сколько времени займет ремонт?

— Ну часа четыре, но дело в том, что я вчера слегка повредил руку, а здесь нужна работа. Боюсь, раньше чем дня через три я не смогу заняться этим делом.

— Три дня! — воскликнул Сергей.

— Если вы хотите прослушать кассету, вы можете воспользоваться моим магнитофоном.

— Точно, как я сразу не подумал, — обрадовался Николаев. — Если вас, конечно, не затруднит.

— Нет проблем, — реставратор вышел из мастерской и возвратился с небольшим двухкассетником. — Тут вчера меня парочка непрошенных гостей посетила. Кто-то спугнул их, и они магнитофон не взяли.

— Это тоже они? — поинтересовался журналист, показав на ссадину на подбородке реставратора.

— Скоты! Орден Красной Звезды унесли. Только сегодня обнаружил. Этого я им... — Арнольд оборвал фразу и отвернулся к окну. Шрам на его щеке налился кровью.

— За Афган?

— Нет, я на границе служил.

— Шрам тоже оттуда?

— За него и получил.

— М-да, — Сергей вставил кассету в магнитофон и нажал на кнопку обратной перемотки. — А вы знаете, кто украл?

— Догадываюсь. Ничего. Я еще до них доберусь.

— Веселенький у вас городок.

— Это ты точно подметил. Дерьма в последнее время тут много развелось.

— Что они от тебя хотели? — Николаев тоже перешел на "ты". Он еще в кафе заметил, было в этом реставраторе нечто такое, что сразу подкупало и располагало к нему.

— Чтобы платил им.

— А почему не обратился в милицию?

— Что им милиция. Они ее, похоже, с потрохами купили.

Сергей включил магнитофон на воспроизведение.

— Может, мне выйти?

— Да нет, можешь оставаться. Правда, я и сам не знаю, что там записано.

В динамиках что-то щелкнуло, и вдруг раздался голос Николая Ирбе:

— Что вы теперь, ознакомившись с этими документами, скажете?

— Во-первых, где вы их достали? — собеседником его был мужчина с хорошо поставленным голосом, по кото-

рому чувствовалось, что он принадлежит к классу власть имущих. — Не хотите говорить? Что ж, ваше право. И, во-вторых, это все не более чем бумага и ничего вы доказать не можете.

— А фотографии снарядов?

— Фальшивка.

— А выписка из вахтенного журнала?

— Сегодня он есть, а завтра нет. — Голос мужчины звучал спокойно и даже лениво, как будто он говорил о чем-то обыденном, наскучившем ему. — Все, на кого вы ссылаетесь здесь, завтра скажут, что ничего не знают и ничего не видели. Но даже, допустим, все это правда. Вы представляете, во сколько обойдутся государству эти работы? Придется закрыть курорт для туристов. А значит, страна и город только на этом потеряют миллионы долларов.

— Здоровье и жизнь людей дороже.

— Ну-ну.

— Я опубликую все документы.

— Вряд ли найдется хоть один редактор, который согласится напечатать этот бред.

— Это мы посмотрим.

— Ваше право, попытайтесь.

— До свидания, — попрощался Николай Ирбе.

Хлопнула дверь, и чей-то голос, вероятно, принадлежавший не участвовавшему в предыдущем разговоре мужчине, спросил:

— Что будешь делать? Он тебе основательно может подгадить.

— Мои парни не спускают с него глаз.

— Кстати, о твоих парнях. Сегодня они стреляют по нашему приказу, а завтра мы сами можем стать жертвами этих бешеных собак. Надо пока не поздно перекрыть им кислород... Время твоих ребят в кожаных куртках прошло. Они помогли кой-кого напугать, кой-кого убрать и взять, наконец, власть в свои руки. В общем, мавр сделал свое дело. Мы больше не можем позволить себе защищать твоих бандитов. Пресса, телевидение слишком ярко взяли за мафию. Создалось определенное общественное мнение, мы уже не в силах на него повлиять. Цеховикам, контрабандистам и людям наркобизнеса шум не нужен. Они хотят жить и работать спокойно. Это и в наших интересах, потому что именно с них мы имеем основной доход. Да мы и сами должны работать тоньше. Как говорит босс всех боссов — надо перестраиваться.

— Опять перестраиваться.

— А ты как думал? Деньги отмыты в кооперативах и запущены в оборот. Предприятия выкуплены, механизм взимания налога с чиновников отлажен. Мы не должны

теперь привлекать к себе внимания, а твои молодчики ведут себя очень нагло, раскатывают на ворованных машинах, стреляют, как будто это дикий запад и они здесь хозяева. Думаешь, я не знаю, что происходит у тебя в городе? Пора приструнить их и навести в городе порядок. Заслушание — смерть. Тихая, как в добрые сталинские времена. Человек исчез — и все, никаких вестей. Бетона, карьеров и свежевырытых могил на кладбищах на всех хватит. Не забудь заняться теми, на ком висят мокрухи. Зачем нам лишние свидетели? Настала эра компьютеров и белых воротничков. Да, еще. С кооперативами, индивидуалами и прочими проявлениями демократии тоже надо кончать. Там, наверху, уже протаскивается подходящий закон.

— А как же наши кооператив и эс-пэ?

-- Наших это не коснется. Хотя, в принципе, они нам больше уже не пужны. Речь будет идти...

Раздался стук, вероятно, входной двери, затем голос Ирбе:

— Извините, дипломат взял, а сумку оставил... Еще раз до свидания.

В магнитофоне что-то щелкнуло. Николаев нажал на кнопку "Стоп" и задумался.

— Кто это разговаривал? — прервал молчание Арнольд.

— Последний — журналист Николай Ирбе. Остальных не знаю. Похоже, он влез в осиное гнездо.

— Ирбе, это тот, который работал у нас в газете и разбился на машине?

— Да. Он был моим другом. Ты, случаем, не слышал в городе никаких разговоров о снарядах или бомбах?

— Нет. А при чем здесь они?

— Пока не знаю, — пожал плечами Сергей и вновь нажал клавишу воспроизведения.

В динамиках несколько раз щелкнуло, затем послышался гул мотора и сквозь него голос, возбужденный голос Николая:

— На этот раз они взялись за меня всерьез. Может, они догадались, что я их записал. Догоняют. У них милицмейская "Волга". Как же, так я им и остановился. Им нужны документы. Не думал, что они меня будут ждать на этой дороге. Хотя они сюда сами меня и загнали. О, черт!..

Раздался удар, еще удар. Что-то затрещало, вновь удар, затем стон и тишина. Только через минуту — все это время Николаев, вцепившись руками в стол, напряженно вслушивался в шелест пленки в магнитофоне, пытаясь уловить хоть какой-то звук, который мог бы принести раз-

гадку происшедшего почти три недели назад преступления, — слышались чьи-то шаги и голоса:

— Принеси монтировку.

— Зачем?

— Быстро!

Что-то зашуршало, затем слышался шум проехавшей машины.

— Вот, черт, носит кого-то в такую погоду. Бей по голове.

Раздался глухой удар.

— Еще разок. Ишь, писака, Юлиан Семенов выискался. Не таких обламывали. Хватит, поехали.

— А дипломат?

— Все...

Что-то хрустнуло, и тут же женский голос спросил:

— А с капустой попробуете?

Николаев нажал на клавишу "Стоп".

— Похоже, именно в этот момент один из убийц и наступил на диктофон.

— Я уже слышал один из этих голосов. Тот, который говорил о писаке.

— Да? — Сергей с интересом взглянул на реставратора. — Может, ты его и видел?

— Видел. Он приезжал в один дом, за которым я следил. Затем он поехал в гостиницу возле нового бассейна и встречался с каким-то человеком.

— Я живу в этой гостинице. А с кем он встречался?

— С каким-то Рехнером. Они встретились в баре. С ними за столиком сидела еще блондинка. Я ее несколько раз видел в городе.

Николаев почесал задумчиво небритый подбородок и спросил после небольшой паузы:

— А этот мужчина был в черной куртке, невысокий?

— Да.

— И на черной "Волге"?

— Нет, он был на "Жигулях". Тех самых, на которых приезжали ко мне рэкетиры. Потом он заявился ко мне домой, ночью. Поэтому я его голос так хорошо запомнил.

— Мне он тоже показался знакомым. Этого парня зовут Донис. Одного мы уже знаем. Город небольшой, и, похоже, все дела здесь крутятся вокруг какой-то определенной группы людей. Что будем делать?

— Там, — кивнул на магнитофон Арнольд, — был записан еще какой-то разговор.

Сергей перемотал немного назад и включил воспроизведение. Вновь что-то хрустнуло, и женский голос спросил:

— А с капустой попробуете?

— Нет, спасибо, я уже сыт, — это был голос Ирбе.

— Иди, мать, дай нам с человеком поговорить. Ну, так вот, немцы эту баржу перед самым освобождением затопили, в сорок четвертом. Они как на пороховой бочке сидели. Не дай бог снаряд или бомба попадет. — Мужчина закашлялся. — Вот, как только сигареты сменю, сразу кашель начинается.

— А поднять ее не пробовали? — спросил Ирбе.

— Сразу после войны говорили об этом, но потом все разговоры прекратились. Мол, потом, не до этого. А в один прекрасный день приехали, забрали документы, взяли со всех подписку о неразглашении и объявили любые разговоры на эту тему вредительскими. Времецко-то какое было. Тут все, конечно, ясно. Зачем первым секретарям, которые знают, что через полгодика отсюда на повышение пойдут, лишняя головная боль, а на тех, кто здесь живет, им наплевать было.

— Долго они еще могут пролежать?

— Не думаю. Упустили время. Корпус баржи сгнил. Пятьдесят лет почти прошло. Все песком засыпало. В любой момент может...

Магнитофон щелкнул. Кончилась пленка. Николаев перевернул кассету, но вторая сторона была чистой. Он сунул пленку в карман и посмотрел на часы.

— Ого! Половина шестого. У тебя есть телефон? Мне надо срочно позвонить в редакцию.

— В гостиной телефон, — показал на дверь Арнольд. — Может, кофе хочешь?

— Давай, не откажусь. А то у меня сегодня голова какая-то чумная после вчерашнего похода в варьете.

Реставратор направился на кухню ставить чайник, а Николаев, устроившись в кресле в гостиной, набрал по междугородному коду телефон редакции.

— Редакция, — раздался в трубке голос главного редактора.

— Эдмундас Каземирович, это Николаев. Я обнаружил доказательства убийства Ирбе.

— Какие доказательства? Немедленно возвращайся. Тут на тебя сегодня утром "телега" пришла. О дебоше в ресторане.

— Ничего себе. Быстро же они работают. Но я действительно нашел доказательства...

— Я больше не хочу с тобой ни о чем говорить. Приезжай немедленно. Все, до свидания. — В трубке послышались короткие гудки.

— Ну что, дозвонился? — спросил появившийся в дверях с двумя чашками кофе Арнольд.

— Дозвонился на свою голову.

— Неприятные новости?

— Похоже на то, — Сергей положил трубку, встал и прошелся несколько раз взад и вперед по гостиной. — Противник опережает меня по крайней мере на ход. Надо что-то предпринимать.

— Выпей кофе, может, в голове прояснится что-нибудь.

— Да, да, конечно. — Журналист схватил чашку и, обжигаясь, начал маленькими глотками пить кофе, продолжая мерить шагами комнату. — От кого-кого, но от своего главного я этого не ожидал.

— Тебе надо уносить отсюда ноги. Мне вчера чудом повезло, что я не погиб под колесами электрички. А если они узнают об этой пленке, живым тебе из нашего города не выбраться.

— От кого они могут узнать? От тебя?

— Нет, не от меня, — Арнольд допил свой кофе и поставил пустую чашку на столик. — Просто мне пришло в голову, что они в свой ночной визит могли оставить здесь "жучок".

— Что ж ты мне раньше не сказал?

— Я сам только сейчас об этом подумал.

— Да, кстати, во сколько произошло твое происшествие?

— Электричка проходит в десять ноль восемь. Там как раз часовой перерыв.

— А за сколько можно проехать оттуда до моей гостиной?

Арнольд подумал, слегка пожал плечами и ответил:

— Ну, минут за пятнадцать.

— Теперь все становится на свои места. Вот, значит, для чего они спровоцировали драку со мной и разбили часы, для того чтобы у твоих убийц было твердое алиби. Сразу видно, работают специалисты своего дела. Похоже, мне действительно надо выбираться отсюда. — Николаев пошел к окну и взглянул из-за занавески на улицу. — Стоит моя "ласточка". Одна надежда на нее.

— Если хочешь, я могу помочь тебе выбраться на трассу, а там оживленное движение, и они вряд ли посмеют тебя тронуть.

— По старому шоссе?

— Нет, через санаторий цэка профсоюзов. Они отдельную подъездную дорогу построили для своих боссов и их гостей, прямо к аэропорту. На ее строительство они, пожалуй, больше народных денежек угрохали, чем на сам санаторий. — Арнольд откинул прикрывающую арбалет скатерть и сунул его в большую спортивную сумку.

— А это еще что такое? — поинтересовался журналист.

— Так, на всякий случай. — Реставратор перекинул сумку через плечо. — Поехали.

Немного покрутившись по прибрежным улочкам, они подъехали к огромным воротам.

— Вот зараза, — выругался Арнольд, — закрыты. Ну-ка, сверни налево, там есть еще одни.

Они проехали с километр вдоль высокого каменного забора и остановились у других ворот, поменьше. Реставратор выскочил из машины и подергал кованые створки, но и на них висел огромный замок.

— Проклятье, — сказал Арнольд, возвратившись, — и здесь закрыто. Очень странно.

— Может, объехать можно? Или по пляжу?

— Нет, тут не объедешь. Странно, почему их закрыли? Что ж, придется ехать через центр.

— Похоже, за нами хвост, — Сергей кивнул на зеркальце заднего обзора, — голубые "Жигули". Попытаемся оторваться?

— Вряд ли это удастся сделать на твоей старушке.

— Это не старушка, а "ласточка".

— Хорошо — "ласточке". Тут по-умному надо. Остановись возле хозяйственного.

Машина преследователей остановилась метрах в десяти от них.

— Не оглядывайся, — сказал реставратор, — выходи из машины и иди за мной.

В магазине Арнольд купил аэрозольный баллончик с нитрокраской.

— Смотри, какой колор.

— Зачем она тебе?

— Сейчас увидишь.

Через подсобное помещение они вышли во двор и обошли вокруг магазина.

— Айн момент. — Реставратор выглянул из-за угла на улицу. — Никого нет. Они ищут нас внутри. Бегом к машине, заводи движок.

И он направился к "Жигулям" преследователей. Покрывать их лобовое стекло слоем ярко-красной краски было для специалиста-реставратора делом нескольких секунд. Откинув в сторону пустой баллончик, Арнольд сел в машину.

— Ну, как тебе нравится? — спросил он у Сергея. — "Красное на голубом".

— По-моему, на Западе ты без работы не остался бы. У тебя призвание к монументальной росписи. Такое чувство цвета, гармонии.

— Ты прав. А что мы стоим? Поехали. Вот, кстати, и наши друзья. Ты думаешь, им тоже понравится?

— Несомненно, — улыбнулся Николаев, глядя в зеркальце, как два бандита пытаются стереть краску с лобового стекла.

Один из парней, поняв бесполезность своих усилий, откинул в сторону испачканную краской газету и вытащил радиопередатчик.

— Они оторвались от нас. Идут в вашу сторону. Мы попытаемся их догнать.

Парень толкнул своего напарника и показал на вылезающего из кабины огромного грузовика шофера. Бандит подскочил к нему и, протянув руку, сказал:

— Ключи.

— Ты что... — Водитель не успел договорить, как два резких удара обрушились на него, и он упал, обливаясь кровью, на асфальт.

Продавщица моржевого закричала. Грузовик развернулся прямо на тротуаре и, подмяв под себя лоток с мороженым, а заодно и визжащую от ужаса женщину, бросился в погоню за машиной Николаева.

Они уже выбрались за город, когда увидели впереди стоящую поперек дороги милицейскую "Волгу" и несколько человек в черных куртках возле нее.

— Это они! — крикнул Арнольд. — Сворачивай направо, через переезд.

Сергей резко крутанул руль, и "жигуленок", выскочив на старую, всю в выбоинах, дорогу, чуть не врезался в зад колесному трактору, медленно переползавшему через железнодорожный переезд.

— Вот черт! — нажимая на тормоз, ругнулся Николаев. — Что он тащится!

Вплотную в хвост к ним пристроился неизвестно откуда появившийся огромный "Урал" и засигналил. Трактор вдруг остановился, и из него выскочил тракторист. Сергею второй раз пришлось нажать на тормоз, чтобы не врезаться.

— Он что, спятил, останавливаться на переезде, — возмущенно сказал журналист и чуть не прикусил язык, — наседавший сзади грузовик в этот момент со всей силы ударил "жигуленок" и загнал его под самые колеса трактора, но и это было еще не все. Сидевшие в кабине "Урала" два парня вдруг тоже выскочили и бросились в разные стороны.

— Поезд! — Закричал Арнольд, показывая на приближавшийся состав. — Беги!

Сергей рванул дверцу, но ее от удара грузовика заклинило. Он дернул еще раз и ручка, обломившись, осталась у него в руке.

— Беги! — вновь закричал Арнольд и, перегнувшись через сиденье, схватил сидящего в оцепенении Николаева за воротник пиджака и буквально выдернул его через свою дверцу из машины.

Едва они отбежали на достаточное расстояние и рухнули в какие-то заросли, как раздался взрыв и жуткий, раздирающий барабанные перепонки скрип тормозов локомотива. Сергей приподнялся. Метров на пятьдесят вдоль полотна были вперемешку раскиданы горящие обломки трактора и его "жигуленка".

— Ложись, — зашипел на него Арнольд и прижал к земле. — Пускай они думают, что мы погибли.

— Моя "ласточка", — застонал, уткнувшись лицом в траву, Сергей.

— Я понимаю тебя, — потряс его за плечо реставратор, — мне тоже жалко машину, но, я думаю, было бы крайне неразумно дать им сейчас, под шумок, нас прикончить. Давай отходить к деревьям.

Пригибаясь, они добежали до небольшой рощицы.

— Тут мы в относительной безопасности, — сказал Арнольд, садясь на пенек. — Ну и денек выдался. Второй раз за сутки меня пытаются засунуть под поезд.

— Значит, не зря говорят: кому суждено утонуть, тот не повесится, — сказал журналист, опускаясь на соседний пенек.

— Это точно. А ты чего не вылезал?

— Дверь заклинило, — Николаев разжал кулак и показал обломок ручки. — А ты, смотрю, свою сумку не бросил.

— Ну, не только сумку. Ты, вообще, в рубашке родился. Точнее, в кожаном пиджаке. От любого другого пиджака у меня, на память о тебе, только один воротник бы остался.

— Чуть не порвал...

— Ну-ну, ты мне еще счет выставь. Кассету хоть не потерял?

Сергей похлопал себя по карману пиджака.

— Здесь, родимая.

От переезда донеслось завывание сирен "скорой помощи" и пожарных машин.

— Минут через пять, — Арнольд взглянул на часы, в сгустившихся сумерках стрелок было почти не видно, — они точно будут знать, что мы остались живы, и на нас начнется большая охота. Я предлагаю сделать ответный ход. Конем.

— Что ты имеешь в виду? Разъясни попонятней, а то у меня котелок сегодня не совсем варит.

— Я предлагаю нанести ответный визит в логово зверя, благо оно находится недалеко отсюда, разворошить их муравейник, и, пока они будут заняты зализыванием своих ран, мы постараемся выбраться за пределы города.

— После кого они будут зализывать раны? После

нас? — спросил, улыбаясь, Сергей. — Что мы им сделаем, безоружные?

— А это что? — Реставратор вытащил из сумки арбалет. — В умелых руках он опасней "калашника".

— Но у меня нет оружия.

— Возможно, оно нам и не понадобится.

Минут через пятнадцать, пройдя параллельно железной дороге километра полтора, они вышли к какому-то высокому забору.

— Где мы находимся? — озираясь по сторонам, поинтересовался Николаев.

— Мы вышли к задним дворам улицы Освобождения. По-моему, у них здесь основная база. Не зря же им так захотелось прикончить меня после моего визита сюда.

— Что мы будем делать?

— Я и сам пока не знаю, — сказал Арнольд, выламывая из забора с помощью какого-то приспособления в арбалете доску. — Вначале проведем разведку, а потом — по обстоятельствам. Отходим этой же дорогой.

Вокруг совсем стемнело. Они по очереди нырнули в образовавшийся в заборе лаз и, стараясь как можно меньше шуметь, продрались сквозь заросли кустарника до задней, глухой стены сарая.

— Ты остаешься здесь. Если заметишь что-нибудь, бросишь камешек на крышу, — шепотом сказал Арнольд и скрылся за углом сарая.

Сергей отошел в сторону, стал за дерево и начал следить за двором и домом. Окна его были закрыты ставнями, и только по узким полоскам света, пробивающимся между ними, можно было понять, что там кто-то есть.

В глубине двора белел капитальный кирпичный гараж на две машины. Он выглядел довольно странно в этом захламленном, заросшем кустарником и сорняками дворе и рядом с полуразвалившимся домом. Небольшое окошко гаража было освещено.

Николаев осторожно, стараясь не наступить на сухую ветку, останавливаясь и прислушиваясь на каждом шагу, подобрался к белой стене гаража и попытался заглянуть в окошко, но ему это не удалось, оно было расположено слишком высоко.

Сергей подобрал валявшийся неподалеку деревянный ящик, приставил его к стенке и вновь повторил свою попытку. Одна из досок, не выдержав веса Николаева, вдруг треснула, и он упал, ободрав себе до крови ногу. Сергей хотел было встать, но тут сильный удар обрушился на его голову, и он дважды в течение минуты провалился, на сей раз в темноту.

Очнулся журналист в освещенной комнате привязанным к стулу. Перед ним стоял, заглядывая в глаза, какой-то худой небритый старикашка в меховой безрукавке и с клюкой в руке. Николаев сразу почему-то понял, что именно ею его и ударили по голове.

Старик повернулся к сидящему в кресле мужчине в черной кожаной куртке и сказал:

— Очнулся. Я его сразу заметил. Еще возле забора.

Мужчина встал и приблизился к Николаеву. Это был тот самый Донис, с которым журналист столкнулся возле дома Альбины.

— Ну, очухался? — Мужчина повернулся к старикашке и, вытащив не глядя из кармана несколько мятых десятков, сунул ему в руку. — Можешь идти.

— Там второй еще должен быть. Он в другую сторону пошел, — сказал старикашка, пряча деньги.

— Дятел! — крикнул Донис.

Дверь в соседнюю комнату распахнулась, и на пороге появился парень в грязном белом халате.

— Что такое?

— Старик говорит, что там еще один должен быть. Займись им.

Парень стащил халат, скомкал его и бросил на кресло, затем вытащил из-за пояса пистолет и щелкнул затвором.

— Постарайся без лишнего шума.

— Попробую, — усмехнулся парень и толкнул старика. — Пошли, Чингачгук.

Они вышли.

— Я смотрю, у вас тут целая лаборатория, — Николаев кивнул на открытую дверь в соседнюю комнату, которая была буквально заставлена каким-то большими бутылками, колбами и ретортами со змеевиками.

— Да, но, боюсь, тебе уже некому будет об этом рассказать. Ты же у нас вроде как покойником числишься, пришел с того света. По сводкам нашей милиции, ты сгорел вместе со своей машиной еще час назад во время аварии на железнодорожном переезде. Так что никто не хватится тебя. Да и кому ты нужен, пьяница и дебошир. Зря ты сюда влез и начал под нас копать. Хотя, — мужчина взял со стола кассету и постучал по ней пальцем, — есть от тебя и польза. Так ты понял, за что пришили твоего кореша?

— Понял, — Сергей пошевелил связанными за спиной руками.

— Что ты понял, писака?! — вдруг резко повысил голос Донис. — Думаешь, мы его из-за этой затопленной немецкой баржи с ипритными снарядами кокнули?

— Конечно, нет, — усмехнулся Николаев. — Не из-за баржи. Но если бы о ней начали писать, то курорт приш-

лось бы закрыть и весь ваш хорошо налаженный бизнес, — он кивнул на открытую дверь лаборатории, — с наркотиками пришлось закрыть.

— Если бы только с наркотиками. — Мафиозо сощурил глаза и в упор посмотрел на журналиста. — А ты догадливый, гнида. Ну ничего, твой новый приятель тоже от нас никуда не уйдет. — Он взял телефонную трубку и набрал номер. — Хромоножка, привет, Донис. Кто у тебя сегодня на кладбище дежурит?.. Да так, парочку клиентов к двум часам подвезем, пусть могилку организует... Договорились.

Сергей дернулся на стуле, пытаясь освободиться от стягивающих его веревок.

Донис положил трубку и, сев в кресло, сказал:

— Бесплезно, можешь не рыпаться, ты уже труп.

— А это как сказать, — вдруг неожиданно раздался голос Арнольда.

Мужчина и Николаев одновременно повернули головы.

Реставратор стоял в дверях с нацеленным на бандита арбалетом.

— Без глупостей.

Донис не внял совету и попытался схватить лежащий на столе пистолет, но Арнольд был настороже и стрела, взвизгнув, пробила плечо бандита и в буквальном смысле пригвоздила его к креслу.

Реставратор щелкнул затвором арбалета, и новая стрела, выскочив из магазина, встала на место.

— Я же предупреждал. — Арнольд, держа под прицелом Дониса, подошел к столу, отшвырнул пистолет в угол комнаты и развязал Николаева.

Бандит рванулся, пытаясь вырвать торчащую из плеча стрелу, но тут же застонал от боли.

— Ублюдки! — закричал он. — Все равно вы трупы!

— Потихе, — сказал Арнольд, — а то еще одну заработаешь, в живот.

— Там тебя пошли искать. Старик нас видел. — Николаев поднял выпавшую из руки Дониса кассету и сунул ее во внутренний карман куртки.

— Я знаю. Одного я пришил к стене в сарае, а другого вырубил прикладом. У них под сеном целый арсенал и два новеньких "мерседеса". Я им там все бензинчиком окропил и электроплитку включил. Так что надо уходить, а то сейчас как начнет гроыхать.

— Скоты! Не жить вам! До седьмого колена всех вырежем!

Арнольд подошел к бандиту и направил арбалет ему в голову.

— Где золото и орден, что вы взяли у меня дома? Считаю до трех. Раз, два...

— В сейфе.

Реставратор распахнул дверцу стоящего в углу большого сейфа. Он был весь забит пачками денег.

— Неплохо живете. Где?

— Внизу, в картонной коробке.

Арнольд вытащил коробку, заглянул внутрь и выгреб из нее все в карман, затем повернулся к Николаеву и сказал:

— Принеси из коридора канистру с бензином.

— Что вы хотите делать? — спросил Донис.

— Думаешь, после того, как ты нас чуть к праотцам не отправил на переезде, а потом пригрозил разделаться с нашими семьями, мы тебя в живых оставим?

— Я же пошутил! — заорал бандит. — Скоты!

Арнольд размахнулся и ударил его прикладом по голове.

— Ты действительно собираешься здесь все сжечь? — поинтересовался Сергей.

— А ты хочешь, чтобы они продолжали хозяйничать в городе и травить людей наркотиками? Даже если дело дойдет до суда, они все равно откупятся и выйдут сухими из воды с таким количеством денег, — реставратор кивнул на сейф. — Если ты не желаешь в этом участвовать, то я сам это сделаю. Выходи на улицу.

Минуты через две Арнольд тоже выскочил из дома и отшвырнул в сторону пустую канистру. В сарае что-то взорвалось, и двор осветился взметнувшимися к небу языками пламени. Журналист с реставратором автоматически пригнулись.

— Ну, сейчас начнется, — усмехнулся Арнольд, — там у них только гранат несколько ящиков.

Автомобильные фары вдруг осветили забор и крышу дома. Взвизгнули тормоза, и возле калитки остановилась милицмейская "Волга".

Арнольд толкнул Сергея в кусты и сам прыгнул за ним.

Из машины выскочило несколько человек.

— Общак спасайте! — крикнул кто-то из них, и бандиты, распахнув калитку, кинулись в дом.

— В машину, — шепнул Николаеву реставратор.

Едва они подбежали к "Волге", как в доме что-то рвануло и из окон и дверей вырвалось пламя.

Арнольд сел за руль, Сергей прыгнул на соседнее сиденье. Машина взревела мотором и, развернувшись на небольшом пятачке перед домом, рванула к переезду. И вовремя. Раздался сильный взрыв, над улицей Освобождения вдруг поднялся к звездному небу огромный ог-

ненный гриб, и осколки забарабанили по крыше удаляющейся на всей скорости "Волги".

Только отъехав от города на несколько километров, молодые люди взглянули друг на друга и улыбнулись.

— Как ни странно, но твой безумный план удался, и мы выбрались из города и даже остались целы, — сказал Николаев.

— Он нам удался именно потому, что был достаточно безумным.

— Да, кстати, где твой арбалет? Он нам здорово помог. Если бы не он, я уже лежал бы на кладбище в свежерытой могилке.

— О черт, — хлопнул себя по лбу Арнольд, — я же его в доме оставил.

— Может, вернемся?

— По-моему, не имеет смысла. Судя по силе взрыва, сейчас на этом месте огромный котлован.

— Что ж, они сами виноваты, не надо было покупать так много боеприпасов.

— Твоя "ласточка", точнее ее душа, должна быть довольна. Мы отомстили за нее. Миллиона на два этих мафиози наказали.

— Каких два, — покачал головой журналист, — там только в сейфе миллиона два было.

— Да плюс еще валюта, плюс лаборатория с наркотиками и два новеньких "мерседеса".

— Вот "мерседесов" с "бенцами" жалко.

— Что ж ты раньше не сказал, я бы тебе один оставил.

— Это было бы неплохо. И сидел бы я сейчас с "бенцем" в обнимку на заднем сиденье, а за рулем прекрасная блондинка. Красота! — закрыв глаза, мечтательно произнес Сергей.

— Да, кстати, — Арнольд, держа руль левой рукой, начал вытаскивать из карманов пачки с деньгами и бросать их на колени Николаеву.

— Что это?

— Как что? Деньги. Они же тебе "ласточку" угробили, где ты теперь возьмешь машину, знаешь, какие сейчас цены, ну вот я и взял у них сто тысяч, купишь себе новую на рынке.

Сергей сложил пачки сторублевки стопкой и сказал:

— Представляешь, однажды мне предложили взятку в полмиллиона. Я тогда еще работал следователем в милиции. Это в пять раз больше, чем здесь. Вот такая стопка. И я отказался. А деньги раньше не чета этой туалетной бумаге были.

— За что же тебе такую взятку давали? — поинтересовался Арнольд.

— А я и сам не знаю. Мужу от силы пятнадцать суток грозило, за драку в ресторане.

— Может, проверка на вшивость или подставить хотели?

— Да, вполне возможно, я как раз одно дело раскручивал, там могли и два миллиона предложить. Понимаешь, не лежит у меня душа к чужим деньгам, даже если они плохо лежат.

— Что тогда с ними делать будем?

— Знаешь, мне много приходится ездить, и я часто вижу бредущих вдоль дороги стариков и старушек. Особенно часто их встречаешь по утрам. Куда они бредут со своими котомками — неизвестно, а мимо проносятся бронированные "чайки", шикарные "вольво", "мерседесы" и черные "волги". И сидят в них толстые и сытые ублюдки, доведшие страну до ручки.

— Это мы с тобой, что ли?

— Ну, иногда и мы... Так вот, я думаю, если хоть десяток бумажек попадет в руки этих стариков, то не зря мы с тобой потрудились.

— Ты уж тогда по одной выкидывай, чтоб на всех хватило.

— Хорошо. — Николаев с хрустом разорвал банковскую упаковку и выкинул в окно первую сторублевку. — Раз, сто метров — еще одна...

— Нашел себе занятие, — улыбнулся реставратор.

— Ты не гони так, а то я не успеваю считать метры.

— Ладно тебе. Ты, кстати, кассету не потерял?

— Нет, в кармане. Мы же еще за смерть Николая не отплатили тем двум мафиози, чей разговор он записал на пленку. Это же они ему смертный приговор подписали. Ты смотри, одна пачка уже кончилась. — Сергей распечатал следующую.

— Экономь, тебе же на всю дорогу не хватит.

— Больше надо было брать. Ишь, пожадничал мне на "мерседес".

— Да, кстати, как ты думаешь этих двух мафиози вычислить?

— Нам самое главное кассету довести. А там дело техники. Тут замешаны наркотики, валюта, оружие, значит, следствие будет вести комитет.

— Ну и что? Они будут вызывать всех, начиная от первого секретаря и кончая заведующим баней, и сличать их голоса? — спросил Арнольд.

— Зачем, я же говорил, что здесь уже дело техники. Существует специальная картотека голосов. Ведь человеческий голос так же индивидуален, как отпечатки пальцев. Если человек хоть раз говорил по телефону, то его голос обязательно занесен в картотеку. Причем не имеет значе-

ния, изменяешь ты голос или говоришь под другой фамилией, вычислительная машина тут же распознает его и записывает на карточку. И достаточно ввести в компьютер хотя бы одно слово, как по нему через пару минут можно узнать не только имя человека и адрес, но и все, что он когда-либо говорил.

— Ах вот почему так быстро вычисляются любители сообщать о бомбах в самолетах. А я думал, что комитет это делает по номерам телефонов.

— Не один ты так думал. Хочешь анекдот?..

Так двое парней стали косвенными виновниками давно назревавшей войны мафиозных кланов, прокатившейся по Прибалтике и отозвавшейся далеко за ее пределами. Во время пожара сгорели два набитых наркотиками "мерседеса", принадлежавшие итальянцам со шведскими паспортами, которые проживали в той же гостинице, что и Николаев. В тайниках машин, по самым скромным подсчетам, находилось на пятьдесят миллионов долларов чистейшего героина. А когда речь идет о таких деньгах — мафия шутить не любит. И уже через несколько часов никого из тех "боссов", кто подписывал смертный приговор Николаю Ирбе, не было в живых...

А баржа с ипритными снарядами до сих пор ржавеет на дне моря, и каждый день промедления может закончиться трагедией для курорта и всего балтийского побережья.

Так и хочется задать старый риторический вопрос консула Кассия Лонгина Равиллы:

"CUI PRODEST?"

И второй, вытекающий из первого:

"А может, прав тот, кто написал в туалете "Мафия бессмертна"?"

Автор повести и немецкое отделение международной организации "Гринпис" будут благодарны всем, кто располагает информацией о затопленном немецким командованием в конце второй мировой войны в Балтийском море, в районе городов Клайпеда (Мемель) — Паланга, судне с ипритными снарядами и готов поделиться ею.

ЭКСПЕРТИЗА

ПУТЧ: ДО, ВО ВРЕМЯ, ПОСЛЕ

Даниил Гранин

ЧЕМ ЖИВ ПИСАТЕЛЬ?

Магнитофонная запись беседы с писателем нашего корреспондента Евгении Стояновской.

— *Как вспоминаются вам в сентябре "минуты путча роковые"?*

— Я был в Комарово, на даче. И вдруг звонит рано утром дочь, говорит: "Папа, переворот". Затем один за другим начались звонки. Включаю радио и слушаю сообщение этого ГКЧП. Тут же появляется мой сосед — Евгений Лебедев — замечательный артист БДТ, еще прибегают люди. "Что делать?" Прилипаем к телевизору, к приемникам... С первых же слов, с первого же шока — все же явственно возникает ощущение, что это временно, вопрос лишь — на сколько? Приходят еще физики — ребята, тоже соседи, одни называют — месяц, другие говорят — два, а жена — нет, несколько дней; я говорю — ну как же, откуда несколько дней, когда включены все основные силы — армия, МВД, КГБ?

Конечно, сюрприза не было... переворота ждали — уже полтора года ждали этого переворота, и так как у нас все главные реакционно-гнусные события приурочиваются к отпуску Президента, то, естественно, что и это произошло во время его отпуска...

— *Как развивались события в Ленинграде?*

— Первым пробрался на телевидение, на радио Собчак. Да.. перед этим все-таки, кажется, было обращение Ельцина, мы его поймали то ли по "Свободе", то ли по Би-би-си. А потом прорвался Собчак на телевидение — и это было поразительное выступление. Это было выступление, полное такой ярости и такого гнева, при котором вырвались у него слова о том, что это все сделал БЫВШИЙ председатель Кабинета министров Павлов, БЫВШИЙ председатель КГБ Крючков, то есть он с самого начала квалифицировал их как людей, которые БУДУТ АРЕСТОВАНЫ. Это была, конечно, — я потом говорил с Собчаком — это была правовая убежденность юриста.

Он — законник, он — правовед, и то, что произошло, возмутило прежде всего его юридическое мышление. Не знаю, не могу сказать, наверное, он храбрый человек к тому же, но в данном случае это был ГНЕВ ЮРИСТА. И то, что он назвал их БЫВШИМИ перед всеми ленинградцами, то, что он сказал, что они БУДУТ ВСЕ АРЕСТОВАНЫ, — это как-то сразу поставило все на свои места...

Потом позвонил Базилашвили, мы написали обращение от деятелей культуры Ленинграда, возмущались беззаконием, с каким был отстранен от власти Президент СССР, — если Президент болен, зачем вводить в город танки, войска, объявлять комендантский час...

— *Интересно, как вы восприняли пресловутую пресс-конференцию?*

— Да, вижу этот стол, за которым они все возникли передо мной. Почти со всеми из них я был знаком — кроме, кажется, Тизякова. Ну, Павлов — человек, который прочно обратил на себя всесоюзное отвращение. Янаев... Прежде всего, когда мы его выбирали — с таким трудом и нежеланием — вице-президентом, общая характеристика, которая как-то сразу сложилась у меня, да и у других, — пошляк, пошляк, который на вопрос о состоянии здоровья решил оповестить о своей сексуальной мощи (*смеется*) — такая самодовольная пошлость вдруг полилась с трибуны, что, конечно, было ужасно стыдно, просто стыдно за Горбачева, который настаивал на этой кандидатуре вплоть до момента, когда мы переголосовывали... Кстати, о частном моем столкновении с Янаевым... Мы стояли в перерыве с Лихачевым Дмитрием Сергеевичем — перед этим заявил о своей отставке Шеварднадзе — и говорили о том, что надо что-то сделать — нельзя так просто принять отставку Шеварднадзе — надо выступить, надо сказать... В это время подходит к нам Янаев, в руках у него книжка о народных депутатах СССР с фотографиями, и бесцеремонно, как и положено бывшим комсомольским работникам, прерывая наш разговор, объявляет: "А вот вы оба как раз мне нужны — автографы хочу попросить". Ну я человек вообще достаточно терпеливый, но тут что-то на меня нахлынуло вдруг, я говорю — как вам не стыдно, с чем вы сейчас возитесь — идите отсюда... Это было, возможно, и грубо, но так у меня непроизвольно вырвалось — он осекся, посмотрел на меня и отошел, ничего не сказав...

Со Стародубцевым вспоминаю жесткий разговор, называл его как-то типичным представителем класса помещиков, не хотевших давать землю крестьянам... В общем, так или иначе о каждом из них существовало однозначное мнение, каждого видел, слышал, встречал.

— *Каким запомнился вам Ленинград в дни путча?..*

— Еду в Мариинский дворец, где находится Ленсовет, вокруг — толпа: милиционер молоденький стоит на площади перед зданием Ленсовета по стойке "смирно" с плакатом "Хунте — нет!"... Ленсовет кипит, приходят депутаты, выпускают листовки, листовки на подоконниках... Ленинградцы, короче, делали все возможное, чтобы поддержать протестующих. Кстати, Собчак договорился с командующим округом предпринять все, чтобы не возникало нужды в героизме. Как никогда, в эти дни я понял великую фразу Брехта: "Несчастлива та страна, которая должна иметь своих героев".

Вокруг здания Ленсовета, внутри Ленсовета — прежде всего — ленинградская интеллигенция — так же, впрочем, как и у вас в Москве, — молодежь и интеллигенция...

— Все ли депутаты подписывали ваше письмо с протестом, считали переворот противозаконным?

— Не все, я знаю нескольких людей, которые отказались подписать. Это были депутаты-рабочие, хотя были и рабочие, которые подписали.

— Что вы могли бы сказать по этому поводу?

— Давно я вынашивал одну мысль — еще до сих пор она, правда, звучит кошунственно в нашей стране, несмотря на все наши преобразования, революции, сдвиги и так далее. Думаю, что в парламенте депутатами не должны быть ни рабочие, ни крестьяне, ну, кстати, и ни писатели и ни артисты, — это должны быть политики, это должны быть юристы, должны быть экономисты.

Когда я спросил в Америке — мы, наша делегация Верховного Совета была в гостях в конгрессе, — умышленно спросил спикера палаты: а сколько у вас в Штатах рабочих в конгрессе, он ответил: "Не знаю, наверное, шут его знает, наверное, двести или триста, может быть, а что такое?" Ну вот интересно, говорю, сколько у вас рабочих среди конгрессменов? "Конгрессменов, — изумился он, — конгрессменов — ни одного, рабочие в конгрессе — ну, это электрики, например, а конгрессменов — ни одного..."

— Зато у нас, как известно, кухарке завещано управлять государством.

— Да, наше государство — рабочих и крестьян — все так, пожалуйста, ради Бога, все верно, но это не значит, что рабочие и крестьяне должны быть в парламенте, где они ничего — как правило, ничего толкового и интересного не могут дать ни законодательству, ни работе над законами. А как они действуют — мы видим, допустим, на примере товарища Сухова, — это же кошмар, сколько он

времени и сил отнял своими глупостями и своим чванством от имени "рабочего класса".

Согласен, есть среди рабочих и политики настоящие, прирожденные, вроде Травкина, так? Но это редкий талант, он бы пробился к политике независимо от своего депутатства.

— *Каков был, по-вашему, "идеологический механизм" этого путча?*

— Я эти дни думал об этом — почему это могло произойти, как они могли решиться на это? И понял для себя одну важную вещь — может быть, решающую, хотя и, наверное, не единственную причину.

Какова природа этого просчета? Почему они просчитались? Так грубо, ведь все-таки на их стороне была сила, были наши решающие структуры, властные и государственные, — всё. На их стороне был Бакланов, представитель и ЦК и ВПК — главной деятельной силы нашей страны. Знаем ли мы, что такое ВПК? Мы не знаем, что такое ВПК. Чуть ли не 80% всей нашей промышленности — оборонка. Представляем ли мы, что это? Это же в нынешних условиях петля, затянутая на шее, скажем, моего города. Мы ведь ничего не можем — нечем обмениваться, мы ничего не можем давать стране, кроме пушек, танков, ракет, оборудования для ракет, атомных всех этих приспособлений — кому это надо? Это ж — ни прокормить город, ни одеть при такой оборонке. И таких городов, как Ленинград, много в стране — тот же Свердловск, Новосибирск и так далее. ВПК, МВД, КГБ и военные — вся наша армия неслыханная...

— *Что было подо всем этим? Каково было "психологическое обеспечение" переворота?*

— На протяжении последних полутора-двух лет, когда Горбачев стал все дальше уходить вправо, он явно переоценивал силы реакции. Путчисты были его ближайшим окружением — то есть теми людьми, с которыми он ежедневно встречался, ежедневно общался, ежедневно советовался. Это — самое близкое его окружение, поскольку были убраны уже Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин и прочие деятели. Кольцо вокруг него замкнулось, или, может, даже правильнее сказать, что он сам замкнул это кольцо, через которое уже демократы не могли прорываться. Он считал, что силы реакции в стране слишком велики, и боялся их. И ставил на вот эти должности, на этих вот представителей реакционных сил. Они, в свою очередь, питались от Президента этими настроениями — плюс свое собственное "информативное самомнение", мы ведь знаем, что информация всегда подается у нас такая, какую хочет руководитель, — они тоже переоценивали силы реакции в стране. Переоценивали потому, что бы-

до тяжелое экономическое положение, потому что демократы, считали они, обанкротились, не могли хорошо управлять, потому что народ был разочарован и так далее...

Питалось это и на деревне усилиями основного нашего сектора — представителей колхозов и директоров совхозов — так? В армии — это генералитет, то есть основное, что определяет обстановку: военно-промышленный комплекс, директора предприятий, которые не желали никакой конверсии, это и КГБ, это и МВД, и ОМОНЫ, и все прочее, это — недовольство распадом страны. И происходило таким образом взаимное подогревание.

Правда, они были по-разному настроены, руководили ими разные чувства: у Президента был страх, а у этих была излишняя уверенность; он боялся сил реакции, а они были в этих силах слишком уверены, считали, что переворот отвечает внутренним чаяниям народа, что этого переворота ждут, что его хотят. И потому он наконец-то должен свершиться, иначе если не они, так свершат его Алкснис там, Петрушенко, Коган или Блохин — то есть существовали силы, которые и их подталкивали, и их как-то подгоняли.

Да, к такому положению привела длительно вялющая политика Президента. Он просто, понимаете, "вилятор", крупнейший (*смеется*) вилятор нашей истории.

Вывод? Руководитель должен уметь рисковать. Руководитель должен быть бесстрашным человеком. Компромиссы необходимы в политике, но политика не может состоять из компромиссов. И мы действительно знаем — даже в нашей уродливой и страшной истории, — мы знаем, что Сталин обладал решительностью и умел рисковать, так? Ленин умел рисковать и обладал решительностью, и Хрущев умел рисковать и обладал решительностью. И они все трое выигрывали, даже Брежнев, готовя хрущевский переворот, — а я немножко знаю, как он готовился, — тоже шел на риск.

А Михаил Сергеевич хотел обойтись без риска. И конечно, он открыл дорогу этому путчу.

— *Какими вам видятся главные проблемы после разгрома путча?*

— Одна из них — думаю, может, и первая — проблема КГБ. Почему первая, почему идет даже раньше, чем проблема КПСС? КПСС политически себя изжила и окончательное ее крушение — вопрос времени. КГБ — структура гораздо более прочная, чем КПСС, это структура законспирированная, служебная, основанная на иных принципах.

А для чего вообще существует вся эта система? Вот мой районный центр, городок, где я вырос, — Лычково. Туда ведь в жизни не проберется ни один шпион

(смеется), ни один диверсант, так? Но там существует районный отдел КГБ. И всегда существовал. И сейчас, сегодня он существует. Я уж не говорю о таком городе, чуть ли не столичном для нас, — Старая Русса, а уж там-то тем более... Что они там делают? Чем они там занимаются? Ну раньше арестовывали, выискивали кулаков, врагов народа и так далее. Но что они делают последние 30—40 лет, зачем они существуют? Зря? Напрасно? Ведь они же существуют во всех районных центрах нашей великой страны. Для чего они там? Не напрасно. Неправильно считать, что напрасно. Это — организация не глупая, не бестолковая, не жрущая напрасно деньги, средства. Это — Отделения Страх, которыми страна очень густо и очень организованно заселена. Это тот каркас Страх, который составляет основную скрепу нашего общества. Это — районные отделы Страх. И они нужны для того, чтобы боялись — чтоб район боялся, чтобы все в районе боялись — неважно, какой там урожай, сдают ли его, работают или не работают — главное, чтоб боялись. Но этого мало. Ведь существует еще на каждом крупном предприятии Отдел кадров. Или Режимный отдел. Или Особый отдел. Спецотдел, который связан с КГБ.

Когда мне начинают объяснять, что КГБ, его бюджет вовсе не такой уж большой, количество его работников не так велико и так далее, так, позвольте, я же знаю, я же работал большую часть жизни... Вот у нас, допустим, в Ленэнерго Отдел кадров — особый режимный отдел — там же сидят сотрудники КГБ, сидят на нашей зарплате, в наших штатах — на всех предприятиях, вы пройдите по всем предприятиям Ленинграда — по всем заводам, фабрикам, институтам, учреждениям, вузам, научно-исследовательским кабэ — всюду эти люди сидят. Значит, кроме районных отделов КГБ существует еще вот эта структура — все прошито этими людьми, они выполняют определенные функции, создают и поддерживают страшно психологически угнетающую атмосферу боязни. Она, эта система, убила всякую инициативу. Эта система исказила людей...

Пока существует эта система, убежден, нельзя говорить ни о гласности, ни о демократии — все те отдельные прорывы, на которых мы сейчас живем и которые кажутся нам верхом гласности — они еще не затронули вот этой психологической основы общества, они существуют только в нескольких городах, в некоторых только учреждениях, они не проникли в глубь страны — ведь там живут по принципу "хорошо, хорошо, пусть они поговорят, а мы еще подождем, посмотрим, как это, что это..."

И многие работяги, депутаты даже, те, кто не подписывали заявления, связанные с путчем, они ведь тоже не подписывали из страха. Когда сейчас начинаются поиски так называемых "ведьм", то ведь это не ведьмы, это —

люди, которые запуганными были в течение всей своей жизни. И этот испуг — ведь это почти генетический испуг. Это генетический страх, который передавался от родителей к детям, уже третье поколение выросло в этом страхе. Вот почему я думаю, что нельзя реорганизовывать КГБ. КГБ должен быть ликвидирован. Должны быть ликвидированы начисто все его отделения во всех районах, городах. Его существование ничем не оправдано. Я уж не говорю об истории нашей страны — если взять, понимаете, те двести—триста шпионов, которых они выловили, положить на одну чашу весов, и миллионы людей, которых они загубили, — на другую чашу весов, не будет ли очевидно, что существование этого ведомства в истории тоже совершенно неоправданно? А уж в наше время — тем более.

— Ну а проблема партии, разве она не менее существенной оказалась?

— С КПСС у меня очень трудные, очень сложные отношения. Я вступал в партию на фронте в январе 1942 года, когда на фронте было страшно тяжелое положение. Мы не знали, сможем ли отстоять Ленинград. Я вступил в партию тогда, пылая гневом к фашистам, любовью к своей стране, я пошел в Ополчение, добровольцем — и весь этот жар какого-то юного совершенно огня любви и ненависти заставил меня вступить в партию.

Последние годы, когда пришло понимание ужасной роли КПСС в нашей истории, когда пришло понимание того, что КПСС неспособна перестроиться, что она является одним из самых существенных тормозов перестройки, когда к руководству КПСС пришли люди вроде Полозкова, Ивашко и других, у меня начались очень тяжелые взаимоотношения с тем юношей (*смеется*) из 42-го, которому я никак не мог объяснить, что же произошло с партией коммунистов, со всеми идеалами коммунизма — он этого слушать не хотел. Но предать его — это тоже было непросто. Он же вступал с такими чистыми чувствами, с такой святой верой — и мы же победили... Потому мне и было так нелегко. Тем более что тут наслаивались и конъюнктурные какие-то вещи, которые происходили в связи с выходами из партии...

Что имею в виду? Надумал я пойти в райком, посмотреть заявления о выходе из партии. Это та литература, которой никто не читает, очень интересные людские исповеди. В этих заявлениях — а я прочитал их сотни — люди пытаются рассказать со всей откровенностью, почему они покидают ряды партии. И для каждого — для большинства из них — это тоже нелегкий шаг был. Они пишут свои заявления с надеждой, что кто-то прочтает, будет говорить с ними после этого. Но заявлений этих такой идет поток, и так явно вообще нашей партии стало напле-

вать на то, что люди выходят из нее, и на то, кто выходит и как выходит! *Почему?* Потому, что эта партия давно стала партией аппарата, и будет ли там 18 миллионов или останется 5 миллионов — для всех этих начальников, аппаратчиков, секретарей райкомов, обкомов, в общем, роли не играет, от этого не зависит ни их зарплата, ни количество машин, которые их обслуживают, ни прочие ихние блага...

Да, весьма интересны эти человеческие признания. Есть среди них исполненные боли, разочарования, есть исполненные ненависти уже к партии, есть вообще совершенно комичные заявления, показывающие, какие у нас были в партии люди.

Пишет, к примеру, один: прошу считать меня выбывшим из партии, потому что я вступал в правящую партию (*смеется*). Или другой пишет: прошу меня исключить из членов КПСС. Если КПСС вернет себе авторитет и права, я обязуюсь обратно вступить в партию (*смеется*). И так далее...

Есть и такой, довольно сильный, поток заявлений людей, которые понимают, что сейчас просто невыгодно быть в партии.

— *Что бы вы могли сказать об уровне партийного руководства?*

— На примере ленинградской организации, а она — не из последних же организаций в партии, могу сказать, что столько, сколько я себя помню после войны, у нас не было ни одного хорошего — даже не то слово "хорошего", — не было ни одного достойного руководителя ленинградской организации. Андрианов, Козлов, Толстиков, Романов, Спиридонов — это все были малограмотные, мелкие, ничтожные личности.

Даже удивительно, как партия не могла породить, выделить из себя действительно руководителей на уровне областном, даже и районном, каких-то симпатичных, умных, интересных, крупных людей. Это — характерная черта партии.

Дальше. Партия — тоже на примере ленинградской организации могу сказать — никогда не интересовалась людьми. Меня никто никогда не вызвал в обком, не спросил — все-таки я уж даже не такой рядовой член партии, — а что я думаю, а как я считаю, а что я предлагаю... Партия — идеологическая вроде бы организация, но что она творила в области культуры — это не поддается никакому описанию. И я говорю не только о пресловутых постановлениях — о журналах "Звезда" или "Ленинград", о театре, о кино, о музыке — нет, это постоянное уничтожение деятелей культуры. Это — постоянная, понимаешь, поддержка бездарностей, заботливое поощрение тех людей, которые травят таланты. Такой была постоянная политика, совершенно четкая и определенная. Я не знаю

ни одного талантливого человека, которого просто поддерживала бы партия с ее отделами культуры, со всеми ее райкомаами, обкомаами, горкомаами, со всем ее аппаратом — ни одного, никого не поддерживали. Мало того, что не поддерживали — всем мешали. Все, что было талантливого в области живописи, музыки, исполнительского искусства, литературы, истории, — всех травили. Травили, уничтожали, высылали из Ленинграда, выгоняли с работы и так далее. И это на протяжении всех сорока лет после войны, даже больше. Это не было ошибкой, это не было какой-то случайностью. Это не было личностным началом — это была политика партии. То же самое происходило и в науке — могу говорить об областях, которые я лучше знаю...

Сейчас у нас на глазах происходит гибель партии, гибель КПСС, и она носит в себе те же самые черты, но только в еще более карикатурном и, я бы сказал, жалком виде. Партия погибает бесславно. В сущности, не нашлось ни одного человека, который бы встал, сумел бы встать на защиту КПСС и сумел бы это сделать с достоинством. В этом смысле, может быть, у меня вызывает некоторое уважение — хотя это тоже карикатура в какой-то мере — позиция Нины Андреевой. Но, во всяком случае, это — защита, это — убеждение. Все остальное — это такая полозковщина, это такое, в общем, шутовство, это такая, понимаешь, дешевка, за которой совершенно явно для всех просвечивает просто корысть и забота о своем положении, ничего другого не видно за всем этим — ни боли, ни заботы о стране, ни заботы о каких-то идеалах, все это давно погибло для этих всех руководителей, не существует. И их роль в путче — в общем, она, конечно, поставила точку в истории КПСС: представь, тот же самый Прокофьев в Москве, тот же самый Гидаспов в Ленинграде, который вошел у нас в этот Комитет и не вышел из этого Комитета, руководили затем уничтожением — поспешным и преступным — уничтожением архивов в Смольном — глубиной в два-три года уничтожали архивы! Какое — я спросил у Гидаспова — право вы имели уничтожать эти архивы, ведь это же не ваши архивы, это архивы партии, они принадлежат партии?!

— *Какие отношения у вас с ним сложились?*

— Во время сессий Верховного Совета я обычно оказывался рядом с Гидасповым — мы располагались по алфавиту. И потому имел возможность слушать его комментарии. Поначалу я был рад, когда его назначили, — полагал, что член-корреспондент Академии наук, химик, человек независимый мог бы как-то по-новому руководить ленинградской организацией. Но оказалось в итоге, что он пошел на всякие политические сделки с наиболее реакционным крылом — и вашим, и нашим, — с этой

своей иезуитской улыбкой постоянной, за которой ничего не разберешь, — нет, никакой честной позиции во всем этом деле не было. И я даже не могу назвать свое чувство разочарованием в нем, было бы удивительно, если бы все сложилось иначе.

Кстати, о соседях. Недавно в Верховном Совете, когда я на последней сессии высматривал свободное место, меня дернул за пиджак Лукьянов и посадил рядом с собой, и я сидел и слушал — на этот раз его, а не Гидаспова — комментарии по поводу происходящего, тогда уже его называли “наперсточником”, “Понтием Пилатом”, “Иудой”... И вот мы сидели с ним рядом, и он, обращаясь ко мне, комментировал происходящее.

До этого я с ним был знаком лично, и он мне рассказывал о себе. Люди, как известно, достаточно широки, человек широк, не одномерен. Мне всегда была интересна система самооправдания, которая существует у человека, система “самовидения”. Взять даже самого низкого, самого, понимаешь, гнусного и преступного человека, — таким мы его видим, а у него самого — совершенно другой образ, другое представление, — у него своя система самозащиты. Лукьянов, каким он себя считает, — произведение Твардовского. Твардовский его вытащил со Смоленщины, когда он был начинающим поэтом, помог ему перебраться в Москву, но — это со слов Лукьянова — отсоветовал ему поступать в Литинститут. Твардовский действительно не любил этот Институт — и правильно, по-моему, он считал, что щенят надо топить, пока они слепы, Литинститут — это искусственное образование — его всегда коробило. Ну и Лукьянов поступил на юридический факультет университета, и далее началась его уже юридическая карьера. На какое-то время, во всяком случае, она сделала для него поэзию уже побочным занятием. Но он мне рассказал, что он библиоман, у него библиотека — 12 тысяч томов, из них 8 тысяч — поэзия, государство и право, история России и так далее. Я его спросил — а откуда вы знаете, вот я в своей библиотеке никогда не подсчитывал, сколько у меня таких, сколько других. Он говорит — а вот я, когда прихожу домой — как бы ни устал, час всегда провожу в библиотеке... То есть какая-то у человека есть всегда возможность воспринимать себя иначе. И я, допустим, могу представить, что Лукьянов, который пишет стихи, который имеет огромную библиотеку, который понимает, любит и разбирается в поэзии, — что этот человек может высоко посмотреть на многих своих коллег из депутатского корпуса, может позволить себе без угрызений совести манипулировать ими, полагая, что он разбирается во всех вопросах лучше, что он лучше знает, что нужно людям, что нужно стране, чем вся эта шантрапа сборная, может позволить себе претендовать на более высокую роль в обществе...

Тут мы, однако, погружаемся в такие дебри, которые отнюдь не соответствуют нашим обычным представлениям о роли искусства в жизни человека. Мы считаем, Господи, ну человек, который любит поэзию и пишет сам стихи, это облагораживает, это создает иммунитет...

— *Перед мерзостями...*

— Да, перед мерзостями. Думаю, что это, конечно, упрощенное представление — вот хотя бы на примере Лукьянова.

— *А к чему сводилась суть его комментариев?*

— Ну вот, выступает, допустим, Акаев. И гвоздит Лукьянова, называет Понтием Пилатом и так далее. Лукьянов наклоняется ко мне и говорит: а этот человек присылал мне самые лстыивые телеграммы и письма. Ну и так далее.

— *Итак, чем, как вы полагаете, будет уместно завершить наш разговор?*

— История с этим трехдневным путчем и его разгромом — она была для меня еще в одном отношении особенно важна.

Меня зачислил к себе в Президентский Совет, или, как он называется, — Высший координационно-консультативный Комитет — Ельцин. Это было год назад, и мы, значит, там работали. И я с большим удовольствием бывал на этих заседаниях, которые проводились более или менее регулярно. Там у нас довольно хороший был состав — на правах примерно Президентского Совета. Там был Волкогонов, там был Марк Захаров, там были Карякин, Бунич, Тихонов, Петраков, Махарадзе... Это был очень приятный народ — умный, толковый, интересный, я убедился, что Ельцин подбирать людей умеет, и я убедился, что он умеет слушать — и не просто слушать, он умеет еще и воспринимать какие-то разумные вещи — очень мобильно воспринимать. И от заседания к заседанию у меня впечатление о нем становилось все более позитивным. Хотя я уже был травмирован Горбачевым, в котором успел к тому времени разочароваться, и зарекся больше руководителями не восторгаться и не чтить их (*смеется*). Тем не менее вот попал под обаяние Ельцина, и, несмотря на всю свою критичность, в общем как-то все определеннее отдавал ему должное. В ситуации путча он, конечно, вел себя безупречно, я бы сказал, просто замечательно. У него не было — я потом говорил об этом с ребятами — ни одного неверного решения, несколько раз вернулся его талант вождя... Вот к нему прибегают, сообщают: Борис Николаевич, танки на мосту — ну, надо принимать решение, и он принимает решение — тут же, с ходу: "Всех людей — к танкам!". Не кидать бутылки, не бра-

нить, не ругать, а общаться... так? И сотни людей рванулись к танкам, начали носить им кофе и мороженое и разговаривать с ними, и те ребята повывлезали, они ведь ничего не понимали, и через час-два они уже стали разбираться в том, что же произошло, что происходит, и через несколько часов, конечно, эта часть уже была небоеспособной.

— *Были ли, по-вашему, какие-то его неверные или слишком поспешные, категоричные указы после путча?*

— Да, шаги после были и неверные, были, конечно, и какие-то ошибки. (Насчет границ, кстати, вещь не такая очевидная, потому что, когда мы были в составе Союза, все границы были условные, и ни у кого это не вызывало никаких сомнений. А когда начинают выходить из Союза, то границы нужно уже точно обозначать, и масса спорных возникает вопросов.) *Категоричность?* Конечно да. Ну, может, тут и эйфория победы подействовала — не знаю что, ну, конечно, можно это ставить ему в укор, но ведь он не упорствует — признает, исправляет свои ошибки как может — так что в этом смысле он человек очень лабильный.

— *Вряд ли здесь можно обойтись без сравнений с Горбачевым...*

— Я думаю, что нельзя их сравнивать. Хотя они, как говорится, из одной кастрюли, но есть между ними и решающее отличие. Дело в том, что Ельцин побывал "на том берегу"... Когда его выгнали отовсюду, когда его предали, подвергнув остракизму полному, он побывал на другом берегу, откуда видно все — что представляет собой партия, власть, весь этот знакомый ему до мельчайших шестеренок и винтиков механизм, он его увидел не изнутри, а со стороны, увидел — и ужаснулся. Горбачев его никогда не видал со стороны, он всегда внутри него. Это — разница большая между ними...

— *Какую систему демократии вы находите самой совершенной?*

— Пожалуй, английскую систему власти. Представляете, время — июль сорок пятого года, полтора месяца спустя после окончания войны. Черчилль, спаситель Англии, главная радость демократических правительств и стран всего мира. Он — дома, сидит в ванне, ему сообщают, что обе палаты парламента потребовали его отставки. Он выскакивает из ванны и кричит: "Да здравствует Англия!"...

Это — система, при которой либералы уходят, консерваторы приходят, консерваторы уходят — либералы приходят... Система, при которой можно увидеть другую партию у власти, понять ее, оценить ее, критиковать ее.

Потом ты приходишь опять к власти, и тебя видят уже со стороны. Система чередования, возможность видеть со стороны — мы же этого лишены. Горбачев никогда не мог видеть себя со стороны — какой он, как он, понимаешь, смотрится. А он смотрится неважно зачастую. А Ельцин имел эту возможность. Тяжелая возможность, но была дана ему.

— *Как себя чувствуете нынче за письменным столом?*

— Ну, поскольку я депутат, председатель Петербургского Фонда "Культурная инициатива", секретарь Союза писателей — все эти общественные дела отвлекают, это ясно. И эти общественные дела забирают не просто время, а забирают и душу, все время живешь с ощущением того, что не можешь сделать то, что хочешь. И в Верховном Совете этом черт знает что творится, на этих съездах, никак не удастся важнейших вещей добиться — с тем же Янаевым, — не удастся поставить хороших людей, не удастся принять какие-то решения, что-то с этими демократами не получается — и так далее, — все время вскипаешь, все время чувство своей беспомощности и недовольства — и это плохо для работы, ведь то, что я пишу, — это не про Верховный Совет и не про свою политическую жизнь, это другая жизнь, другая планета. Поэтому очень много сил уходит на то, чтобы погрузиться. А жизнь — только погрузишься — тебя выдергивает опять. Это — мучительное состояние.

— *А что бы хотелось? Во что погрузиться?*

— А погружаюсь я в свой роман — повесть была, теперь — роман — такой более или менее приключенческий роман — о шпионах, об ученых, о нашей жизни, об американской жизни — все это перемешано там, в основе лежат документальные судьбы действительно существовавших людей — поразительные люди, поразительные судьбы, о которых много написано за границей, но мы ничего не знаем, хотя эти наши люди — и об их жизни здесь ничего не знает Америка. Работа над этим романом, конечно, требует погружения.

Много времени уходило на эту перестройку, на возможность писать и невозможность писать — короче, на всю эту канитель с внутренним состоянием. Ну, когда я уже, наконец, настроился, я уехал в Германию по приглашению и там сумел как-то отключиться, началась работа; потом, когда вернулся — вот тут нам был преподнесен путч — пришлось опять выскочить, уже невозможно было там, в глубине, находиться. Это беда большая — не только моя беда, а и других писателей.

— А тут еще баталии вокруг Союза писателей?

— Ну, это как раз меня меньше всего интересует, я как-то мало этим обеспокоен, потому что нынешняя жизнь литературная — она создала то, что я называю бы катастрофической независимостью — то есть настолько сейчас не нужна литература, насколько люди перестают и перестали читать книги, что мало кому есть дело до писателей — что они там пишут, чем занимаются — уже и поток писем читательских сократился — люди заняты, стоят в очередях, смотрят телевизор — литература ушла с того ненормального места, которое она занимала в жизни советского общества. Это было ненормальное место и ненормальные функции ее. Она не заняла подобающего места, какое она занимает за рубежом. Там — спокойная стабильная жизнь, а она скукожилась (*смеется*) совершенно, где-то в угол запряталась сейчас, не может сейчас помогать — даже люди, которые любят литературу и остались ей верны, им тоже некогда, не до нее.

Но пахарь должен пахать, писатель должен писать, и я вот эту катастрофическую независимость воспринимаю как благо. Хотя большинство литераторов, конечно, обеспокоены очень и бедствуют, и боятся, потому что никак не прожить, никому вроде не нужны сейчас ни стихи, ни книжки, ни романы, в лучшем случае детектив идет — “Детектив и политика” и “Совершенно секретно”, и, значит, секс, и божественная литература, и йоги, — а не новинки советской литературы — в лучшем случае еще что-нибудь из русского зарубежья. Но, повторяю, меня это как-то сейчас устраивает — не беспокоят, не зовут на литературные вечера, будет издано, не будет издано — можно сидеть и писать, хочется написать то, что никто кроме меня не напишет никогда, и мне это сладостно — сидеть так.

Этот путч сбил меня, отбросил опять. Что-то надо уже переписать. Изменилось видение мира. Мир сдвинулся, он не остался, каким был. Если бы я писал сейчас даже чисто любовную историю — и то это как-то проникло бы. Мы жили в другом мире до путча, в мире каких-то более осторожных отношений. Это все иначе сейчас видится, иначе чувствуется, отношения между людьми другими стали вдруг. На последнем съезде я вдруг увидел людей, которые стремятся изо всех сил очиститься, оправдаться. Или — пристроиться... Открылись не просто политические какие-то игры...

— Сколько же мы наговорили в итоге?

— Не знаю — две кассеты, кажется...

Санкт-Петербург, сентябрь, 1991

В. Кардин

"ЗАГАДКА" ГОРБАЧЕВА

Присказка первая

Лет пятнадцать тому назад моему знакомому понадобилось одно сильно дефицитное лекарство. Туда-сюда — нет. Вспомнили о приятеле, некогда занимавшем начальнический кабинет в ЦК. (Было это в хрущевские времена, но и тогда его вскоре с треском выперли и еще долго продолжали преследовать.)

Бывший цекист задумался:

— Там все, что угодно, достанешь... — и перебил себя: — Ну есть у меня пяток телефонов. Да одни нелюди там. Ничего человеческого в них не остается. Пальцем ради кого-то не шевельнут...

Бывший обладатель кабинета на Старой площади, ныне профессор и доктор философии, непечатно аттестовал своих давних коллег.

Присказка вторая

Молодая женщина, причастная к литературе и театру, рассказывает:

— Ничего не понимаю. Мы презирали политику. Упрямо твердили: "Идите вы со своими Горбачевыми, Ельциными..." А тут двое суток стою на Краснопресненской набережной. У меня дома Машка в соплях. А я тут торчу. Встречаю знакомого художника возле баррикады, — абстракционист, дальше некуда. И молодого режиссера сверхлевого, категорически аполитичного. Ничего не понимаю, — с нами что-то произошло...

Наблюдения и размышления

Начатая в 1985 году перестройка завершилась в августе 1991 года рождением новых государств, изменяющих облик одной шестой суши. Их беспрецедентный союз, как бы ни сложилась его судьба, — реальность. Для нас, для всего мира. Во главе союза значится человек, деятельно начавший перестройку и не менее деятельно противившийся появлению этого союза. Появился он благодаря этому человеку и вопреки ему.

Сама собой напрашивается аналогия: ничто так стре-

нительно не способствовало образованию союза, как провал хунты, пытавшейся любой ценой отбросить страну к брежневским, когда бы не сталинским, рубежам.

Парадоксальная аналогия. Соблазняться ею не надо. Но и пренебрегать не след.

На второй день после путча, когда по московским улицам, подобно заблудившимся стадам, передвигались колонны танков и бэтээров, упорно поползли слухи: Горбачев причастен к заговору. Слухи вполне уживались с тревогой за него самого. Но и после его возвращения, после заверений сомнения до конца не рассосались. "Независимая газета" в статье редактора настаивала: не мог Горбачев не догадываться о готовящемся перевороте. (Разумеется, участвовать — это одно, догадываться — другое. И все-таки...)

Михаил Сергеевич немало делал для беспокойной раздвоенности в восприятии его же роли. Началась она, раздвоенность, не вчера, и — на том настаиваю — не наша мнительность тому виной.

Исток ее не только и не столько в очевидной непоследовательности горбачевской стратегии (возможно, стратегия как раз и отсутствовала), но в противоречии между Горбачевым-политиком и Горбачевым-человеком. Между двумя этими понятиями.

Выдающийся деятель-реформатор, искусный мастер тактической борьбы, умеющий выигрывать неравный бой и сохранять самообладание, проиграв сражение. Беспрецедентная политическая и аппаратная гибкость, благоприятствовавшая карьере.

Но не слишком самобытный характер, отграниченный в крайкомовских и цековских коридорах, закаленный в кабинетных интригах не избавлял от человеческих слабостей, возможно, усугублял их.

Воистину великая идея обновления страны, общества и — филистерская надежда осуществить ее средствами и методами, скомпрометировавшими себя, попросту говоря, опираясь на КПСС, не желая признавать крепнущие демократические силы, идти им навстречу. Причем опираясь Генсек, знающий лучше кого-либо коварство, ретроградство компартии, ее вину в преступлениях против народа. Политическая слепота? Изохрененная тактика, объективно ведущая к развалу партии, удерживающая ее от еще большей консервативной агрессивности?

Не берусь ответить. Но складывается впечатление, что, решая сложные — сложнее некуда — задачи, Горбачев не слишком обременял себя нравственными нормами; порой вызывал недоумение — предпочтительнее было бы вызывать широкую, осмысленную поддержку. Говоря его же словами, Горбачев далеко не всегда умел опреде-

литься, твердо обозначить свою позицию, сверх меры колебался, вел бесконечные разговоры об идеях, "подкидываемых" справа и слева. "Подкидывающие" слева становились ему все более не по душе. Шараханья из стороны в сторону увеличивали иллюзорность конечной цели.

Не претендую на безоговорочность умозаключений. В настоящих заметках — лишь наблюдения, пища для размышлений. Мы малость устали от категоричных выводов, от компьютерных аналитиков, не сомневающихся в обладании абсолютной истиной. (В этом, между прочим, видится мне причина упадка некоторых демократических изданий, — их авторы все настолько хорошо знают, уверенно прогнозируют, что читателям остается лишь глотать готовые рацеи.)

Между тем обстоятельства настаивают на широком участии в разгадке, осмыслении всего обвального случившегося. Осмысления собственной роли каждого и роли президента, выглядевшего подчас загадочно, а загадочность чаще всего порождала тревогу. Когда тревог и без того хватает.

В моем распоряжении факты, доступные так или иначе всем, и на их фундаменте пытаюсь возводить свои построения, не стремясь к сенсационным открытиям. Хотелось бы спровоцировать читателя на собственные раздумья, пусть и не совпадающие с авторскими.

Горбачев, получив высшую партийную власть, а следовательно, реальную власть в гигантском государстве, принялся крушить систему. Мы можем догадываться о сопротивлении, на какое он наткнулся в партийно-правительственном аппарате, во всех его звеньях, среди армейского генералитета и военно-промышленных тузов. Но тогда-то к нему и пришла небывалая популярность. Его прямо-таки боготворили, прощали оплошности, не желая замечать, как подчас мораль приносится в жертву тактике. (Чернобыль и его последствия.)

В восемьдесят седьмом, если не ошибаюсь, году известный публицист, получив в встрече с читателями вопрос "Могли бы вы критиковать Горбачева?", благодушно смеясь, ответил: "Мог бы, наверное. Но у меня нет ни малейшего желания, ни малейшей потребности".

После вильнюсских событий он был в числе тех, кто подписал заявление, объявляющее Горбачева преступником.

Но Горбачев несколько не изменился. Его вина в утаивании последствий Чернобыльской трагедии не меньше, чем в крови, пролитой на улицах Вильнюса, Нагорного Карабаха, Тбилиси, Баку. Только ту трагедию мы едва различали сквозь густой туман вранья и секретности. Мы

еще были непростительно доверчивы, безоглядно влюблены. Вряд ли это делает нам честь.

Но если все понемногу начали трезветь, то заслуга в том прежде всего опять-таки Горбачева. Его идея, его политика дали импульс, содействовали освобождению из-под груза догм, все еще удерживающих власть над ним самим, прямо не желающим замечать, насколько идея не соответствует методам.

Некоторые его откровения умопомрачительны. На IV съезде народных депутатов, оправдывая собственное поправление, он уверял: правее общество. В Нобелевской речи возвращался к излюбленной мысли о неготовности людей жить в обновленных условиях. Не зная толком об-щей обстановки (возможно, сказывалась намеренная дезинформация, проводимая КГБ), никогда не выезжая в регионы, где льется кровь, он не уставал безапелляционно повторять: мне все доподлинно известно.

Процесс высвобождения умов и душ шел быстрее, шире, глубже, чем входило в планы, чем хотелось самому зачинщику преобразований. Он постоянно опаздывал, частенько попадал впросак. Но всякий раз после короткого замешательства обретал лицо. Иногда — такое случилось все реже — пытался вырваться вперед. Чаще вынужденно довольствовался местом замыкающего.

Как политик, он понимал: такой ход вещей досаден. Как человек самодлюбивый, ничего не мог с собой поделаться. Только ожесточался.

Тут, если угодно, драма Горбачева. Политик понимает, человек бессилён.

Горбачев понимал, что начатой им перестройке грош цена, пока Андрей Дмитриевич Сахаров томится в Горьком. Но, вернув его в Москву, не в силах был сдержать своей неприязни. Не только к сахаровским идеям, куда более глубоким, радикальным и своевременным, чем горбачевские, но и к нравственному облику академика. Ему бы с его обостренной в определенных случаях восприимчивостью вдуматься в них, подхватить, сделать Сахарова верным своим союзником. Куда там!.. Высокомерие лидера, склонного поучать, но не склонного учиться. Справившийся с верхушкой брежневской партийно-государственной элиты, он вел себя как всемогущий триумфатор.

Какие-то личные его черты совпали с одной из первых особенностей номенклатуры, уверенной: кто выше, тот мудрее. Не было секретаря обкома, не полагавшего себя самым всезнающим на территории области. С великолепным высокомерием он одаривал советами, указаниями режиссеров и физиков, писателей и агрономов. Отсюда в значительной мере и конфликт Горбачева с демократами,

коих он, повторяя изолгавшуюся партийную прессу, окрестил "так называемыми". Вообще его терминологические совпадения с этой прессой убийственны.

Любопытная сложилась картина. Благодаря преобразованиям, начатым Горбачевым, крепи демократическая мысль, демократическая печать, вышла на авансцену плеяда — не побоюсь сказать — блестящих политических деятелей-демократов, чье интеллектуальное превосходство над Президентом бросалось в глаза. Его содружество с ними избавило бы страну от многих бед. Но он предпочел других сподвижников, снося их беспардонные ультиматумы, унизительно потакал им, несмотря на свою чувствительность к малейшим унижениям. Они были для него "свои". Даже когда открыто угрожали, сколачивали комплоты. "Своим" все сходило с рук, которые у многих были уже по локоть в крови.

С демократами, терявшими к нему доверие, диалог не получался. Хотя Горбачев, отличаясь от своих предшественников, намеревался заручиться определенной поддержкой интеллигенции. Только не очень знал, как этого добиться. Преградой вставало номенклатурное прошлое.

Когда-то меня поразило, что на политбюро, на заседаниях сановно-бюрократической верхушки он всем "тыкает", а к нему обращаются на "вы". Не верилось даже. Мемуары Ельцина подтвердили. Теперь это — общеизвестный факт, помогающий кое-что понять в поведении и психологии Горбачева.

Жесты по отношению к интеллигенции он делал, до поры до времени прислушивался, видимо, к советам А.Яковлева. Но встречи с творческой интеллигенцией все больше выказывали свою нарочитость, никчемность. Визит к 90-летнему Л.Леонову коробил искусственностью, показушностью. Чувствовалось, кстати, что Горбачев либо не читал, либо подзабыл леоновские романы. И зачем при такой почти интимной встрече должны присутствовать телевизионщики?

Горбачев не находил, по-моему, до сих пор не находит общего языка с интеллигенцией. Мешает не только недостаток культуры, вкуса, но и вещи, быть может, более глупые.

Еще задолго до августовских событий у "Белого дома" Ельцин "обошел" Горбачева и в этом. Хотя культурный уровень обоих лидеров более или менее одинаков — птенцы аппаратного гнезда. Но Ельцин стремился улететь подальше от этого гнезда, на наших глазах вырос в большого политического деятеля, не стесняясь учиться, подбрав умных, интеллигентных, высокопрофессиональных помощников, прислушиваясь к ним, к их критике.

Горбачев предпочел противоположное направление,

благодаря чему и окружил себя преимущественно шустрой, создававшей обстановку, не слишком, видимо, обременительную для президента. Окружение работало на его понижение.

Меня лично не шибко убеждают уверения Горбачева, что он не дорожит властью. По-моему, очень дорожит. Но не брежневско-черненко-ская власть ему нужна. Нужна, и сильно нужна, власть не только должностная, но и опирающаяся на репутацию преобразователя, верного, однако, своему первоначальному социалистическому выбору.

Желание сильной власти, на мой взгляд, во многом диктовало его позицию в проблеме: центр — республики. Как политик, он должен был сознавать обреченность своей позиции. Как человек, не мог с этим смириться. Извечные человеческие слабости брали верх над политической мудростью. Возможная в перспективе роль рисовалась ролью директора Каспийского моря. С капитанского мостика гигантского корабля — да в уютную кабину такого директора!..

Какие только кошмары он ни предрекал в случае обретения республиками независимости, чем только ни грозил, отказываясь видеть неизбежное, ответственно готовить к нему страну и самого себя.

Мне трудно было поверить, когда два почтенных человека, расположенных к Горбачеву, непосредственно с ним соприкасавшихся, независимо друг от друга разводили руками: он глух к иной точке зрения, кроме собственной. И оба, не сговариваясь, подтверждали: обаятелен, открыт для беседы, не чреватой разногласиями.

Да кто же не чувствует — обаятелен, способен полонить самых разных людей: академика Шаталина, президента Буша, экс-премьера Тэтчер.

И опять вопрос, нередко возникающий, когда думаешь о Горбачеве: как соотносится такое обаяние с прагматизмом политика, понимающего необходимость нравиться?

Не от предубежденности вопрос этот. Слишком часто срываясь, Горбачев утрачивает обаяние, выглядит бесцеремонным, грубым, и теряешься: каков же он на самом деле? Где кончается толерантность политика, провозглашавшего новое мышление, и начинается большевистская нетерпимость?

Парадоксальность еще и в том, что гласность сняла препоны, ставящие Горбачева вне критики. В каком-то смысле Горбачев-человек опять стал жертвой Горбачева-политика. Кое-кто, пользуясь небывалой возможностью, позволял себе грубость, старался ударить побольнее.

Но удивительно другое: нахрапистое хамство "союзников" словно бы не задевало Горбачева. Любое замечание демократов вызывало бурное негодование. Выходит,

“союзники” — тоже были “своими”. Чем же, интересно? Имперскими притязаниями, солдафонской прямоотой, скрадывавшей ложь? Какие струны в душе Президента отзывались на “правду-матку”, выкладываемую “черными полковниками”?

Ну да чужая душа — потемки, великая тайна.

И все-таки есть тайны, с которыми трудно мириться, которые рождают внутренний протест. Однако время беспоощадно уменьшает загадочность президентской натуры. Сегодня нас уже не удивляет его резкость, враждебность к А.Сахарову. Умеющий одаривать солнечной улыбкой, он не видел нужды сдерживаться, когда Сахаров поднимался на трибуну. Поднимался “чужой”. Глубоко “чужой”.

У Сахарова — это не нуждается в доказательствах — прочные этические опоры. У Горбачева расчеты, подсчеты, комбинации. Опорам неоткуда было и взяться у непоколебимого атеиста, упрямо поднимавшегося вверх в годы Брежнева и Черненко, пользовавшегося благосклонностью Андропова.

Он на две головы выше своих предшественников, отважился на то, о чем они и не помышляли. Одно лишь признание примата общечеловеческих ценностей над социально-классовыми выводит Горбачева из привычного ряда советских лидеров. Но куда выводит, в какой ряд он попадает? Пускай не ряд; какова среда его политического, наконец, человеческого обитания?

Три августовских дня выявили: среды такой нет. Он оттолкнул от себя мало-мальски пристойных сподвижников, лучших советников. Даже ближайшим сотрудникам в часы форосского заточения (вероятно, и в остальное время) надлежало находиться на почтительном удалении. “Ты царь. Живи один!”

Потом, вспоминая о собственной стойкости — он ее впрямь проявил, — гордясь — и оправданно — твердостью, самоотверженностью семьи, Горбачев забудет о “малых сих”, разделявших с ним форосское пленение, тех, чьи головы полетели бы первыми.

С полным самообладанием и достоинством он произнес перед потайной телекамерой слово к людям, которое могло стать прощальным. Но и в эти драматические минуты не мог избавиться от самовлюбленности, избыточных пояснений.

Как же все это в нем причудливо уживается! Впрочем, не в нем одном...

Во всей этой истории — путч, провал, полеты заговорщиков в Крым — хватает странностей. Но они, судя по всему, со временем прояснятся. Самодетельные гипотезы увлекательны, но не более того.

Меня, как и многих, продолжает интриговать не столько детективная сторона, сколько почти открытое формирование заговора из деятелей, коих настойчиво подбирал и яростно отстаивал президент.

Будучи дипломированным юристом, Горбачев знаком с теорией Ломброзо, утверждающей: существует особый тип "преступного человека", распознаваемый по внешним признакам, специфическим чертам лица. Теория, разумеется, реакционная, ложная, успешно развенчанная и т.д.

Однако, когда вечером 19 августа их физиономии — даже без Павлова и Крючкова! — возникли на телеэкране, миллионы зрителей ахнули. Таким не только нельзя доверять какую-либо власть, от них серебряные ложечки надо прятать. Не страх вызывали они, но омерзение. Воистину ошарашивало то обстоятельство, что глава государства им беззаветно и бесконтрольно доверял. Кто же тогда он сам?

Очередная, не дающая покоя загадка.

Каждодневно с ними общался, Крючкова держал за "преданного без лести", Павлову поручил вывести страну из кризиса, многотумно поддакивал, слушая вкрадчивое вранье Пуго.

Интересно, однако, за кого сами они его держали, не считая нужным тщательно конспирировать?

Об умственных возможностях и государственном мышлении заговорщиков сказано предостаточно. Система негативного отбора, безотказно действовавшая семьдесят с гаком лет, уцелевшая, несмотря на перестройку, выдала по запросу Горбачева очередную когорту. Он лично отобрал востребованных и благословил: добро вам, действуйте! Они и действовали.

Не затей они свой преступно-идиотический заговор, президент продолжал бы носиться с ними, как с писаной торбой. А они продолжали бы свою деятельность.

Воистину, "дивны дела твои...". Но в делах уже разбираются следователи, "загадка" же Горбачева все-таки остается.

Исключал ли сам президент заговор? Вряд ли. В состоянии был вообразить себе хунту: Собчак, Попов, Афанасьев, Старовойтова... Не зря Крючков — орлиное око — сигнализировал: демократов содержит ЦРУ. Премьер тоже предупреждал: Запад плетет сети, норовит володеть и княжить нами, Запад, чуждый его, Павлова, привычке доедать последнюю картофелину на тарелке, вылизывать подливу. Где им, чужеземцам, оценить павловскую самобытность. У Янаева тоже собственная гордость; в своем первом (и, слава Богу, последнем) заявлении надменно бросил: в подачках не нуждаемся.

Вот с чем у них было хорошо, так это с национальной спесью и преданностью партийным идеям.

Горбачев не поддерживал шовинистические воззвания типа "Слова к народу". Никогда, ни разу. Но и ни разу вразумительно не высказался против. Такова одна из любимых его поз: глубокомысленный нейтралитет, двусмысленное выжидание. Ничего хорошего поза не сулила. Особенно в случае с национал-большевизмом, идейно питавшим заговорщиков.

Имею в виду не только прошлое этой легализованной разновидности фашизма, но и нынешнюю фазу, когда его идеолог растолковал: большевизм, конечно, умер, однако теперь-то, избавившись от опеки "партайгеноссен", националисты себя покажут, ого-го...

Упиваясь положением "над схваткой", Горбачев будто бы не видел, куда, к чему толкают покровительствуемые им все более наглые группы и течения. Они же предпочитали ставить его перед фактом. Он делал вид, что фактов не замечает, и опекал тех, кого надлежало судить, не дожидаясь путча. Они вполне управлялись, хозяйничали без него. Отказывается ввести чрезвычайные меры? Не беда. Обходились без него и сейчас обойдемся.

И обошлись бы, не вступи в действие силы, которые — по тупости своей и номенклатурной самонадеянности — в расчет не брали. Но брал ли Горбачев?

Он все определеннее ставил на КГБ, пуговское МВД, язовскую армию, не подозревая, что и тут дела обстоят далеко не так, как ему докладывал Крючков, обманывавший, впрочем, и самого себя.

Я далек от мысли сколько-нибудь уподоблять Крюкова или Павлова Горбачеву, но не в состоянии пренебречь точками убийственного совпадения. Совпадения, многое высвечивающего.

Более всего Горбачева возмутило предательство друзей, соратников-иуд. Даже американцам пожаловался во время телемоста. Но разве предательство не входит в кодекс большевистских руководителей? Я не о тех, давних. Но о предательстве Горбачевым Шеварднадзе, Явлинского, Бакатина... Масштабы, слов нет, разные. Но предательство — всегда предательство. Уверен, заговорщики тоже найдут оправдание своей измене.

Отвратительны лживые заявления хунты о болезни Горбачева. Но сколько раз лгал Горбачев, теряя доверие и бывших своих сподвижников, и горячих приверженцев, и народа? Лгал, не видя в том ни вины своей, ни беды.

Слушая "голоса", Горбачев еще в Форосе утвердился в мысли — совершена государственная измена. Однако за 72 часа вынужденного уединения так и не определил — воспользуюсь его же выражением, — кто есть who. Само-

любие, особенно неуместное на фоне всего происшедшего, сбивало с толку в часы, когда позарез необходима ясность. Вернувшись, на первой же пресс-конференции накинута с нападками и поучениями на... демократическую прессу, на газетчиков, до хрипоты, до срыва голосовых связок предупреждавших его самого и страну об опасности.

Неужто так и не дошло: люди бросались под танки и бэтээры не ради него, но ради свободы и демократии, торжества Закона?

Да, столь высокие понятия у нас связаны с его именем, с памятью о его начинаниях; мы тревожились за него, судьбу его близких. Но это — великодушие народа, высота духовной волны. Не его портреты вздымались над толпами, не его имя скандировали. Но человека, которого он намеревался отстранить от всякой политической деятельности, которому беспрестанно мстил, предпочтя ослушнику бездарных и лживых компаньонов с камнем за пазухой.

Ко всеобщему искреннему удовлетворению выдающийся политик одолел человека, болезненно самолюбивого, мелочно памятливого на обиды. Даже мнимые.

Свершилось едва ли не чудо. Но я воздержался бы от определения "новый Горбачев". Это люди стали новыми, страна — новой.

Что до человеческой природы, глубинной ее сути, то, имея в виду Горбачева, его возраст, его биографию, лучше чрезмерно не обольщаться.

Но нам с ним детей не крестить. Сама наша общая судьба теперь гораздо меньше будет зависеть от общесоюзного лидера, в каких бы формах союз ни возродился. Он — надо отдать должное — в считанные дни немало сделал, чтобы dokonать тоталитарную систему, расчистить завалы для предстоящего строительства по чертежам и проектам республик.

Встал на горло собственной песне? Жаль, что с таким роковым опозданием, что долго давал волю пустяковым в конечном счете страстям, цеплялся за предрассудки.

Сейчас уверяет, что извлек уроки. Уверения стоили бы не дороже "павловского" рубля, не подкрепи он их делами и поступками.

Его послефоросские шаги, в отличие от некоторых высказываний, которые он еще позволяет себе по инерции, предприняты деятелем, отважившимся на крутой поворот, с беспощадной зоркостью просчитавшим варианты. На внеочередном съезде народных депутатов Горбачев явил себя политиком напористым, властным, искусным. Не в пример, кстати, многим депутатам — правым и

левым — ощутил судьбоносность момента. И соответствовал ему.

Распевали когда-то детскую песенку про барабанщика: "Вдруг проснулся, перевернулся..."

Мы сетуем: много неясностей сопряжено с путчем. Но сколько вокруг прояснилось! "Загадочность" президента пошла на убыль.

Приверженность демократическим воззрениям сама по себе еще не гарантирует человеческую добропорядочность. Но измена им неотвратимо ведет в то самое подполье, где лелеют гнусные планы, вынашивают мерзости. Не зря густая секретность обволакивала деятельность на Старой площади и площади Дзержинского. Горбачев и сам слишком привык к укромным разговорам, к политике, не всегда свободной от двуличия, к словоизвержениям, скрывающим существо проблем.

Назначение двух центральных московских площадей отныне изменилось. Идолопосклонники и жрецы Великой Секретности меняют профессию или уходят на покой, или...

Сумеет ли Горбачев изменить не только свои взгляды, свое окружение, но и собственное общественное поведение, стиль его?

Эпоха политических кульбитов центра кончается. Наступило переходное, как его называют, время, оно донельзя нуждается в лидерах, обладающих, помимо должностной власти, подлинным духовным авторитетом. Сможет Горбачев обрести для себя достойное место — и мучительный промежуточный период будет менее щедр на "сюрпризы" и "волчьи ямы", не будет постоянно литься кровь.

По мере сближения президента с будущими заговорщиками, невольного сближения с шантрапой, что их идеологически обслуживала (а теперь норовит выгородить), акции его неуклонно падали. Провалившийся путч едва ли их повысил. Он, правда, подтвердил свою репутацию гения компромисса. Но не компромиссом единым...

Для так решительно пробудившейся наконец молодежи Горбачев чужой. Люди разных поколений за шесть лет и три дня воспрянули к новой жизни. Но разобщены, непривычны к республиканской, отнюдь не бесконфликтной независимости. Все это еще больше затрудняет взаимоотношения президента с народом, а привычный для него разговор, набившие оскомину формулировки и словесные выкрутасы вовсе не приемлемы. Добрая половина излюбленных его политических приемов теперь окончательно себя изжила. Для людей президент уже не слишком большая загадка, а вот они для него, пожалуй, во многом загадочны.

Но насколько бы ни уменьшились президентские полномочия, насколько бы ни упал престиж, роль Горбачева остается значительной. Как-то он с ней справится; налегке прилетев из Фороса в малознакомую страну?

Ответ на этот вопрос даст будущее. Автор от прогнозов увольняется.

Сентябрь 1991

Станислав Говорухин

СУМЕЕМ ЛИ РАСПОРЯДИТЬСЯ ПОБЕДОЙ?

— Что больше всего вас сегодня тревожит, возмущает, радует — в контексте пережитых августовских событий?

— Меня больше тревожит ход событий, чем радует. Потому что победа — ну, во-первых, не надо уж особенно переоценивать эту победу — все же далась малой кровью, а когда переоценивают победу, преувеличивают опасность — убивается великодушие. Не получилось бы так, что все вернется на круги своя...

То есть, конечно, противники, главные враги наши повержены, — коммунистическая партия, которая только мешала жить нормально, логично, сообразно общим законам бытия, Комитет госбезопасности — этот дракон — лишился одной из своих страшных голов, военно-промышленному комплексу, пожиравшему большую часть нашего бюджета, придется сегодня умерить аппетиты — видите, многое, казалось бы, освободилось для того, чтобы наладилась жизнь граждан... Но вот у меня ощущение, что она все равно не наладится.

--- Почему же?

— Потому, во-первых, что любой победой надо уметь распорядиться. А во-вторых, все-таки, конечно, мы — страна, очень развращенная семьюдесятью тремя годами коммунистического бытия, и боюсь, что у нас все опять примет уродливые формы, по-прежнему будем воровать, по-прежнему будут действовать законы блата, ну а что касается преступности — тут и гадалкой не нужно быть, чтобы догадаться, что в условиях рынка она всплеснет с но-

вой силой. Хотя и сейчас уже, кажется, достигла немислимых размеров.

— *Как побороть ее, возможно ли это вообще... На эту тему я даже не задаю сейчас вам вопроса — тем более что фильм ваш "Так жить нельзя" до сих пор в памяти. И все же, все же, все же...*

— Да, нет ни опыта, ни достойной милиции — та, которой мы располагаем — она и с сегодняшней преступностью бороться уже не в состоянии, а что будет дальше... Преступность, знаете, проникает уже во все сферы...

— *Кстати, на днях читала вашу заметку в "Известиях" о правовом беспределе издателей...*

— Вот вам, пожалуйста. Книгопечатание, туризм, кинематограф, телевидение, вообще культура — все это сферы, куда будет проникать преступность. Ведь речь идет не обязательно о бандитах, вооруженных автоматами, грабящих банки и сберкассы, а обо всех, кто грабит народ, кто, ничего не производя, зарабатывает деньги — это все преступность, самая натуральная. Если он, ничего не производя, зарабатывает огромные деньги — значит, он эти деньги выгребает из карманов тружеников — закон-то простой.

Вот то, что меня тревожит сегодня. Ну это не все, конечно: состояние духовной разрухи, в котором мы живем, да многое другое... Словом, я, так сказать, опять на самых пессимистических позициях — никак не удастся сойти с них. Ну два-три дня эйфории после победы — а сегодня уже, так сказать, трезво смотрю на произошедший со страной инцидент. Никакого, строго говоря, серьезного переворота не состоялось, либо действовали неграмотно, либо просто и не хотели, и не могли действовать по всем законам военного переворота — так что победа, конечно, одержана, но не над таким уж на все готовым противником.

— *Прочли ли вы статью Эдуарда Тополя в "Московских новостях", где он призывает чуть ли не безоговорочно простить всех путчистов. Что вы по этому поводу думаете?*

— Да с этого я и начал: когда принимаются убеждать, что это — страшные преступники, преувеличивают опасность, грозившую стране, то убивают великодушие: какого же калибра эти преступники? Уверен, например, что Янаев просто был бездарной марионеткой. Я давно еще, шутя, предложил обратиться в правительство с просьбой, прежде чем судить их, наградить их высшими наградами государства — так много они сделали за три дня — сделали то, на что нам понадобился бы год-полтора. То есть

финал компартии был известен — она все равно должна была распасться, погибнуть, не то что о поддержке или любви народа не могло быть речи, речь шла уже о ненависти. Но произойти этот финал должен был через год-полтора. А восемь преступников года на полтора на два приблизили этот конец. Они помогли нам избавиться от страшного Комитета, сегодня ничто не помешает нам сократить армию до разумных пределов, сократить расходы на ВПК...

— Но ведь речь шла не только об их преступных замыслах, а о реальных преступных действиях, свержении президента, распоряжениях о взятии "Белого дома", аресте Ельцина, списках на интернирование депутатов.

— Вы же работаете в таком журнале, где закон подразумевается на первом месте. Все это должно быть доказано судом — пока что по тем отрывочным сведениям, которые сообщают газеты, все это даже и не доказано.

— Сегодня утром я слышала выступление по "Радио России" квалифицированного юриста (это была женщина), опровергавшего законность попыток адвокатуры переквалифицировать статьи обвинения в "злоупотребление служебным положением". Речь идет о юридически точном соответствии параграфов обвинения формулам статей о "государственном преступлении".

— Я больше стою на точке зрения адвокатов. Если бы я был адвокатом, я бы взялся защищать любого из них. Хотя бы потому, что эти люди действовали по убеждению, — в большинстве случаев. Было бы очень примитивно говорить, что они спасали только свои дачи и привилегии. Я думаю, большинство из них, будучи ортодоксальными коммунистами, людьми недостаточно широкого кругозора, ну и вообще довольно туповатыми людьми, действовали по убеждению и были уверены, что будут поддержаны народом. И, более того, были поддержаны пятьюдесятью процентами населения — как минимум. Потому что Москва — это не Россия. А я проехал сейчас по всей России, и, когда случился переворот, я сказал: "Все, ребята, померем при тоталитарном режиме". (Я думал, что переворот будет организован по всем правилам переворота.) Потому что я знал, что глубинка поддержит Чрезвычайный Комитет. Потому что в народе выросла уже глубокая ненависть к Горбачеву и его порядкам.

Вы бывали когда-нибудь в глубинке России? Ненавидят Горбачева повсеместно, везде 50% — скажем, не самая сознательная часть — требуют чрезвычайных мер, экстремисты говорили — "я бы их всех расстрелял", тысячу раз я слышал такие реплики, имелось в виду — де-

мократов, и так далее. Так что, если бы я был адвокатом, я бы нашел доводы в защиту путчистов. Они действовали по убеждению, были уверены, что отстаивают интересы народа. Сегодня отнять все их доводы невозможно, адвокаты найдут, за что зацепиться, — и будут правы. Повторю, наш закон призван карать за действия, а не за убеждения.

— *Вы считаете, что действий не было?*

— Может быть, и были, но, по крайней мере, ту пользу гигантскую, которую они принесли обществу, ее же тоже нельзя сбрасывать со счетов, оценивая конечный результат. Да, потом многое прояснилось в расстановке сил, мы поняли, кто есть кто, понимаете. Мы сегодня все про них знаем, потому что переворот дал нам точную переоценку ценностей.

Мы теперь твердо знаем, что коммунисты — партаппарат — неисправим.

На этом, собственно, было основано решение Ельцина — приостановить деятельность компартии на территории России. Все поняли сразу, что они неисправимы, что им все равно ничего не докажешь. Результат во многом получился на руку обществу. А результат правосудие никогда не сбрасывает со счетов. Поэтому, когда их будут судить, я, как зритель, был бы против строгих мер к ним. Хотя они все равно преступники. Если человек отдает команду ввести в мирный город танки, то он должен знать, что жертвы неизбежны. Жертвы обязаны были быть. И они случились.

— *Но они ведь даже планировали жертвы!*

— Об этом я ничего не знаю. Мне нужны твердые доказательства — планировали они жертвы или нет.

— *Хотя бы одного Ельцина.*

— Ельцина же они не арестовали, а имели возможность арестовать. Докажите мне, что они его арестовать не смогли — скажите, кто им помешал арестовать Ельцина?

— *Переубежденная группа "Альфа".*

— Да нет, я думаю, что все гораздо проще. И одновременно — сложнее. Но поживем — увидим...

— *Что вас больше всего поразило в эти дни?*

— Меня поразили, я много раз об этом говорил, две вещи — героизм юных — я относился к молодежи немножко свысока, мне казалось, что она хуже, чем она есть на самом деле. Так вот, я убедился, что у нас в общем замечательная молодежь — о людях среднего возраста я не говорю, я их ожидал увидеть на баррикадах и

увидел. А молодежь, особенно вот пацанов всех этих, рокеров, я не ожидал там увидеть — так вот это поразило меня приятно. Две вещи меня поразили — героические москвичи и Мстислав Ростропович, которого я встрѣтил в "Белом доме". Человек, приехавший без визы. Приехавший погибнуть за Родину.

— *Какие перемены в вашей творческой работе произошли в связи с пережитым, какие новые импульсы вы получили как художник?*

— Ничто же не проходит бесследно. Кроме того, я — в процессе работы над публицистической картиной, она должна выйти в начале 92-го года, то есть получилось, что сценарий и съемки были начаты в одну эпоху, а фильм выйдет в совершенно другую эпоху. Ведь ход истории был изменен за эти три дня. Финалы, про которые я говорил, должны были случиться через полтора-два года. Ленина должны были вынести из Мавзолея примерно к премьере нашего фильма. А теперь счет идет на недели. Компартия должна была погибнуть через год-полтора. А она в ночь с 18 на 19-е покончила жизнь самоубийством — и так далее. Значит, картина моя меняется. У меня больше возникло проблем — то есть я должен концепцию менять, попытаться сделать картину полезной и актуальной. Она все равно — та картина, которую я снял, — как исторический документ может существовать. Но мне хотелось, чтобы она была полезной, чтобы от нее была польза сегодня обществу. Поэтому многое придется менять — какие-то кадры просто выбросить, отснятые уже, а многое пересмотреть в свете сегодняшних событий.

— *Изменилось ли что-либо в отношениях ваших с людьми, в оценках их поведения в связи с августовскими событиями?*

— Нет, никаких сюрпризов не произошло — все люди, о которых я думал плохо, они себя так и вели соответственно, а все, о ком я думал хорошо, они себя и вели хорошо... У меня вот таких неожиданностей не возникло, возникли какие-то вещи, скорее, смешные даже, ну, например, в 12-м номере "Советского экрана" должен был быть напечатан большой отрывок из одной моей работы — в связи с фильмом, который я сейчас снимаю о Ленине — то, что о Ленине мы еще никогда не публиковали, не слишком хорошо о Ленине, так скажем, и я вот дня четыре назад взял 12-й номер "Экрана", открыл и его не нашел — я понял, что они, очевидно, перепугались и выбросили то, за что, пожалуй, ГКЧП не погладил бы редакцию по головке. Они у меня просто выпросили эту статью — мне вообще их публикация не нужна была, потому что вы-

ходит моя книжка, но они меня предупреждали много раз, что в 12-м номере будет эта статья. Случайно просто взял этот "Экран" — думаю, посмотрю, не напутали ли чего — и обнаружил, что нет ее; значит, трусили и в последнюю минуту, видимо, выкинули. Ну и что — это не значит, что мое отношение к ним изменилось — я о них и раньше так думал, — все встало на свои места — я убежден, что теперь она появится в 13-м номере — просто не узнавал — надо было бы позвонить, спросить: "А почему, ребята, нет в 12-м номере статьи о Ленине". Но мне не хочется, я настолько убежден, что прав в своих предположениях, что противно, честно говоря, даже выяснять.

— Что вы думаете о нынешних перспективах журналистских расследований? О делах сомнительных СП, например, где шустрят кое-какие бывшие партийные деятели, подавшиеся в предпринимательство?

— Я спросил однажды приятеля, которому доверяю, сам он очень богатый предприниматель: "Женя, у меня ощущение, что девяносто процентов из вас — жулики". И знаете, что он ответил? — "Слава, не девяносто, а все сто. Только десять процентов вынуждены обманывать, потому что их государство поставило в такие условия, а остальные жульничают еще из любви к этому искусству".

— А если говорить о расследованиях — как вы думаете, легче теперь, после победы гласности, будет их проводить?

— Не думаю, что будет легче. Повторяю, боюсь, что все вернется на круги своя, появятся новые проблемы, новые преграды — только другие. Меня, к примеру, особенно интересуют архивы — исторические архивы КГБ и материалы из ленинского архива. Огромное количество документов хранится в этих двух совершенно секретных архивах. Причем архив КГБ гораздо менее секретен, чем ленинский архив, куда вообще доступ ко многим ленинским документам гораздо труднее получить — даже к его письмам, которые до сих пор не опубликованы. Наверное, легче получить какое-нибудь досье из архивов КГБ. Думаю, что я их не получу — сейчас их будут передавать из одних рук в другие — на это уйдет уйма времени. Мы лишены пока что своей истории, мы не можем узнать собственную историю.

То есть сейчас много неожиданностей нас ждет...

— Какого плана?

— Например, деньги компартии будут открываться, вообще многое узнаем про коммунистическую партию, узнаем, наверно, кое-что новое о высших деятелях государства, начиная с Горбачева и кончая — ну там кем угодно...

Много секретов сейчас откроется обществу. Но меня они меньше волнуют, чем вот факты исторические, спрятанные от нас исторические документы.

— И. в итоге, как бы вы охарактеризовали свое сегодняшнее состояние?

— Ну какое состояние? Состояние растерянности — потому что мне ведь очень важно, куда мы плывем. К чему мы выплывем, каков будет финал, потому что я снимаю картину о стране, и я должен знать, к чему мы идем. Меня волнует одно — больше всего, — что издевательство над советским народом — над российским народом, в частности, продолжается. По-прежнему над ним издеваются всяческим образом — и от того, что его заставляют там — не знаю, выстаивать в очередях, что у него нет самого необходимого, строят у него на глазах какие-то предприниматели — предположим даже не предприниматели, а государство — ремонтируют какие-то гостиницы, скажем, "Метрополь", "Асторию", "Балчуг" — но все для иностранцев, все не для него, то есть это по-прежнему оскорбление и издевательство над народом — оно во многом, во всем продолжается, и я думаю, что это очень опасно, продолжать это до бесконечности нельзя, существует предел, к которому даже приближаться опасно. Потому что дальше будет взрыв — взрыв народного негодования, от которого не спасут никакие героические москвичи. Когда начинается народный бунт — уже ничего не спасет, ну разве армия только. Но армия у нас с народом...

Сентябрь 1991

Интервью взяла Евгения Стояновская.

Лев Аннинский

ЗУБНАЯ БОЛЬ

— Может, хоть вы знаете, где тут детская стоматологическая поликлиника?

Я не знал. Я страшно смутился. Дело происходило 20 августа 1991 года, в час дня, около метро "Баррикадная".

В двухстах метрах от "Белого дома".

В потоке людей, одержимых совершенно другими заботами.

— Какая еще поликлиника? — не понял я и перевел взгляд с женщины, остановившей меня, на ее спутницу, стоявшую с тем же растерянным и воинственным видом, по которому узнаешь приезжих.

— Детская, — повторила спутница безнадежно. Тут только я заметил меж ними девочку лет двенадцати, которую они держали за руки.

— Простите, я не знаю, где здесь стоматологическая поликлиника, — сказал я. И во мне что-то сломалось.

Сломалось, нарушилось, перевернулось. От этих ее глаз, в которых стояли боль и бессилие скрыть боль.

Я отвел глаза, повернулся и пошел — не к "Белому дому", куда меня уже тянуло потоком, а в метро. И домой. Все остальное совершилось для меня по радио и телевидению. Говорухин, заочно обозвавший меня говном в числе всех, кто в этот час не на улице. Депутаты России, издевательски путавшиеся в аббревиатуре ГКЧП. Подрагивавшие кулаки Руцкого, только что вернувшегося из Крыма. Я смотрел — как кино, зная, что — сломалось, и все равно не мог бы участвовать.

Надломилось, конечно, раньше — девятнадцатого. Утром, когда в поезде Нальчик—Москва включили трансляцию (я возвращался из отпуска), и в мертвое молчание вагона вкатились стальные голоса дикторов. Не знаю, что более подействовало на меня в тот момент: молчание ли людей в вагоне (явное равнодушие мешалось с угадываемым злорадством) или ощущение конца всех моих надежд, — так или иначе, я мгновенно сказал себе, что надо готовиться к худшему.

Не то даже убивало, что "состояние здоровья" Президента СССР торчало из этих заявлений откровенным подлогом, — убивало ощущение стилистической безнадежности происходящего. Я прекрасно понимал, что при любой "чрезвычайке" власть все равно вынуждена будет продолжать реформы. Никуда ей от них не деться: мы обречены и на приватизацию, и на рынок, и на гласность. Никакая "чрезвычайка" против хода вещей не поперет, конфронтации с мировым сообществом не выдержит, через неизбежное не перескочит. Но убивала стилистика, скука подступавшего опустошения. Железная, дикторски-диктаторская, "левитановская" интонация, в которой говорилось о законности, о Конституции, о суверенитетах, о благосостоянии народа и прочих бесспорных вещах.

Я и другое понимал рассудком: что такие, как я, в конце концов понадобятся и "чрезвычайке", и именно чтобы интонацию регулировать, человеческий тон наводить. Хотя, конечно, закрытие левых газет грозило немедленным профессиональным шоком. Ну, к чему к чему, а к

кляпу во рту мы привычны. И я приготовился к привычному: лечь "на дно", уйти во внутреннюю эмиграцию, разделить чувства побежденных.

Чего я себе не мог представить тогда, так это того, КТО окажется побежденным. И еще невозможнее: как быть с победителями. Ни к тем, ни к этим — не могу. Почему? А по той же стилистической несовместимости. По чепухе, кажется: по составу речей. Литературная критика меня, что ли, так испортила: язык коробит. Я не могу вынести, когда людей называют преступниками, не ожидая решения суда. Я не понимаю слов "путч", "переворот" и "заговор" в применении к людям, и так имевшим власть; вот в 1917 году действительно был переворот, да и не один: и в феврале, и в октябре власть захватывали те, кто ее до того не имел, а тут что? Тут уж скорее перемена курса. С превышением полномочий, конечно, с нарушением процедуры, с проломной стилистикой, все так. Но где тут "измена", где "предательство"? Это уж из какой-то другой оперы: из области веры, верности, любви, дружбы. При чем тут Конституция? И почему надо называть "заговорщиками" людей, за которыми стоит ведь своя часть общества? Это лидеры ДРУГОЙ части общества, ты с ними не согласен, но почему они "вне закона"? Закон исходит из целого или это уже не закон, а соотношение сил.

В общем, стилистика все та же, нашенская. А ведь делать-то победителям придется то же самое, что их противникам, хоть, может быть, и в другом порядке. Чрезвычайных мер не избежать и демократам в критических, взрывоопасных ситуациях, за которыми дело не станет в нашей жизни. Дело-то только начинается.

В ту ночь — с 20 на 21 августа, — когда я ловил прерывающиеся передачи "Радио России" (и мучительно соображал на рассвете, кто же виноват в гибели раздавленного бронетранспортером человека: солдат, рванувший машину вслепую, или демонстрант, ослепивший солдата брошенным на смотровые щели брезентом), в ту ночь люди, имевшие возможность сопоставлять факты, поражались хаотичности войсковых передвижений: казалось, что генералы сошли с ума, или пьяны, или больны.

Но генералы не были ни больны, ни пьяны, ни безумны. Генерал, командовавший войсками ГКЧП, и генерал, командовавший войсками, вставшими на сторону Президента России, все время противостояния... переговаривались по телефону. В таком духе: Николай Васильевич, у тебя там такая-то часть идет туда-то... останови ее. — Остановить, Константин Иванович, не могу, а притормозить на полчаса попробую — успеешь?

Что это? Игра? Очередная "русская загадка"?

Да, игра. Загадка с разгадкой, простой, как жизнь и

смерть: генералы, оказавшиеся по разные стороны "фронта", повязанные присягой, приказом, чувством долга (воинского долга, с одной стороны, и гражданского — с другой, как заметила одна журналистка), крутятся и хитрят, только бы избежать столкновения и кровопролития. Лучше не подступать к этой ситуации с категориями "верности" и "предательства" — сразу запутаешься, кто кого предает и кто чему изменяет, а то и в фарс вляпаешься, в оперетту, в пародию. Но под всем этим — реальность, глубинная правда состояния людей и в штатском и в военном, правда состояния народа, которую сам он, народ, кажется, впервые осознал в ту ночь. Правда состоит в том, что народ не хочет войны. Никакой: ни "внешней", ни гражданской. И армия не хочет.

Это самооткрытие огромной, эпохальной значимости: русские люди, столетиями жившие в атмосфере воинственности, вырвавшиеся под крики: "Всех к расстрелу!", "Под корень извести!", "Каленым железом выжечь!", "Решить окончательно!", "К стенке!" — люди эти отказались стрелять, изводить, идти по трупам. Никто не захотел крови.

Можно и так сказать: русские отказались бить русских. Радостная новость? Да, но... Но год назад русские — били же литовцев в Вильнюсе! Прикладами — безоружных. Два года назад — били грузин в Тбилиси. Лопатками — женщин. Вы понимаете, что это значит? "Своих" нельзя, а "чужих" — можно. Страшно подумать о том, что это предвещает. Поневоле вспомнишь, КТО в 1918 году охранял революцию от русских "контриков": латышские стрелки. Кто в 1917-м умирал русские бунты? Кавказцы из Дикой дивизии. А русские? Русские на "окраинах" умирjali "инородцев"...

Страшно.

Зубной болью ноет во мне "национальный вопрос": мы с ним еще нахлебаемся. Ну ладно, хоть здесь, на Пресне, на месте прежних кровавых междоусобий, русские наконец отказались убивать русских. Господи, хоть этому вразумились наконец. Штурмовая группа профессиональных суперменов, готовая за 20 минут пройти "Белый дом" насквозь, — отказалась от штурма. "Мы бы вошли, мы бы прошли, но как бы мы вышли? — ведь там было бы море крови..."

Почувствовали, стало быть, цену крови.

Море людей на пути понадобилось, чтобы почувствовали. Да и как "вошли" бы, если б и решились, — ведь нигде было развернуться: полк, имевший задачей расчистить штурмовой группе плацдарм перед зданием, — не расчистил место именно потому, что народу было слишком много. Как ни кинь, а решилось дело именно этим

обстоятельством: что люди (не в пример мне) не остались дома.

Море людей на улицах. Результат перестройки.

Теперь подумаем дальше: что делать новой, демократической власти с этим морем? Ни одна экономическая проблема не решена, ни одна социальная не решена. Все то, перед чем попятилась "чрезвычайщина", остается в наследство "демократии". И прежде всего — "море народа" на улицах.

Шесть лет люди стоят толпами, исходят криком, лупят кулаками воздух, требуют, требуют, требуют. Шесть лет наша жизнь — это митинги, шествия, противостояния, голодовки, резолюции, платформы, контрплатформы, сессии, сходки, демонстрации. Кто, как, когда, чем накормит эти массы? Земля пустая. Понимают ли люди, что означает "рыночная экономика", которую они защитили, встав живым кольцом вокруг "Белого дома"? А что такое биржа труда, им в детстве рассказывали? Какая власть найдет средства накормить такую массу людей, когда, по природе вещей, работать на нынешнем уровне цивилизации надо не "всем миром наваливаясь", и не кулаками суча, а рассредоточиваясь! Не толпой, не массой, не "народом", а разойдись по рабочим местам, рассеясь, распылясь. Кто разведет эту массу людей по рабочим местам, кто заставит людей взять наконец в собственность эти треклятые "средства производства", то есть ОТВЕЧАТЬ за них, взять наконец в личное владение эту кровью и слезами политую землю, то есть ПОЛИВАТЬ ЕЕ ПОТОМ. Да разве ж эти сотни тысяч, охваченные единым порывом: лечь под танки! — разойдутся по своим местам так просто? Разве ж они остановятся? Ну, для начала на статуях отыграются, на "железного Феликса" удавку накинут и с пьедестала сволокут, а потом что? Железо не съешь, статуями сыт не будешь, цены статуями не регулируются. А цены рано или поздно к горлу подступят; что тогда? Если новоиспеченные бизнесмены, 21 августа кормившие на площади людей в "живом кольце", в октябре выйдут на ту же площадь с требованием ОТПУСТИТЬ цены, а малоимущие, 21 августа стоявшие в том "живом кольце", выйдут с требованием цены НЕ ОТПУСКАТЬ, — какие "чрезвычайные меры" должна будет принять демократическая власть при столкновении тех с этими и что тогда станут делать генералы? По телефону договариваться? Или людей кормить из походных кухонь, как уже кормил Макашов в Поволжье? А кто это все произведет, чем людей накормят, если люди тысячами стоят на площадях и сучат кулаками?

Сегодня церковь молится на демократию; все помнят монаха, который в ТУ НОЧЬ явился к "Белому дому" и благословил его защитников (предварительно осведомив-

шись: "Все крещенные?" "Все!!" — отозвалась площадь, но во мне другое отозвалось: а если бы НЕ ВСЕ?).

Это — сегодня. А если завтра церковь, ссылаясь на волю христианнейших масс, потребует вернуть ей кремлевские заповедные соборы, а то и выведет народ на площадь, и это будет только начало? Как будет решать такие чрезвычайно тонкие вопросы демократическая власть?

Сегодня в Киеве, в Кишиневе, в Вильнюсе люди пляшут на площадях, радуясь провозглашению независимости. Как они запляшут завтра, когда карликовые государства передерутся из-за спорных территорий и из-за прав микроменьшинств?

"Мне страшно. Мне не пляшется", как сказал Евтушенко в пору, когда не был еще ни депутатом, ни руководителем Союза писателей.

Нет, ничто не изменилось, ничто не сдвинулось в глубинном слое, ни одна проблема не решилась ни "путчем", ни "антипутчем". Все там же, где было.

Впрочем, нет. Сдвинулось. Решилось. То самое, что саднит болью в моей душе: "национальный вопрос". В одни сутки все рванули прочь: латыши, эстонцы, грузины, молдаване, украинцы...

Да, да, я знаю: дробление неотвратимо и даже прогрессивно. К тому шло. Так не то гнетет, что "врозь" будем, а то, КАК расходимся: синхрон бегства, этот массовый "шухер" на месте "законной процедуры". Как по свисту: атас! Беги, пока у них заварушка, пока там не очухались!

И мы же, русские, сами от себя — рванули "в ночь", по-воровски. Ленинград в Санкт-Петербург переименовали: скорей, скорей! По той же логике, которая и семьдесят лет назад работала: сегодня рано, послезавтра поздно, завтра — даешь!

Экология названий — святое дело; имен вообще лучше не трогать. Нельзя было трогать Петроград в 1924 году. И лучше было не трогать Санкт-Петербург в 1914-м. Имен нельзя касаться: в них застывает история. Но именно потому, что в них застывает история, опасно дергать их туда-сюда до бесконечности. Ленинград — это уже не Ленин, это уже Блокада, это пять поколений, отстрадавших свое. Я не могу видеть плачущих старух, похоронивших в те девятьсот дней ВСЕ и теперь хоронящих последнее: имя их города. Я не могу видеть, как молодые "радикалы демократии" на Дворцовой площади дают пинки старикам, протестующим против нового переименования, и никакие телекомментарии про "плюрализм", сопровождающие эти репортажи, меня не избавляют от боли, никакие улыбки дикторов, победоносно выговаривающих словечко "Санкт".

Если уж так свербит все на старый лад перелицевать, — ну, восстановите Александра Третьего у Московского вокзала! Покажите пример дикой Москве: мы железного Чекиста с пьедестала на свалку тащим, а вы чугунного Миротворца со свалки на пьедестал возвратите, слава богу: скульптура гениальная, Паоло Трубецкой все-таки!

Нет, легче слово перетащить. Санкт. Кстати, о референдумах: многие ли люди из тех миллионов, на мнение которых мы любим ссылаться, знают значение слова "Санкт"? И почему оно в названии города?

Да, еще кстати: кто знает значение слова "Асмарал", поднимите руку. Футбольная команда? Правильно! А раньше как называлась? А почему переименована? Спонсор захотел... Спонсор большие деньги заплатил.

Мне, в общем, все равно, под каким словом будут представлять очки в футбольной таблице. Любая группа людей вообще имеет право называть себя, как ей нравится. Я о другом. "Что с нами происходит?" Если можно идти безоружными против танков ради того, чтобы над "Белым домом" висело не одноцветное, а трехцветное полотнище, чтобы на месте серпа с молотом водрузился снова святой Георгий (между прочим, ливанец, служивший у Диоклетиана) или чтобы осенил нас заново орел о двух головах (между прочим, греко-римского происхождения), — то как тогда можно, отрабатывая "инвестиции" приездного миллионера, переkreщивать себя "Асмаралом" и продолжать во славу отечественного спорта гонять мяч? Я хочу понять: что происходит с моим народом?

Спросите: с каким "моим"? С русским? Советским?

Советского уже как бы и "нет". А русский — есть? Он же как бы растратил себя на "коммунистические утопии"? И что ему после всего этого остается в качестве русского? Латинская приставка "Санкт" перед немецким названием старой столицы? Или американские инвестиции в обмен на верность джефферсоновским принципам? А может, языческие пляски вокруг Перуна, — так, простите, господа, во времена Перуна еще и русских не было; они еще тогда не сложились.

А теперь — из чего заново сложатся? И главное: во что? Что у нас есть из прошлого, кроме "Санкт" и орла, раздавленного семьдесят лет назад массами? Электрификация минус Советская власть? Советская власть минус коммунизм?

Насчет коммунизма. Я не боюсь этого слова, потому что знаю ему истинную цену. Все попытки его "построить", хоть во всемирном масштабе, хоть в отдельно взятой стране, — все это следы вил на воде. Его никогда

нигде никто не видел построенным. Разве что в киббуце израильском, а еще лучше — в масштабе отдельно взятой семьи, где способности-потребности регулируются любовью. А чуть шире — уже блеф. И у нас дальше 1921 года это не длилось и дальше военной попытки не пошло.

Так в том-то и дело, что только **ВОЕННЫМ** он и мог быть. Это и есть реальность коммунизма в России, прикрытая мечтами о царстве справедливости при жизни "нынешнего же поколения", о "подлинной истории" и о чаемом совпадении ее с гуманизмом. Опоньское царство все это, сказки, эйфорические сказки, а победили они в сознании народа, нужны они ему оказались для того, чтобы прикрыть от самих себя железную военную деспотию: стерпеть ее, вынести, выдержать. Анестезия народа, вводящего стержень в свою мягкую, добрую душу.

И социализм — из той же аптеки наркотиков, сколько бы ни клялись мы, что "выбираем" его идеальные формы и конкретные социальные достижения. В Швеции социализм и в Кампучии социализм — какой мы выбираем? Ах, свой, отечественный? Так он у нас всегда один: казарма. Все тот же рок над нами: воевать без продыху; вся история — сплошная война, не вовне — так внутри; и строй всегда соответствующий: воинский, военный, лагерный, походный, казарменный, солдатский. Две мировые войны сдюжить с "доброй душой" — можно? Вот и вывернулась страна в реальный социализм с идеальным коммунизмом в башке, вот и подвела под себя "партийную власть" в параллель государственной. Абсурд? С точки зрения формальной логики — полнейший. Но с точки зрения реальной, военной логики — выход единственный: нанизать организм народа на стальной стержень. Чтоб не развалился в драке.

Скажите: какой же это выход, когда Советская власть вдесятеро подданных угробила сравнительно с царской!

Да, так. Но ведь XX век вообще не знает себе равных по жестокости: везде вдесятеро покروшили. А уж зачем две мировые войны на наш век пришлось — это спросите у Господа Бога. Или у немцев, которые нас убивать приходили. Или у императоров Вильгельма и Николая: зачем не договорились?

Упирается все — "в империи". Пляшем на обломках: развалилась последняя. И братья вчерашние радуются: русские-де всех хотели захомутать, пригнуть до себя. Чушь! Империя возникла не как **РУССКАЯ**, она возникла как "всемирная", "вселенская", "кафолическая", "древлехристианская". Как наследница Рима. Именно Рима, а не Италии. То есть дело это было не национальное, а всечеловеческое, национальных дел тогда вообще еще не было, а сбивались воедино племена, народы, народности. И

русских не было, а соединились они из славян, финнов, татар, литовцев, немцев и всех, кто шел сюда, возникли как РЕЗУЛЬТАТ сложения этнических сил. ПО ХОДУ попытки решить мировую задачу. И культура великая, и великая литература — все выстрадано только потому, что великую задачу решить пытались. Гоголь-то где осуществился? В Нежине? Или все-таки в Петербурге?.. Да, простите, в Санкт-Петербурге.

Называйте это "империей", "совдепией", "соцлагерем", как угодно, но это единая трагическая история народов, которым надо было выжить в евразийском пространстве, и никакого "куска" вы из этой истории не вымараете. Все наше. Сколько бы ни переставляли памятники и сколько бы ни перешивали флаги. Был один способ выжить: "империя" — "империя" и сложилась. Будет шанс выжить порознь, раздробившись, обособившись, — расточится империя. Ни радоваться, ни убиваться тут нечего: людьми придется быть при любом варианте. И при любом варианте это легко не будет.

Скажите: а как же другие народы обошлись без гигантомании?

Отвечу: не обошлись и другие. Везде были попытки "выжить вместе", а уж на нашем евразийском блюде, без естественных рубежей, на продуваемом ветрище — и говорить нечего: не так, так эдак бы объединились, не под "русским", так под "литовским" именем, под "татарским", "польским", "немецким", но все равно: только в великом единстве. Сменяется эпоха, позволяет технология выжить не гигантскими конгломератами, не сокрушительными классовыми армиями, а "микроструктурами", — разбегаются армии, дробятся империи. Только не тешьте себя иллюзиями, что вот, мол, наконец человечество выходит на путь истинный. Человечество всю историю крутится МЕЖДУ тем и этим путями; эпохи империй чередуются с эпохами дроблений. Сейчас — дробимся. Хорошо. Но не обольщайтесь: цена будет огромная. И не только на нефть. Распад огромного государства — это не крушение "империи зла", о которой читал нам проповеди президент Рейган, это отказ от мировой задачи. Это Мы отказываемся от мировой задачи. Не сдюжили, надорвались. Провинциальным убожеством, национальным самодовольством, комплексами местнической неполноценности заплатим за жизнь в "отдельных национальных квартирах". Хотя, может быть, НА СВОИХ КУХНЯХ наконец-то наедемся досыта. Если, конечно, работать начнем, а не у соседей кланчить.

Больно думать об этом. Тоска.

Итак, что реально происходит? Национальный распад при социальном параличе. Социальные структуры никак

не сдвинутся с места, зато национальные — взорвались. Как по разбойному свисту, разбегаются от нас вчерашние братские народы. Когда-то шли СЮДА, теперь бегут — ОТСЮДА. Как от прокаженных. Это — первая ужасная правда. А вторая — та, что мы, русские, и сами от себя рады убежать. Собственную историю растоптать готовы, на собственных похоронах пляшем. Ликуем: победили! Семьдесят пять лет жили и мучились, слава богу, выяснилось, что зря! “По ошибке”! Эта правда о нас для меня еще и пострашней первой. Впрочем, одна от другой неотделима. Вместе они нас и наступают: внешнее одиночество и внутренний распад.

Вот это и мешало мне пойти к “Белому дому”. Хотя знал: лучшие люди моего поколения — там. Мои единомышленники, сподвижники прошлых лет — там. И лучшие, чистейшие из молодых — там.

Я видел их в следующие дни — этих молодых ребят, проводших там ночь. Они говорили, что никогда не переживали большего счастья, чем под дождем, в ожидании танков, в готовности лечь под гусеницы. Они говорили, что в те часы родилось новое поколение людей. Они говорили, что в ту ночь Россия стала другой.

Я был потрясен их словами. Я решил, что ошибся, не понял смысла событий. И я пошел к “Белому дому” — убедиться в своей ошибке.

Это было на третий, кажется, день после ликвидации путча. Народ еще теснился на площади: жгли костры, сидя у неразобранных баррикад; трехцветное полотнище реяло над “Белым домом”, прикрепленное к аэростату. И надписи на стенах пестрели.

Одна из них пригвоздила меня к месту:

“Бей краснопузых без промаха!”

Мне было достаточно. Я сразу почувствовал себя краснопузым. Себя, своего отца, коммуниста, погибшего в 1941-м, своего деда-эсера.

Повернулся и, как ударенный, пошел к метро.

Думал: ну вот, дождался, убедился, “чья взяла”, — можно записываться в стан побежденных.

У “Баррикадной” — ударом памяти — вернуло меня к реальности. Вот здесь она стояла, девочка, глаза, полные боли. Господи, вот беда-то: все пытаюсь слова свести, непримиримое примирить, целое в невесомости удержать, болото решетом вычерпать. А где стоматологическая поликлиника — не знаю. Девочке помочь, конкретное доброе дело сделать — не сумел. Даже такой малости — не сдюжил.

Сентябрь 1991

Валентин Королев

Я В МОМЕНТ ИСТИНЫ

В октябре 1990 года на вопрос ведущего "Взгляда" о возможности государственного переворота со стороны КГБ я ответил утвердительно. Это вызвало неудовольствие у руководства Комитета, и сразу после выхода этой телепередачи в эфир на восточные регионы страны оно направило в Останкино сотрудника своей пресс-службы.

К тому времени Крючков уже добился принятия Совмином Союза постановления, позволявшего ему увеличить число дивизий спецназа КГБ под фарисейским предлогом борьбы с уголовной преступностью. Тем же постановлением санкционировалось создание так называемых рабочих дружин. А незадолго до этого председатель доказывал руководству страны необходимость снятия отпечатков пальцев у всего населения поголовно.

Таким образом, за год до переворота были определены основные его движущие силы: КГБ, армия и люмпен-пролетарии.

Органы ВЧК—КГБ были мощной пружиной из высоколегированной человеческой стали, прочно сидящей на двери тоталитарной системы. Настолько жесткой, что долго удержать эту информационную дверь открытой ни у кого не хватало сил. И вот крепившие ее до недавнего времени шурупы марксистско-ленинской идеологии насквозь проржавели. Пружина беспомощно болтается на двери, грозя рухнуть кому-нибудь на голову. Ее нужно снять и переплавить в колокольчики, которые в цивилизованных странах висят при входе в аптеки, уютные магазинчики и кафе.

КГБ — это еще и лайковая перчатка большевистской мафии с защитой в нее свинчаткой антиконституционных и антигуманных методов агентурно-оперативной деятельности. С ней можно легко, непринужденно и даже элегантно побить беззащитного противника. А когда она снята и сохнет от безделья в кармане, ее хозяину-рецидивисту трудно, просто невозможно долго удержаться от того, чтобы снова не пустить ее в дело. Особенно когда на него показывают пальцем, как на разбойника с большой дороги. Именно это я и имел в виду, отвечая "Взгляду" на интересовавший его вопрос.

Потом писал об этом в "Столице". Но статья была огромная, и пришлось сократить ту часть, где проводи-

лась параллель между событиями 1956 года в Венгрии и января 1991 года в Литве, говорилось о том, что Крючков, как заурядный уголовник, имеет стабильный, хорошо разработанный, бронетанковый почерк решения крупных политических задач. По поводу профессионализма этого "полководца" там было сказано: "Один труп (лейтенанта из группы "Альфа") и два почетных пенсионера (генералы Пирожков и Бобков) — разве это потери в наступательном бою с целым государством? Право же, такой успех заслуживает салюта наций на Старой и Лубянской площадях..."

И был салют, но лишь через полгода и по-другому, прямо противоположному поводу. Народ стряхнул с плеч Старой площади партаппаратную грязь и вымел с Лубянки засиженного голубями бронзового Феликса. А Крючков и его единомышленники оказались там, куда они хотели замести инакомыслящих.

А за три дня до салюта Победы демократии жена разбудила меня со словами: "Горбачев снят, власть в руках Крючкова, Пуго и Язова".

"Козлы вонючие", — привычно подумал я и приоткрыл глаза. Взгляд упал на мертвый экран стоящего в ногах кровати телевизора с перегоревшей трубкой. Спросонья казалось, что он покрыт серебристыми пупырышками и похож на кожу старого утопленника. Поискрившись под утренним солнышком (природа, как и я, еще не очухалась от Заявления ГКЧП и лишь через несколько часов залилась дождями), пупырышки сложились в напряженно-улыбчатое лицо рыцаря пера и кинжала из пресс-центра КГБ. Это был "Взгляд" из октября 90-го.

Рыцаря не было слышно. Уши залило музыкальной классикой из кухонного громкоговорителя.

"Мы уже другие... О перевороте не может быть и речи... На Лубянке подвалов нет... Какие миллионы агентов? Нет, их ровно в миллион раз меньше... Крючков — настоящий профессионал, потому что у него двадцать три года выслуги..." — читал я по губам призрака.

Через три дня, отвечая на вопрос корреспондента, какими мотивами он руководствовался, назначая в 1989 году Крючкова на пост председателя КГБ, спасенный Президент СССР скажет: "Импонировало то, что он меньше профессионал, чем другие. Иногда это хорошо..."

19 августа логика и вера шептали мне, что все кончится хорошо и быстро. И я повторял эти слова каждому, кто звонил мне в то утро. И на чем свет стоит материл по телефону восьмерых чиновников, покусившихся на такую юную, такую милую и глупую демократию. Говорил, что

все это — на неделю, максимум на две, не больше, потому что нет среди насильников ни одного умного и ни одного авторитетного. И друзья говорили мне то же самое, хотя знали, что и телефон и квартира прослушиваются 12-м отделом Комитета. А я клал трубку, задира бороду к потолку с микрофонами и слал проклятия на головы тех, кто служит подонкам. Пусть сегодня простит мне те слова Бог. Пусть простят и те девочки, которые их слышали: ведь в 12-м отделе в основном работают женщины (с тех пор, как узнал, что квартира оборудована оперативной техникой, я наговорил им немало колкостей).

Откуда знал? Один генерал КГБ, старый субульщик Крючкова, в июле месяце увидел у него на столе две сводки (распечатки) мероприятия "Т" (негласный слуховой контроль помещений). В одной из них была зафиксирована беседа у меня дома с двумя друзьями 6 июля 1991 года, в другой — мое интервью корреспонденту немецкого радио "Дойче велле" Владимиру Йоневу двумя днями раньше в номере гостиницы "Белград-2". И генерал по пьянке (ведь трезвым на такое, как и в революцию, не пойдешь) пересказал их содержание человеку, который со мной знаком.

Кстати, я предупредил Йоневу, что нас наверняка слушают чекисты, и, принимая в расчет это обстоятельство, заметил, что у Крючкова есть выбор — стать либо первым реформатором КГБ, либо последним консервативным руководителем этой организации, и что если в стране прольется кровь, то он будет ответствен за нее больше других. Поскольку нет в стране более информированного человека, чем Владимир Александрович, и ему ли не знать, что демократические преобразования в стране поддерживает куда больше людей, чем ему бы хотелось. Ну и посетовал на то, что Крючков к словам таких "перевертышей", как я, к сожалению, не прислушивается. Хотя на другой день после моего выступления в том октябрьском "Взгляде" приказал докладывать ему тексты всех публикаций и интервью бывших сотрудников КГБ.

Узнав о наличии в квартире оперативной техники, я чуть было не устроил по этому поводу грандиозный скандал. Была мысль изъять ее в присутствии "Взгляда" и иностранных корреспондентов. Мне ли не знать, где следует искать микрофоны? Но отказался от этой затеи. Будучи крещенным в православие, решил воспринимать связанный с подслушиванием психологический дискомфорт по-христиански, как Божью кару за то, что, работая в КГБ, много лет внедрял такие же микрофоны в квартиры других людей. Со дня принятия этого решения дискомфорта уже почти не ощущал.

Ломать голову над причиной негласного контроля не

пришлось. Я не шпион, секретов не разглашаю. Говорю только то, что известно любой иностранной разведке. Оставалось одно: следили, как за инакомыслящим. В условиях демократизации и гласности это означало, что готовились оперативные материалы для обоснования будущих репрессий. Ведь после переименования 5-го управления (борьба с идеологическими диверсиями) политический сыск не умер, и Комитет лишь временно работал в так называемом режиме фиксации. Поэтому, хуля хунту в дни переворота, я ждал, что за мной придут, и повторял жене и оперативным наушникам то, что раньше говорил им не раз: "Пусть лучше меня расстреляют коммунисты-чекисты, чем вздернет на суку как бывшего коммуниста-чехиста ввергнутый ими в гражданскую войну народ". И расстреляли бы вместе с прочими противниками "социалистического выбора" в случае победы хунты.

Во все годы советской власти органы госбезопасности руководствовались железным правилом: в случае объявления на какой-либо территории режима чрезвычайного положения все проживающие на ней объекты дел оперативной разработки, равно как и политические заключенные, должны быть немедленно расстреляны.

Дело оперативной разработки (ДОР) — это одна из разновидностей пресловутых секретных досье на людей (объектов), находящихся в поле зрения органов КГБ в связи с наличием оперативных данных, позволяющих подозревать их в причастности к преступной деятельности. Доказательства, имеющие юридическую силу, в ДОР, как правило, отсутствуют. Их появление влечет за собой возбуждение уголовного дела, которое впоследствии рассматривается в суде. Но суд с материалами ДОР никогда не знакомится, даже не подозревает об их существовании. ДОР имеет гриф "Совершенно секретно" и после осуждения объекта сдается в архив того управления, которое по нему работало.

В семидесятых годах я, как и многие другие оперативники, ежегодно заполнял на объектов разработки специальные карточки красного цвета с указанием адресов, по которым они проживали и могли скрываться. Карточки направлялись в мобилизационный отдел Московского управления КГБ, в котором я работал. Этот отдел отвечал и за ликвидацию объектов разработки, и за эвакуацию семей сотрудников управления. Эвакуационные карточки на членов своих семей и ликвидационные карточки на объектов сотрудники заполняли и сдавали одновременно. К арестам и расстрелам объектов работники моботделов должны были привлекать подразделения армии.

Видимо, к концу 70-х годов руководство КГБ решило, что ведение отдельных ликвидационных карточек не

имеет смысла, поскольку в каждом управлении существуют учеты всех объектов оперативных дел. К тому же утечка этой информации могла негативно отразиться на авторитете КГБ и тех, кому он служит. Во всяком случае, после 1978 года заполнять ликвидационные карточки мне уже не приходилось. Однако официального приказа председателя об отмене этой функции моботделов не было. Впрочем, о приказе, которым она была ранее установлена, я тоже никогда не слышал. Возможно, она считалась сама собой разумеющейся. Не забыли о ней и путчисты, которые планировали начать массовые репрессии через две недели после начала путча. Две недели было отведено ими на психологическое привыкание оперсостава КГБ и населения страны к условиям жесткой диктатуры, на реставрацию в их сознании образа врага, подпорченного горбачевской перестройкой и демократическими средствами массовой информации. Соответствующая роль в этот период отводилась кравченковскому телевидению и радиовещанию, коммунистической и национал-патриотической прессе. Поэтому никакая оперативная информация о происходящих в стране событиях личному составу КГБ в дни путча не предоставлялась.

Именно в ликвидационной функции органов госбезопасности кроется тайна расстрела в 1941 году узников Орловского централа, о котором 12 сентября 1991 года писала газета "Куранты". Да и многие другие тайны большевизма, включая историю с арестом и исчезновением шведского дипломата Валленберга.

Почему я не ушел из дому? Не было гарантии того, что в мое отсутствие не заберут жену. 21-го должна была вернуться из дома отдыха дочь. Все равно через неделю или через месяц разыскали бы. Чуть раньше, чуть позже — какая разница? Проблема ликвидации объектов до сих пор не поднималась потому, что никогда не оставалось свидетелей такого рода акций.

Знание рецептов оперативной кухни КГБ то и дело сшибало с ног тот оптимизм, который я демонстрировал перед друзьями и родственниками. Возможно, в этом и заключалась адекватность отражения в моем сознании истины как совокупности происходящих в стране событий. И время от времени я погружался в состояние невесомости и безысходности. Как четверть века назад, когда в раздутом до несгибаемости легководолазном комбинезоне был выброшен со дна под лед Химкинского водохранилища с почти пустым аквалангом, который тут же попал в расщелину между хаотично смерзшимися льдинами, словно ключ в замочную скважину.

Это были те самые глыбы, которые я несколько дней до того выпилил своими же руками, готовя водолазную майну для профилактических погружений. Чтобы уши не отвыкали от давления. И сам затолкал их под ледяной панцирь акватории. И теперь торчал в нем, как ненужный кляп во рту холодного трупа, как надутая через соломинку лягушка — руки-ноги широко в стороны — висел распластанный, лицом вниз, тупо глядя в мутно-коричневую бездну.

И она приводила меня в ужас, эта бездна, сработанная руками сталинских зэков, чьи серые трухлявые кости мы, водолазы, каждую осень выгребали вместе с желтыми и красными листьями из парка на территории спасательной станции. В нее же смотрел черный циферблат свисавшего с левой лямки акваланга стального манометра, стрелка которого упиралась в такой же фосфоресцирующий, как и она сама, "ноль".

Наверху, на краю майны, два водолаза и медсестра рвали на себя капроновый сигнальный конец, охватывавший в поясе мой грозивший лопнуть под ним комбинезон из зеленой прорезиненной ткани. Этот сверкавший белизной канат, как напильник, с визгом елозил по латунному рычажку распределительного клапана мундштучной коробки с загубником и с каждым рывком сверху передвигал его все дальше и дальше, норовя лишить меня последних крох воздуха и залить легкие тягучей мутью зимнего водохранилища.

И я узнал, о чем думают люди за несколько секунд до неминуемой гибели. И тогда сделал то, чего до этого физически не мог сделать: кинулся всем телом вправо-вниз одновременно, согнув-таки казавшийся стальным рукав комбинезона, перебросил левую руку через сигнальный конец и отвел его в сторону от мундштучной коробки. В этот миг наверху в очередной раз рванули на себя, я пробкой вылетел из жерла майны на полметра в сторону неба и шумно плюхнулся обратно в воду. Меня тут же выволокли на лед, где ныне покойный водолаз Василий Иванович Александров перебросил латунный рычажок в положение "внешняя среда", прижал мою голову к своей груди и, глядя на меня мокрыми от холодного ветра глазами через очки сразу обмякшего водолазного шлема, крикнул: "Живой!"

Через четыре года я ушел из спасательной службы в КГБ, еще через шесть заполнил первую ликвидационную карточку... А еще через шестнадцать сам оказался в числе кандидатов на ликвидацию...

В августе 91-го за мной не пришли.

Обзванивая в те дни бывших коллег-чекистов, узнал, что оперсостав находится в информационной изоляции,

руководители среднего звена (начальники отделов) отказываются дать приказ на кровопролитие, а генералы, не видя опоры в подчиненных, мечутся между путчистами и демократами, работая одновременно на два лагеря.

И лучшие умы России рвали на себя спасательные концы демократии, вытаскивая из-под красного льда тоталитарного мышления непомерно раздутые тела КГБ, армии и обывателя. И не надо быть Боннэр или Солженицыным, чтобы понять, что могло произойти, если бы их работа не увенчалась успехом, если бы у КГБ, армии и обывателя не нашлось сил кинуться им навстречу телами и душами.

Сентябрь 1991

Владимир Корнилов

ВЕТХИЕ МЕХИ

(Размышления после
путча)

Сегодня, в середине сентября, многие газеты, радио- и телестанции склонны считать провалившийся переворот чем-то вроде детектива. Разумеется, в этом есть немалая манкость, но обидно думать, что нас всех в который раз обманули, что мы были в августовские дни всего лишь статистами, а три дня путча — хитроумно задуманным фарсом.

В самом деле, в неудавшемся, слава Богу, перевороте немало загадочного. Я даже не уверен, что предстоящий суд приоткроет нам его подоплеку. И все равно я не верю, что в августе мы были лишь марионетками. Не верю хотя бы потому, что жизнь не поддается прогнозированию — она куда богаче, а главное, куда неожиданней самого блестящего сценария. (К тому же непохоже, чтобы кто-нибудь из высших руководителей способен был написать хотя бы сносный сценарий.)

И еще мне обидно разочаровываться в этих трех днях, которые по отчаянию, надежде, напряженности, печали и радости стоят даже не трех лет, а десятилетий. Нет, все в них было, как мы говорили в детстве, не понарошку, а взаправду, и если им трудно найти аналогии в нашей истории, так ведь на самом деле в истории аналогий не бывает. Тем паче сегодня, в конце века, когда нас на земле уже больше пяти миллиардов и когда время разогнано,

как в атомном ускорителе. Короче, каждая эпоха неповторима, а нынешняя — тем более!

О путче можно размышлять без конца, и это, пожалуй, занятие не из худших, но все-таки куда интересней глядеть вперед, нежели оборачиваться. Тем паче, что минувшее, как правило, ничему не учит.

Поэтому оставим детектив и перейдем к политике.

Все средства массовой информации обвиняли президента: мол, он не заметил, что возвратился из форосского "заточения" в другую страну. Да, Россия в самом деле стала другой, но какой другой, — вряд ли возможно ответить. И еще труднее предугадать, куда она повернет.

Я говорю не об экономике, в которой ничего не смыслю. И не о форме правления, в которой понимаю не многим больше. Я думаю об идеологической пустоте, которая образовалась после того, как "улетучился" марксизм-ленинизм. Свято место пусто не бывает, и, боюсь, скоро эту емкость что-то заполнит. Но что?

Тридцать с чем-нибудь лет назад на площади Маяковского двух американцев-славистов окружила толпа молодежи и людей постарше (среди них был и я) и примерно с 10 вечера до 6 утра наперебой расспрашивали, какая в Америке жизнь. Один парнишка сказал: вот мы строим коммунизм, а что строите вы? Американцы в ответ бесвязно бормотали. Видимо, им до этого дня никогда не задавали подобного вопроса.

А мне тотчас вспомнилась книжка В. Шульгина "20-й год", которую автор заканчивал словами, что в России "красная" идея выполнит миссию "белой" идеи, и я подумал, что миссии и идеи существуют в неблагополучных странах, а благополучные страны живут не идеями, а просто своей жизнью, как счастливые люди.

И сегодня нам по-прежнему до нормальной жизни еще идти и идти. Так что, освободившись от ленинизма, мы, боюсь, немедленно заразимся другой, тоже непременно тотальной идеей.

Я это почувствовал уже на похоронах трех ребят, погибших на Садовом кольце. Зачем, спрашивается, было хоронить по церковному обряду людей неверующих, во всяком случае некрещеных? Они хотя и были молоды, но в жизни уже достаточно повидали (все трое служили в армии, один — даже в Афганистане), и, если бы испытывали потребность в религии, что им могло помешать обратиться к церкви? Но, как видим, церковь им была не нужна, зачем же они потребовались ей после смерти? Думаю, по той же причине, по какой патриарх потребовал себе кремлевские храмы (которые, кстати, никогда патриархии не принадлежали). Как тут не вспомнить пушкинскую сказку о Балде?

Ясно, что опустевшее место тоталитарной идеологии торопится занять православная церковь. Но хорошо ли это? Прежде всего в России живут не одни православные, есть немало людей, приверженных другой вере. Но даже среди русских — не все православные — есть и старообрядцы, и баптисты, и беспоповцы, и адвентисты. Наконец, очень много людей неверующих или верующих не церковно. Когда я вижу на телевизионном экране, как молодых офицеров в обязательном порядке благословляет священник, мне становится не по себе. Сначала скопом загоняли в пионеры, в комсомольцы, в колхозники, теперь тем же макаром гонят в церкви. А ведь насилие всегда насилие, чем бы оно ни прикрывалось.

Да и к чему торопиться? Сейчас открылись воскресные школы. Пройдет десять—пятнадцать лет, дети подрастут и, возможно, большая часть русского населения станет сознательно и естественно православной. Но нет, даешь православизацию всей страны в четыре года, а еще лучше в четыре месяца!

Но ведь это уже было. Девять столетий православие оставалось главной религией державы, но почему-то не уберегло Россию ни от мятежей, ни от бунтов, ни от революций, ни от тоталитаризма. Можно говорить, что виноват был Никон (зачем ослабил церковь расколом?!). Можно приводить другие причины. Но ведь факт остается фактом: к XX веку влияние церкви вовсе ослабело. (Попробовали бы, например, в Литве или в Польше коммунисты разрушать храмы! Ничего бы у них, кроме гражданской войны, не вышло. А в России вышло. Почему?)

Так что нет у меня особой уверенности, что православие сегодня спасет страну. Я не верю в религиозное возрождение просто потому, что дважды нельзя войти в одну и ту же воду. Это, по-моему, должно быть ясно каждому человеку, который задумывается над историей любой страны. Дай мне Бог ошибиться, потому что с верой жить легче, чем без веры, но ведь вера, как мы уже видели, не спасала от мятежей и казней. Пугачев с Разиным тоже верили в Бога. (Зря, между прочим, публицист Костиков обвиняет большевиков в воспевании этих злодеев. Достаточно вспомнить "Капитанскую дочку" или пушкинские же "Песни о Стеньке Разине", чтобы понять, что воспевали этих мятежников еще задолго до большевиков!) Так вот, Пугачев с Разиным были православными, и народ их встречал с попами и хлебом-солью.

Повторяю, я рад бы ошибиться, потому что верю в десять заповедей, ничего лучше их не знаю и, как все граждане России, хочу ее возрождения. Но меня смущает торопливость, поспешность. "В захвате всегда есть скорость! Даешь! Разберем потом", — писал Есенин. И вот

захватили, наломали дров и семьдесят лет не знаем, что с ними делать. А надо прежде всего не хватать и не торопиться. Храмы без того сегодня заполняются лишь на треть, зачем же требовать себе кремлевские соборы, которые, как оказалось, и при царском режиме церкви не принадлежали.

Ну, религия, Бог с ней. А вот как быть с монархией?

На похоронах защитников "Белого дома", как теперь показывает телеэкран, несли портреты государя-императора. Ума не приложу, какая связь между убиенным монархом и тремя ребятами? Это уже, по-моему, неприкрытая спекуляция. Если тебе дорог царь, это вовсе не значит, что он был дорог трем героям. Может быть, они вообще о нем не думали. Да и впрямь: не расстреляй чекисты его в подвале Ипатьевского дома, отправь его Керенский куда-нибудь на Запад, никто, уверен, о нем добром бы не вспомнил, как мало кто в Германии вздыхает по кайзеру Вильгельму, дожившему до второй мировой войны. А ведь наш царь был поглупей и побездарней.

Говорят, что при Николае II Россия начала подниматься. Да, при нем, но не благодаря ему. И чего ради он возрождающуюся Россию втянул в мировую бойню? Ради величия? Но без этого сомнительного величия, обернувшегося военным поражением, страна наверняка бы зажила нормально. Да еще не очень ясна роль самодержца в убийстве Столыпина, человека, который, хотя и насильственным путем, хотел исправить великие огрехи реформы 1861 года, освободившей крестьян без земли. Словом, царь в самом деле был никудышный и сделал для гибели монархии куда больше, чем Ленин.

Так как же все-таки нам выволакивать страну из болота?

Все дело в том, что свой социалистический концлагерь люди строили дружно, сообща, плечом к плечу, ударным порядком. А вот освобождаться из этого концлагеря, от этого страшного прошлого нам придется порознь. Потому что концлагерь — это местопребывание толпы, массы, а свобода — это достояние личности. Нельзя быть свободным сообща, нельзя быть свободным в толпе. Сообща можно свергнуть тиранию, разрушить памятники, но работать ради свободы можно только сознательно, стало быть, индивидуально.

То есть каждый должен делать свое, добровольно вступая в те или иные отношения со своими согражданами, причем так, чтобы при этом не потерять ни себя, ни своего интереса. Конечно, ни монархия, ни тем более религия в данном случае не помеха, но они все-таки вторич-

ны. Это вершущечные, надстроечные категории, а свобода растет с самого низу, как трава, как деревья. Пока наша свобода, больше напоминающая смуту, валится на нас с руководящего и уже развалившегося верха. Это, так сказать, дарованный беспорядок.

Мне кажется, что единственно приемлемой (а по сути дела — вечной!) для нашего времени идеологией могут быть права человека, человеческое достоинство. И тут, как говорится, Бог в помощь, да и царь не помеха, если царь не более чем знак, символ, нечто вроде герба или флага, но не более того, короче — эквивалент английской королевы.

Без достоинства человека никакой свободы нам не видеть. Человек, как хлеб, всему голова. Сначала человек, личность, потом семья, потом общество, а потом уже родина, страна, держава. Именно все должно идти в таком порядке, а если наоборот, то снова дорога в никуда, в концлагерь, в тоталитаризм или еще дальше — в фашистскую преисподнюю.

“Была бы страна родная, и нету других забот!” — истошно пели мы три десятилетия, а еще раньше пели что-нибудь, подобное этому, и в самом деле допелись. За други своя — это понятно, за други — значит, за такого же, как ты сам, равного тебе, то есть как бы за тебя самого. А страна родная — понятие растяжимое. Понятие, пригодное лишь для дней войны. А у нас мир, у нас разруха, у нас такое время, когда каждый должен написать у себя над изголовьем платоновское “Без меня народ неполный”.

Возможно, это не так патетично, не так выигрышно и красиво, как красные или иные знамена, надгробные речи и высокие клятвы. Но свободный труд, своя долгая работа на самого себя — это вовсе не праздник, это, как сказал один из нынешних фермеров, — “сладкая каторга”, то есть каторга, но своя. И в такой каторге нет мифа. Мы же до сих пор (и не семьдесят лет, а целую тыщу!) жили мифами. Мы гордились не собой, не своими делами и поступками, а принадлежностью к чему-то огромному — к народу или родине. Гордиться же по-настоящему (если уж почему-то необходимо гордиться!) можно лишь своей работой, а больше ничем.

Я не знаю, как будет называться тот строй, к которому мы приблизимся, если возьмемся за ум и за свою работу. Вряд ли он будет капитализмом, потому что капитализм тоже что-то вроде мифа, причем мифа уже отжившего. Я также не думаю, что этот строй (или общество) будет нашпигован идеологическими максимами. По мне, вполне достаточно десяти заповедей. С ними и еще с двухсотлетней Конституцией, в которой не изменено ни

буквы, американцы создали себе в общем-то сносную жизнь. А мы чем хуже?

Но, оказывается, хуже. Оказывается, у нас, как пишут квасные патриоты, особый путь. Так что же, с этим "особым путем" снова в рабство, а теперь еще и в голод? Но ведь этот "особый путь" был в прошлом, когда пахали сохой и ездили на тройках с бубенцами. Казаки, которые нынче тягаются за землю с казаками, честное слово, похожи на ряженых. Что-то не верится, будто в шароварах да с шашками они усядутся за компьютеры. А без компьютеров нынче уже себя не прокормишь даже в станице. Или ради шаровар и шашек идти, вроде американских индейцев, в резервации? Да простят меня, но в сравнении с реальной жизнью все это лишь детские побрякушки. Они могут быть милы сердцу, но ведь жизнь все-таки куда милей, и, главное, из детства пора вырастать.

И снова прав Гераклит: дважды в одну и ту же воду не войдешь. Если за три дня президентского пленения Россия стала другой, то уж за семьдесят четыре года она должна была измениться вовсе и невозможно к февралю 17-го прирастить август 91-го. Той, дофевральской России уже давным-давно нет, и ее помнят лишь почтенные, но, увы, редкие долгожители.

"Время каждой вещи под небом", — сказал Екклесиаст, а Иисус разъяснил: "Не вливают также вина молодого в мехи ветхие".

Так что следует думать не о побрякушках, а о сути и не оглядываться на прошлое, а жить и работать ради настоящего и будущего. А то у нас в России в который раз мертвый хватает живого, миф подминает жизнь.

Конечно, я понимаю, что дурные привычки сильны, что мы, как писал с горечью Пушкин, любить умеем только мертвых. Теперь надо научиться любить живых, любить самих себя негромогласной, но зато действенной любовью. Нет нам прощения, что мы отвергли живого академика Сахарова и поклоняемся лишь его памяти. Пора перестать камнями побивать своих пророков. Как бы сейчас нужен был нам живой Андрей Дмитриевич!

Словом, кесарево — кесарю, Божие — Богу, промышленное — промышленнику, а человечье — всем нам. Последнее — в конечном счете самое главное. А уж форма — какая угодно, лишь бы не мешала живой сути, не выхолащивала ее, не тиранила. Можно даже с лампасами, но только без нагайки.

Сентябрь 1991

Леонид Жуховицкий

ПИСЬМО К ШВЕДСКОМУ ДРУГУ

Вот уже второй раз вместе со шведским писателем Ларсом Хесслин-дом мы пишем книгу-диалог.

Первый опыт вышел удачным: книга о любви опубликована и у нас, и в Швеции (тираж ее там был рекордным для современной русской прозы — 185 тысяч экземпляров).

Новая наша работа — о творчестве — две повести Хесслинда, две — моих. Герои — художник, актриса, певец, эстрадная танцовщица (стриптиз). А в конце — диалог, прямая полемика, обмен письмами, порой достаточно резкими, поскольку мы в споре не любим уступать.

Когда дискуссия о проблемах и людях искусства была закончена и каждый из нас написал по четыре оговоренных письма, мне пришлось послать Хесслинду ниже публикуемое пятое — неожиданное для него и для меня...

Дорогой Ларс!

Еще в конце прошлой недели я не сомневался, что наш с тобой диалог закончен, тем более что моя рукопись была выправлена и перепечатана на машинке, оставалось только отослать ее тебе. Когда-то Сомерсет Моэм написал, что подлинная цель любой писательской работы — освобождение от замысла. Мой замысел был реализован, но, к сожалению, на сей раз блаженным ощущением свободы я наслаждался недолго. Всего три дня прошло, а я пишу тебе опять. Потому что это были три дня фашистского переворота.

В диалоге положено спорить. Прости, но сейчас мне не хочется спорить, не хочется привязывать это письмо к теме нашей дискуссии — я просто хочу рассказать тебе, как все происходило. В конце концов провалившийся мятеж имел прямое отношение к судьбам миллионов людей в нашей стране.

Я был за городом, работал, когда позвонила жена. Меня напугал ее голос:

— Что делать?

Первая мысль была о близких людях:

— А что случилось?

— Ты что, ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— Ты правда ничего не знаешь?

Я заорал на нее, как не положено орать на женщину, даже если она твоя собственная жена. Лишь тогда Ольга крикнула в трубку:

— У нас же военный переворот!

Странно, но я почти не растерялся. Видно, привычка к тяжким неожиданностям у нас уже в генах: страна богата трагическим опытом, и при очередной беде люди действуют, как правило, быстро и разумно, будто пожарные в городе, где пожар через день.

Я думал секунды три, не больше.

— Пойди в булочную, — сказал я Ольге, — купи побольше хлеба и насуши сухарей. Окажутся какие консервы — бери.

Она в свою очередь напомнила, чтобы я заправил машину. Но это я уже учел.

Ни хлеба, ни бензина много не запасешь, но пусть хоть первые дни не придется об этом думать. Так что, Ларс, мой тебе совет: если в Швеции когда-нибудь произойдет военный переворот, сразу езжай на заправку, а Ивонне вели сушить сухари...

Я сказал Ольге, что позвоню позднее и постараюсь приехать — если смогу. Я не исключал, что все дороги на Москву сразу же перекроют.

Это был первый военный переворот в моей жизни. Хрущева тоже отстранили от власти путем заговора, но тогда все решилось где-то в верхах, в тайных дворцовых покоях, народу просто сообщили результат. Теперь же циничная акция разворачивалась на наших глазах.

Я бросился к телевизору. Работала лишь одна программа — официальная. Бесцветные дикторы бесцветными голосами зачитывали бесцветное обращение новых правителей — колер переворота был грязно-серый.

Я позвонил приятельнице, живущей окнами на Кутузовский проспект. Она ответила — да, танки. Вот уже несколько часов идут танки. Все к центру Москвы.

О чем я думал в тот момент, расскажу позже. Сперва — что я делал. А сделал я вот что: вернулся в комнату, сел за машинку и написал еще десяток фраз в повести о любви. Наверное, это был мой профессиональный протест, своеобразный акт утверждения писательской независимости: я не хотел, чтобы подонки, неожиданно защелкнувшие наручники на запястьях у великой страны, выбили меня из рабочего ритма.

Потом я вынул листок из машинки, закрыл ее и стал приводить в порядок собственные мысли, которые вспыхнули почти одновременно, сразу после Ольгиного звонка.

Мысли были приблизительно такие.

Первая — как все просто! Дюжина партийных аппаратчиков нажала на свои тайные кнопки — и нет у страны

президента, и нет свободы, и нет достоинства, и нет будущего: через год-другой эта корыстная банда, конечно же, прогорит, но и от могучей некогда страны останется только выжженная, вытопанная, разграбленная территория.

Вторая мысль была — какой же я дурак, что не отослал тебе рукопись сразу же! Хоть книга была бы — книга, в которую мы оба вложили так много труда. Теперь ты рукопись уже не получишь, а Улла не переведет: у всех заговорщиков один сценарий, первое, что они захватывают, это почта, телеграф и телефон.

Третья — что я-вряд ли когда-нибудь увижу тебя, Ивонну, Мику, Рольфа, Паскаля, Гражину, Рика, Элен, Урзулу, что все мои друзья “по ту сторону” теперь отрезаны от меня навсегда: я был уверен, что государственная граница моей страны сразу же превратится в тюремную стену.

И еще — безумно жалко было Горбачева. Ведь как хотел вытащить страну из векового унижения, из неволи и нищеты, как удачливо вел тяжелый грузовик по краю пропасти — и вот не вышло, не вписался в поворот.

Был ли страх?

Нет, не было. Не потому, что я такой смелый, а потому, что уже жил при диктатуре и точно знаю, что и при диктатуре — живут. Ну что ж, значит, снова придется — мимо системы. Горько, больно, тошнотно, ведь уже глотнул свободы, но сбить себя с ног не дам. Разумеется, намного трудней станет печататься — зато здорово прибавится времени, чтобы писать.

Словом, Ларс, если в Швеции придет к власти хунта, не отчаивайся — и при хунте люди живут...

В коридорах Дома творчества уже толпились люди и приглушенными голосами — как же мало надо, чтобы вернулся страх! — передавали друг другу сообщения иностранных радиостанций. Президент США озабочен. Президент Франции озабочен. Еще и еще кто-то озабочен. Тем не менее все надеются, что внешняя политика СССР останется неизменной и договора с другими странами будут соблюдаться.

Эти новости выслушивались подавленно, иногда с робкой надеждой. А во мне, каюсь, поднималась злоба. Ведь мы-то жили не в другой стране! Мы-то жили в этой! Неужели именно нашей свободой и достоинством расплатятся лидеры Запада за свое спокойствие и сытость? Неужели через месяц-другой озабоченность уляжется и главы демократических правительств будут заискивать перед новым “законным президентом”, предателем и гангстером Янаевым? Кто-то из них уже припомнил формулу, спасающую от угрызений совести, — каждый народ сам решает, как ему жить. Но разве кто-нибудь спросил наш народ?

Видимо, я был не прав в своем отношении к умным и доброжелательным лидерам мировой политики, почти наверняка не прав — но в тот момент я думал и чувствовал именно так...

Потом пришлось сосредоточиться на делах практических. Простояв два часа в очереди на автозаправке — среди автовладельцев умников нашлось много, — я залил полный бак бензина. Потом объехал ближайшие аптеки и купил все, что могло в ближайшие месяцы понадобиться моим старикам: я знал, что при всех передрыгах сердечные, снотворные и обезболивающие исчезают так же быстро, как сахар и крупа.

Во второй половине дня хунта устроила пресс-конференцию. При всем трагизме ситуации зрелище вышло анекдотическое: на эстраде сидели клоуны. Новый фюрер, временный президент Янаев, врал и путался, руки у него тряслись. Трус? Алкоголик? И то и другое?

Я всматривался в лица, пытаюсь угадать, кто же из них лидер заговора. Лидера не было, потому что не было лиц. Это был заговор нулей против единицы. Неужели эти ничтожества не понимали, что без Горбачева они просто не существуют, что их можно терпеть лишь в третьем ряду кордебалета? Возможно, и понимали — но уж очень хотелось танцевать сольные партии, пусть даже и на костях собственного народа.

Как же часто мы недооцениваем честолюбие и разрушительный потенциал бездарности!

Итак, их программа: чрезвычайное положение, войска на улицах, строгая цензура, запрет всех газет, кроме компартийных, запрет всех программ телевидения, кроме официальной, запрет митингов, собраний, демонстраций, забастовок, предпринимательства, валютных операций — словом, всего живого в стране. В Москве вводится должность военного коменданта. Разумеется, все это для блага народа.

Кстати, эротика в искусстве тоже запрещена.

Ох, Ларс, а мы с тобой написали целую книгу о любви! Мой тебе совет — впредь будь поосторожней в выборе тем. А то как бы для защиты нравственности твоих соседей во Фролунду не ввели танки...

Повторяю, страха не было — была горечь, усталость и отвращение. Сколько провластвуют эти безликие? Месяц? Год? Всю мою жизнь?

Если протянут хотя бы год — это все, конец. Развалит, растопчут и загадят страну так, что потом ее уже не собрать. Только на это у них и хватит способностей. К сожалению, хватит и возможностей. Ведь в их руках все — армия, милиция, КГБ, партийный аппарат, все правительственные структуры.

Да, Ларс, в тот момент я не был оптимистом.

На следующий день кружным путем, в объезд центральных проспектов, я добрался до дома. Мы с Ольгой собрали еще не опубликованные рукописи и стали развозить по знакомым. Только не подумай, что я прятал антиправительственные прокламации, я ведь вовсе не политик — это были две повести о любви и несколько новых статей. Зачем же были все мои хлопоты? К сожалению, с обысками к писателям приходят, как правило, не литературные критики, поэтому на всякий случай они прихватывают все рукописи, что попадутся под руку: мол, кому надо, разберутся потом. В иных случаях это разбирательство длится десятилетиями.

Мой тебе совет — не откладывай на последний момент, не жди переворота, прямо сейчас развези рукописи по друзьям, тогда в трудный час сэкономишь уйму времени и нервов...

Что делается в стране или хотя бы в Москве, я не имел понятия. Обзвонил десяток знакомых, но разговоры были осторожны и по возможности иносказательны, в расчете на третье ухо. В незапрещенных газетах была сплошь хунта, по телевидению — та же хунта да допотопные filmy, наверное, еще сталинских времен.

И вдруг звонок мне:

— Быстро включай радио! Работает "Эхо Москвы".

Вот это новость! Маленькая свободная радиостанция пробилась в эфир. Быстро находим волну. Передают указ Ельцина, выступление вице-президента Руцкого. Впервые в эфире звучит слово "заговор".

Ты не представляешь, какое это было потрясение. Значит, не вся власть у банды. Есть в Москве здание, которое им не подчинено!

Но радость быстро проходит. Ведь это одно только здание. Парламент без страны. Сколько он продержится? Символ сопротивления, честь России — но что он может, когда по всей России хозяйничают они?

Волну перекрывают, голос теряется за шумом. Ловим снова. Новости хуже некуда, готовится штурм. А внутри Парламента только обычная охрана, тридцать автоматчиков.

Безвыходность и горечь. Это — всё, штурм не выдержать. Тридцать автоматчиков Россию не спасут.

Снова "Эхо Москвы". Микрофон у Руцкого. Он полковник, военный летчик, вице-президентом стал недавно и уж никак не дипломат. Говорит о хунте в таких выражениях, что у меня нет сомнений — если в здание ворвутся, его просто убьют.

Звоню приятельнице, живущей на набережной, недалеко от "Белого дома" России. Как там? Оказывается, к

Парламенту собирается народ, но пока людей мало — человек полтора. А у меня в этом здании работают пять или шесть близких друзей. Может, они и сейчас там?

Ольга вцепилась в рукав: если ты, то и я. Позвонили супругам из соседнего дома, двадцатилетним щенятам, чей вид всегда автоматически поднимает мое настроение. Ребята пришли сразу, даже не спросили, куда и зачем.

Многие улицы перекрыты, на машине не проедешь, спустились в метро. Народу немного, лица равнодушны. Неужели уставший, изголодавшийся народ вот так, молча, проглотит новую диктатуру?

Зато на станции, ближней к "Белому дому" достаточнолюдно. На стенах листовки, но читать их некогда. Бросаемся к эскалатору.

На улице темно, во всем районе вокруг Парламента отключен свет. Но сотни людей явно стремятся к одной цели. Вливаемся в общий поток, временами сокращая путь — я неплохо знаю переулки и дворы этой округи, когда-то на стадионе поблизости играл в волейбол. Кто-то светит фонариком, кто-то подсказывает дорогу, тут же раздают стальные прутья для баррикад.

Здание Парламента освещено, в больших окнах силуэты людей. До чего же "Белый дом" России не приспособлен для обороны! Как легко будет целиться по окнам из темноты — и как трудно разглядеть штурмующих в темени переулков! Что делать, это гордое здание строилось не для войны.

Начинается дождь. Из нас четверых только Ольга готова к этой неожиданной напасти. Не повторяй наших ошибок, Ларс, — когда пойдешь защищать от танковой атаки Гетеборгскую ратушу, непременно захвати зонтик!

Баррикады вокруг дома возвели не только быстро, но и достаточно качественно — если на штурм пойдет пехота, завалы ее задержат. А вот от танков это не защита: стальная громадина сомнет такую баррикаду за пятнадцать минут.

На что же надеяться?

К счастью, вокруг Парламента не сто пятьдесят человек, и не тысяча, и не десять тысяч — уж никак не меньше пятидесяти. И еще прибывает народ. Одна надежда, что люди не станут убивать людей. Слабая надежда. Ведь солдата, не выполнившего приказ, могут и под расстрел подвести.

В толпе тесно. Лица трудно различимы. Кое-где горят костры. Стоим, ждем. Чего? Этого никто не знает. Что будет, того и ждем.

Вот объявляют в рупор, что с Юго-Запада движутся танки, дают инструкции, как себя вести. Задача — просто стоять на их пути, призывать солдат не стрелять в народ,

но ни в коем случае не оказывать физического сопротивления, не поддаваться на провокации путчистов. Пытаюсь сообразить, какое сопротивление я могу оказать танку, — воображения не хватает.

Снова голос в рупор: танки остановлены, солдаты отказались атаковать Парламент. Но тут же предупреждают о новой, самой реальной и жестокой опасности: к штурму готовятся особые части КГБ. Это профессионалы, умеющие все. Они могут быть в штатском, неизвестно, откуда они пойдут. Что может толпа противопоставить этой угрозе? Увы, только одно: сохранять спокойствие. И тут же очередная новость: на Садовом кольце показались танки. А ведь это совсем близко.

Что чувствует человек в безоружной толпе? Очень остро ощущаешь, как тонка твоя кожа. Не только слон, но и кабан защищен куда лучше, иной раз пожалеешь, что не родился свиньей. И за что мы такие невезучие?

Мой тебе совет, Ларс: как только получишь первый большой гонорар, поезжай в супермаркет и купи бронжилет. Ты даже не представляешь, насколько уверенней будешь себя чувствовать, когда в Гетеборг ворвутся автоматчики...

Опять забота: какой-то бывалый парень объясняет, что делать при газовой атаке. Оказывается, не так уж все сложно — надо просто натянуть на голову пластиковый пакет!

Ларс, какой же я дурак! У Ивонны на кухне целый ящик таких пакетов, она предлагала мне три или четыре, можно было выбрать самый модный, а я отказался. Когда и у вас начнется, слушайся Ивонну, она дурного не посоветует. Можешь забыть дома кредитную карточку, даже водительские права — но пластиковый пакет всегда держи при себе...

Ты знаешь, после небольшого перерыва я вновь сел за стол и вдруг почувствовал, как тяжело писать. Я никогда не стремился в диктаторы, поэтому руки у меня не дрожат — но мысли путаются. Слишком многое случилось в эти дни. Только вчера похоронили троих погибших, молодых ребят с удивительно добрыми лицами. У них была разная кровь, русская, татарская и еврейская, но на московской мостовой эта кровь смешалась. Я не знаю, каковы похоронные обычаи в Швеции, но буду благодарен, если, прочитав письмо, ты просто зажжешь три свечи или поставишь на стол три цветка. Кто знает, может, эти три мальчика спасли не только меня с Ольгой, но и тебя с Ивонной — ведь подонки, диктаторы на трое суток, уже успели выкрасть у законного президента ключ от ядерных ракет.

Ты наверняка знаешь из газет, как все закончилось. Но должен признаться: даже утром двадцать первого августа мне казалось, что мятеж победит, уж слишком неравны были силы. К счастью, я ошибся: человеческая кожа оказалась надежней брони. Россия вооруженная отказалась стрелять в Россию безоружную.

Итак, фашисты не прошли. Постепенно начинается нормальная жизнь, и я надеюсь хотя бы к концу недели вернуться к повести о любви. По-прежнему магазины почти пусты, впереди очень трудная зима и, скорее всего, голодная весна — зато люди вокруг улыбаются. Теперь мы с тобой снова равны в главном: мы оба живем в свободных странах, нас не давит цензура, мы не боимся чужого уха в телефоне и ночного стука в дверь. Но есть и разница — для тебя это норма, а для меня счастье...

Я все-таки задумался: а какое отношение имеет это письмо к нашей дискуссии? Как происшедшее связано с искусством?

Да почти никак. Разве что забавная и приятная деталь: в столь неподходящей обстановке ко мне несколько раз подходили за автографом. Значит, среди защитников "Белого дома" России были и мои читатели. А один парень, который обе опаснейшие ночи провел на баррикадах, сказал мне, что эти дни в его жизни самые счастливые, потому что он совсем рядом видел писателей Евтушенко, Адамовича, Черниченко и популярного эстрадного актера Хазанова.

Впрочем, если бы переворот удался, его связь с искусством могла бы стать куда более тесной. Как выяснилось, организаторы путча уже заказали на одном из заводов двести пятьдесят тысяч пар наручников. Как ты понимаешь, наручники не бумажные салфетки, их можно использовать многократно. Убежден — новые диктаторы уж никак не обошли бы своим вниманием художников. Не исключаю, что и для меня нашлась бы какая-нибудь заваливающая пара стальных колец, и счастлив, что нет необходимости проверять это предположение.

Кстати, мы с Ольгой ни минуты не сомневались, что в этом нерадостном случае ты, Мика, Рольф, Андерс, Лена и Иоран попытаетесь мне помочь. Хотя вряд ли ваши усилия что-либо изменили бы. Во-первых, диктатура питается человечиною и не любит, когда у нее из пасти вырывают кость. А во-вторых, у двухсот восьмидесяти миллионов моих соотечественников нет близких друзей в Швеции — кто помог бы им?

Вот, мой друг, пожалуй, и все. Я дал тебе в этом письме целую кучу весьма полезных советов — от всей души желаю ни одним из них не воспользоваться...

Август 1991

Валерий Полищук

"МЫ, ОГЛЯДЫВАЯСЬ, ВИДИМ ЛИШЬ РУИНЫ..."

Я литератор, однако первую свою профессию, химию, не покидаю. Отработал десяток лет редактором отдела в журнале "Химия и жизнь", но потом вернулся в родную лабораторию: в той должности порой чувствовал себя чем-то вроде вольного волка, которому вздумалось наняться в сторожевые псы. У самого-то отношения с редакторским корпусом не всегда идиллические...

В тот понедельник меня разбудил ранний звонок: "Включай радио — военный переворот!"

Нормально! Чего еще ждать от этих начальничков?

Позавтракал, послушал "Свободу" и двинулся в институт. К забастовке, честно признаюсь, не примкнул. Наука, которой я занят, ничем не могла содействовать гэкачепистам. Трудился с полной выкладкой: на все здание гремела трансляция то российского радио, то "Свободы", вести шли не больно-то веселые, и я успокаивал себя ручным трудом. Как домохозяйка, которая, чтобы не нервничать, вяжет. Завозился до того, что коллеги, отправляясь на митинг, забыли меня позвать.

Хлопоча около хроматографа (а он у нас такой, что если его раскошегаришь, то уж нельзя отходить), я соображал: какой же это, к черту, переворот? Переворот — значит, кого-то сваливают, свергают. А здесь-то все на своих местах, при своих креслах. Одного только президента где-то заперли и врут, будто болен. Но не валят и со временем, вероятно, тоже вернут. И тут я смекнул: все равно — настоящий переворот. Только свергают не начальников, а нас, возомнившее о себе простонародье. Моего друга Мишу, который вздумал устроить независимое издательство; Гену, который не пропускает ни одного митинга; Илью, который из мэнээсов взлетел в депутаты. Да и меня, сочиняющего вольнодумные повести. Танки, десантники и прочая неодолимая сила — все это прикатило специально для нас. Какая честь, едрить их!

Назавтра уж митинга не пропустил. Добираясь с друзьями до "Баррикадной" (надо же, какое прозорливое название!), ожидал увидеть у "Белого дома" воинственную, но небольшую кучку диссидентов. А застал громадное, по-московски шумное и благодушное собрание. Никогда, а особенно в последние взвинченные годы, не видел соотечественников такими внимательными друг к

другу, такими, если угодно, сентиментальными. О таком состоянии толпы приходилось разве что читать в книжках про девятьсот пятый год, когда и стояли здесь те, прославленные в названии станции метро, баррикады; когда даже охотнорядцы прибегали, спрашивая, не надо ли чем помочь...

Нынешние баррикады, кстати, показались, на инженерный глаз, несерьезными, декоративными. Хороший бульдозер своротил бы их в пять минут. Ребята, впрочем, потом говорили, что к ночи туда основательно подсыпали разного тяжелого материала вплоть до нескольких машин расползшегося по соседству американского посылства (потом, конечно, принесли США официальные извинения).

Правду сказать, я не больно-то люблю маячить в толпе. Растворяться в ней не привык, а инородное тело она вынюхивает звериным чутьем — и отторгает. Однако здесь, слушая яростные, не всегда искусные речи, растворялся с полным блаженством. Незнакомые люди совали мне листовки, воззвания, приглашали послушать карманный приемник (как раз заговорило встреченное восторженным гулом "Эхо Москвы"). Я же оделял их сушками, которые наша хозяйственная компания прихватила из лаборатории. Становилось ясно, что путч не пройдет. Такие дела проворачивают либо мигом, либо никогда. Однако пустить кровь, и немалую, эти дуболомы еще могут. Каких-то сильных чувств команда, обозначившая себя как "советское руководство", у меня не вызвала; не тянули они на сильные чувства.

Это ощущение не было новым. Давным-давно, сначала бессловесно, а потом и вполне осознанно я пришел к такой формуле: если ты не держишь этих людей за людей — так не ешь же из их рук, не покупайся на должности, премии или какую-нибудь заграничку. Держатели командных высот уже не были педантичны в людоедстве, их разъедала изнеженность, и такая несложная философия позволяла мирно жить на общих основаниях, берясь лишь за ту работу, которой можно не стыдиться. Думаю, я не один такой. Российские жители все-таки не стали еще поголовными пьяницами, за бутылку готовыми на любой беспредел. Посмотрите, сколько кругом надежных, знающих свое дело мужиков, всегда согласных трудиться на совесть за честную плату. Если, конечно, их не заставляют клепать какие-нибудь наручники... Такие люди (это — к вопросу о нынешних абсурдных дискуссиях) давно созрели для рынка, да, по существу, и раньше жили по его законам.

Вечером я услышал по радио сначала приказ о комендантском часе, потом призыв снова собраться у "Белого дома". Засобирался было, но меня отговорила жена: за-

чем, мол, суетиться тебе, пожилому дядьке, там ведь полно молодежи. История эта, может, еще надолго, не последняя ночь, ребята устанут, им понадобится смена. Дал себя уговорить, но всю ночь ворочался. Наутро она меня успокоила: все спокойно, радио сообщает — штурма не было.

Снова пошел на работу, куда явились и те, кто бессонно стоял у баррикады. От них узнал, что было не так уж спокойно, есть убитые... Там было много наших, рядовых из Академии наук. Ведь пугливые старцы из ее президиума — каста очень малочисленная.

Кликнули на собрание, и народ наконец-то стал обсуждать, как бы поставить дело порядочным образом. Составить список дружины с твердым графиком дежурств, комитеты по сбору медикаментов и еды; раздобыть транспорт... Замдиректора: администрация института готова помочь всем, чем может. Есть автобус — берите его; собирайте противогазы — они могут пригодиться. Тут же выступают те, кто еще не вышел из партии, — объявляют, что теперь уж точно выходят (а ГКЧП и ЦК еще вроде царствуют).

В обеденный час шагаем по двору — навстречу сияющий слесарь: "А фраера-то эти — тью-тью, драпают во Внуково!" "Ну да, — отвечаем, — Сталин с Берией уехали в Китай, Будда улыбается. Читали!" — "Верно говорю, ребята, только что по радио слыхал"...

Ну и шелупонь! Чуть прижали этому "руководству" гайку — снялось и дало деру, будто шайка мелких воришек. Радио торопливо прокричало, что перехватить их не успели, самолет взлетел и несется куда-то в Киргизию. Ну уж дудки! Не долетят. ВВС-то за Ельцина, приземлят рабов божьих где-нибудь на Урале. Долетели. Но не до Киргизии, а до Крыма. К пленному своему начальнику. Зачем? Плакаться в жилетку или умолять, чтобы прикрыл? Вскоре узнаем: не пустил, не принял. Значит, намерен их сдать...

На том, собственно, и угасла величайшая из империй, вспыхнувшая напоследок, подобно сверхновой звезде, на космическую секунду, равную семидесяти с гаком земным годам. Громыкнула, опалила полсвета — и оставила своих жителей переламываться, отвыкать от этой каннибальской романтики. Знаю по себе: признаваться в грешках, слабостях, даже злодействах не так уж трудно. Куда тяжелее вдолбить себе самому, что ты — маленький, обыкновенный. Не подпольный подавленный гений, каких от века лелеяла отечественная словесность, а рядовой, ничем не лучше тех, кто проживает в затхлой, но очень искусной в труде Европе или в просторной, однако столь же усердной Америке.

Зато у тебя есть столь же обыденное, рядовое право

достойно жить в своем доме, не опасаясь мобилизаций или контрибуций, получать за честный труд справедливую плату — и заслушивать нешуточные отчеты нанятого тобою (вот так-то!) начальства о проделанной им работе. Так оно, видимо, и будет, когда государство из первобытной рэкетирской лавочки превратится наконец в то, чем оно и должно быть, — в грандиозную страховую компанию, добросовестно обслуживающую своих пайщиков (граждан). Пока же, как сказано у Иосифа Бродского, мы, оглядываясь, видим лишь руины; даже кавычки ни к чему. Взгляд, конечно, "очень варварский, но верный", однако в том же четверостишии — лукавая справка: сообщает-то сие наблюдение раб.

Свободный же человек, если хорошенько приглядится к окружающей повседневности, возможно, усмотрит и кое-что помимо.

Даже самому забитому народу ничего не навяжешь силой, вспомните-ка Гитлера, уж с какой силищей наваливался... Из этого, однако, следует и другое, не столь лестное: Сталин-то и прочие крутые большевики, выходит, в свое время нашим народам подходили. Вообразите где-нибудь в двадцать пятом году всенародный, предельно демократический референдум. Что, мол, выберете, братцы: неспешную, на полвека, тягомотину с постепенным всеобщим просвещением и постепенным же вращением в современную технологию — или молодецкий, в кратчайший срок, прорыв в мировые первачи, но с подтягиванием поясов, с отрубанием кое-каких головушек? Не уверен, что при такой постановке вопроса вождям пришлось бы фальсифицировать результаты голосования. Большинство молодого, напористого, скорого на мордобой народа и без того предпочло бы их вариант.

Теперь страну населяют другие люди. Нет в них, может быть, той первобытной широты и удали, зато страна уже — не всевозможная ("убогая — обильная — могучая — бессильная"; как же сладостно смаковали долгие годы этот беспомощный перечень эпитетов), сиречь никакая, а конкретная, с реальными, строго определенными свойствами и возможностями. Сообразно им, по уму, и надлежит действовать в дальнейшем.

В том же, что обратного хода уже не будет, я окончательно убедился, позвонив одному из моих пожилых знакомых, тертому человеку с большим партийным стажем. Спрашиваю, как здоровье, а он благоговейно отвечает: улучшается с каждым днем торжества демократии. Если уж этот осторожный Тартюф так заговорил — можете быть уверены, они не ошибаются.

Я не очень-то верю скороспелым богомольцам с многолетним стажем атеистической работы, да и недавним комсомольским вождям, наскоро прекроившим номен-

клатурные пиджаки в уважаемые смокинги. У этой публики одно призвание: плавать поверху. Мешать бы им, впрочем, не стал; может, куда и выплывут. Я больше надеюсь на немногословных работающих людей, которых до сих пор если не большинство, то все же немалая доля. Как среди хлебопашцев, слесарей или инженеров, так и в кругу ученых, военных, предпринимателей, изобретателей... Долгие годы из каждого заработанного ими рубля не спросясь умыкали невесты на что копеек восемьдесят. Если сказать им открыто: ребята, отдавать придется и дальше. Может быть, даже до полтинника. Вот вам баланс: страна в разоре, десятки миллионов сограждан уже не работники, кто по немощи и старости, кто и по неумению, пьянству (а что делать? тоже ведь люди). Им всем придется помогать. Отчитываться будем ежемесячно и без лукавства. Вполне возможно, что совестливые люди снова возьмутся за тягло и опять, в который уже раз, вытнут свою непутевую державу.

...Стало модно цитировать Библию — книгу Исход: сорок лет Моисей водил свой народ по пустыне, пока не подросли поколения, не знавшие рабства. Метод проверенный, что и говорить, — вопрос только, не разбегутся ли эти самые поколения. То, что происходит сейчас, и впрямь смахивает на строительство грандиозной Синайской пустыни на одной шестой земной тверди, но все же я хотел бы напомнить о другой, куда менее популярной у нас книге Писания — книге Неемии:

"И встал Елияшив, великий священник, и братья его священники, и построили Овечьи ворота...

И подле них строили Иерихонцы, и подле них строил Заххур, сын Имрия.

...Подле них чинил стену Меремоф, сын Урии, сын Гаккоца..."

В Исходе рассказано, как евреи уходили от рабства — а под водительством Неемии они возвращались на волю. Не ближе ли это тем, кто никуда не уезжает? Вчитайтесь в эту скромную книгу. Она увековечила имена тех, кто два с половиной тысячелетия назад истоиво, без лишних слов восстанавливал разрушенный ассирийцами Иерусалим, кто охранял его, кто непроезжими дорогами, теряя семью и имущество, пробирался к родным стенам.

Эту бы книгу — да почаще вспоминать. Тогда, может, и сорока лет не понадобится.

Сентябрь 1991

Читайте в первом выпуске 1992 года:

Дэн РОБЕРТС
Поставь на карту жизнь

Валентин КОРОЛЕВ
Личное дело

Алекс СЛОНБИ
Как быть советским

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Ларс ХЕССЛИНГ
Дар? Наркотик? Безумие?

Читайте в этом выпуске:

Ладислав ФУКС. ДЕЛО СОВЕТНИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ

Румянец еще пылал на его щеках, и улыбка блуждала на губах, когда он совсем близко услышал выстрел. В затылке что-то кольнуло, будто комар укусил, в голове раздался грохот... и ярчайший свет, удивительный цветок из света, расцвел и разлетелся фейерверком из тысячи огней. В ослепительном сверкании Юрг увидел как на ладони весь Оттиген, лица ребят, родителей, брата и сестры... Это было последнее, что он увидел в бедной своей земной жизни.

Геннадий Гацуря. КУРОРТНАЯ МАФИЯ.

Милицейская "Волга" остановилась и задом подъехала к месту аварии. Двое вышли из машины, оглянулись по сторонам и быстро спустились с насыпи. "Москвич" врезался в большой тополь. Луч фонарика выхватил силуэт наполовину вывалившегося из машины водителя, его лицо было залито кровью. Человек в куртке склонился над телом и сказал милиционеру:

— Бей по голове... Еще разок. Ишь, писака, Юлиан Семенов выискался. Не таких обламывали...

Заочный "круглый стол" «ДИПа»

ПУТЧ: до, во время, после